

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 11 № 3 / 2021

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 11 № 3 / 2021

**Известия Юго-Западного
государственного университета.**

Серия: История и право

**(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, криминалистика, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Исторические науки и археология: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Юридические науки: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Политология: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, доцент, Региональный открытый социальный институт (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Глухова Александра Викторовна, д-р полит. наук, профессор, Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Курбанов Рашад Афатович, д-р юрид. наук, профессор, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Ларина Ольга Григорьевна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Марковичева Елена Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Москва, Россия)

Молокова Маргарита Александровна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Устинович Елена Степановна, д-р полит. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, профессор (г. Курск, Россия)

Чубаров Вадим Витальевич, д-р юрид. наук, профессор, Торгово-промышленная палата Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.
Подписной индекс журнала 44296
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 25.06.2021.

Дата выхода в свет 30.06.2021. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 28,6.

Тираж 1000 экз. Заказ 28.

16+

© Юго-Западный государственный университет, 2021

Материалы журнала доступны
под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU.

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Historical Studies and Archaeology: 07.00.02; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10.

Juridical Studies: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.03; 12.00.06; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.14.

Political Studies: 23.00.02; 23.00.04; 23.00.05.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Russia, Kursk)

EDITORIAL BOARD

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Regional Open Social Institute (Russia, Kursk)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Russia, Kursk)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo)

Aleksandra V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Russia, Moscow)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Chairman of the Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Russia, Kursk)

Rashad A. Kurbanov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Olga G. Larina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Elena V. Markovicheva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Russia, Moscow)

Margarita A. Molokova, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Russia, Kursk)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Russia, Izhevsk)

Elena S. Ustinovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Vadim V. Chubarov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (Russia, Moscow)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Russia, Kursk)

Founder and Publisher :
“Southwest State University”

Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

16+

© Southwest State University, 2021

Publications are available in accordance with
the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printer 25.06.2021.
Release 30.06.2021. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 28,6 .
Circulation 1000 copies. Order 28.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	10
Воззрения дореволюционных отечественных ученых-цивилистов на проблемы развития гражданского законодательства в Российской империи.....	10
<i>Тюленева М. А.</i>	
Источники права Молдавии XVI–XVII веков.....	17
<i>Погорлецкая И. И.</i>	
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	28
Правовые аспекты контроля в сфере реализации репродуктивных прав лицами, страдающими психическими расстройствами.....	28
<i>Ильина О. Ю., Русаковская О. А.</i>	
Трансформация частного права: ведение бизнеса в социальной сети.....	42
<i>Богдан В. В.</i>	
Нормативно-правовая регламентация статуса некоммерческих организаций, действующих в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав.....	53
<i>Барковская Л. Е.</i>	
Принцип приоритетного соблюдения прав авторов при несостоятельности (банкротстве) юридических и физических лиц.....	65
<i>Козлова М. В.</i>	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	74
Миграционная преступность: эволюция в условиях пандемии.....	74
<i>Милюков С. Ф.</i>	
Международно-правовые акты противодействия незаконной миграции	83
<i>Урда М. Н.</i>	
Судимость в уголовном праве восточноевропейских государств.....	96
<i>Бимбинов А. А., Воронин В. Н.</i>	
Использование блокчейн-технологий для противодействия неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.....	109
<i>Гребеньков А. А.</i>	
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	120
Проблема «антиковидных» ограничений прав и свобод граждан в практике российского административного правосудия.....	120
<i>Брежнев О. В.</i>	
ПОЛИТОЛОГИЯ	130
Международный терроризм в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.....	130
<i>Шедий М. В., Малик Е. Н.</i>	
Молодежный парламентаризм в современной России: трансформация политико-правовой природы	145
<i>Заслонкина О. В.</i>	
Участие Германии в реализации программ постконфликтного восстановления, стабилизации и развития (на примере Балкан).....	154
<i>Тишков С. А.</i>	

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	166
«Пошел так, попал в кабак»: о причинах распространения питейных домов после винной реформы 1863 года.....	166
<i>Горюшкина Н. Е.</i>	
Из опыта работы по рационализации и изобретательству на промышленных предприятиях Курской области в 1950–1970-е годы.....	177
<i>Коровин В. В., Головин Е. А., Копылов Н. К.</i>	
Функционирование традиционной православной культуры в СССР 1940–80-х годов как историографическая проблема: ключевые вопросы и возможные пути их решения	189
<i>Апанасенок А. В., Пудякова И. С.</i>	
Первые спортивные атлетические общества в Курске начала XX века	201
<i>Цуканова О. М., Карпова Г. Г.</i>	
Из истории восстановления здравоохранения Курской области (1944–1950 годы).....	210
<i>Яценко М. В.</i>	
К вопросу о комплексном освоении водных ресурсов среднеазиатских республик СССР в послевоенные годы (1945–1991 годы).....	220
<i>Шукуров С. М.</i>	
Городские афиши о художественных событиях Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX века.....	228
<i>Ткачев В. В.</i>	
Деятельность отдела пропаганды и агитации Курского обкома ВКП(б) по работе с районными газетами в начальный период Великой Отечественной войны.....	237
<i>Бормотова А. Р.</i>	
К сведению авторов	246

CONTENT

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW	10
Views of Pre-Revolutionary Russian Civil Scientists on the Problems of the Development of Civil Legislation in the Russian Empire.....	10
<i>Marina A. Tyuleneva</i>	
Sources of the Right of Moldova XVI–XVII Centuries.....	17
<i>Irina I. Pogoretskaya</i>	
CIVIL LAW	28
Legal Aspects of Monitoring the Implementation of Reproductive Rights by Persons Suffering from Mental Disorders.....	28
<i>Olga Y. Ilyina, Olga A. Rusakovskay</i>	
The Development of Private Law: Doing Business in a Social Network.....	42
<i>Varvara V. Bogdan</i>	
Normative Legal Regulation of the Status of Non-Profit Organizations Operating in the Field of Implementation and Protection of Intellectual Rights.....	53
<i>Ludmila E. Barkovskaya</i>	
Principle of Priority Observance of Authors' Rights in Insolvency (Bankruptcy) of Legal Entities and Individuals.....	65
<i>Mariia V. Kozlova</i>	
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY	74
Migration Crime: Evolution in a Pandemic.....	74
<i>Sergey F. Milyukov</i>	
International Legal Acts Against Illegal Migration.....	83
<i>Margarita N. Urda</i>	
Criminal Law Judgment in Eastern European States.....	96
<i>Arseny A. Bimbinov, Vyacheslav N. Voronin</i>	
The use of Blockchain Technologies to Counter Illegal Influence on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation.....	109
<i>Alexander A. Grebenkov</i>	
ADMINISTRATIVE LAW	120
The Problem of "Anti-COVID" Restrictions on the Rights and Freedoms of Citizens in the Practice of Russian Administrative Justice.....	120
<i>Oleg V. Brezhnev</i>	
POLITICAL SCIENCE	130
International Terrorism in the Context of Ensuring the National Security of the Russian Federation	130
<i>Mariya V. Shedij, Elena N. Malik</i>	
Youth Parliamentarism in Modern Russia: Transformation of the Political and Legal Nature.....	145
<i>Olga V. Zaslonskaya</i>	
Participation of the Federal Republic of Germany in Post-Conflict Recovery, Stabilization and Development Programs Implementation (by the Example of the Balkans).....	154
<i>Sergey A. Tishkov</i>	

HISTORICAL SCIENCES	166
"I was Going this, I got in a Kabak": About the Reasons for the Spread of Drinking Houses after the Wine Reform of 1863.....	166
<i>Natalia E. Goryushkina</i>	
From the Experience of Work on Rationalization and Invention at Industrial Enterprises of the Kursk Region in the 1950-1970s.....	177
<i>Vladimir V. Korovin, Evgeny A. Golovin, Nikita K. Kopylov</i>	
Functioning of Traditional Orthodox Culture in the USSR of the 1940s-1980s as a Historiographical Problem: Key Issues and Possible Solutions.....	189
<i>Alexander V. Apanasenok, Irina S. Pudyakova</i>	
The first Sports Athletic Societies of the Kursk Early Twentieth Century.....	201
<i>Olga M. Tsukanova, Galina G. Karpova</i>	
From the History of the Restoration of Health Care in the Kursk Region (1944–1950)	210
<i>Maria V. Yatsenko</i>	
On the Issue of Integrated Development of Water Resources of the Central Asian Republics of the USSR in the Post-War Years (1945–1991).....	220
<i>Sino M. Shukurov</i>	
City Posters About Artistic Events in Baikal Siberia in the Second Half of the 19th - early 20th Centuries.....	228
<i>Vitaliy V. Tkachev</i>	
Activities of the Department of Propaganda and Agitation of the Kursk Regional Committee of the CPSU (b) to Work with District Newspapers in the Early Period of the Great Patriotic War	237
<i>Alexandra R. Bormotova</i>	
INFORMATION FOR AUTHORS	246

УДК 340

Воззрения дореволюционных отечественных ученых-цивилистов на проблемы развития гражданского законодательства в Российской империи

М. А. Тюленева¹ ✉

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского
пр. Гагарина 23, г. Нижний Новгород 603950, Российская Федерация

✉ e-mail: tyuleneva_ma@mail.ru

Резюме

Актуальность. Продолжающееся в Российской Федерации реформирование правовой системы затрагивает и сферу гражданского законодательства. В гражданско-правовой доктрине существует плюрализм мнений относительно дальнейшего структурирования системы права, в частности целесообразности выделения отраслей предпринимательского права и торгового права. Являясь наиболее масштабной и требующей значительных интеллектуальных и временных ресурсов формой систематизации нормативно-правовых актов, процесс кодификации сопровождается определенными трудностями на каждом историческом этапе развития государства. Например, дискуссия о целесообразности раздельной кодификации торгового и гражданского законодательства существовала среди представителей юридической науки середины XIX века и до настоящего времени остается актуальной. Также и проблема распространения действия Гражданского уложения конца XIX – начала XX века на всю территорию многонационального государства была актуальна для дореволюционной правовой системы.

Цель статьи заключается в проведении исследования воззрений дореволюционных ученых-цивилистов на проблемы развития гражданского законодательства в Российской империи.

Задачами исследования определены анализ дореволюционных монографических и периодических источников, а также раскрытие основных проблемных вопросов в развитии систематизации и структурирования дореволюционного гражданского законодательства.

Методология. В качестве методологической основы исследования использованы диалектический, исторический, сравнительно-правовой методы.

Результаты проведенного исследования позволили сделать определенные выводы о направленности воззрений дореволюционных ученых-цивилистов на проблемы развития гражданского законодательства в Российской империи.

Выводы. Автору удалось установить, что: 1) по поводу направлений кодификационной деятельности в изучаемый период возникли две основные точки зрения, согласно которым можно было бы создать единый унифицированный акт или провести отдельную кодификацию норм гражданского законодательства центра и окраин Российской империи (В. Д. Спасович, Н. А. Тур); 2) относительно проблемы структурирования отрасли гражданского права позиции исследователей также разделились на 2 точки зрения, а именно: необходимость раздельной кодификации торгового и гражданского права (В. Н. Лешков, Н. А. Тур, О. Я. Пергамент, П. П. Цитович) и включение торгового права в сферу законодательного регулирования гражданского права (В. Д. Спасович).

Ключевые слова: Гражданское уложение; кодификация; гражданское законодательство; Российская империя.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Тюленева М. А. Воззрения дореволюционных отечественных ученых-цивилистов на проблемы развития гражданского законодательства в Российской империи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 10–16.

Поступила в редакцию 15.04.2021

Принята к публикации 18.05.2021

Опубликована 26.04.2021

Views of Pre-Revolutionary Russian Civil Scientists on the Problems of the Development of Civil Legislation in the Russian Empire

Marina A. Tyuleneva¹ ✉

¹Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation

✉ e-mail: tyuleneva_ma@mail.ru

Abstract

Relevance. The ongoing reform of the legal system in the Russian Federation also affects the sphere of civil legislation. There is a pluralism of opinions in the civil law doctrine regarding the further structuring of the legal system, in particular, the expediency of separating the branches of business law and commercial law. Being the most extensive and requiring significant intellectual and time resources form of systematization of normative legal acts, the process of codification is accompanied by certain difficulties at each historical stage of the development of the state. For example, the discussion about the feasibility of separate codification of commercial and civil legislation existed among representatives of legal science in the middle of the XIX century and remains relevant to this day. Also, the problem of the extension of the Civil Code of the late XIX-early XX centuries. the entire territory of the multinational state was relevant for the pre-revolutionary legal system.

The purpose of the article is to study the views of pre-revolutionary civil scientists on the problems of the development of civil legislation in the Russian Empire.

The objectives of the research are the analysis of pre-revolutionary monographic and periodical sources, as well as the disclosure of the main problematic issues in the development of systematization and structuring of pre-revolutionary civil legislation.

Methodology. Dialectical, historical, and comparative-legal methods are used as the methodological basis of the study.

Results of the study allowed us to draw certain conclusions about the orientation of the views of pre-revolutionary civil scientists on the problems of the development of civil legislation in the Russian Empire.

Conclusion. The author managed to establish that 1) regarding the areas of codification activity in the period under study, two main points of view emerged, according to which it would be possible to create a single unified act, or to conduct a separate codification of the norms of civil legislation in the center and outskirts of the Russian Empire (V. D. Spasovich, N. A. Tur); 2) regarding the problem of structuring the civil law branch, the researchers' positions were also divided into 2 points of view, namely: the need for separate codification of commercial and civil law (V. N. Leshkov, N. A. Tur, O. Ya. Parchment, P. P. Tsitovich), and the inclusion of commercial law in the sphere of legislative regulation of civil law (V. D. Spasovich).

Keywords: Civil code; codification; civil legislation; Russian Empire.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tyuleneva M. A. Views of Pre-Revolutionary Russian Civil Scientists on the Problems of the Development of Civil Legislation in the Russian Empire. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 10–16. (In Russ.)

Received 15.04.2021

Accepted 18.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Во второй половине XIX в. в Российской империи назрела объективная необходимость реформирования многих отраслей права. В сфере цивилистики наиболее актуальным, а в связи с этим дебатированным, являлся вопрос об осуществлении кодификации гражданского законодательства. Как указывал российский юрист А. Каминка, «Свод Законов Российской империи объективно не мог выполнять возложенные на него задачи основного источника права, так как он составлялся как первая ступень в работе русского Гражданского Уложения, и X том уже в 1832 году признавался не удовлетворяющим потребностям, играющим временную роль переходного звена на пути к Уложению» [1, с. 4]. Кроме того, в результате проведения Судебной реформы 1864 г. изменились положения как об уголовном, так и о гражданском судоустройстве и судопроизводстве. В связи с этим необходимо было привести нормы материального права в соответствие с процессуальными нормами в целях обеспечения гарантии реализации принципов отправления правосудия, начавших функционирование в результате проведения Судебной реформы 1864 г.

Методология

В качестве методологической основы исследования использованы диалектический, исторический, сравнительно-правовой методы, применение которых позволило проанализировать подходы дореволюционных ученых-цивилистов к реформированию гражданского права.

Результаты и их обсуждение

Наиболее широкое освещение проблема кодификации гражданского законодательства получила в 1875 г. в процессе работы 1-го Всероссийского съезда юристов в Москве. Председателем Съезда был избран сенатор Н. В. Калачов, товарищами председателя: В. Н. Лешков и

В. Д. Спасович, а секретарями: А. М. Фальковский и Ф. Н. Плевако [2, с. 32].

Как вспоминал К. К. Арсеньев, инициатором созыва съезда являлся профессор С. И. Баршев [3, с. 2]. Принимая во внимание определенный консерватизм взглядов ученого по вопросам реформирования отраслей права, нельзя не признать, что в данном случае он являлся новатором, поскольку подобного глобального съезда юристов в России ранее не проводилось. Однако реализацией этой идеи занималось московское юридическое общество во главе с В. Н. Лешковым.

Оценивая значение данного масштабного мероприятия, следует согласиться с К. К. Арсеньевым, который считал, что проведение подобных съездов на регулярной основе способствовало бы выявлению недостатков находящихся на обсуждении законопроектов. Актуальные предложения участников съезда могли бы использоваться законодателем при разработке окончательной редакции того или иного законопроекта. Кроме того, заключения съезда по иным, не связанным с законотворческой деятельностью вопросам, могли бы оказывать содействие кассационным департаментам Сената, а также способствовать дальнейшему развитию научных разработок по выявленным актуальным и проблемным правовым вопросам [3, с. 6–7].

Представляется, что особенно проведение подобных съездов имело бы положительное значение в начале XX в., поскольку именно в этот период осуществлялась оживленная деятельность по реформированию различных отраслей законодательства. К сожалению, в дальнейшем подобного столь глобального мероприятия осуществлено не было.

В программе съезда 1875 г. затрагивались многие спорные и актуальные вопросы русской юридической жизни по всем важнейшим разделам законодательства и предлагались разные способы их целесообразного разрешения. В частно-

сти, предметом обсуждения участников съезда являлись вопросы подготовки нового Гражданского уложения Российской империи [2, с. 15].

В. Д. Спасович выступил в качестве диспутанта по докладу М. П. Соловьева и А. М. Фальковского «Об издании Гражданского уложения Российской империи» [4, с. 23].

Следует отметить, что мнение В. Д. Спасовича формировалось в обстановке существовавшей дилеммы относительно выбора наиболее целесообразного способа кодификации гражданского законодательства в связи с многонациональностью населения Российского государства.

В целом дискуссия среди участников съезда развернулась по поводу двух возможных вариантов. С одной стороны, можно было решить эту проблему глобально, проведя кодификацию законодательства с изданием единого унифицированного акта, который бы распространялся на всю территорию Российской империи. В данном случае представляется, что этот способ требовал больших усилий и временных затрат. Кроме того, существовала вероятность возникновения проблем с тем, что могли не быть учтены национальные особенности того или иного народа. С другой стороны, можно было бы на первых порах ограничиться реформированием только российского гражданского законодательства [5, с. 325–326]. В данном случае, представляется, оставалась бы проблема несогласованности законодательства и судебной практики в различных частях Российской империи. Кроме того, невозможно было бы ожидать хотя бы приблизительного единообразия судебной практики.

В. Д. Спасович придерживался второй точки зрения, поскольку выступал против искусственного навязывания имперского законодательства вместо местных законов, поскольку любое искусственное принудительно интегрированное извне явление могло натолкнуться на активное сопротивление коренного населения. В. Д. Спасович

полагал, что «только единство политических норм может быть отстаиваемо как необходимое условие, а единство гражданских норм, хотя и возможно, но вовсе не желательно... Посему всю силу души отвергая, как несвоевременную, всякую мысль об объединении гражданского права русской империи с отменой местных законов, я стою за более скромную задачу новой кодификации великорусского гражданского права и если это совершится удачно, то очень может быть, что новый кодекс пожелают себе усвоить те страны, которые сейчас управляются своими местными законами» [2, с. 78]. Именно данная точка зрения нашла одобрение большинства участников съезда.

Подобного мнения придерживался и Н. А. Тур, который считал, что при составлении Гражданского уложения в приоритетном порядке должны учитываться нормативные акты центральных частей Российской империи. Кроме того, с его точки зрения, «первоначально Гражданское уложение должно быть приспособлено для применения к тем слоям населения, которые подходят под средний уровень социального развития; разработка предположений об отступлениях, которые могут оказаться необходимыми для применения общих постановлений к населению, стоящему ниже среднего уровня, в частности к условиям крестьянского быта, должна быть отсрочена впредь до утверждения Гражданского уложения в законодательном порядке» [6, с. 10]. Представляется, что данная точка зрения не была бы разделена В. Д. Спасовичем, поскольку ученый выступал за равенство прав различных сословий и крайне негативно бы отнесся к ущемлению прав населения по сословному принципу.

Говоря о технике построения Гражданского уложения, В. Д. Спасович призывал заимствовать положительный опыт иностранных государств. Однако ученый предостерегал от заимствований французского или немецкого законодательства, предлагая проанализировать возможность

восполнения пробелов ч. I т. X Свода законов Российской империи положениями родственных славянских законодательств, например, русско-литовским и древнепольским [5, с. 327–330].

В. Д. Спасович полагал, что для кодификации русского гражданского законодательства необходимо, чтобы к ней было подготовлено общественное мнение, сложились подходящие общественные условия. Он отмечал: «Не рецепт нужен и не торопливость, а нужны ясный практический смысл и живое ощущение потребностей современности. Никакая наука дать этих качеств не может, их дают только вдохновение и талант» [5, с. 335]. В связи с этим М. М. Винавер отмечал: «Задача наших общественных, и по преимуществу ученых сил... приложить свое умение к тому, чтобы путем воздействия в литературе, в публицистике, в ученом обществе вдохнуть дух живой в собираемое огромными усилиями здание нашего гражданского законодательства» [7, с. 269].

Также и российский юрист С. В. Пахман считал, что «работа уложения должна быть направлена к тому, чтобы закон, по возможности, стал в уровень с действительными и настоятельными потребностями жизни» [8, с. 194].

Еще одним из проблемных в юридической науке являлся вопрос о включении в будущее Гражданское уложение постановлений о торговых сделках, продемонстрировав проблему соотношения торгового и гражданского права и целесообразности их смешения [9, с. 98].

В связи с этим на заседании 1-го Всероссийского съезда юристов, состоявшемся 6 июня 1875 г., В. Н. Лешков представил доклад на тему: «О праве промышленности как об основании для отличия прав торгового и вексельного от гражданского». Докладчик придерживался точки зрения о необходимости раздельной кодификации торгового и гражданского права, которая была характерна для многих российских

правоведов конца XIX в. Так, Н. А. Тур объяснял свое мнение о раздельной кодификации гражданского и торгового права тем, что их объединение повлекло бы за собой вынужденное затягивание срока принятия нового Гражданского уложения [6, с. 4–5]. Вместе с тем, с его точки зрения, в Гражданское уложение должны были включаться не все гражданские законы. Изложению в отдельных нормативных актах подлежали, например, постановления гражданского права, входящие в состав Устава об опеках и попечительствах, Устава вотчинного и связанных с этим Уставом законоположений, Устава о несостоятельности, Устава гражданского судопроизводства, Устава горного и подобных отдельных узаконений [6, с. 9].

Исследователь О. Я. Пергамент объяснял необходимость раздельной кодификации торгового и гражданского права различием характеров их институтов. Так, «одни по существу являются – и по цели должны являться – легкими, подвижными, свободными, космополитичными, другие – определенными, строгими, не чуждыми местного и национального колорита» [10, с. 1043].

Профессор П. П. Цитович также указывал, что «гражданское право разъединяет и противопоставляет людей, торговое право их соединяет и подчиняет. Одно право – индивидуально, другое – социальное» [11, с. 1974].

В. Д. Спасович придерживался противоположного мнения, отмечая, что несмотря на наличие положений, которые составляли предмет исключительно торгового права, в рамках торговых правоотношений существовало немало положений, относящихся к сфере гражданского права. Резюмируя свою точку зрения, ученый считал, что торговое право должно входить в сферу законодательного регулирования гражданского права.

Следует отметить, что точка зрения В. Д. Спасовича шла вразрез с мнением

большинства ученых, его современников, а также не нашла отражение при реформировании гражданского законодательства. Уже в марте 1882 г. на начальном этапе разработки проектов новых нормативных актов были разделены работы по составлению проекта нового Торгового уложения и Гражданского уложения [6, с. 1].

Выводы

Дискуссия, развернувшаяся среди российских дореволюционных правоведов-

цивилистов по таким важным вопросам развития гражданского законодательства, как направленность кодификационной деятельности, структурирование данной отрасли и др., убедительно свидетельствует о высоком уровне развития отечественной цивилистической науки и ее благотворном воздействии на формирование гражданско-правовой доктрины, с одной стороны, и запаздывающем характере реформирования гражданского законодательства в Российской империи – с другой.

Список литературы

1. Каминка А. К вопросу о новом гражданском уложении // Право. 1898. № 3. С. 1–8.
2. Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 году / под ред. С. И. Баршева, Н. Б. Калачова, С. А. Муромцева и А. М. Фальковского. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1882. 308 с.
3. Арсеньев К. Двадцатипятилетие первого съезда русских юристов // Право. 1900. № 1. С. 1–7.
4. Скрипилев Е. А. В. Д. Спасович – король русской адвокатуры. М.: Институт государства и права РАН, 1999. 101 с.
5. Сочинения В. Д. Спасовича: в 10 т. Т. III: Статьи, диссертации, лекции юридического содержания. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1890. 546 с.
6. Тур Н. А. О плане разработки гражданского и торгового уложений // Журнал Министерства юстиции. 1897. Т. 3. С. 1–18.
7. Винавер М. М. Гражданская хроника // Вестник права. 1904. Кн. 3. С. 259–274.
8. Пахман С. В. К вопросу о предмете и системе русского гражданского уложения // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Т. 8. С. 193–222.
9. Миридонова В. С. Юридические общества в России (1865–1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 252 с.
10. Пергамент О. Я. К вопросу об объединении торгового и гражданского законодательства // Право. 1900. № 21. С. 1042–1047.
11. Цитович П. П. К вопросу о слиянии торгового права с гражданским // Право. 1900. № 42. С. 1964–1974.

References

1. Kaminka A. K voprosu o novom grazhdanskom ulozhenii [On the issue of the new Civil code]. *Pravo = Law*, 1898, no. 3, pp. 1–8.
2. Pervyi s"ezd russkikh yuristov v Moskve v 1875 godu [The first congress of Russian lawyers in Moscow in 1875]; ed. by S. I. Barsheva, N. B. Kalachova, S. A. Muromtsev and A. M. Falkovsky. Moscow, Tip. A. I. Mamontova and Co., 1882. 308 p.
3. Arsen'ev K. Dvadsatipyatiletie pervogo s"ezda russkikh yuristov [Twenty-fifth anniversary of the First Congress of Russian Lawyers]. *Pravo = Law*, 1900, no. 1, pp. 1–7.

4. Skripilev E. A. V. D. Spasovich – korol' russkoi advokatury [V. D. Spasovich – King of Russian Law]. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 101 p.
5. Sochineniya V. D. Spasovicha. T. III. Stat'i, dissertatsii, lektsii yuridicheskogo soderzhaniya [Works of V.D. Spasovich. Vol. III. Articles, dissertations, lectures of legal content]. St. Petersburg, Tip. F. Suschinsky, 1890, pp. 325–335.
6. Tur N. A. O plane razrabotki grazhdanskogo i torgovogo ulozhenii [On the plan for the development of civil and commercial regulations]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii* = *Journal of the Ministry of Justice*, 1897, no. 3, pp. 1–18.
7. Vinaver M. M. Grazhdanskaya khronika [Civil chronicle]. *Vestnik prava* = *Bulletin of Law*, 1904, no. 3, pp. 259–274.
8. Pakhman S. V. K voprosu o predmete i sisteme russkogo grazhdanskogo ulozheniya [On the issue of the subject and the system of the Russian civil code]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava* = *Journal of Civil and Criminal Law*, 1882, no. 8, pp. 193–222.
9. Miridonova V. S. Yuridicheskie obshchestva v Rossii (1865–1917 gg.). Diss. kand. yurid. nauk [Law Societies in Russia (1865–1917). Diss. cand. legal sci.]. N. Novgorod, 2002. 252 p.
10. Pergament O. Ya. K voprosu ob ob"edinenii torgovogo i grazhdanskogo zakonodatel'stva [On the issue of combining commercial and civil legislation]. *Pravo* = *Law*, 1900, no. 21, pp. 1042–1047.
11. Tsitovich P. P. K voprosu o sliyanii torgovogo prava s grazhdanskim [On the issue of merging commercial law with civil law]. *Pravo* = *Law*, 1900, no. 42, pp. 1964–1974.

Информация об авторе / Information about the Author

Тюленева Марина Александровна, преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация,
e-mail: tyuleneva_ma@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-0619-1683

Marina A. Tyuleneva, Lecturer of the Department of Civil Law and Process, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
e-mail: tyuleneva_ma@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-0619-1683

Оригинальная статья / Original article

УДК 340.15 (075.8)

Источники права Молдавии XVI–XVII веков

И. И. Погорлецкая¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: begass.iren@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящей статье рассматриваются источники молдавского права XVI–XVII веков, а также основные факторы влияния на процессы образования молдавского феодального права. В числе факторов указывается на римско-византийский фактор, славянский фактор, фактор германского влияния. Вопрос о роли и месте некоторых источников молдавского феодального права и в настоящее время остается дискуссионным. Недостаточная изученность источников молдавского права XVI – XVII веков определяет проблематику настоящего исследования.

Целью исследования является определение факторов влияния на процессы образования молдавского феодального права и изучение основных источников права рассматриваемого периода.

Задачи настоящего научного исследования можно определить следующим образом: проанализировать исторические факторы, оказавшие влияние на молдавское право; рассмотреть основные источники права XVI – XVII веков.

Методология. Статья опирается на принципы историзма, методы объективности и научности; хронологический, историко-сравнительный подходы.

Результаты научного исследования позволили сделать выводы о неоднозначности и спорности отдельных источников права Молдавии XVI – XVII веков.

Выводы. Был сделан вывод о том, что отнесение некоторых источников молдавского права к периоду XVI–XVII веков представляется спорным. Вопреки распространенному мнению Шестикнижие Арменопула и Василики, вероятнее всего, получили распространение лишь с XVIII века. Несмотря на неоднозначность в понимании места юридического обычая в числе источников средневекового молдавского права, полностью отрицать его роль как источника права представляется неверным. Данный вопрос требует дальнейшего всестороннего изучения. Требуют дальнейшего исследования такие источники молдавского права, как «капитуляции».

Ключевые слова: средневековье; обычное право; Василики; Уложения Василия Лупу; Шестикнижие Арменопула; «Капитуляции».

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Погорлецкая И. И. Источники права Молдавии XVI – XVII веков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 17–27.

Поступила в редакцию 22.03.2021

Принята к публикации 13.05.2021

Опубликована 25.06.2021

Sources of the Right of Moldova XVI–XVII Centuries

Irina I. Pogoretskaya¹✉

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: begass.iren@mail.ru

Abstract

Relevance. This article discusses the sources of Moldovan law of the XVI - XVII centuries, as well as the main factors of influence on the processes of the formation of Moldovan feudal law. Among the factors are indicated by the Roman-Byzantine factor, the Slavic factor, the factor of Germanic wagism. The question of the role and place of some sources of Moldavian feudal law and is currently remaining discussion. Insufficient study of the sources of the Moldovan Right of the XVI - XVII centuries, determines the issues of this study.

The purpose of the study is to determine the factors of influence on the processes of the formation of Moldovan feudal law and the study of the main sources of the right of the period under consideration.

The objectives of this scientific study can be defined as follows: to analyze the historical factors that influenced the Moldovan law; Consider the main sources of the rights of the XVI - XVII centuries.

Methodology. The article rests on the principles of historicism, methods of objectivity and scientific relations; Chronological, historical and comparative approaches.

The results of scientific research have made it possible to draw conclusions about the ambiguity and disputes of individual sources of the right of Moldova XVI - XVII centuries.

Conclusin. It was concluded that the assignment of some sources of Moldavian law by the period of the XVI-XVII centuries. It seems controversial. Contrary to the common opinion of the hexagonge of Armenopulus and Vasiliki, most likely, they were distributed only from the XVIII century. Despite the ambiguity in understanding the place of legal custom, among the sources of medieval Moldovan law, fully denying his role as a source of law seems not true. This question requires further comprehensive study. Such sources of Moldovan law as "surrender" require further research.

Keywords: Middle Ages; common law; Vasiliki; Code Vasile Lupu; the six-volumes Armenopoulos; "Surrender".

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Pogoretskaya I. I. Sources of the Right of Moldova XVI–XVII Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 17–27. (In Russ.)

Received 22.03.2021

Accepted 13.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Раскрывая источники права Молдавского княжества XVI–XVII вв., необходимо определить основные факторы влияния на процессы правообразования молдавского феодального права указанного периода.

Большинство румынских исследователей XIX–XX вв. (А. Алексиану, Ш. Берекет, В. Богря, Р. Димиу, Х. Замфиреску, Н. Йорга, С. Руссу, Б. Хаджеу, В. Шотропа и др.) считали, что истоки молдавско-

го феодального права следует искать в памятниках римско-византийского законодательства. В. Шотропа пишет: «Нет сомнения в том, что основой происхождения румынского права является классическое римское право» [1, с. 12–13]. Тем не менее утверждение о влиянии римского права на местное законодательство вплоть до XIX в. достаточно спорен. Л. А. Кассо отмечает, что «...даже среди самых горячих румынских патриотов или поклонников придунайских латинян не-

многие решаются защищать голословное утверждение, что гражданское право Западной Римской Империи настолько прочно укоренилось в Дакии во втором веке по Р. Х., что оно могло удержаться там вплоть до образования Молдавского и Валашского княжеств» [2, с. 15]. В этой связи все возможные споры о римском влиянии могут быть связаны только с рецепцией константинопольских юридических сборников, что произошло намного позже, чем первоначальная колонизация Дакии.

Если и говорить о влиянии римского права на правообразование в Молдавском княжестве, то только в «переработанном», «национализированном» виде под влиянием местного фактора. Пожалуй, только с работы логофета Андронаки Донича, издавшего «Краткое Собрание Законов» в 1814 г., происходит непосредственное закрепление определенных институтов римского права.

В числе факторов влияния на молдавское право почти общепринятым является фактор византийского влияния. В процессе рецепции византийского права немаловажную роль сыграло установление турецко-фанариотского режима, когда господари были выходцами из района Константинополя – Фанара. При этом в XVI–XVII вв. памятники византийского права брались лишь выборочно, и только начиная с XVIII в. целиком [3, с. 18]. Вместе с тем влияние византийского права следует рассматривать лишь в совокупности с другими факторами. Г. Гонца [4] со ссылкой на Л. Пилат отмечает, что «византийское наследие – важная черта румынского прошлого, но его важность не следует преувеличивать. Тем более что расположение территории, населенной румынами, на слиянии нескольких ареалов цивилизации определило наличие множественных влияний» [5, с. 10–12].

В числе факторов влияния на становление молдавского права указывается и славянский фактор (Л. Бога, П. Богдан, К. Диссеку, П. Негрулеску). По мнению

данных исследователей, значительную роль в этом играла православная церковь. П. Негрулеску и К. Диссеку «выявили ряд нитей, связывающих нормы молдавского феодального права с восточнославянским, валашским и южнославянским» [3, с. 25]. И хотя римско-византийское право было более развито, чем славянское, уровень развития молдавского княжества более соответствовал положению вещей в славянских государствах. В полной мере рецепцию римско-византийского права можно отнести частично к XVII и в полной мере к XVIII в. До этого времени исследователи отмечают явные следы славянского влияния на молдавское право. Л. А. Кассо указывает на следы от общения румын с болгарами и южными славянами. В подтверждение этого он пишет: «Князь называется первоначально "воеводой", позднее "господарем", именуемым иногда "самодержавным"; он окружен "боярами", которые носят славянские придворные звания: "стольники", "постельники", "ворники" и др. Правовой порядок охраняется писаными законами, называемыми "pravila", и устными нормами, выросшими в народном правосознании, которые и поныне называются у Румын "obicei", т. е. обычаями» [2, с. 15–16].

В числе факторов западно-европейского влияния можно назвать следы германского влияния, проникшего в Молдавию через Венгрию и Польшу. Ряд исследователей (Т. Балан, Г. Гибэнеску, В. Димитриу, И. Кондураки, А. Ксенопол, В. Луну, С. Станку, В. Урека и др.) указывают на следы влияния германского права. А. Ксенопол утверждал, что уголовное право и ряд других институтов молдавского гражданского права имеют древнегерманское происхождение [3, с. 25]. По утверждению И. Кондураки, молдавское обычное право является копией германского некодифицированного права [6, с. 31–35]. И все же следует признать, что в Карпато-Дунайских землях магдебургское право нашло свое распро-

странение лишь в Трансильвании, на территории Прибалтики, Польши, Чехии и Словакии [3, с. 28].

И все же при всем многообразии существующих взглядов на природу происхождения молдавского феодального права следует сказать, что процесс правообразования намного сложнее, чем простое заимствование или рецепция. Следует признать, что процесс правообразования происходил путем «синтеза и взаимовлияния местных норм, юридических обычаев и правовых систем народов, живших в разные времена на территории края или сопредельных владений» [3, с. 29].

Методология

Автор при написании статьи опирается на принцип историзма, методы объективности и научности, хронологический, историко-сравнительный подходы. Историзм как методологический принцип исследования позволил проследить исторический путь развития правовых источников средневекового молдавского государства. Методы объективности и научности позволили проследить закономерности развития права молдавского государства с учетом его особенностей.

Результаты и их обсуждение

В качестве первой формы правовых отношений, которые складываются в обществе, выступает обычай. Среди исследователей обычного права средневековой Молдавии нет единства взглядов относительно правовой природы юридического обычая, его места и роли среди источников права. П. Даневский, Л. Кассо, В. Линовский, М. Шимановский фактически отрицали юридический обычай в качестве источника права средневековой Молдавии.

После подписания Бухарестского мирного договора 16 мая 1812 г. Бессарабская область была закреплена за Российской империей. Принятый после присоединения Устав образования Бессарабской области от 29 апреля 1818 г. пред-

писывал правительственной власти «о сохранении прежнего порядка» [7, с. 6]. Российский император Александр I в одном из своих писем указывает, что «мое намерение состоит в том, чтобы даровать ей (Бессарабии) гражданское самоуправление, сообразное с ее правами, обычаями и законами: все состояния жителей имеют равное право на сие наследие своих предков» [2, с. 8].

Между тем большой проблемой было описание обычаев Бессарабской области, по той причине, что какого-либо письменного закрепления они не получили. В своем донесении управляющему Министерством полиции от 23 декабря 1814 г. Гартинг пишет: «Они (советники Областного Правления), пользуясь большинством голосов их и защищаясь своими многоразличными и неумопостижимыми обычаями, о коих однакоже нужных актов не предоставляют» [2, с. 6]. В письме и.д. министра юстиции Болотникову от 10 декабря 1813 г. он же указывает на то, что «надлежит утвердиться во мнении, что в Молдавии вовсе нет никаких законов, ни земских положений твердых, и что при образовании Бесс. области заимствоваться чем-либо для руководства, не только от молдавских бояр, столь с худой стороны сделавшихся известными, для коих, кроме интереса, ничего святого нет, но и вообще от того княжества, которое всегда угнеталось беззакониями и разорениями, произведенными со стороны самих же правителей, было бы неприлично и вредно для государства» [2, с. 6].

В. Линовский со ссылкой на ученых-иностранцев, которые долго проживали в Молдавии, отмечает, что... молдаване ссылаются «на так называемые «обычаи помынтуле» (обычаи края. — *Прим. автора*), основанные на простых местных обыкновениях и произвольных преданиях; судьи определяются без всякого разбора по одному княжескому произволу...» [8, с. 41].

Мнение о фактическом отсутствии обычного феодального права в молдав-

ском обществе прослеживается у ряда американских, английских, французских и итальянских авторов (Л. Тилет, А. Мазур, В. Мишел, Д. Берти, Л. Ставрианос и др.) [3, с. 28].

Турецкие исследователи А. Дабинович, О. Баркан, Э. Карала, И. Узунчаршылы и другие рассматривают наличие обычного права в Молдавии, его сохранение в период османской зависимости как некое благодеяние со стороны Порты.

При этом известный советский исследователь истории права П. В. Советов указывает на историческую особенность правового развития феодальной Молдовы – широкое распространение обычного права и его действие в качестве правового источника до позднейшего времени (XIX в.).

А. Боршевский, Б. Сосна также признают существование юридических обычаев средневекового Молдавского государства, хотя и указывают на то, что они не были однородными и могли отличаться в зависимости от региональности, «когда определенные нормы Нижней Молдовы оказывались неприемлемыми для Верхней Молдовы, и наоборот. Однако эти различия не существенны» [9, с. 45].

А. И. Галбен также не отрицает наличие юридического обычая, отмечая при этом, что обычное право было «архаично, страдало партикуляризмом. Содержало противоречия, пробелы, неясности и много других недостатков» [3, с. 19]. Кроме того, А. И. Галбен указывает, что в литературе не содержится четкого разграничения понятий «право», «закон» и «обычай», а порой они и вовсе отождествляются.

Тем самым вопрос о существовании обычаев края является дискуссионным и до конца не решенным и до настоящего времени. Представляется, что все же нельзя в полной мере отрицать наличие сложившегося юридического обычая в средневековой Молдавии. В целом средневековое крестьянское общество оставалось безграмотным, крестьяне и большая часть феодалов не умели читать и писать.

В повседневной жизни они руководствовались обычаями, и письменные законы вообще имели мало смысла. В этой связи обычное право Молдавии можно считать одним из источников вещного, семейного, наследственного и даже уголовного и процессуального права средневекового государства.

Прохирон (ручная книга законов) был издан императорами Василием I, Константином и Львом не позднее 879 г. Прохирон рассматривает вопросы гражданского оборота, брачного и наследственного права. Вопрос, был ли распространен Прохирон на территории Молдавского княжества XVI–XVII вв., требует изучения. Известны многочисленные списки Прохирона. Известен и молдавский (валашский) список кормчих. Я. Н. Щапов упоминает об одном таком списке. «В результате изучения этой письменной традиции археографическая основа каждой из старших редакций была расширена более или менее значительно: был введен в науку новый, шестой список XV в. Древнеславянской кормчей 69, а для Сербской редакции наряду с известными в науке 10 сербскими, 1 молдавским, или валашским, и 970 русскими списками были выявлены еще 17 русских списков, т. е. число их было увеличено почти в 3 раза» [10, с. 35].

Эпанагога предположительно появилась в период между 884 и 886 гг., вскоре после Прохирона. Новые параграфы «Эпанагоги затрагивают вопросы государственного (II, 1–5) и церковного права (III, 1–11, VIII, 1–2. 7–11, IX, 13–16, X, 6, XI, 11. 14, XXXVIII, 20), судоустройства (XI, 1–9, XII, 18) и долгового права (XXVIII, 1–2. 4), семейных, имущественных и наследственных отношений, уголовного права» [11, с. 57]. Эпанагога вошла в целый ряд сборников, которые имели впоследствии применение на территории Молдавского княжества, таких как Шестикнижие Арменопула, Синтагма Матфея Властаря.

В XV–XVI вв. при господаре Стефане появляется славянский перевод византийского сборника Алфавитной Синтагмы Солунского иеромонаха Матфея Властаря, содержащий нормы церковного, уголовного и гражданского права, основанные на законодательстве Юстиниана. Синтагма, переведенная на славянский язык в 1346 г., была доставлена из Болгарии в Молдавское княжество. В «середине XVI в. молдавский митрополит Макарий сделал опыт изложения готового славянского перевода Синтагмы по славянскому алфавиту» [12, с. 65]. А. И. Галбен отмечает, что благодаря православию молдавское обычное право впитало многие элементы канонического права, и в XVIII – начале XIX в. существенно отличалось от обычаев прежних времен [13, с. 265].

В числе наиболее упоминаемого источника права Молдавии XVI–XVII вв. выступают так называемые «Василики». Следует сказать, что вопрос отнесения Василик к числу источников права Молдавии XVI–XVII вв. неоднозначен. Наиболее основательно данный вопрос был исследован профессором Московского университета Л. А. Кассо. В числе аргументов, ставивших под сомнение использование вышеупомянутых Василик в Молдавии в XVI–XVII вв., Л. А. Кассо приводит следующие.

Известный молдавский летописец XVII в. Г. Уреке, описывавший в подробностях царствование Александра Доброго, нигде «не упоминает о таком крупном событии, как переработка материального права» [2, с. 18–19]. При этом Кассо задается вопросом: «правдоподобна ли отсылка Василик из Константинополя в Молдавию XV века, т.е. в такое время, когда Василики давно уже перестали быть в употреблении среди жителей Византийской империи? ...Василики своим объемом и сложностью своих постановлений оказались вскоре малодоступными для византийцев этого времени (VIII в. – *Прим. автора*), и нужно было прибегать

к составлению сокращенных сборников, синопсисов, или других компендий, где практика легче и скорее находила ответы на возникающие вопросы... И можно ли после этого поверить, что Василики, с которыми уже не могли справиться византийцы, стоящие, несмотря на низкий уровень своей юриспруденции, несомненно, выше в культурном отношении, чем окружающие их народы, можно ли поверить, что этот огромный памятник мог пригодиться отдаленной и почти дикой Молдавии?» [2, с. 19].

Л. А. Кассо отмечает, что к XIV в. «из употребления выходит не только Корпус Юстиниана, но и (как целостный законодательный свод) Василики, и в этом отношении сообщение, например, Димитрия Кантемира (1673–1723) о том, что молдавский князь Александр I (1401–1433), прозванный Добрым, одновременно с короной, полученной из Византии, “принял греческие законы, содержащиеся в книгах Василик, и из пространных этих книг выбрал составляющие ныне законы Молдавии”, не выдерживает проверки источниками» [2, с. 16].

Л. А. Кассо утверждает, что «римско-византийское право стало проникать в княжества лишь с середины XVIII века, при фанариотских князьях: греки, служившие при них в присутственных местах Молдавии и Валахии, охотно ссылались на те источники права, которые в их глазах, как наследие великой Византии, сохраняли силу закона для паствы царградского патриарха и после падения Константинополя» [14, с. 9]. Как указывает Л. А. Кассо, многие чиновники, секретари и логофеты составляли извлечения из византийских сборников канонического и гражданского права для удобства пользования, что способствовало проникновению в молдавское княжество «чуждых им норм».

Уложение Василия Лупу было издано в 1646 г. в Яссах и представляло собой цельную систему феодального законодательства, источником которого выступал

ло обычное право, источники византийского права и судебная практика.

Уложение Василия Лупу можно отнести к первому официальному своду законов, написанному на национальном языке и являющемуся результатом законодательных процессов того времени. В области уголовного права Уложение Василия Лупу действовало до середины XVIII в., в области гражданского права применялось вплоть до распространения на территории Бессарабии общерусского законодательства в первой половине XIX в.

Несмотря на то, что официальное издание Уложения Василия Лупу относится к 1646 г., существует мнение, что положения, содержащиеся в Уложении, применялись задолго до его официального издания, по крайней мере около 1632 г. [15, с. 2] Правила Василия Лупу получили распространение и в Валахии.

Составление Шестикнижия Арменопуло относится к XIV в., а применение – после 1453 г. Шестикнижие Арменопуло использовалось, если путем применения «обычая земли» нельзя было решить сложные дела, сложные судебные процессы. Шестикнижие представляет собой сокращенную переработку византийских источников права (Прохилона, Эклоги, Эпаналоги, Большого и Малого Синописов, новелл императоров и др.), содержавшего нормы уголовного, гражданского, церковного, процессуального права, которое имело целью приспособить измененное римское право к феодальным отношениям Молдавии.

Господарь Александр, сын Константина, поручил Фоме Каррасу перевести на молдавский язык Шестикнижие Арменопуло, которое было закончено в 1804 г. К этому времени Шестикнижие лишь недавно стало известно в Молдавии, а Василики были местным законом [16, с. 13]. Таким образом, до присоединения Бессарабской области к России в 1812 г. в Молдавии уже применялось Шестикнижие Константина Арменопула наряду с другими памятниками права. Шестикни-

жие действовало в Молдавии вплоть до начала XX в.

В XV–XVII вв. происходит развитие международных отношений и норм международного права. В 1535 г. Петр Рареш заключает союзный договор с Фердинандом Габсбургским против Турции. При этом «особенно часто эти договоры встречаются в XV – начале XVI века в отношениях с Московским государством» [17, с. 190–191]. В договорах, заключенных Молдавией в XVI–XVII вв., прослеживаются вассальные отношения между государем и боярами. Эти отношения предусматривали право господаря предоставлять боярину убежище, выступать заступником перед его сюзереном. Ю. Я. Баскин делит договоры о союзе и вассальных отношениях на три основные группы: «грамоты (договоры), заключенные господами от своего имени и подписанные только ими; договоры, заключенные господами совместно с боярами (о чем содержится обязательно оговорка в самом международном акте); договор, который заключается господами и подтверждается (как бы контрассигнуется) боярами в отдельном акте» [17, с. 190].

В международные молдавско-польские договоры Молдавского княжества XVI в. включались нормы ответственности за убийство, увечье, увоз женщин. Международная договорная практика Молдавии XVI в. содержит такие виды наказания, как смертная казнь через повешение, клеймение, штраф. Договоры Молдавии с Польшей в XVI в. предусматривали гарантии неприкосновенности купцам обеих сторон при обвинении их в ряде преступлений. В договорных грамотах Молдавии, Венгрии и Польши содержались нормы создания совместных судов для рассмотрения жалоб сторон. Обеспечивались международные договоры клятвой и присягой. Большая часть договоров заключалась путем обмена идентичными грамотами. Эти грамоты включали в себя сам текст договора и содержали его ратификацию. В отношении-

ях с Турцией широко практиковался институт заложников, когда сыновья молдавских господарей находились в Константинополе.

В качестве спорных источников средневекового молдавского права можно назвать так называемые «капитуляции», относящиеся к Дунайским княжествам, и в качестве которых можно назвать договоры валашского господаря Мирчи Старого (1391 или 1393 г.), а также молдавского господаря Богдана III (с султаном Баязидом II, с Селимом I, датированные 1511 и 1513 гг.).

По мнению Л. Семеновой, капитуляции «представляли собой предоставленные Портой европейским государствам акты, регулировавшие отношения между ними и Османской империей, в том числе торговые связи, а также положение подданных этих государств в самой империи. Согласно таким актам, их консулы получали право юрисдикции над своими согражданами, проживавшими на территории империи... По существу же они являлись односторонними актами Османской империи. В XVI–XVII вв. такие капитуляции были предоставлены Портой ряду европейских стран, в том числе Франции, Венеции, Англии, Голландии» [18, с. 132].

Выводы

В период XVI–XVII вв. в молдавском государстве действовал достаточно широкий круг источников права. В числе характерных черт молдавского средневекового права можно назвать: дифференцированность отраслей права, ярко выраженный классовый характер. Молдавскому средневековому праву было из-

вестно деление права по отраслям: гражданское, земельное, семейное, уголовное право.

Молдавское средневековое право закрепляло верховную власть господаря в вопросах владения землей и существование трех форм земельной собственности: частновладельческой (включая светские вотчины и церковные владения), господарский домен и остатки общинной собственности (леса, пастбища), а также мелкое долевое (резешское) землевладение. Что же касается источников права, то отнесение некоторых из них к периоду XVI–XVII вв. представляется спорным. Так, вопреки распространенному мнению о действии Шестикнижия Арменопула и Василик в указанный период, вероятнее всего, они получили распространение в Молдавии лишь с XVIII в. Только со второй половины XVIII в. в Молдавии встречаются судебные решения, основанные на положениях Шестикнижия Арменопула [2, с. 24].

Византийское право стало проникать в молдавскую жизнь посредством судебной практики.

Неоднозначно оценивается место и роль правового обычая в молдавском государстве. Исследование показало, что, несмотря на неоднозначность в понимании места юридического обычая среди источников права средневекового Молдавского княжества, полностью отрицать его роль как источника права было бы неверным. Данный вопрос требует дальнейшего всестороннего изучения. Требуют дальнейшего исследования такие источники молдавского права, как «капитуляции».

Список литературы

1. Sotropa V. Introducere si bibliografie la istoria dreptului roman. Cluj, 1936. P. 12–13.
2. Кассо Л. А. Византийское право в Бессарабии. М.: Тип. Московского ун-та, 1907. 71 с.
3. Галбен А. И. Из истории феодального права Молдовы конца XVIII – начала XIX века (турецко-фанариотский период). Кишинев, 1998. 398 с.

4. Gonta G. Țara Moldovei între Imperiul Otoman și Marile Puteri Creștine la mijlocul secolului al XVI-lea – începutul secolului al XVII-lea // *Revista Limba Română*. 2013. Nr. 9-12, anul XXIII.
5. Pilat L. Între Roma și Bizanț. Societate și putere în Moldova (secolele XIV-XVI). Iași, 2008. P. 10–12.
6. Condurachi I. Formarea vechiului drept românesc nescris (obiceiul pamantului). Brasov, 1935. P. 31–35.
7. Пергамент О. Я. О применении местных законов Арменопула и Доница // *Сочинения О. Я. Пергамента, присяжного поверенного при Одесской судебной палате*. СПб.: Типо-лит. А. Г. Розена (А. Е. Ландау), 1905. 42 с.
8. Шимановский М. В. О местных законах Бессарабии: Сообщ., сдел. Одес. юрид. о-ву тов. пред. М. В. Шимановским. Вып. 1-2. Одесса: Тип. «Одес. вестн.», 1887–1888. 2 т. 79 с.
9. Боршевский А., Сосна Б. Юридические аспекты применения норм обычного права в Молдове // *Revista națională de drept*, 2009. Nr. 9. С. 45.
10. Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII в. М.: Наука, 1978. 291 с.
11. Каждан А. П. Василики как исторический источник // *Византийский временник*. 1958. Т. XIV. 384 с.
12. Скрипкина Е. В. «Алфавитная Синтагма» Матфея Властаря как источник истории // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 3(19). С. 64–68.
13. Галбен А. И. Некоторые черты молдавского феодального права в период турецко-фанариотского господства // *Молдавский феодализм: общее и особенное (История и культура)*. Кишинев: Штиинца, 1991. 265 с.
14. Кассо Л. А. Петр Манега забытый кодификатор Бессарабского права. СПб.: Сенатская тип., 1914. 21 с.
15. Pravila lui Vasile Lupu Iași 1646 se folosea și on Muntenia // *FOAIA*. 1922. No. 42. P. 2.
16. Пергамент О. Я. Приданое по Бессарабскому праву. Опыт комментария законов Арменопула и Доница // *Сочинения О. Я. Пергамента, присяжного поверенного при Одесской судебной палате*. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского о-ва печатного дела, 1901. 145 с.
17. Баскин Ю. Я., Советов П. В. Вопросы международного права в договорной практике и политической литературе Молдавии XIV–XVIII вв. // *Советский ежегодник международного права*. 1962 = *Soviet year-book of international law*. 1962. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 189–210.
18. Семенова Л. Валахия и Молдавия в системе Османской империи (к истории происхождения текстов «капитуляций») // *Русин*. 2011. № 2(24). С. 131–139.

References

1. Sotropa V. Introducere si bibliografie la istoria dreptului roman. Cluj, 1936, pp. 12–13.
2. Kasso L. A. Vizantijskoe pravo v Bessarabii [Byzantine Law in Bessarabia]. Moscow, Tip. Moskovskogo Univ. Publ., 1907. 71 p.

3. Galben A. I. Iz istorii feodal'nogo prava Moldovy konca XVIII – nachala XIX veka (turecko-fanariotskij period) [From the history of the feudal law of Moldova of the late XVIII – early XIX century (Turkish-Phanariot period)]. Kishinev, 1998. 398 p.
4. Gonta G. Țara Moldovei între Imperiul Otoman și Marile Puteri Creștine la mijlocul secolului al XVI-lea – începutul secolului al XVII-lea. *Revista Limba Română*, 2013, no. 9-12, anul XXIII.
5. Pilat L. Între Roma și Bizanț. Societate și putere în Moldova (secolele XIV–XVI). Iași, 2008, pp. 10–12.
6. Condurachi I. Formarea vechiului drept românesc nescris (obiceiul pamantului). Brasov, 1935, pp. 31–35.
7. Pergament O. Ya. O primenenii mestnyh zakonov Armenopula i Donicha [On the application of the local laws of Armenopul and Donich]. Sochineniya O. Ya. Pergamenta, prisyazhnogo poverennogo pri Odesskoj sudebnoj palate [Works of O. Ya. Parchment, sworn attorney at the Odessa Judicial Chamber]. St. Petersburg, Tipo-lit Publ., A. G. Rozena (A. E. Landau), 1905. 42 p.
8. Shimanovskij M. V. O mestnyh zakonah Bessarabii: Soobshch., sdel. Odes. yurid. o-vu tov. pred. M. V. Shimanovskim [About the local laws of Bessarabia: Report, done. Odes. yurid. o-vu tov. pred. M. V. Shimanovsky]. Vyp. 1-2. Odessa, Tip. "Odes. vestn.", 1887–1888. Vol. 2. 79 p.
9. Borshevskij A., Sosna B. Yuridicheskie aspekty primeneniya norm obychnogo prava v Moldove [Legal aspects of the application of customary law in Moldova]. *Revista națională de drept*, 2009, no. 9, pp. 45.
10. Shchapov Ya. N. Vizantijskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII v. [Byzantine and South Slavic Legal Heritage in Russia in the XI–XIII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 291 p.
11. Kazhdan A. P. Vasiliki kak istoricheskij istochnik [Vasiliki as a historical source]. *Vizantijskij vremennik = Byzantine vremennik*, 1958, vol. XIV. 384 p.
12. Skripkina E. V. "Alfavitnaya Sintagma" Matfeya Vlastarya kak istochnik istorii ["Alphabetical Syntagma" by Matthew Vlastar as a Source of History]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2012, no. 3(19), pp. 64–68.
13. Galben A. I. Nekotorye cherty moldavskogo feodal'nogo prava v period turecko-fanariotskogo gospodstva [Some features of the Moldavian feudal law in the period of the Turkish-Phanariot domination]. *Moldavskij feodalizm: obshchee i osobennoe (Istoriya i kul'tura) = Moldavian feudalism: general and special (History and Culture)*. Kishinev, Shtiinca Publ., 1991, pp. 265.
14. Kasso L. A. Petr Manega zabytyj kodifikator Bessarabskogo prava [Peter Manega the forgotten Codifier of Bessarabian law]. St. Petersburg, Senatskaya tip., 1914. 21 p.
15. Pravila lui Vasile Lupu Iași 1646 se folosea și on Muntenia. *FOAIA*, 1922, no. 42, pp. 2.
16. Pergament O. Ya. Pridanoe po Bessarabskomu pravu. Opyt kommentariya zakonov Armenopula i Donicha [Dowry under Bessarabian law. The experience of the commentary of the laws of Armenopoul and Donich]. Sochineniya O. Ya. Pergamenta, prisyazhnogo poverennogo pri Odesskoj sudebnoj palate [The works of O. Ya. Pergament, the sworn attorney at the Odessa Judicial Chamber]. Odessa, Tip. Akcionernogo Yuzhno-Russkogo o-va pechatnogo dela, 1901. 145 p.

17. Baskin Yu. Ya., Sovetov P. V. Voprosy mezhdunarodnogo prava v dogovornoj praktike i politicheskoy literature Moldavii XIV–XVIII vv. [Questions of international law in contractual practice and political literature of Moldova of the XIV-XVIII centuries]. *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1962* [Soviet year-book of international law. 1962]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963, pp. 189–210.

18. Semenova L. Valahiya i Moldaviya v sisteme Osmanskoj imperii (k istorii proiskhozhdeniya tekstov "kapitulyacij") [Wallachia and Moldavia in the system of the Ottoman Empire (on the history of the origin of the texts of "capitulations")]. *Rusin = Rusin*, 2011, no. 2(24), pp. 131–139.

Информация об авторе / Information about the Author

Погорлецкая Ирина Ивановна, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: begass.iren@mail.ru

Irina I. Pogoretskaya, Post-Graduate Student of the Department of Theory and Histories of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: begass.iren@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.6

Правовые аспекты контроля в сфере реализации репродуктивных прав лицами, страдающими психическими расстройствами

О. Ю. Ильина¹ ✉, О. А. Русаковская²

¹Тверской государственный университет
ул. Желябова 33, г. Тверь 170100, Российская Федерация

²Московский государственный психолого-педагогический университет
ул. Сретенка 29, г. Москва 127051, Российская Федерация

✉ e-mail: kinder_advokat@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Авторы обращаются к проблеме реализации репродуктивных прав лиц, страдающих психическими расстройствами, акцентируя внимание на публично-правовых аспектах контроля за рождаемостью в данной социальной группе. Актуальность исследования обусловлена острой необходимостью решения демографического вопроса как одного из направлений государственной политики, что предполагает в то же время адекватный контроль за деторождением среди лиц, страдающих психическими расстройствами. Особо следует отметить значимость исследования для определения гендерного статуса лица, страдающего психическим расстройством.

Целью работы выступает выявление особенностей, связанных с реализацией репродуктивных прав лицами, страдающими психическими расстройствами, и контроля, осуществляемого в этой сфере.

Задачи: выявление наличия запретов и ограничений, связанных с состоянием психического здоровья гражданина, в семейном законодательстве; определение предпосылок для изменения позиции государства в отношении формирования перечня социальных показаний к искусственному прерыванию беременности; изучение механизма воздействия на репродуктивную функцию женщин, страдающих психическими расстройствами; выделение юридически значимых обстоятельств, характеризующих условия реализации права на материнство женщины, страдающей психическим расстройством; рассмотрение реализации репродуктивных прав мужчинами, страдающими психическими расстройствами.

Методология. Общеметодологическую основу исследования составил диалектико-материалистический метод научного познания. При исследовании были применены общенаучные и частнонаучные методы научного познания: системный, анализа и синтеза, логический, сравнительно-правовой, формально-юридический и другие.

Результаты исследования отличает комплексный, теоретико-прикладной характер, являющийся основой для развития дискуссии по теме исследования.

Выводы. В статье представлен ряд аргументированных выводов об имеющихся пробелах и недостатках в механизме правового регулирования соответствующих отношений, а также о тенденциях формирования правоприменительной практики с позиции соотношения частных и публичных интересов в сфере осуществления репродуктивных прав лицами, страдающими психическими расстройствами.

Ключевые слова: репродуктивные права граждан; лица, страдающие психическими расстройствами; частные и публичные интересы; семейные правоотношения.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ильина О. Ю., Русаковская О. А. Правовые аспекты контроля в сфере реализации репродуктивных прав лицами, страдающими психическими расстройствами // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 28–41.

Поступила в редакцию 15.04.2021

Принята к публикации 17.05.2021

Опубликована 25.06.2021

Legal Aspects of Monitoring the Implementation of Reproductive Rights by Persons Suffering from Mental Disorders

Olga Y. Ilyina¹ ✉, Olga A. Rusakovskaya²

¹Tver State University
33 Zhelyabova str., Tver 170100, Russian Federation

²Moscow State Psychological and Pedagogical University
29 Sretenka str., Moscow 127051, Russian Federation

✉ e-mail: kinder_advokat@rambler.ru

Abstract

Relevance. The authors review the problem of the implementation of the reproductive rights of persons with mental disorders, focusing on the public-legal aspects of birth control in this social group. The relevance of the study is due to the urgent need to resolve the demographic issue as one of the directions of state policy, which at the same time implies adequate control over childbearing among people with mental disorders. The significance of the study for determining the gender status of a person with mental disorder is particularly noteworthy.

The purpose of the study is to identify the features associated with the implementation of reproductive rights by persons with mental disorders, and features of the control carried out in this area.

Objectives: identifying the presence of prohibitions and restrictions related to mental health conditions of a citizen in family legislation; determining the prerequisites for changing the state's position on the formation of a list of social indications for artificial termination of pregnancy; studying the mechanism of influence on the reproductive function of women with mental disorders; identifying legally significant circumstances that characterize the conditions for the implementation of the right to motherhood of a woman with a mental disorder; consideration of the implementation of reproductive rights by men with mental disorders.

Methodology. The methodological basis of the study consists of the dialectical-materialistic method of scientific cognition. In the study there were used general scientific and private scientific methods of scientific cognition: system, analysis and synthesis, logical, comparative legal, formal legal and others.

The results of the study are characterized by a complex, theoretical and applicable nature, which is the basis for the development of the discussion on the topic of the study.

Conclusions. The article presents a number of reasoned conclusions about the existing gaps and shortcomings in the mechanism of legal regulation of the relevant relations, as well as about the trends in the formation of law enforcement practice from the point of view of the correlation of private and public interests in the implementation of reproductive rights by persons with mental disorders.

Keywords: reproductive rights of citizens; persons with mental disorders; private and public interests; family legal relations.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ilyina O. Y., Rusakovskaya O. A. Legal Aspects of Monitoring the Implementation of Reproductive Rights by Persons Suffering from Mental Disorders. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 28–41. (In Russ.)

Received 15.04.2021

Accepted 17.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Уникальность семьи как социального института заключается в том, что данная ячейка общества формируется и существует вне зависимости от состояния физического и психического здоровья граждан. При установлении правового формата семейных отношений надлежит руководствоваться положениями п. 4 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации¹ (далее – СК РФ): права граждан как участников семейных правоотношений «могут быть ограничены только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан».

Система научных взглядов по проблемам реализации репродуктивных прав до настоящего времени еще не сформировалась. К числу ученых, непосредственно изучающих проблемы репродуктивных прав, следует отнести: О. В. Горбунову [1], Д. К. Рашидханову [2], М. А. Орлову [3], Н. С. Певцову [4], О. А. Хазову [5], А. В. Шибину [6]. В частности, Н. С. Певцова пишет о принятии комплексного федерального закона «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации» [4, с. 35]. Разные аспекты объекта исследования затрагивались в трудах В. В. Богдан [7; 8], А. Т. Боннер [9], А. Н. Левушкина [10], Г. Б. Романовского [11] и др. [12] О проблемах реализации прав лицами, страдающими психическими расстройствами, писали О. В. Кириченко [13], И. А. Михайлова [14], А. Е. Шерстобитов [15] и др. [16; 17] Вместе с тем заявленная тематика рассматривается впервые, в акценте на возможности реализации репродуктивных прав женщиной и (или) мужчиной, страдающих психическим рас-

стройством, и контролем над этим процессом.

Методология

Диалектико-материалистический метод познания позволил исследовать особенности правового статуса лиц, страдающих психическими расстройствами, в неразрывном единстве с иными правовыми явлениями, в частности институтом представительства в правоотношениях по оказанию медицинской помощи. Системный метод позволил выделить особенности правового регулирования соответствующих отношений источниками специального (отраслевого) законодательства, установить иерархию и выстроить систему правовых актов. Методы анализа и синтеза позволили выявить и обосновать тезисы о соотношении института ограничения дееспособности с иными формами ограничений в частно-правовой сфере прав лиц, страдающих психическими расстройствами. Сравнительно-правовой метод применялся для анализа различных инструментов и механизмов регулирования отношений по проведению медицинского вмешательства, в том числе искусственного прерывания беременности у женщины и стерилизации, соответственно, мужчины, страдающих психическим расстройством. Формально-юридический метод использовался для анализа содержания нормативно-правовых актов, предусматривающих основания и порядок искусственного прерывания беременности у женщин, а также стерилизации мужчин, страдающих психическими расстройствами, при этом основным из критериев исследования был признак автономии воли лица. Метод системного толкования правовых норм был задействован при выявлении особенностей применения, с одной стороны, положений гражданского и семейного законодательства о свободе воли, усмотрения и дееспособности граждан и, с другой стороны, специальных правил, регламентирующих основания и порядок оказания

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16.

медицинской помощи гражданам, в том числе основания и порядок медицинского вмешательства без согласия гражданина.

Результаты и их обсуждение

Семейный кодекс РФ предусматривает ряд запретов и ограничений, связанных с состоянием психического здоровья гражданина. В частности, согласно ст. 14 СК РФ не может быть заключен брак между лицами, если в отношении хотя бы одного из них есть решение суда о признании его недееспособным вследствие наличия психического расстройства. Необходимо отметить, что ст. 30 ГК РФ допускает возможность ограничения дееспособности граждан, которые страдают психическим расстройством и вследствие этого могут понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц. Наличие указанного статуса также предполагает определенные правовые последствия в семейных правоотношениях. При этом в сфере родительских отношений предусмотренные СК РФ запреты и ограничения оказываются шире, чем в сфере отношений супружеских. Признание гражданина судом недееспособным или ограниченно дееспособным (хотя бы одного из родителей) определяет статус ребенка, оставшегося без попечения родителей (ст. 121 СК РФ; п. 8 приказа Минпросвещения России от 15 июня 2020 г. № 300 «Об утверждении Порядка формирования, ведения и использования государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей» (зарегистрировано в Минюсте России 10 августа 2020 г. № 59222)), исключает возможность лица выступить усыновителем (ст. 127 СК РФ) и т. д.

Примечательно, что не только сам факт наличия психического расстройства, а именно признание судом этого гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным, в том числе вследствие психического расстройства (ч. 2 ст. 30 ГК РФ), выступает в таких случаях основанием для ограничения семейных прав.

Соответственно, представлен должен быть именно судебный акт. Наличие психического расстройства, даже подтвержденное соответствующим медицинским заключением, может иметь значение лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или подзаконными нормативно-правовыми актами. Например, психические расстройства и расстройства поведения (даже при отсутствии решения суда о признании лица недееспособным), относятся к числу заболеваний, исключających возможность гражданина усыновить ребенка, стать опекуном (попечителем), приемным родителем до прекращения диспансерного наблюдения, которое может быть установлено, если психическое расстройство является хроническим или затяжным и сопровождается тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями, а прекращается при выздоровлении или значительном и стойком улучшении психического состояния лица¹.

Так или иначе, но упомянутые сферы семейных правоотношений предполагают наличие признака формализации: государственная регистрация заключения брака, принятие судом решения о признании гражданина недееспособным или ограниченно дееспособным, решение комиссии врачей-психиатров об установлении диспансерного наблюдения, оформленное записью в медицинской документации, акт органа опеки и попечительства о соответствии (несоответствии) гражда-

¹ Об утверждении Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью: постановление Правительства РФ от 14 февраля 2013 г. № 117. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151525 (дата обращения: 10.03.2021); О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1: [ред. от 08.12.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205 (дата обращения: 10.03.2021).

нина требованиям, предъявляемым к усыновителям.

В связи с этим весьма интересным для исследования нам представляется иная сфера семейных отношений: отношения родительства, поскольку формализация материнства и отцовства происходит после рождения ребенка. При этом, как известно, лицо, страдающее психическим расстройством, может состоять в браке, что позволяет утверждать, как минимум, о двух видах семейных правоотношений с участием потенциального родителя, страдающего психическим расстройством: а) такой гражданин состоит в браке; б) такой гражданин не состоит в браке. На наш взгляд, наличие отношений супружества имеет правовое значение исключительно с точки зрения обеспечения прав и интересов ребенка, матерью и (или) отцом которого является гражданин, страдающий психическим расстройством. Речь идет о том, что супруг может быть опекуном недееспособного лица, не только выступать от его имени в гражданских и иных правоотношениях, но и принять в полной мере на себя заботу, воспитание и содержание общего ребенка, компенсируя тем самым участие в родительском правоотношении другого супруга. Если же родитель, страдающий психическим расстройством, не состоит в браке, то в зависимости от обстоятельств конкретной ситуации возможно ограничение его в родительских правах при опасности оставления с ним ребенка или признание ребенка оставшимся без попечения родителей вследствие признания родителя недееспособным или ограниченно дееспособным.

В то же время акцент необходим не столько на осуществлении родительских прав, сколько на возможности реализации репродуктивных прав женщиной и (или) мужчиной, страдающих психическим расстройством. Согласно п. 1 ст. 1 СК РФ семья в целом, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства, но при этом действующее

национальное законодательство предусматривает механизм контроля в сфере выполнения репродуктивной функции семьи лицом (лицами), имеющим психическое расстройство.

Согласно п. 1 ст. 5 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»¹, лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Ограничение прав и свобод граждан, связанное с психическим расстройством, допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами Российской Федерации, примеры чего были продемонстрированы нами ранее.

Итак, ключевой момент, может ли женщина, страдающая психическим расстройством, реализовать свое право на материнство без каких-либо ограничений?

В соответствии с п. 1 ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»² каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии ее информированного добровольного согласия.

В этой же статье указанного федерального закона предусмотрены основания и порядок искусственного прерывания беременности:

¹ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 33, ст. 1913.

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. № 263

– по желанию женщины проводится при сроке беременности до двенадцати недель (п. 2 ст. 56);

– по желанию женщины при наличии социальных показаний проводится при сроке беременности до двадцати двух недель, а при наличии медицинских показаний – независимо от срока беременности.

Таким образом, законодатель императивно определяет срок беременности, на котором возможно искусственное ее прерывание. При этом обращает на себя внимание то, что этот срок может быть изменен, но опять-таки только по желанию женщины.

Единственное исключение, когда воля женщины объективно не может быть установлена и в связи с этим не имеет юридического значения, указано в п. 7 ст. 56 рассматриваемого федерального закона: искусственное прерывание беременности у совершеннолетней, признанной в установленном законом порядке недееспособной, если она по своему состоянию не способна выразить свою волю, возможно по решению суда, принимаемому по заявлению ее законного представителя и с участием совершеннолетней, признанной в установленном законом порядке недееспособной. Необходимо подчеркнуть, что только суд может принять решение в такой ситуации об ограничении права материнства совершеннолетней женщины, признанной недееспособной.

В то же время открытым остается вопрос о применении соответствующей процедуры в отношении несовершеннолетней женщины, страдающей психическим расстройством. Несовершеннолетние в возрасте старше пятнадцати лет или больные наркоманией несовершеннолетние в возрасте старше шестнадцати лет имеют право на информированное добровольное согласие на медицинское

вмешательство или на отказ от него¹. Однако возраст, с которого гражданин может быть признан недееспособным, законом не установлен. В связи с этим при наступлении беременности у женщины, достигшей возраста 15 лет, или у женщины, страдающей наркоманией, достигшей возраста 16 лет, может быть подано заявление о признании ее недееспособной, в случае удовлетворения которого законный представитель несовершеннолетней может обратиться в суд с заявлением об искусственном прерывании у нее беременности, если она по своему состоянию не способна выразить свою волю.

Практически значимым также остается вопрос, может ли быть принято решение об искусственном прерывании беременности женщины, страдающей психическим расстройством, но не признанной судом недееспособной, без ее желания?

Министерством здравоохранения и социального развития утверждены медицинские и социальные показания для искусственного прерывания беременности. Однако данные показания распространяются лишь на увеличение допустимого срока искусственного прерывания беременности, который без наличия таких показаний ограничен 12 неделями. Наличие социальных показаний позволяет, по желанию женщины, искусственно прервать беременность на сроке 22 недель. Наличие медицинских показаний – на всем протяжении беременности.

Медицинские показания для искусственного прерывания беременности на сроке утверждены приказом Минздрава-соцразвития РФ от 3 декабря 2007 г. № 736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. № 263.

прерывания беременности»¹. Данный перечень включает и некоторые виды психических расстройств:

- хронические и затяжные психические расстройства с тяжелыми стойкими болезненными проявлениями (психозы и слабоумие) или с высокой степенью вероятности обострения под влиянием беременности и родов;

- наследственные и дегенеративные психические расстройства (умственная отсталость, общие расстройства развития);

- выраженные психогенные расстройства;

- психические расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ;

- расстройства настроения при стойких суицидальных установках и при риске суицидальных действий.

Однако даже при наличии соответствующего медицинского заключения решение о перспективе своего материнства принимает женщина.

В контексте рассуждений о свободе воли и волеизъявления женщины при решении вопроса о материнстве полагаем необходимым обратиться и к характеристике социальных показаний для искусственного прерывания беременности. Казалось бы, что женщина может быть более свободна в принятии решения об искусственном прерывании беременности на сроке до 22 недель, поскольку в данном случае она «не связана» необходимостью учета позиции врачей.

Однако в настоящее время единственным социальным показанием для искусственного прерывания беременности на сроке до 22 недель является беременность, наступившая в результате со-

вершения преступления, предусмотренного ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации, т.е. в результате изнасилования².

Заметим, что перечень социальных показаний претерпел существенные изменения за последнюю четверть века. Так, в период с 1996 до 2003 г. к социальным показаниям относились:

- наличие инвалидности I–II группы у мужа;

- смерть мужа во время беременности;

- пребывание женщины или ее мужа в местах лишения свободы;

- признание женщины или ее мужа безработными в установленном законом порядке;

- наличие решения суда о лишении или ограничении родительских прав;

- женщина, не состоящая в браке;

- расторжение брака во время беременности;

- беременность в результате изнасилования;

- отсутствие жилья, проживание в общежитии, на частной квартире;

- женщина, имеющая статус беженца или вынужденного переселенца;

- многодетность (число детей 3 и более);

- наличие в семье ребенка-инвалида;

- доход на 1 члена семьи менее прожиточного минимума, установленного для данного региона³.

В период с 2003 до 2012 г. применялся уже весьма сокращенный вариант перечня оснований:

¹ Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 3 декабря 2007 г. № 736 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 9.

² О социальном показании для искусственного прерывания беременности: постановление Правительства РФ от 6 февраля 2012 г. № 98 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 7, ст. 878.

³ Об утверждении Перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности: постановление Правительства РФ от 8 мая 1996 г. № 567. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 33, ст. 3275.

- наличие решения суда о лишении или об ограничении родительских прав;
- беременность в результате изнасилования;
- пребывание женщины в местах лишения свободы;
- наличие инвалидности I–II группы у мужа или смерть мужа во время беременности¹.

Исторический экскурс формирования перечня социальных показаний к искусственному прерыванию беременности на большом сроке по желанию женщины позволяет отметить следующее. До 2012 г. женщина, ограниченная в родительских правах в связи с наличием у нее психического расстройства (п. 2 ст. 73 СК РФ), могла заявить это как социальное показание при намерении прервать следующую беременность на сроке более 12 или до 22 недель.

Действующая редакция соответствующего Перечня не содержит этого показания (напомним, в нем вообще указано лишь одно показание), что соответствует мировым тенденциям, направленным на запрет аборт на поздних сроках.

Можно предположить, что столь кардинальное изменение позиции государства явилось одним из средств реализации социальной и демографической политики, формой проявления публичного интереса в механизме регулирования отношений, связанных с реализацией как репродуктивных прав граждан, так и защиты права на жизнь еще не рожденного ребенка.

Наличие психического расстройства определенного вида может стать основанием признания женщины инвалидом, что также влечет специальные правовые последствия в некоторых правоотношениях. В связи с этим надлежит отметить,

¹ О перечне социальных показаний для искусственного прерывания беременности: постановление Правительства РФ от 11 августа 2003 г. N 485 // Российская газета. 2003. № 161.

что Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г.² и во исполнение п. 1 ст. 23 данной Конвенции вместе с другими государствами-участниками должна принимать эффективные и надлежащие меры для устранения дискриминации в отношении инвалидов во всех вопросах, касающихся брака, семьи, отцовства, материнства и личных отношений, наравне с другими, стремясь при этом обеспечить, чтобы:

«а) признавалось право всех инвалидов, достигших брачного возраста, вступать в брак и создавать семью на основе свободного и полного согласия брачующихся;

б) признавались права инвалидов на свободное и ответственное принятие решений о числе детей и интервалах между их рождением и на доступ к соответствующей возрасту информации и к просвещению в вопросах репродуктивного поведения и планирования семьи, а также предоставлялись средства, позволяющие им осуществлять эти права;

в) инвалиды, включая детей, наравне с другими сохраняли свою фертильность».

Стоит отметить, что разработка данной Конвенции проходила без привлечения каких-либо психиатрических ассоциаций, некоторые ее положения являются спорными для международного профессионального сообщества. Однако даже в тех странах, где Конвенция была принята с ограничениями, касающимися определенных статей, содержание ст. 23 не оспаривалось.

В связи с широким распространением вспомогательных репродуктивных технологий интересным представляется вопрос о возможности участия в соответствующих программах женщины, страдающей психическим расстройством, в

² О ратификации Конвенции о правах инвалидов: федер. закон от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ // Российская газета. 2012. № 100.

качестве донора яйцеклетки или суррогатной матери.

В п. 7 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусмотрено, что донорами половых клеток имеют право быть граждане в возрасте от семнадцати до тридцати пяти лет, физически и психически здоровые, прошедшие медико-генетическое обследование. Следовательно, быть донором яйцеклетки при наличии психического расстройства женщина, как, впрочем, и мужчина, не может.

Требования, которым должна отвечать суррогатная мать, указаны в п. 10 этой же статьи, в частности «суррогатной матерью может быть женщина в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья». Это дает основания предположить, что наличие некоторых видов психического расстройства не исключает возможности заключить договор о суррогатном материнстве в качестве исполнителя услуги.

Необходимо отметить и то, что ст. 30 ГК РФ допускает возможность ограничения дееспособности граждан, которые страдают психическим расстройством и вследствие этого могут понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц. Таким образом, психическое расстройство может стать основанием как ограниченной дееспособности, так и полной недееспособности гражданина. В свою очередь, указанный статус определяет различные правовые последствия в иных, в том числе и семейных правоотношениях.

Безусловно, тема гендерного равенства в отношениях, связанных с реализацией репродуктивной функции, заслужи-

вает самостоятельного исследования и имеет соответствующую степень теоретической разработанности в юриспруденции. Однако в рамках настоящей статьи полагаем необходимым все-таки отметить:

– в отношении мужчин, страдающих психическими расстройствами, законодательством не предусмотрены какие-либо специальные правила, определяющие потенциальное их родительство;

– закон предоставляет женщине право принятия решения об искусственном прерывании беременности, при этом не имеет значения, состоит женщина (как страдающая психическим расстройством, так и абсолютно психически здоровая) в браке или нет.

Учитывая положения гражданского и семейного законодательства, полагаем возможным отметить следующие юридически значимые обстоятельства, характеризующие условия реализации права на материнство женщины, страдающей психическим расстройством:

– решение суда о признании женщины, страдающей психическим расстройством, недееспособной;

– решение суда об ограничении дееспособности женщины, страдающей психическим расстройством;

– заключение медико-социальной экспертизы о признании инвалидом женщины, страдающей психическим расстройством;

– медицинское заключение о наличии у женщины психического расстройства;

– отсутствие у третьих лиц информации о наличии у женщины психического расстройства.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что только в том случае, если женщина старше 15 или, при наличии у нее наркомании, 16 лет, имеющая психи-

ческое расстройство, признана судом недееспособной, ее опекун может обратиться в суд с заявлением об искусственном прерывании беременности на любом сроке, но суд принимает решение при участии женщины в заседании.

Способом воздействия на детородную функцию гражданина является стерилизация. Как следует из содержания ст. 57 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «медицинская стерилизация как специальное медицинское вмешательство в целях лишения человека способности к воспроизводству потомства или как метод контрацепции может быть проведена только по письменному заявлению гражданина в возрасте старше тридцати пяти лет или гражданина, имеющего не менее двух детей, а при наличии медицинских показаний и информированного добровольного согласия гражданина – независимо от возраста и наличия детей. Если гражданин признан недееспособным и по своему состоянию не способен выразить свою волю, медицинская стерилизация возможна по решению суда, принимаемому с участием совершеннолетнего лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным».

Среди медицинских показаний для стерилизации также есть несколько видов психических расстройств¹.

Полагаем необходимым отметить и то, что согласно ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», медицинское вмешательство может быть прове-

дено и без согласия гражданина, его законного представителя, например, «в отношении лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами». Содержащееся в преамбуле данного закона определение понятия «медицинское вмешательство» включает в том числе и искусственное прерывание беременности. Таким образом, даже при отсутствии решения суда о признании женщины недееспособной беременность может быть прервана без получения согласия непосредственно женщины, страдающей тяжелым психическим расстройством. В то же время ни данный закон, ни Закон о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании не определяют, что именно следует понимать под тяжелыми психическими расстройствами, таким образом, этот вопрос остается открытым.

Безусловно, установленный государством механизм воздействия на репродуктивную функцию женщин, страдающих психическим расстройством, может быть обоснован с позиции отдаленной перспективы заботы о детях, воспитании их и содержании. Однако мы не можем оставить без внимания тот факт, что ни среди основных начал семейного законодательства, ни среди правил, определяющих права и обязанности родителей (гл. 12 СК РФ), нет каких-либо запретов и ограничений для родителей, страдающих психическими расстройствами.

Лишь в том случае, если оставление ребенка с такими родителями (одним из них) опасно для ребенка, то суд может принять решение об ограничении родителей (одного из них) родительских прав (ст. 73 СК РФ). Но данная мера не выступает в подобной ситуации как мера семейно-правовой ответственности, это способ защиты прав и интересов ребенка

¹ Об утверждении перечня медицинских показаний для медицинской стерилизации: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 18 марта 2009 г. №121н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 21.

и его родителей (одного из них), имеющих психическое расстройство.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать:

– действующее национальное законодательство признает за лицами, страдающими психическими расстройствами, право на деторождение в равной степени со всеми иными гражданами;

– в то же время действующее законодательство допускает возможность принудительного ограничения функции деторождения у женщин, страдающих тяжелыми психическими расстройствами, при искусственном прерывании беременности без согласия женщины и ее законного представителя, однако критерии отнесения психического расстройства женщины к тяжелым законодательно не определены, а сама эта норма находится в противоречии с ратифицированной РФ Конвенцией о правах инвалидов;

– искусственное прерывание беременности у женщин, признанных недееспособными, если они не могут выразить свою волю, может проводиться на основании решения суда, инициированного

заявлением законного представителя, но при участии в судебном заседании самой женщины;

– законом не предусмотрена в качестве основания для искусственного прерывания беременности женщины, признанной недееспособной, взаимосвязь между неспособностью понимать женщиной значение своих действий или руководить ими и неспособностью в последующем выполнять ею обязанности по воспитанию ребенка;

– наличие психического расстройства может являться медицинским показанием к увеличению срока, при котором возможно искусственное прерывание беременности, но лишь по желанию женщины или в судебном порядке по заявлению ее опекуна, если она не способна выразить свою волю;

– предусмотренная законом медицинская стерилизация в отношении даже недееспособного гражданина, способного выразить свою волю, проводится исключительно в добровольном порядке и никак не связана с оценкой способности такого гражданина в последующем воспитывать и содержать ребенка, заботиться о нем.

Список литературы

1. Горбунова О. В. К вопросу о репродуктивных правах мужчин и женщин в России // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 9–11.
2. Рашидханова Д. К. Репродуктивные права личности: сущность и правовая природа // Социальное и пенсионное право. 2007. № 4. С. 40–44.
3. Орлова М. А. Принцип равенства супругов в области репродуктивных прав: теория и практика // Власть закона. 2011. № 4. С. 146–152.
4. Певцова Н. С. Новые подходы к конституционному статусу личности в свете принятия поправок к Основному Закону государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 32–36.
5. Хазова О. А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 4. С. 12–18.

6. Шибина А. В. Некоторые проблемы обеспечения законности в сфере здравоохранения, связанные с реализацией репродуктивных прав // *Медицинское право*. 2015. № 6. С. 39–42.
7. Богдан В. В., Воронцова Е. В., Сусликов В. Н. Правовое регулирование охраны и защиты прав граждан на здоровье в Российской Федерации. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2016. 84 с.
8. Богдан В. В., Апалькова А. А., Бугаёва А. И. Реализация наследственных прав суррогатных детей // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2019. Т. 9, № 3. С. 19–25.
9. Боннер Т. А. Правовые проблемы искусственного оплодотворения. М.: Проспект, 2020. 238 с.
10. Левушкин А. Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // *Семейное и жилищное право*. 2018. № 1. С. 55–57.
11. Романовский Г. Б. Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья. М.: Проспект, 2020. 216 с.
12. Право и современные технологии в медицине / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушков. М.: РГ-Пресс, 2019. 368 с.
13. Кириченко О. В. Ограничение дееспособности гражданина в связи с психическим расстройством // *Современное право*. 2014. № 2. С. 93–98.
14. Михайлова И. А. Осуществление субъективных прав граждан, страдающих психическим расстройством: новый подход и новые проблемы // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2015. № 11. С. 26–34.
15. Шерстобитов А. Е. О дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами, в связи с модернизацией правил о правовом положении граждан в ГК РФ // *Вестник гражданского права*. 2015. № 2. С. 76–86.
16. Жаворонков Р. Н. Проблемы толкования Конвенции ООН о правах инвалидов: правосубъектность лиц с психическими расстройствами // *Журнал российского права*. 2019. № 4. С. 131–145.
17. Шепель Т. В., Ткаченко Т. В. Участие граждан, признанных недееспособными вследствие психического расстройства, в брачных правоотношениях // *Власть закона*. 2016. № 4. С. 58–66.

References

1. Gorbunova O. V. K voprosu o reproductivnyh pravah muzhchin i zhenshchin v Rossii [On the issue of reproductive rights of men and women in Russia]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2018, no. 5, pp. 9–11.
2. Rashidhanova D. K. Reproductivnye prava lichnosti: sushchnost' i pravovaya priroda [Reproductive rights of the individual: essence and legal nature]. *Social'noe i pensionnoe pravo = Social and Pension Law*, 2007, no. 4, pp. 40–44.
3. Orlova M. A. Princip ravenstva suprugov v oblasti reproductivnyh prav: teoriya i praktika [The principle of equality of spouses in the field of reproductive rights: theory and practice]. *Vlast' zakona = The power of the law*, 2011, no. 4, pp. 146–152.
4. Pevcova N. S. Novye podhody k konstitucionnomu statusu lichnosti v svete prinyatiya popravok k Osnovnomu Zakonu gosudarstva [New approaches to the constitutional status of the

Individual in the light of the adoption of amendments to the Basic Law of the State]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, 2020, no. 8, pp. 32–36.

5. Hazova O. A. Reproktivnye prava v Rossii: predely zakonodatel'nogo regulirovaniya [Reproductive rights in Russia: the limits of legislative regulation]. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie = Constitutional Law: Eastern European Review*, 2000, no. 4, pp. 12–18.

6. Shibina A. V. Nekotorye problemy obespecheniya zakonnosti v sfere zdavoohraneniya, svyazannye s realizaciej reprodktivnyh prav [Some problems of ensuring the rule of law in the field of healthcare related to the implementation of reproductive rights]. *Medicinskoe pravo = Medical Law*, 2015, no. 6, pp. 39–42.

7. Bogdan V. V., Voroncova E. V., Suslikov V. N. Pravovoe regulirovanie ohrany i zashchity prav grazhdan na zdorov'e v Rossijskoj Federacii [Legal regulation of the protection and protection of citizens' rights to health in the Russian Federation]. Novosibirsk, Sibirskaya akademicheskaya kniga Publ., 2016. 84 p.

8. Bogdan V. V., Apal'kova A. A., Bugayova A. I. Realizaciya nasledstvennyh prav surrogatnyh detej [Implementation of the hereditary rights of surrogate children]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 19–25.

9. Bonner T. A. Pravovye problemy iskusstvennogo oplodotvorenija [Legal problems of artificial insemination]. Moscow, Prospek Publ., 2020. 238 p.

10. Levushkin A. N. Napravleniya sovershenstvovaniya Semejnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Directions for improving the Family Code of the Russian Federation]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2018, no. 1, pp. 55–57.

11. Romanovskij G. B. Pravovaya ohrana materinstva i reprodktivnogo zdorov'ya [Legal protection of maternity and reproductive health]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 216 p.

12. Pravo i sovremennye tekhnologii v medicine [Law and modern technologies in medicine]; ed. by A. A. Mohov, O. V. Sushkov. Moscow, RG-Press Publ., 2019. 368 p.

13. Kirichenko O. V. Ogranichenie deesposobnosti grazhdanina v svyazi s psicheskim rasstrojstvom [Restriction of a citizen's legal capacity in connection with a mental disorder]. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2014, no. 2, pp. 93–98.

14. Mihajlova I. A. Osushchestvlenie sub"ektivnyh prav grazhdan, stradayushchih psicheskimi rasstrojstvom: novyj podhod i novye problemy [Implementation of subjective Rights of citizens suffering from mental disorders: a new approach and new problems]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2015, no. 11, pp. 26–34.

15. Sherstobitov A. E. O deesposobnosti lic, stradayushchih psicheskimi rasstrojstvami, v svyazi s modernizaciej pravil o pravovom polozhenii grazhdan v GK RF [On the legal capacity of persons suffering from mental disorders in connection with the modernization of the rules on the legal status of citizens in the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*, 2015, no. 2, pp. 76–86.

16. Zhavoronkov R. N. Problemy tolkovaniya Konvencii OON o pravah invalidov: pravosub"ektnost' lic s psicheskimi rasstrojstvami [Problems of Interpretation of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities: Legal Personality of Persons with Mental Disorders]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 4, pp. 131–145.

17. Shepel' T. V., Tkachenko T. V. Uchastie grazhdan, priznannyh nedeеспособnymi vsledstvie psicheskogo rasstrojstva, v brachnyh pravootnosheniyah [Participation of citizens recognized as incompetent due to a mental disorder in marriage legal relations]. *Vlast' zakona = Power of the Law*, 2016, no. 4, pp. 58–66.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ильина Ольга Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского права, Тверской государственный университет, г. Тверь, Российская Федерация, e-mail: kinder_advokat@rambler.ru SPIN-код: 8737-6386

Olga Y. Ilyina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law, Tver State University, Tver, Russian Federation, e-mail: kinder_advokat@rambler.ru SPIN-code: 8737-6386

Русаковская Ольга Алексеевна, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского Минздрава России, г. Москва; доцент кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru ORCID: 0000-0001-5602-3904 РИНЦ AuthorID: 698745 ResearcherID N-2989-2017

Olga A. Rusakovskaya, Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher of the Department of Forensic Psychiatric Examination in Civil Procedure, National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology named after V.I. Serbians "Ministry of Health of Russia, Moscow; Associate Professor of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, e-mail: rusakovskaya.o@serbsky.ru ORCID: 0000-0001-5602-3904 RSCI AuthorID: 698745 ResearcherID: N-2989-2017

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

**Трансформация частного права: ведение бизнеса
в социальной сети****В. В. Богдан¹** ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: KurskPravo@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Интерес к социальным сетям как площадке для ведения предпринимательской деятельности стремительно возрос с началом пандемии 2020 г. До этого момента данный сегмент интернет-бизнеса хотя и представлял интерес, но оказывал небольшое воздействие на экономическое развитие. Осуществление предпринимательской деятельности посредством социальных сетей не являлось предметом самостоятельного научного исследования, несмотря на то, что отношения развиваются, создают прецеденты, разрешение которых не имеет под собой не только прочной и адекватной правовой основы, но и даже возможности применения норм по аналогии. Не разрешен вопрос об определении правовой природы аккаунта в социальных сетях. Малочисленная судебная практика не отражает особенностей защиты прав участников отношений, возникающих в связи с использованием аккаунта в социальной сети. Динамика исследуемых отношений требует трансформации отдельных подходов частного права к объекту исследования, а также рассмотрения вопроса о создании нового феномена «право социальных сетей».

Целью исследования выступает создание основ теории права социальных сетей через призму процесса трансформации частного права в рамках предпринимательской деятельности.

Задачи: выявить специфические черты, характерные для ведения бизнеса в социальных сетях; определить правовую природу аккаунта в социальной сети; изучить судебную практику; определить направления дальнейшего развития права социальных сетей.

Методология. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования нетипичных видов гражданских правоотношений.

Выводы, сделанные в статье, носят дискуссионный характер, направлены на продолжение проведения исследований в рамках заявленной тематики, направлены на формирование права социальных сетей, позволяющих вывести возникающие правоотношения на новый уровень правового регулирования. Статья является продолжением научных исследований автора о нетипичных формах правоотношений, требующих законодательного оформления.

Ключевые слова: право социальных сетей; трансформация частного права; аккаунт; гражданско-правовое регулирование; пользовательское соглашение.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: НИР в рамках государственного задания «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» на 2021 г. (№ 0851-20200033).

Для цитирования: Богдан В. В. Трансформация частного права: ведение бизнеса в социальной сети // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 42–52.

Поступила в редакцию 20.04.2021

Принята к публикации 18.05.2021

Опубликована 25.06.2021

© Богдан В. В., 2021

The Development of Private Law: Doing Business in a Social Network

Varvara V. Bogdan¹ ✉

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: KurskPravo@yandex.ru

Abstract

Relevance. The pandemic in 2020 caused a rapid growth of the interest in social networks as a platform for doing business. Previously this area of the Internet business seemed interesting and perspective but had little impact on economic development. The entrepreneurial activity through social networks has not been the subject of independent scientific research, but relations are developing and create precedents, the resolution of which does not have a solid and adequate legal basis and often even the possibility of applying norms by analogy. The issue of determining the legal nature of a social media account has not still resolved. The small number of judicial practice does not reflect the specifics of protecting the rights of participants in relations arising from the use of an account in a social network. The dynamics of the studied relations requires the development of certain approaches of private law to the object of research, as well as consideration of the creation of a new phenomenon "the law of social networks".

The purpose of the research is to create the foundations of the theory of social network law in terms of the process of development of private law in the framework of entrepreneurial activity.

Objectives: to identify specific features of doing business in social networks; to determine the legal nature of the account in the social network; to study judicial practice; to determine the direction of further development of the law of social networks.

Methodology. In the study there were used the dialectical-materialistic method, the system method, the methods of analysis and synthesis, and the formal-legal method.

The results of the study are of a theoretical and applicable nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of atypical kinds of civil legal relations.

Conclusions. The conclusions made made by the author are of a debatable nature, aimed at continuing of research within the framework of the stated topic and at forming the law of social networks, allowing to bring the emerging legal relations to a new level of legal regulation. The article is a continuation of the previous author's scientific researches on atypical forms of legal relations that require legislative registration.

Keywords: social media law; development of private law; account; civil law regulation; user agreement.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: Research within the framework of the state task "Transformation of private and public law in the context of evolving individuals, society and the state" for 2021 (No. 0851-20200033).

For citation: Bogdan V. V. The Development of Private Law: Doing Business in a Social Network. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 42–52. (In Russ.)

Received 20.04.2021

Accepted 18.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Интернет-бизнес — явление широко распространенное, многократно увеличившее свое воздействие на ведение предпринимательской деятельности в условиях объявленной в марте 2020 г.

пандемии коронавируса. Большое влияние на его развитие оказал процесс создания и функционирования социальных сетей, зародившихся как «сеть общения» и превращенных к 2021 г. в огромную коммерческую площадку, требующую

пристального внимания и контроля. Социальные сети возглавляют эволюционный процесс развития предпринимательской деятельности, способствуют появлению новых или трансформированных видов. Многогранность предпринимательских возможностей социальных сетей неизбежно влечет за собой необходимость правового «осознания» происходящих процессов и возможных конфликтов. Интернет-бизнес перестраивает «традиционные бизнес-процессы...», уменьшает «роль посредников, что повышает прозрачность и эффективность рынка» [1, с. 17]. До пандемии считалось, что чистый интернет-бизнес, не имеющий реального воплощения в объективной действительности, хоть и составляет значительную часть сектора малого бизнеса, тем не менее оказывает небольшое воздействие на экономическое развитие. Речь идет в первую очередь о бизнесе в социальных сетях, который, по сути, является невидимкой для официальной статистики и научно-исследовательского анализа. В настоящее время уже осознана необходимость по созданию специального режима правового регулирования отношений, возникающих в социальных сетях. На это в своих работах указывают Н. С. Еманова [2], М. В. Залоило, Н. В. Власова [3, с. 140–145], А. Е. Молотников, Е. В. Архипов [4, с. 38–47], А. В. Глушко [5] и ряд других авторов [6, с. 58–65; 7; 8; 9; 10]. Настоящее исследование направлено на создание основ теории права социальных сетей через призму предпринимательской деятельности.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы и методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод предопределил проведение исследова-

ования нового явления для правовой науки «социальная сеть» в неразрывном единстве с существующими правовыми явлениями, в частности предпринимательской деятельностью, правом интеллектуальной собственности. Использование системного метода позволило выделить имеющиеся инструменты для регулирования отношений, возникающих при ведении бизнеса в социальных сетях, привело к структурированному изложению эмпирического материала, позволило сформулировать положения о совокупности особенностей возникновения и развития правоотношений. Методы анализа и синтеза дали возможность обосновать тезисы о правовой природе аккаунта в социальных сетях. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, способного к регулированию рассматриваемых отношений, а также судебной практики.

Результаты и их обсуждение

В число наиболее успешных проектов входит продукт социальной сети Facebook «Инстаграм», являющийся востребованной площадкой для осуществления предпринимательской деятельности. Инстаграм – это сервис, включающий в себя в том числе связь между пользователями сервиса и интересующими их брендами, товарами и услугами: «Инстаграм» пропускает более 500 млн ежедневных активностей в storis¹. Политика «Инстаграм» направлена на защиту прав пользователей от недостойного контента и защиту интеллектуальных прав.

Функциональность «Инстаграм», как способа ведения предпринимательской деятельности обеспечивается возможностью преобразования личного аккаунта в

¹ URL: <https://www.facebook.com/4/posts/10106340834478671> (дата обращения: 17.03.2021).

бизнес-страницу, дающую дополнительные преимущества в виде анализа охватов, показов, вовлеченности, посещения профиля, статистики подписчиков. Общение с потенциальными потребителями не ограничивается только функцией Direct: бизнес-страница позволяет удерживать любые доступные средства связи (телефон, электронная почта, мессенджеры), а также активную ссылку на сайт компании при ее наличии. Границы рынка Инстаграм велики: сложно классифицировать по каким-либо основаниям сферы, охваченные ресурсом, за исключением общих: продажа товаров, оказание услуг, выполнение работ. В соотношении «социальные сети – бизнес» аккаунт в социальной сети может выступать в качестве площадки основной (сюда в том числе попадают виды деятельности, не имеющие материального результата) и вспомогательной, имеющей характер информационного, имиджевого, рекламного ресурса.

Ведение бизнеса в «Инстаграм» обладает рядом специфических черт, входящих в противоречие с действующим российским законодательством. Отсутствие правовой основы осуществления предпринимательской деятельности в социальных сетях в первую очередь делает неопределенной структуру правовых связей, возникающих:

- по отношению к аккаунту и контенту;
- по поводу содержания правового статуса лиц – участников бизнеса, осуществляемого в рамках социальной сети;
- по поводу защиты прав и законных интересов лиц, ведущих бизнес в социальных сетях, в том числе связанных с его разделом.

Правовой режим контента, которым наполняется аккаунт, понятен: контент является результатом интеллектуальной

деятельности и подпадает под признаки объекта авторского права (ст. 1259 ГК РФ). Он может представлять собой литературное произведение, фотографическое произведение, аудиовизуальное произведение и др., а также симбиоз этих объектов, соединенных при помощи вспомогательных программ.

Ведение бизнеса в социальной сети может начать любой пользователь, который в соответствии с Правилами пользования вправе зарегистрировать себя в качестве такового. Согласно Условиям пользования «Инстаграм» правом на создание страницы обладает физическое лицо, достигшее 13-летнего возраста или возраста, «начиная с которого в вашей стране законодательно разрешено использовать Instagram»¹. В Российской Федерации такие требования отсутствуют, как и иные ограничения, в том числе касающиеся право-дееспособности лиц. Перевод личной страницы в бизнес-страницу в «Инстаграм» не влечет обязанности субъекта регистрироваться в качестве самозанятого, индивидуального предпринимателя или юридического лица. Это порождает проблему идентификации лица, продающего товары, оказывающие услуги через аккаунт в социальной сети, как следствие, отсутствие определенности правового статуса лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность исключительно в социальной сети. Неразрывно с этим связана и проблема защиты прав потребителей товаров (услуг), которые они получают от пользователей социальных сетей, ведущих свой бизнес посредством ее инструментов. Потребитель не «видит» реального контрагента, не может адекватно оценить свои риски, поскольку, по сути, при создании аккаунта и перевода его в

¹ URL: <https://help.instagram.com/581066165581870>. (дата обращения: 17.03.2021).

бизнес-страницу презюмируется, что регистрируется лицо, достигшее необходимого возраста и обладающее соответствующей право-дееспособностью.

В отношении защиты прав и законных интересов лиц, ведущих свой бизнес в социальных сетях, отмечу, что системное толкование Условий пользования позволяет сделать вывод, что при сохранении права собственности на контент с безвозмездным предоставлением неисключительной лицензии на него аккаунт пользователя может быть в любое время заблокирован или удален, если сообщество придет к выводу, что последний создает «риск или неблагоприятные правовые последствия», без предварительного уведомления. Учитывая наличие методов недобросовестной конкуренции, любой пользователь может обратиться с псевдожалобой на бизнес-аккаунт и, если сообщество сочтет необходимым приостановить видимость аккаунта, пользователь лишается возможности управлять своим бизнесом на определенное время.

Еще больше вопросов вызывает процесс осмысления права социальных сетей, формируемое в настоящее время под жестким влиянием цифровой среды и цифровизации общества. В Государственной Думе Российской Федерации находится проект № 145507-7 Федерального закона «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, в котором, исходя из пояснительной записки, смещены акценты на регулирование социальных отношений (сеть общения), исключив из сферы действия коммерческие (предпринимательские) отношения (бизнес-сеть). Исходя из преамбулы вышеназванного проекта, он устанавливает

«правовые и организационные основы осуществления деятельности социальных сетей и пользования социальными сетями в Российской Федерации», при этом суживает возможные виды деятельности в социальных сетях до благотворительной, рекламной и торговой (ст. 11, 12, 13 соответственно). Проект заслуженно не был поддержан и получил обоснованную критику исследователей и специалистов в сфере цифрового права: под сомнение были поставлены не только содержание, но и понятийный аппарат как неточный и противоречивый [6].

Исследовательский подход к праву социальных сетей разрознен. Поиск моделей частноправового регулирования отношений, возникающих в социальных сетях, активно осуществляется через институты наследования [11, с. 40–43; 12, с. 29–30; 13], интеллектуальной собственности [14]. В ряде случаев авторы опираются на скудную судебную практику, пытаясь подвести аккаунт в социальной сети под объект гражданского права [15; 16].

Социальная сеть как интернет-сайт по российскому законодательству представляет собой объект интеллектуальной собственности – составное произведение, следовательно имеющее свой правовой режим и защиту, несмотря на то, что специалисты в сфере интеллектуальной собственности отмечают фрагментарность правового регулирования интернет-сайтов как не охватывающих «в полной мере сложную техническую природу и многоуровневую информационную структуру сайтов» [17], не охраняющего невидимый пользователю контент [18].

Вместе с тем основной проблемой остается определение правовой природы аккаунта (персональной страницы пользователя), в которой аккумулируется вся информация (контент), представляющая

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/145507-7> (дата обращения: 17.03.2021).

собой коммерческий / некоммерческий интерес для пользователя, главным образом для того, кто осуществляет свою предпринимательскую деятельность посредством социальных сетей.

В научной литературе уже предпринята попытка определить аккаунт в социальной сети как объекта гражданского права. Е. Е. Кирсанова утверждает, что «аккаунт в полной мере соответствует понятию “имущество”», указывая, что аккаунты в социальной сети могут быть рассмотрены как «составные элементы договора купли-продажи бизнеса как единого объекта» со ссылкой на постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 января 2018 г., могут сами по себе являться оборотоспособным благом [16]. Детальное изучение вышеуказанного Постановления показало, что вопрос о том, может или нет страница (аккаунт) в социальной сети включаться в состав бизнеса, не рассматривался в рамках судебного спора, что делает вывод Е. Е. Кирсановой умозрительным. Аналогично, например, Ленинский районный суд г. Тюмени взыскал задолженность по договору купли-продажи, в предмет которого входил в том числе и аккаунт в социальных сетях, однако оценки возможности такой продажи в решении нет¹, суд ограничился формальным подходом к рассмотрению данного аспекта гражданского дела. А. И. Бычков утверждает, что «как структурный компонент готового бизнеса данная страница в социальной сети может быть предметом сделок при условии надлежащего согласования сторонами порядка передачи прав администратора сообщества» со ссылкой на постановление Семнадцатого арбитражного

апелляционного суда от 28 марта 2017 г. № 17АП-1667/2017-ГК [15], однако он ошибочно представляет передачу прав администрирования сообществом другому лицу как возможный объект купли-продажи.

Е. С. Гринь считает, что аккаунт в сети следует рассматривать «как результат интеллектуальной деятельности (как сложные объекты, например, мультимедийные продукты) и «с учетом этих моментов отталкиваться при доказывании авторства» [14]. Аналогичного мнения придерживается Е. Н. Ершова [19, с. 68–70], а Е. С. Котенко со ссылкой на п. 2 ст. 1260 ГК РФ относит аккаунт к числу составных произведений [20].

Представляется, что аккаунт (страница пользователя) в социальной сети сложно в настоящее время назвать объектом гражданского права. Теоретически его можно отнести к разновидности цифровых прав, подведя под категорию «иные», но при условии, что он будет назван таковым в каком-либо законе. Но и в этом случае весьма сомнительно, думается, его определение в этом качестве: аккаунт не принадлежит пользователю, он принадлежит правообладателю социальной сети, о чем свидетельствует содержание пользовательских соглашений.

Значение для определения статуса аккаунта с точки зрения гражданского права имеют пользовательские соглашения, к которым при регистрации в социальной сети присоединяются все потенциальные пользователи. Немаловажное значение имеет и принадлежность социальных сетей: их можно разделить на российские и иностранные. Первые, определяя порядок пользования сетью, опираются на отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ); вторые – императивно устанавливают не только свои пра-

¹ Решение Ленинского районного суда г. Тюмени от 10 апреля 2020 г. по делу № 2-2414/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.04.2021).

вила, но и юрисдикцию рассмотрения споров. Например, сообщество Instagram прямо указывает, что претензии, иски и споры между потребителями и сообществом, возникающие из Условий пользования или в связи с ними, рассматриваются по законам страны проживания потребителя, но во всех остальных случаях претензии должны разрешаться исключительно в федеральном окружном суде Северного округа штата Калифорния или в суде штата, находящемся в округе Сан-Матео, а Условия пользования регулируются законодательством штата Калифорния без учета его норм коллизионного права¹. М. Е. Черемисинова ставит под сомнение правомерность подобных условий, основываясь на том, что для пользователей «затруднительно найти возможность принять участие в судебном разбирательстве за пределами своей страны, так как “среднестатистическому гражданину это явно не под силу” (причем не только в России, но и в странах Европы)» [21]. Представляется, что создатель социальной сети вправе устанавливать любые условия пользования, а оснований для их оспаривания не имеется ввиду отсутствия нарушения какой-либо нормы, а также безвозмездности отношений.

Анализ Правил пользования российским сайтом «ВКонтакте»² позволяет сделать вывод, что между Администрацией сайта и Пользователем возникают безвозмездные договорные отношения, о чем свидетельствует прямое указание на ст. 437 и 438 ГК РФ в преамбуле Правил и п. 2.3 соответственно. Таким образом, налицо возникновение обязательственного правоотношения договорного типа, характеризующегося такими признаками,

как консенсуальность, публичность, безвозмездность. При этом пользователю запрещена передача своего логина и пароля третьим лицам (п. 5.9 Правил).

Принципы построения взаимоотношений с социальной сетью «Инстаграм» исходят из полного осознания того, что аккаунт в данной социальной сети пользователю не принадлежит, о чем свидетельствует системное толкование отдельных пунктов Условий использования (актуальная редакция от 20.12.2020 г.)³. Так, сообщество вправе отказаться или немедленно прекратить предоставлять сервис полностью или частично, в том числе отключить доступ к продуктам Instagram и продуктам компаний Facebook на временной или постоянной основе. Основанием для закрытия доступа к аккаунту могут выступать: создание риска или неблагоприятных правовых последствий для сообщества, *нарушение Условия использования или правил* (курсив наш. – В. Б.); систематическое нарушение прав на интеллектуальную собственность третьих лиц, а также сообщество вправе «прекратить или изменить работу сервиса, удалить или заблокировать контент или информацию, предоставленную на нашем Сервисе, либо прекратить предоставление Сервиса полностью или частично, если мы посчитаем, что это необходимо в разумной мере для предотвращения или смягчения негативных правовых или нормативных последствий для нас»³. Таким образом, пользователь сохраняет право собственности лишь на размещаемый контент в аккаунте, но не сам аккаунт. Следовательно, охарактеризовать аккаунт как объект гражданского права не представляется возможным. Его сложно назвать суррогатом объекта гражданского права или квазиобъектом, поэтому

¹ URL: <https://help.instagram.com/581066165581870> (дата обращения: 03.04.2021).

² URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 03.04.2021).

³ URL: <https://help.instagram.com/581066165581870> (дата обращения: 03.04.2021).

выводы о том, что аккаунт является «нематериальным благом, созданным в результате творчества условного автора <...> сам по себе может являться оборотоспособным» [16] не находят своего подтверждения. Он может выступать в качестве информационной площадки или средством связи, но это не делает его объектом гражданского права.

Арбитражная судебная практика во многом свидетельствует о том, что аккаунт в социальной сети рассматривается не как объект, а как инструмент, способствующий осуществлению предпринимательской деятельности: «признать незаконными действия по предложению к продаже, рекламе и продаже *через* аккаунт в социальной сети»¹, «обязать переименовать аккаунт в социальной сети Instagram»², «оказать услуги по продвижению в социальных сетях»³, «услуги по построению сети аккаунтов в социальной сети Instagram, привлечение подписчиков»⁴ и т. д.

Следует признать, что в настоящее время начинает свое формирование право социальных сетей, представляющее собой совокупность норм, регулирующих отношения, складывающихся между правообладателями социальных сетей и

пользователями аккаунтов. Применение отраслевого законодательства в спорах о принадлежности аккаунта, возможности его раздела, передачи прав пользователя возможно только с учетом Правил пользования (Пользовательские соглашения) соответствующей социальной сетью.

Выводы

Ведение бизнеса посредством социальных сетей требует формирования новаторских подходов, возможно, идущих вразрез и со сложившимися научными представлениями, и с законодательством и судебной практикой. Системной ошибкой подхода к определению правовой сущности новых отношений являются попытки уместить новые, нетипичные правоотношения в известные институты. В этой связи представляется оправданным создание новой правовой матрицы в отношении социальных сетей. Нетипичный характер правоотношений обусловил развитие всего направления вне рамок правового поля. В рамках научной дискуссии предлагается авторское видение основных направлений формирования права социальных сетей, позволяющих вывести возникающие правоотношения на новый уровень правового регулирования: выделение права социальных сетей как самостоятельного института, подлежащего правовому регулированию; корреляция предпринимательской деятельности, осуществляемой в социальных сетях, с действующим законодательством и условиями пользования социальными сетями, в том числе зарубежными; корреляция предпринимательской деятельности, осуществляемой в социальных сетях, с действующим законодательством; установление детерминант, способных оказать влияние на предпринимательскую деятельность, осуществляемую в социальных сетях.

¹ Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 24 октября 2019 г. по делу № А65-7151/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.04.2021).

² Решение Арбитражного суда Ростовской области от 28 мая 2020 г. по делу № А53-47320/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.04.2021).

³ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 20 августа 2020 г. по делу № А32-47874/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.04.2021).

⁴ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда (18 ААС) от 4 апреля 2016 г. по делу № А76-18821/2015. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.04.2021).

Список литературы

1. Примочкин Б. Интернет-экономика: перспективы развития // ЭЖЮрист. 2012. № 17.
2. Еманова Н. С. Электронная торговля в социальных сетях: актуальные вопросы // Право в сфере Интернета: сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 387–396.
3. Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 140–145.
4. Молотников А. Е., Архипов Е. В. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // Предпринимательское право. 2017. № 4. С. 38–47.
5. Глушко А. В. Возможные пути правового регулирования интернет-отношений в Российской Федерации // Юридический мир. 2007. № 11. С. 71–74.
6. Жильцов Н. А., Чердаков О. И., Куликов С. Б. Право в рамках киберпространства // Юрист. 2020. № 2. С. 58–65.
7. Невзоров И. В. Проблема региональной разобщенности гражданско-правового регулирования деятельности в сети Интернет // Правовые вопросы связи. 2006. № 2. С. 11–14.
8. Социальные интернет-сети: правовые аспекты / С. А. Перчаткина, М. Е. Черемисинова, А. М. Цирин, М. А. Цирина, Ф. В. Цомартова // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 14–24.
9. Пучков В. О. Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права в цивилистической доктрине и судебной практике // Арбитражные споры. 2020. № 3. С. 143–158.
10. Право в сфере Интернета: сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2018. 528 с.
11. Гапанович А. В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // Наследственное право. 2020. № 2. С. 40–43.
12. Панарина М. М. Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование // Наследственное право. 2018. № 3. С. 29–30.
13. Филиппова О. Соцсети – детям, биткойны – внукам. Как решаются вопросы наследования цифровых прав в России. URL: <https://npsob66.ru/socseti-detyam-bitkoiny-vnukam/> (дата обращения: 03.04.2021).
14. Гринь Е. С. У кого останется аккаунт Instagram при разводе. URL: <https://instagram.com/elenasgrin?igshid=1s59ljdphxxky> (дата обращения: 22.02.2021).
15. Бычков А. И. Рынок мобильных приложений в России. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 236 с.
16. Кирсанова Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной политики. 2020. № 2 (87). С. 44–48.
17. Кравченко А. А. Правовой режим интернет-сайта как комплексного объекта права интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
18. Мальцев Н. М., Синельникова В. Н. Правовой режим интернет-сайтов как объектов интеллектуальных прав // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 9. С. 33–45.

19. Ершова Е. Н. Аккаунт в социальной сети как сложный объект интеллектуальных прав // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2017. № 3(18). С. 68–70.
20. Котенко Е. С. Понятие и признаки мультимедийного продукта // *Lex russica* (Русский закон). 2013. Т. 95, № 6. С. 601–615.
21. Черемисинова М. Е. Социальная интернет-сеть в качестве субъекта правоотношений // *Право в сфере Интернета: сборник статей* / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 375–386.

References

1. Primochkin B. Internet-ekonomika: perspektivy razvitiya [Internet Economy: Development prospects]. *EZHURist = EGUrist*, 2012, no. 17.
2. Emanova N. S. Elektronnaya trgovlya v social'nyh setyah: aktual'nye voprosy [E-commerce in social networks: current issues]. *Pravo v sfere Interneta. Sbornik statej* [Law in the field of the Internet. Collection of articles]; ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, Statut Publ., 2018, pp. 387–396.
3. Zaloilo M. V., Vlasova N. V. Social'nye internet-seti: pravovye aspekty [Social internet networks: legal aspects]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2014, no. 5, pp. 140–145.
4. Molotnikov A. E., Arhipov E. V. Social'nye seti i kompanii-agregatory: pravovye aspekty deyatel'nosti [Social networks and aggregator companies: legal aspects of activity]. *Predprinimatel'skoe pravo = Entrepreneurial Law*, 2017, no. 4, pp. 38–47.
5. Glushko A. V. Vozmozhnye puti pravovogo regulirovaniya internet-otnoshenij v Rossijskoj Federacii [Possible ways of legal regulation of Internet relations in the Russian Federation]. *Yuridicheskij mir = The legal world*, 2007, no. 11, pp. 71–74.
6. Zhil'cov N. A., Cherdakov O. I., Kulikov S. B. Pravo v ramkah kiberprostranstva [Law in the framework of cyberspace]. *Yurist = Lawyer*, 2020, no. 2, pp. 58–65.
7. Nevzorov I. V. Problema regional'noj razobshchennosti grazhdansko-pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti v seti Internet [The problem of regional disunity of civil law regulation of activities on the Internet]. *Pravovye voprosy svyazi = Legal issues of communication*, 2006, no. 2, pp. 11–14.
8. Perchatkina S. A., Cheremisinova M. E., Cirin A. M., Cirina M. A., Comartova F. V. Social'nye internet-seti: pravovye aspekty [Social Internet networks: legal aspects]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2012, no. 5, pp. 14–24.
9. Puchkov V. O. Osnovnye problemy cifrovogo obraza sub"ekta grazhdanskogo prava v civilisticheskoy doktrine i sudebnoj praktike [The main problems of the digital image of the Subject of Civil Law in Civil Doctrine and judicial practice]. *Arbitrazhnye spory = Arbitration disputes*, 2020, no. 3, pp. 143–158.
10. *Pravo v sfere Interneta. Sbornik statej* [Internet Law. Collection of articles]; ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, Statut Publ., 2018. 528 p.
11. Gapanovich A. V. K voprosu o nasledovanii virtual'nogo imushchestva v social'nyh setyah [On the issue of inheritance of virtual property in social networks]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2020, no. 2, pp. 40–43.

12. Panarina M. M. Nasledovanie akkaunta v social'nyh setyah i voprosy cifrovogo nasledovaniya: pravovoe issledovanie [Inheritance of an account in social networks and issues of digital inheritance: legal research]. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2018, no. 3, pp. 29–30.
13. Filippova O. Socseti – detyam, bitkoiny – vnukam. Kak reshayutsya voprosy nasledovaniya cifrovyyh prav v Rossii [Social networks – for children, bitcoins-for grandchildren. How issues of digital rights inheritance are resolved in Russia]. Available at: <https://npso66.ru/socseti-detyam-bitkoiny-vnukam/>. (accessed 03.04.2021)
14. Grin' E. S. U kogo ostanetsya akkaunt Instagram pri razvode [Who will have an Instagram account in the event of a divorce]. Available at: <https://instagram.com/elenasgrin?igshid=1s59ljdphtxxky>. (accessed 22.02.2021)
15. Bychkov A. I. Rynok mobil'nyh prilozhenij v Rossii [Mobile App market in Russia]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2017. 236 p.
16. Kirsanova E. E. Akkaunt kak ob"ekt grazhdanskih prav [Account as an object of Civil Rights]. *Vestnik arbitrazhnoj politiki = Bulletin of Arbitration Policy*, 2020, no. 2 (87), pp. 44–48.
17. Kravchenko A. A. Pravovoj rezhim internet-sajta kak kompleksnogo ob"ekta prava intellektual'noj sobstvennosti. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Legal regime of the Internet site as a complex object of intellectual property law. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2016.
18. Mal'cev N. M., Sinel'nikova V. N. Pravovoj rezhim internet-sajtov kak ob"ektov intellektual'nyh prav [Sinelnikova V. N. The legal regime of Internet sites as objects of intellectual rights]. *Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava = Patents and Licenses. Intellectual property rights*, 2019, no. 9, pp. 33–45.
19. Ershova E. N. Akkaunt v social'noj seti kak slozhnyj ob"ekt intellektual'nyh prav [Social network account as a complex object of Intellectual rights]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire = Fundamental and Applied Research in the Modern world*, 2017, no. 3(18), pp. 68–70.
20. Kotenko E. S. Ponyatie i priznaki mul'timedijnogo produkta [The concept and features of a multimedia product]. *Lex Russica (Russkij zakon) = Lex Russica (Russian law)*, 2013, vol. 95, no. 6, pp. 601–615.
21. Cheremisinova M. E. Social'naya internet-set' v kachestve sub"ekta pravootnoshenij [Social Internet network as a subject of legal relations]. *Pravo v sfere Interneta. Sbornik statej* [Law in the field of the Internet. Collection of articles]; ed. by. M. A. Rozhkova. Moscow, Statut Publ., 2018, pp. 375–386.

Информация об авторе / Information about the Authors

Богдан Варвара Владимировна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: KurskPravo@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9686-4687

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: KurskPravo@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9686-4687

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.77

Нормативно-правовая регламентация статуса некоммерческих организаций, действующих в сфере осуществления и защиты интеллектуальных правЛ. Е. Барковская¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: flink@mail.ru

Резюме

Актуальность. Для построения инновационной экономики в России необходимо проведение такой социально-экономической политики, которая создавала бы благоприятные условия для творческой деятельности и последующей коммерциализации прав на ее результаты. Это предполагает активное функционирование различных организаций, создаваемых для осуществления и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, включая организации по коллективному управлению авторскими и смежными правами, а также общественные организации и творческие союзы.

Вместе с тем, несмотря на весьма значимую роль различных общественных организаций и творческих союзов, которую они играют в развитии сферы интеллектуальной собственности в России, их функции и полномочия не закреплены в нормах части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Это является существенным пробелом российского гражданского законодательства, так как не позволяет данным организациям в полной мере реализовать свой организационный и юридический потенциал.

Целью исследования выступает формулирование теоретических основ правового регулирования деятельности организаций, создаваемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав, по законодательству России.

Задачи: выявить особенности нормативно-правового регулирования статуса некоммерческих организаций, действующих в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав, в России; определить направления дальнейшего развития правового регулирования деятельности некоммерческих организаций в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав.

Методология. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правовой охраны интеллектуальных прав.

Выводы. Автор приходит к выводу о том, что детальное правовое регулирование деятельности особого вида юридических лиц - организаций, создаваемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав, отсутствует как на международном, так и на национальном уровне. Общие положения гражданского законодательства о юридических лицах не учитывают специфики сферы деятельности данных организаций.

Ключевые слова: авторское право; нормативно-правовое регулирование; некоммерческие организации; интеллектуальные права.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Барковская Л. Е. Нормативно-правовая регламентация статуса некоммерческих организаций, действующих в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 53–64.

Поступила в редакцию 12.04.2021

Принята к публикации 17.05.2021

Опубликована 25.06.2021

Normative Legal Regulation of the Status of Non-Profit Organizations Operating in the Field of Implementation and Protection of Intellectual Rights

Ludmila E. Barkovskaya¹ ✉

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: flink@mail.ru

Abstract

Relevance. To build an innovative economy in Russia, it is necessary to conduct a socio-economic policy that would create favorable conditions for creative activity and the subsequent commercialization of rights to its results. This presupposes the active functioning of various organizations created to exercise and protect intellectual property rights. These should, first of all, include organizations involved in the collective management of copyright and related rights, public organizations and creative unions.

However, despite the very significant role of various public organizations and creative unions, which they play in the development of the sphere of intellectual property in Russia, their functions and powers are not enshrined in Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter - the Civil Code of the Russian Federation). This is a significant gap in Russian civil legislation, since it does not allow these organizations to fully realize their organizational and legal potential.

The purpose of the study is to formulate the theoretical foundations of the legal regulation of the activities of organizations created for the implementation and protection of intellectual rights, according to the legislation of Russia.

Objectives: to identify the features of the legal regulation of the status of non-profit organizations operating in the field of the implementation and protection of intellectual rights in Russia; determine the legal nature of these organizations; study international agreements in the field of intellectual property; to determine the directions of further development of legal regulation of the activities of non-profit organizations in the field of implementation and protection of intellectual rights.

Methodology. When writing the work, the dialectical materialist method, the systemic method, methods of analysis and synthesis, and the formal legal method were used.

The research results are of theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal protection of intellectual property rights.

Conclusions. The author concludes that there is no detailed legal regulation of the activities of a special type of legal entities - organizations created for the implementation and protection of intellectual rights, both at the international and national levels. General provisions of civil legislation on legal entities do not take into account the specifics of the scope of activities of these organizations.

Keywords: copyright; legal regulation; non-profit organizations; intellectual rights.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Barkovskaya L. E. Normative Legal Regulation of the Status of Non-Profit Organizations Operating in the Field of Implementation and Protection of Intellectual Rights. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 53–64. (In Russ.)

Received 12.04.2021

Accepted 17.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Индивидуальное осуществление авторских прав на современном этапе постепенно заменяется иными формами их реализации, включая агрегирование, объ-

единение и укрупнение правообладателей, агентскую деятельность и различные формы коллективного управления. В результате права все чаще реализуются не индивидуальным правообладателем, а уполномоченным правообладателями ли-

цом. Создание современных технических средств, позволяющих осуществлять распространение объектов интеллектуальной собственности, в том числе произведений и других результатов интеллектуальной деятельности, серьезно осложняет эффективное управление исключительными правами на данные объекты в индивидуальном порядке. В связи с этим авторы и другие правообладатели, как правило, передают иным лицам свои исключительные права либо поручают их осуществление иным лицам в соответствии с договором агентирования и иными подобными договорами посредникам – продюсерам, издательствам и другим профессиональным участникам рынка интеллектуальной собственности.

Не случайно целый ряд исследователей (в частности, Н. К. Абрамова, А. В. Антонова, Е. М. Конева, Е. А. Моргунова) [1; 2; 3; 4] посвятили свои исследования созданию и осуществлению деятельности организаций по управлению правами на коллективной основе, однако правовому статусу иных организаций, действующих в сфере интеллектуальной собственности (общественным организациям и союзам) внимание ими не уделяется. В связи с этим считаем весьма важным исследование нормативно-правового регулирования деятельности организаций, создаваемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав. Оно осуществляется, в первую очередь, конституционно-правовыми нормами, а также нормами гражданского законодательства о юридических лицах, нормами гражданского законодательства об интеллектуальной собственности, иными нормативно-правовыми актами (в частности, налоговым, административным и иным законодательством) и локальными актами данных организаций.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общена-

учные методы и методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод позволил исследовать правовой статус некоммерческих организаций, создаваемых в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав, в неразрывном единстве с существующими правовыми явлениями, в частности их правовым статусом как юридических лиц. Использование системного метода позволило выделить имеющиеся инструменты для регулирования отношений, возникающих в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав, привело к структурированному изложению эмпирического материала, позволило сформулировать выводы о необходимости конкретизации правового положения некоммерческих организаций, создаваемых в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав. Методы анализа и синтеза дали возможность обосновать тезисы о правовой природе некоммерческих организаций, создаваемых в сфере осуществления и защиты интеллектуальных прав. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, способного к регулированию рассматриваемых отношений, а также правоприменительной практики.

Результаты и их обсуждение

Исследователи справедливо отмечают, что понятие «правовой статус юридического лица» включает в себя не только его правосубъектность, но и «порядок его создания, реорганизации, ликвидации, юридическую ответственность, права и обязанности его участников и кредиторов» [5, с. 36]. Для характеристики правового статуса организаций, создаваемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав, обратимся, в первую очередь, к анализу их правосубъектности, а затем рассмотрим его осталь-

ные составляющие применительно к различным видам указанных организаций.

Следует отметить, что правовой статус юридического лица формируется на основе компетенции органов управления и правоспособности как его исходных элементов [6, с. 60; 7, с. 88–91; 8, с. 5–22; 9; 10]. В цивилистической доктрине содержание компетенции рассматривают различным образом. Буквальное толкование термина «компетенция» позволяет обозначить ее как перечень вопросов, в отношении которых кто-либо обладает определенными полномочиями, правами. В ее содержание могут быть включены любые права и обязанности, определенные законом, включая те из них, которыми субъект был наделен вышестоящим органом (делегированная компетенция). Зачастую в понятие «компетенция» включают целевую способность обладать какими-либо правами и обязанностями, однако в этом случае усматривается подмена понятия «правоспособность». К. К. Лебедев высказал точку зрения относительно того, что компетенция содержит также способность (возможность) осуществить субъективные права и обязанности, предусмотренные законом [11, с. 54–55]. И. Е. Замойский усматривает в составе компетенции только субъективные права и обязанности, существующие в конкретных правоотношениях [12, с. 8].

Для характеристики нормативно-правовой регламентации статуса организаций, создаваемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав, в первую очередь обратимся к международным правовым актам в сфере интеллектуальной собственности. Следует отметить, что данные акты непосредственно не определяют правовой статус указанных организаций, однако содержат весьма важные положения, имеющие отношение

к целям и сфере их деятельности, а следовательно, касающиеся определения их правосубъектности.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) и ЮНЕСКО – специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры – неоднократно указывали на высокую важность стимулирования развития института коллективного управления, поскольку это дает возможность обеспечивать массовое использование охраняемых авторским правом и смежными правами объектов без введения дополнительных законодательных ограничений в отношении использования [13].

Согласно нормам Всемирной декларации по интеллектуальной собственности¹ интеллектуальная собственность выступает в качестве одного из базовых элементов не только научно-технического прогресса, но и развития человечества в целом, которые играют определяющую роль при разрешении проблем в сфере образования, здравоохранения и охраны окружающей среды.

Согласно ст. 27 Всеобщей декларации прав человека², каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами, а также защищать свои моральные и материальные интересы, являющиеся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является. Под интересом в данном случае понимается потребность человека,

¹ Всемирная декларация по интеллектуальной собственности: [принята 26.06.2000]. URL: www.wipo.int (дата обращения: 18.08.2020).

² Всеобщая декларация прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948]. URL: <http://base.garant.ru/10135532> (дата обращения: 03.04.2021).

выраженная в форме сознательного побуждения, выраженная в виде его желаний, намерений, стремлений, а в конечном итоге и в тех отношениях, в которые он вступает с другими людьми в процессе своей деятельности [14, с. 240]. Такого рода отношения складываются, в частности, при создании юридических лиц.

Проблемы коллективного управления авторскими и смежными правами в последнее десятилетие занимают весьма важное место в содержании директив Европейского Сообщества. Для стран, входящих в Европейский союз (ЕС), в том числе Франции, ФРГ, Великобритании, обязательным является выполнение требований директив ЕС «О правовой охране программ для ЭВМ» (1991 г.), «О праве на прокат и праве на предоставление в безвозмездное временное пользование и некоторых правах, относящихся к авторскому праву в области интеллектуальной собственности» (1992 г.), «О согласовании некоторых норм авторского права и прав, относящихся к авторскому праву, применимых к эфирному вещанию через спутник и к ретрансляции по кабелю» (1993 г.), «О гармонизации срока действия охраны авторского права и некоторых смежных прав» (1993 г.), «О правовой охране баз данных» (1996 г.), «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе» (2001 г.), «О праве перепродажи в интересах автора оригинала произведения искусства» (2001 г.) и др.

Следует отметить, что Российская Федерация участвует во всех основных международных договорах в сфере интеллектуальной собственности. Их можно разделить на следующие группы.

1. Договоры о глобальной системе охраны, на основании которых осуществляется защита интеллектуальной собственности на международном уровне.

Данные договоры создают возможность действия международной регистрации или подачи заявки в любом государстве-участнике. Услуги, предоставляемые ВОИС согласно данным договорам, позволяют значительно упростить и сократить стоимость подготовки или подачи отдельных заявок во всех странах, где запрашивается охрана в отношении какого-либо результата интеллектуальной деятельности.

В данную группу, в частности, входят Мадридское соглашение о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 г., Лиссабонское соглашение об охране наименований мест происхождения и их международной регистрации 1958 г., Будапештский договор о международном признании депонирования микроорганизмов для целей патентной процедуры 1977 г., Договор о патентной кооперации, подписанный в Вашингтоне 19 июня 1970 г., пересмотренный 2 октября 1979 г., измененный 3 февраля 1984 г. и 3 октября 2001 г., который предусматривает подачу международных заявок на патенты, Женевский акт Гаагского соглашения о международной регистрации промышленных образцов 1999 г.

2. Договоры по охране интеллектуальной собственности, содержащие международные стандарты охраны интеллектуальной собственности в каждой из стран-участниц. В числе данных договоров, в частности, Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г., Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г., Договор ВОИС по авторскому праву от 20 декабря 1996 г., Договор ВОИС по исполнению и фонограммам 1996 г., Договор о патентном праве, принятый в г. Женеве 1 июля 2000 г., Сингапурский договор о законах по товарным знакам 2006 г.

3. Договоры, устанавливающие системы классификации и процедуры их

улучшения и обновления: Локарнское соглашение, устанавливающее международную классификацию промышленных образцов от 8 октября 1968 г., Страсбургское соглашение о международной патентной классификации от 24 марта 1971 г., Ниццкое соглашение о Международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков от 15 июня 1957 г., пересмотренное в Стокгольме 14 июля 1967 г. и в Женеве 13 мая 1977 г.

4. Международные договоры, регламентирующие более широкий круг вопросов: Конвенция об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) 1967 г., Соглашение стран СНГ о сотрудничестве в области охраны авторского права и смежных прав 1993 г., Соглашение о правовых аспектах прав интеллектуальной собственности (Соглашение TRIPS), входящее в пакет документов о создании Всемирной торговой организации (ВТО).

5. Двусторонние соглашения в сфере интеллектуальной собственности, заключенные с Австрией, Арменией, Болгарией, Венгрией, Кубой, Малагасийской Республикой, Польшей, Словакией, Чехией, Швецией и другими странами.

Что касается отечественного законодательства, то центральное место среди нормативных актов в силу своего верховенства занимает Конституция Российской Федерации¹ (далее – Конституция РФ). Она закрепляет основные принципы функционирования субъектов права, в том числе юридических лиц, провозглашает свободу предпринимательской деятельности. В соответствии со ст. 8 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Конституция РФ также содержит следующие положения, имеющие отно-

шение к интеллектуальной собственности.

Во-первых, Конституция РФ в ст. 44 прямо указывает на то, что каждому из нас гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и иных видов творчества.

Во-вторых, правовая норма ст. 71 Конституции РФ гласит, что именно в ведении Российской Федерации находится гражданское законодательство и правовое регулирование интеллектуальной собственности (п. «о»). Иными словами, субъекты Российской Федерации не вправе регулировать ни вопросы гражданского права, ни вопросы охраны и защиты интеллектуальной собственности [15, с. 24]. В соответствии с п. 1 ст. 17 Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», гражданское законодательство регулирует в том числе иные имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на автономии воли, равенстве и имущественной самостоятельности участников².

Предусмотренное ст. 34 Конституции Российской Федерации право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности означает, в частности, что правообладатель вправе являться членом некоммерческой или иной организации, создаваемой для осуществления и защиты интеллектуальных прав, и в соответствии с законодательством Российской Федерации иметь права члена организации, принимать в уста-

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12151067> (дата обращения: 18.02.2021).

новленном порядке участие в управлении такой организацией.

Конституционные нормы получили дальнейшее развитие в федеральном законодательстве, были приняты важнейшие нормативные акты гражданско-правового характера, которые способствуют развитию системы юридических лиц. Важнейшие из них содержатся в части первой ГК РФ¹. Согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ, граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей, приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, наделены возможностью самостоятельного распоряжения принадлежащими им правами. Часть первая ГК РФ, вступившая в силу 1 января 1995 г., и принятые в соответствии с ней иные законодательные акты включили в имущественный оборот целый ряд организационно-правовых форм юридических лиц, правовая регламентация большей части из которых к настоящему времени достигла высокого уровня развития. Одни юридические лица (коммерческие организации) создаются для осуществления предпринимательской деятельности, другие юридические лица (некоммерческие организации) ставят своей целью предоставление социальных услуг, они содействуют развитию культуры, образования, оказывают благотворительную помощь и осуществляют другие общественно-полезные цели, некоторые из них (например, торгово-промышленные палаты) создаются для реализации взаимодействия предпринимательского сообщества с органами государственной власти и местного самоуправления.

Гражданский кодекс РФ устанавливает общие положения, согласно которым должны приниматься иные акты гражданского законодательства о правовом статусе отдельных видов юридических лиц. Согласно действующим в настоящее время нормам кодекса юридические лица подлежат созданию лишь в предусмотренных ГК РФ организационно-правовых формах. Для коммерческих организаций исчерпывающий перечень таких форм содержится в п. 2 ст. 50 ГК РФ, а для некоммерческих юридических лиц – в п. 3 ст. 50 ГК РФ. Ранее действовавшее законодательство предполагало возможность дополнения перечня последних другими законами, что давало определенную свободу нормативно-правового регулирования деятельности некоммерческих организаций, возможность гибкого регулирования особенностей их правового статуса и деятельности отдельных их видов в политической, религиозной, жилищной и иных сферах. Однако в настоящее время в отношении как коммерческих, так и некоммерческих юридических лиц такое дополнение не предусмотрено, его можно произвести только путем внесения изменений и дополнений в ст. 50 и иные нормы ГК РФ.

Поскольку в числе организационно-правовых форм, указанных в ст. 50 ГК РФ, отсутствуют юридические лица, создаваемые для осуществления и защиты интеллектуальных прав, предполагается, что особенности их правового статуса и функционирования с учетом целей их деятельности должны определяться не общими положениями части первой ГК РФ о юридических лицах, а специальными нормами в рамках гражданского законодательства. На это указывает п. 4 ст. 49 ГК РФ, согласно которому особенности гражданско-правового положения юридических лиц отдельных организацион-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/10164072> (дата обращения: 18.02.2021).

но-правовых форм, видов и типов, а также юридических лиц, созданных для осуществления деятельности в определенных сферах, определяются ГК РФ, другими законами и иными правовыми актами.

Однако специальные законы, регламентирующие деятельность организаций, создаваемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав, до настоящего времени не приняты. В часть четвертую ГК РФ включены лишь нормы, регулирующие правовой статус организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами.

Правовая регламентация деятельности организаций, коллективно управляющих авторскими и смежными правами, осуществляется, наряду с законами об отдельных организационно-правовых формах юридических лиц, также нормативно-правовыми актами Министерства культуры Российской Федерации. В качестве примера можно привести приказ Министерства культуры РФ от 19 февраля 2008 г. № 30¹, а также приказ Министерства культуры РФ от 21 июля 2014 г. № 1273² и др.

¹ О Типовом уставе аккредитованной организации по управлению правами на коллективной основе: приказ Минкультуры России от 19 февраля 2008 г. № 30: [ред. от 03.12.2015: зарегистрировано в Минюсте России 28.02.2008 г. № 11240] // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 23.

² О государственной аккредитации организации по управлению правами на коллективной основе на осуществление прав исполнителей на получение вознаграждения за публичное исполнение, а также за сообщение в эфир или по кабелю фонограмм, опубликованных в коммерческих целях: приказ Минкультуры России от 21 июля 2014 г. № 1273. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.08.2020).

К случаям, когда осуществление прав в индивидуальном порядке затруднено, исследователи обычно относят [16; 17; 18; 19]:

- публичное исполнение и сообщение в эфир и по кабелю обнародованных музыкальных произведений и отрывков музыкально-драматических произведений;

- использование музыкальных произведений (с текстом и без) в аудиовизуальных произведениях, демонстрирующихся публично или передающихся в эфир или по кабелю;

- реализацию права следования в отношении произведений изобразительного искусства, авторских рукописей, музыкальных и литературных произведений;

- воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях;

- публичное воспроизведение и передача в эфир и по кабелю произведений, опубликованных с коммерческой целью – в рамках реализации прав исполнителей и изготовителей фонограмм.

Не случайно исследователи (например, А. Белоусова), отмечают: «...проанализировав основные признаки системы расширенного коллективного управления, можно сделать вывод о монополизированном характере такой системы» [20, с. 28].

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что законодательством развитых стран мира (ФРГ, Франции, Швейцарии, Испании и др.) предусмотрены специальные положения, регулирующие вопросы создания и деятельности организаций по коллективному управлению имущественными правами. Как правило, за рубежом создание такой организации ставится в зависимость от получения «одобрения» («согласия») от специально уполномоченного государственного органа (обыч-

но таким органом является патентное ведомство страны, министерство культуры или министерство юстиции). При принятии решения принимаются во внимание такие факторы, как соответствие положений устава, организационно-правовой формы и структуры организации интересам правообладателей, деловая репутация ее руководителей, квалификация сотрудников, обеспеченность деятельности организации материальными и финансовыми ресурсами и т. д. [21, с. 5] На наш взгляд, такого рода нормы должны быть непосредственно закреплены в законодательстве.

Выводы

Таким образом, детальное правовое регулирование деятельности особого вида юридических лиц – организаций, создаваемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав, отсутствует как на международном, так и на национальном уровнях. Общие положения гражданского законодательства о юридических лицах не учитывают специфики сферы деятельности данных организаций.

Деятельность организаций, создаваемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав, во многом регули-

руется локальными актами организаций (в особенности это касается Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов, Союза композиторов, Союза художников, торгово-промышленных палат и иных подобных им организаций), значение учредительных документов для их функционирования трудно переоценить, они практически полностью определяют характер деятельности данных юридических лиц. В то же время закон не предъявляет к их содержанию особых требований, специальные правовые нормы о нем отсутствуют, в силу чего содержание данных учредительных документов не унифицировано, отличается существенным разнообразием, зачастую правообладатели не обладают достаточной информацией о нем, что снижает уровень их возможностей эффективно осуществлять принадлежащие им субъективные гражданские права, как интеллектуальные, так и корпоративные. В связи с этим считаем необходимым включение нормы о содержании учредительных документов организаций, создаваемых для осуществления и защиты интеллектуальных прав, в часть четвертую ГК РФ.

Список литературы

1. Абрамова Н. К. Проблемы создания и функционирования организаций по коллективному управлению авторскими правами: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 194 с.
2. Антонова А. В. Коллективное управление имущественными правами авторов и обладателей смежных прав: Перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 203 с.
3. Конева Е. М. Коллективное управление смежными правами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 184 с.
4. Моргунова Е. А. Коллективное управление имущественными авторскими правами как гражданско-правовой институт: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 208 с.
5. Опыхтина Е. Г. Коммерческие юридические лица с особым правовым статусом, понятие и виды // Юридический мир. 2006. № 1. С. 50–53.
6. Предпринимательское право / под ред. С. А. Зинченко, Г. И. Колесник. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 480 с.

7. Зинченко С. А., Шапсугов Д. Ю., Корх С. Э. Предпринимательство и статус его субъектов в современном российском праве. Ростов н/Д: СКАГС, 1999. 197 с.
8. Бабаев А. Б. Методологические предпосылки исследования корпоративных правоотношений // Вестник гражданского права. 2007. № 4. С. 5–22.
9. Кашанина Т. В. Корпоративное право. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт: Высшее образование, 2015. 898 с.
10. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 220 с.
11. Лебедев К. К. Совершенствование нормативного закрепления компетенции хозяйственных звеньев // Актуальные вопросы укрепления правовой основы государственной и общественной жизни. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1982. С. 54–55.
12. Замоиский И. Е. Правовое регулирование внутриводского хозрасчета: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. 17 с.
13. Блинец И. А., Леонтьев К. Б., Кубышкин А. В. Правовая охрана авторских и смежных прав в Российской Федерации: монография. М.: Рос. гос. акад. интеллектуальной собственности, 2017. 210 с.
14. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 410 с.
15. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век. М.: Юрсервитум, 2015. 492 с.
16. Маковский А. Л., Яковлев В. Ф., Суханов Е. А. Комментарии к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А. Л. Маковского. М.: Статут, 2008. 225 с.
17. Липчик Д. Авторское право и смежные права / пер. с фр.; предисл. М. Федотова. М.: Ладомир, 2002. 788 с.
18. Новоселова Л. А. Право интеллектуальной собственности. Общие положения. М.: Статут, 2017. 512 с.
19. Гаврилов Э. П., Еременко В. И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Экзамен, 2009. 720 с.
20. Белоусова А. Перспективы развития коллективного управления авторскими и смежными правами // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2015. № 8. С. 26–32.
21. Туркин А. В., Подшибихин Л. И., Леонтьев К. Б. Лицензирование деятельности по коллективному управлению имущественными авторскими и смежными правами // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2001. № 4. С. 2–7.

References

1. Abramova N. K. Problemy sozdaniya i funkcionirovaniya organizacij po kollektivnomu upravleniyu avtorskimi pravami. Diss. kand. jurid. nauk [Problems of creation and functioning of organizations for collective management of copyright. Cand. legal. sci. diss.]. St. Petersburg, 2005. 194 p.
2. Antonova A. V. Kollektivnoe upravlenie imushchestvennymi pravami avtorov i obladatelej smezhnyh prav: Perspektivy razvitiya. Diss. kand. jurid. nauk [Collective management

of property rights of authors and owners of related rights: Prospects for development. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 203 p.

3. Koneva E. M. Kollektivnoe upravlenie smezhnymi pravami. Diss. kand. jurid. nauk [Collective management of related rights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2008. 184 p.

4. Morgunova E. A. Kollektivnoe upravlenie imushchestvennymi avtorskimi pravami kak grazhdansko-pravovoj institute. Diss. kand. jurid. nauk [Collective management of property copyrights as a civil law institution. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 208 p.

5. Opyhtina E. G. Kommercheskie juridicheskie lica s osobym pravovym statusom, ponyatie i vidy [Commercial legal Entities with a special legal status, concept and types]. *Yuridicheskij mir = Legal World*, 2006, no. 1, pp. 50–53.

6. Predprinimatel'skoe pravo [Business law]; ed. by S. A. Zinchenko, G. I. Kolesnik. Rostov on-Don, Feniks Publ., 2003. 480 p.

7. Zinchenko S. A., Shapsugov D. Yu., Korh S. E. Predprinimatel'stvo i status ego sub"ektov v sovremennom rossijskom prave [Entrepreneurship and the status of its subjects in modern Russian law]. Rostov-on-Don, SKAGS, 1999. 197 p.

8. Babaev A. B. Metodologicheskie predposylki issledovaniya korporativnyh pravootnoshenij [Methodological prerequisites for the study of corporate legal relations]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*, 2007, no. 4, pp. 5–22.

9. Kashanina T. V. Korporativnoe pravo [Corporate law]. 5th ed. Moscow, Yurajt Publ., Vycshee obrazovanie Publ., 2015. 898 p.

10. Kozlova N. V. Pravosub"ektnost' juridicheskogo lica [Legal personality of a legal entity]. Moscow, Statut Publ., 2005. 220 p.

11. Lebedev K. K. Sovershenstvovanie normativnogo zakrepleniya kompetencii hozyajstvennyh zven'ev [Improving the normative consolidation of the competence of economic units]. Aktual'nye voprosy ukrepleniya pravovoj osnovy gosudarstvennoj i obshchestvennoj zhizni [Actual issues of strengthening the legal basis of state and public life]. Leningrad, Leningr. gos. Univ. Publ., 1982, pp. 54–55.

12. Zamojskij I. E. Pravovoe regulirovanie vnutrizavodskogo hozrascheta. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Legal regulation of intra-factory self-financing. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 1970. 17 p.

13. Bliznec I. A., Leont'ev K. B., Kubyshekin A. V. Pravovaya ohrana avtorskih i smezhnyh prav v Rossijskoj Federacii [Legal protection of copyright and related rights in the Russian Federation]. Moscow, Ros. gos. akad. intellektual'noj sobstvennosti Publ., 2017. 210 p.

14. Gribanov V. P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskich prav [Exercise and protection of civil rights]. Moscow, Statut Publ., 2000.

15. Gavrilov E. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Obshchie polozheniya. XXI vek [Intellectual property rights. General provisions. XXI century]. Moscow, Yurservitum Publ., 2015.

16. Makovskij A. L., Yakovlev V. F., Suhanov E. A. Kommentarii k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Comments on Part Four of the Civil Code of the Russian Federation]; ed. by A. L. Makovskogo. Moscow, Statut Publ., 2008. 225 p.

17. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Copyright and related rights]. Moscow, Ladomir Publ., 2002. 788 p.

18. Novoselova L. A. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Obshchie polozheniya [Intellectual property rights. General provisions]. Moscow, Statut Publ., 2017. 512 p.

19. Gavrilov E. P., Eremenko V. I. Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (Postatejnyj) [Commentary to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (Article-by-article)]. Moscow, Ekzamen Publ., 2009. 720 p.

20. Belousova A. Perspektivy razvitiya kollektivnogo upravleniya avtorskimi i smezhnymi pravami [Prospects for the development of collective management of copyright and related rights]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*, 2015, no. 8, pp. 26–32.

21. Turkin A. V., Podshibihin L. I., Leont'ev K. B. Licenzirovanie deyatel'nosti po kollektivnomu upravleniyu imushchestvennymi avtorskimi i smezhnymi pravami [Licensing of collective management of property copyright and related rights]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*, 2001, no. 4, pp. 2–7.

Информация об авторе / Information about the Author

Барковская Людмила Евгеньевна, соискатель кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: flink@mail.ru

Ludmila E. Barkovskaya, Applicant of the Department of Civil Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: flink@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.78

Принцип приоритетного соблюдения прав авторов при несостоятельности (банкротстве) юридических и физических лиц

М. В. Козлова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: Mano173318@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Нематериальные активы, в том числе исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, приобретают все большее значение в современном мире. Коллизия между положениями о несостоятельности (банкротстве) и положениями законодательства об авторском праве до настоящего времени не являлась предметом самостоятельного научного исследования, несмотря на то, что отношения развиваются и существует необходимость опережающего рассмотрения ряда вопросов в целях обеспечения единообразных подходов при развитии правового регулирования и правоприменительной практики. Особенности исследуемых отношений требуют трансформации отдельных подходов к объекту исследования, а также рассмотрения вопроса о признании принципа приоритетного соблюдения прав авторов с одновременным определением пределов применения данного принципа.

Целью исследования является разработка теоретических положений, определяющих случаи и условия применения принципа приоритетного соблюдения прав авторов при обращении взыскания на права на произведения при несостоятельности (банкротстве) физических и юридических лиц.

Задачи: выявить проблемы, связанные с участием авторов и их наследников в правоотношениях, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством); определить особенности обеспечения баланса интересов при обращении взыскания на исключительные права на произведения и права на их использование; определить направления дальнейшего развития правового регулирования рассматриваемых вопросов.

Методология. При написании работы использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, формально-юридический метод.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер и направлены на повышение качества правового регулирования нетипичных видов гражданских правоотношений.

Выводы, сделанные в статье, носят дискуссионный характер, на продолжение исследований в рамках заявленной тематики, направлены на развитие основных принципов, позволяющих единообразным образом разрешать проблемы, связанные с охраной прав авторов и их наследников при несостоятельности (банкротстве) физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Статья является продолжением научных исследований автора по вопросам, связанным с охраной прав авторов и их наследников при несостоятельности (банкротстве).

Ключевые слова: произведения; авторское право; несостоятельность; банкротство; кредитор; должник.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Козлова М. В. Принцип приоритетного соблюдения прав авторов при несостоятельности (банкротстве) юридических и физических лиц // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 65–73.

Поступила в редакцию 16.04.2021

Принята к публикации 20.05.2021

Опубликована 25.06.2021

© Козлова М. В., 2021

Principle of Priority Observance of Authors' Rights in Insolvency (Bankruptcy) of Legal Entities and Individuals

Marii V. Kozlova¹ ✉

¹Southwest State University

50 let of October str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: Mano173318@yandex.ru

Abstract

Relevance. Intangible assets, including exclusive rights to the results of intellectual activity, are becoming increasingly important in the modern world. Collision between the provisions on insolvency (bankruptcy) and the provisions of copyright law has not yet been the subject of an independent scientific study, despite the fact that the relationship is developing and there is a need for advanced consideration of a number of issues in order to ensure uniform approaches in the development of legal regulation and law enforcement practice. Peculiarities of the investigated relations require transformation of certain approaches to the object of research, as well as consideration of the issue of recognition of the principle of priority observance of authors' rights with simultaneous determination of the limits of application of this principle.

The purpose of the study is to develop theoretical provisions defining the cases and conditions of application of the principle of priority observance of the rights of authors in the foreclosure of rights to works in insolvency (bankruptcy) of individuals and legal entities.

Objectives: to identify the problems associated with the participation of authors and their heirs in legal relations arising in connection with insolvency (bankruptcy); to determine the specifics of the balance of interests in enforcing the exclusive rights to works and rights to their use; to identify areas for further development of the legal regulation of the issues under consideration.

Methodology. The dialectical-materialistic method, systematic method, methods of analysis and synthesis, formal-legal method were used in preparing the work.

The results of the research are of theoretical and applied nature and are aimed at improving the quality of legal regulation of unusual aspects of civil legal relations.

Conclusions. The conclusions made in the article are of debatable nature, are aimed at continuing research in the framework of the stated topic, are aimed at developing basic principles that allow a uniform resolution of problems associated with the protection of the rights of authors and their heirs in insolvency (bankruptcy) of individuals, individual entrepreneurs and legal entities. The article is a continuation of the author's research on issues related to the protection of the rights of authors and their heirs in insolvency (bankruptcy).

Key words: works; copyright; insolvency; bankruptcy; creditor; debtor.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kozlova M. V. Principle of Priority Observance of Authors' Rights in Insolvency (Bankruptcy) of Legal Entities and Individuals. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(3): 65–73. (In Russ.)

Received 16.04.2021

Accepted 20.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

В современном мире все большее значение приобретают нематериальные активы, поскольку новые разработки и лежащие в их основе результаты интеллектуальной деятельности становятся основными объектами для привлечения ин-

вестиций¹. Компании, работающие в цифровой среде и активно использующие

¹ Нематериальный капитал в глобальных цепочках создания стоимости: [доклад 2017 г. о положении в области интеллектуальной собственности в мире]. Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 2017. 163 с.

в своей деятельности права интеллектуальной собственности, заняли лидирующие позиции в рейтинге наиболее значимых брендов в мире¹. Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности являются важнейшими объектами экономического оборота, могут использоваться для обеспечения обязательств и становиться объектами взыскания при несостоятельности (банкротстве).

В то же время обращение взыскания на исключительные права на произведения, а также на права их использования на основании предоставленных лицензий, в том числе при несостоятельности (банкротстве), обладающих такими правами физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, является одним из сложных вопросов отечественного гражданского права, до настоящего времени не получившим окончательного разрешения. Проблемы несостоятельности (банкротства) неоднократно оказывались предметом научного исследования, однако при их рассмотрении отдельное внимание особенностям обращения взыскания на исключительные права на произведения, а также на права их использования не уделялось, вопросы, связанные с участием авторов и иных правообладателей в конкурсном процессе, не рассматривались.

Существует ряд диссертационных исследований, посвященных проблемам залога исключительных прав, среди которых особого упоминания заслуживают работы Е. В. Жаровой [1], В. Н. Кастальского [2], О. Г. Крушиной [3], С. В. Медведева [4]. Однако вопросы обращения взыскания на исключительные права на произведения науки, литературы и искусства, а также на права их использования на основании предоставленной лицензии освещаются в них в недостаточной сте-

пени и без учета особенностей, связанных с правовым регулированием вопросов несостоятельности (банкротства), обладающих такими правами физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Вопросам, связанным с охраной прав авторов произведений науки, литературы и искусства, их наследников и иных правообладателей посвящены научные труды известных отечественных и зарубежных ученых – цивилистов: Л. Бентли [5], И. А. Близнеца [6; 7], Э. П. Гаврилова [8], В. А. Дозорцева [9], И. А. Зенина [10], В. О. Калятина [11], Д. Липчик [12], А. Г. Матвеева [13], Л. А. Новоселовой [14; 15], А. П. Сергеева [16]. Однако в их работах также не анализировалась специфика правовой охраны объектов авторских прав при несостоятельности (банкротстве) физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, являющихся обладателями исключительных прав на произведения или прав на их использование.

Методология

Для достижения поставленной цели и решения задач использовались общенаучные методы и специальные методы юридической науки. Диалектико-материалистический метод предопределил проведение исследования проблем приоритетного соблюдения прав авторов в неразрывном единстве с существующим правовым регулированием вопросов несостоятельности (банкротства) юридических и физических лиц, в том числе с учетом необходимости соблюдения прав кредиторов и иных заинтересованных лиц при обращении взыскания на имущество несостоятельного должника. Использование системного метода позволило осуществить анализ основных проблем, связанных с охраной прав авторов и их наследников при несостоятельности (банкротстве) граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, обладающих исключительными правами

¹ The World's Most Valuable Brands. URL: <https://www.forbes.com/the-worlds-most-valuable-brands/#145742f0119c> (дата обращения: 30.03.2021).

на произведения или правами на их использование, привело к структурированному изложению эмпирического материала, позволило сформулировать положения о совокупности особенностей возникновения и развития правоотношений. Методы анализа и синтеза дали возможность осуществить сопоставление правовых норм, регулирующих вопросы несостоятельности (банкротства) и обращения взыскания на исключительные права на произведения, а также на права их использования на основании предоставленных лицензий, обосновать тезисы выдвигаемых предложений, направленных на разрешение существующих противоречий. Формально-юридический метод заключался в изучении российского законодательства, регулирующего рассматриваемые отношения, правоприменительной практики, научных публикаций, а также позволил описать результаты, полученные при проведении исследования.

Результаты и их обсуждение

Вне зависимости от необходимости удовлетворения требований кредиторов и иных лиц требуется обеспечить соблюдение условий договоров, заключенных с авторами или их наследниками, с исключением возможности расширительного толкования таких договоров. Из данного вывода следует также необходимость признания принципа приоритетного соблюдения прав авторов при несостоятельности (банкротстве) физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, обладающих исключительными правами на произведения или правами на их использование.

При этом для обеспечения баланса между соблюдением прав авторов и удовлетворением интересов кредиторов при несостоятельности (банкротстве) физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, являющихся обладателями исключительных прав на произведения или прав на их использование, предложен единый подход к опреде-

лению случаев и условий применения принципа приоритетного соблюдения прав авторов, в соответствии с которым возможность обращения взыскания на исключительное право на произведение или право его использования должна определяться в зависимости от наличия законодательных или договорных оснований для перехода таких прав к иным лицам без согласия автора (его наследника):

1) если законом или договором, заключенным с автором или его наследником, не допускалась дальнейшая передача права использования произведения без согласия автора, в частности при предоставлении по договору неисключительной лицензии без права сублицензирования, то в случае банкротства пользователя (лицензиата) действие предоставленной лицензии должно прекращаться вне зависимости от наличия требований имущественного характера у иных лиц (кредиторов) и оснований возникновения таких требований;

2) в случаях, когда в соответствии с законом или договором допускается дальнейшая передача прав или сублицензирование без согласия автора (при получении исключительной лицензии с возможностью сублицензирования, приобретении исключительного права на основании договора об отчуждении, перехода к работодателю исключительного права на служебное произведение и т. д.), обращение взыскания на такие права осуществляется в общем порядке.

В случае если авторы или их наследники являются кредиторами несостоятельного должника, в том числе по обязательствам, связанным с выплатой авторского вознаграждения, их права в качестве кредиторов должны реализоваться в установленном законодательством порядке независимо от решения вопросов о переходе прав на использование произведений.

Множественность участников правоотношений, возникающих при несостоятельности, обладающих разносторонне

направленными интересами, является объективной предпосылкой для неизбежного возникновения конфликтов таких интересов, разрешаемых, в частности, в конкурсном процессе. При этом противоречия возникают даже между лицами, формально относящимися к одной категории участников рассматриваемых отношений, например, к числу кредиторов [17, с. 62], учредителей (участников) компании-должника, основными кредиторами и кредиторами по текущим платежам и т. д.

Законодательство предусматривает различные варианты разрешения конфликтов подобного рода. Так, конфликт между кредиторами может разрешаться путём формирования единой воли всех или подавляющего большинства кредиторов должника при их участии в принятии решений собранием кредиторов. Вместе с тем следует признать, что существуют неустраимые при определенных условиях антагонистические отношения, например, между кредиторами первых очередей, заинтересованных, как правило, в скорейшем проведении ликвидационных мероприятий при наличии у должника имущества, достаточно для удовлетворения их требований, с одной стороны, и интересами кредиторов последних очередей, а также в ряде случаев акционеров или иных участников компании-должника, с другой стороны, поскольку в случае ликвидации такой компании имущества может быть недостаточно для погашения всех имеющихся долгов. Кроме того, представление об оптимальном плане реабилитационных процедур для компании также существенно образом будет различаться у разных категорий участников конкурсного процесса: «Как правило, акционеры готовы вступать в рискованные проекты, которые могут принести прибыль в случае успеха. Кредиторы же, напротив, с большой осторожностью относятся к тому, чтобы вкладывать имущество в такие проекты» [17, с. 64].

Острота противоречий и даже само их наличие во многом зависят от ситуации с размером долга, перспективами реабилитационных процедур, наличием имущества и иных активов, способных удовлетворить требования кредиторов полностью или частично, а также других факторов. Конфликты могут существовать даже между владельцами компании-должника, поскольку часть из них может быть заинтересована в скорейшей ликвидации компании, распродаже оставшихся активов и начале нового этапа предпринимательской деятельности, в то время как другая часть может быть заинтересована в наиболее полном восстановлении деятельности предприятия.

Определяемый законодательством о несостоятельности (банкротстве) круг лиц, заинтересованных в участии в деле о банкротстве, должен быть расширен за счет включения в качестве отдельной категории участников дел о банкротстве авторов произведений и их наследников, поскольку их интересы в качестве правообладателей могут существенным образом отличаться от интересов иных категорий участников конкурсного процесса и вступать в противоречие с ними. Признание авторов и их наследников особой категорией заинтересованных лиц вне зависимости от возможности их признания кредиторами несостоятельного должника позволит обеспечить согласованное применение положений, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), и положений, предусматриваемых частью четвертой ГК РФ, в том числе при обращении взыскания на исключительные права на произведения и права их использования на основании заключенных лицензионных договоров, а также при принятии мер, направленных на возврат авторам или их наследникам исключительных прав на произведения и прекращение действия предоставленных лицензий в случае несостоятельности должника, которому

такие права или лицензии были предоставлены.

Действующее законодательство (ст. 34 и 35 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)») признает возможность участия в деле о банкротстве и в связанном с ним судебном процессе широкого круга заинтересованных лиц и их представителей. Представляется необходимым предусмотреть также возможность участия в деле о банкротстве авторов и их наследников либо их представителей в целях обеспечения возможности отстаивания их интересов в качестве особой категории участников.

Необходимость учета интересов данной категории лиц требует также закрепления отдельного правового регулирования вопросов, связанных с передачей имущественных прав, входящих в конкурсную массу. Эффективное правовое регулирование отношений, связанных с несостоятельностью, должно учитывать особенности правового регулирования отношений, обусловленные наличием особых прав данной группы лиц, в условиях, как уже отмечалось ранее, роста значения исключительных прав на произведения и иные объекты интеллектуальных прав, представляющих собой одни из важнейших нематериальных активов.

Принцип приоритетного соблюдения прав авторов должен включать также право на принятие ими мер для защиты своих прав способами, предусмотренными законом или договором, вне зависимости от стадии банкротства, в том числе как в случае нарушения исключительного права на произведение, так и при нарушении права на получение вознаграждения, предусмотренного законом или договором.

Вне зависимости от стадии банкротства должна быть обеспечена возможность рассмотрения исков авторов и их наследников, связанных с нарушениями несостоятельным должником исключительных прав на произведения, а в случае

невыплаты несостоятельным должником вознаграждения по заключенным с ним договорам авторы и их наследники должны иметь возможность реализовать предусмотренное законодательством право требовать перевода на себя прав приобретателя исключительного права (п. 5 ст. 1234 ГК РФ) и право отказаться в одностороннем порядке от лицензионного договора (п. 4 ст. 1237 ГК РФ).

После начала процедуры банкротства авторы и их наследники должны иметь возможность отстаивать свои исключительные права в суде, в том числе в связи с имевшими место ранее, длящимися или иными выявленными нарушениями исключительных прав на их произведения, а также возможность реализовать без обращения в суд свои права на расторжение договора при невыплате вознаграждения путем направления арбитражному управляющему письменного уведомления, в том числе на этапе конкурсного производства, в то же время требования о выплатах каких-либо денежных средств должны исполняться в порядке, установленном законодательством о несостоятельности (банкротстве).

Выводы

Единые подходы к решению вопросов охраны прав авторов и их наследников при несостоятельности (банкротстве) физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц могут быть обеспечены за счет признания принципа приоритетного соблюдения прав авторов при несостоятельности (банкротстве) физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, обладающих исключительными правами на произведения или правами на их использование.

Принцип приоритетного соблюдения прав авторов должен включать также право на принятие ими мер для защиты своих прав способами, предусмотренными законом или договором, вне зависимости от стадии банкротства, в том числе

как в случае нарушения исключительного права на произведение, так и при нарушении права на получение вознаграждения, предусмотренного законом или договором. Вне зависимости от стадии банкротства должна быть обеспечена возможность рассмотрения исков авторов и их наследников, связанных с нарушениями несостоятельным должником исключительных прав на произведения, а в

случае невыплаты несостоятельным должником вознаграждения по заключенным с ним договорам авторы и их наследники должны иметь возможность реализовать предусмотренное законодательством право требовать перевода на себя прав приобретателя исключительного права и право отказаться в одностороннем порядке от лицензионного договора.

Список литературы

1. Жарова Е. В. Залог исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 206 с.
2. Кастальский В. Н. Залог исключительных имущественных прав и его особенности, применительно к исключительным имущественным правам унитарных предприятий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 153 с.
3. Крушина О. Г. Залог исключительных прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 155 с.
4. Медведев С. В. Правовое регулирование отношений, связанных с залогом исключительных прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 219 с.
5. Бентли Л., Шерман Б. Право интеллектуальной собственности: авторское право / пер. с англ. В. Л. Вольфсона. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 535 с.
6. Близнац И. А., Леонтьев К. Б. Авторское право и смежные права / под ред. И. А. Близнаца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 456 с.
7. Право интеллектуальной собственности / под ред. И. А. Близнаца. М.: Проспект, 2016. 892 с.
8. Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. М.: Юрсервитум, 2016. 876 с.
9. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. М.: Статут, 2005. 416 с.
10. Зенин И. А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды). М.: Статут, 2015. 525 с.
11. Калятин В. О. Личные неимущественные права автора объекта интеллектуальной деятельности. М.: Роспатент, 2006. 102 с.
12. Липчик Д. Авторское право и смежные права / пер. с фр.; предисл. М. Федотова. М.: Ладомир; Изд-во ЮНЕСКО, 2002. 788 с.
13. Матвеев А. Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 460 с.
14. Право интеллектуальной собственности. Т. 1: Общие положения / Л. А. Новоселова, Е. В. Бадулина, Д. А. Гаврилов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 512 с.
15. Новоселова Л. А., Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 28 с.

16. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект: ТК Велби, 2007. 752 с.
17. Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. 568 с.

References

1. Zharova E. V. Zalog isklyuchitel'nogo prava na rezul'tat intellektual'noj deyatel'nosti ili sredstvo individualizacii. Diss. kand. yurid. nauk [Pledge of the exclusive right to the result of intellectual activity or means of individualization. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2010. 206 p.
2. Kastal'skij V. N. Zalog isklyuchitel'nyh imushchestvennyh prav i ego osobennosti, primenitel'no k isklyuchitel'nym imushchestvennym pravam unitarnykh predpriyatij. Diss. kand. yurid. nauk [Pledge of exclusive property rights and its features, in relation to the exclusive property rights of unitary enterprises. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2006. 153 p.
3. Krushina O. G. Zalog isklyuchitel'nyh prav. Diss. kand. yurid. nauk [Pledge of exclusive rights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 155 p.
4. Medvedev S. V. Pravovoe regulirovanie otnoshenij, svyazannyh s zalogom isklyuchitel'nyh prav. Diss. kand. yurid. nauk. [Legal regulation of relations related to the pledge of exclusive rights. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2012. 219 p.
5. Bentli L., Sherman B. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: avtorskoe pravo [Intellectual Property Law: Copyright]. St. Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2004. 535 p.
6. Bliznec I. A., Leont'ev K. B. Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Copyright and related rights]; ed. by I. A. Bliznec. 2th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 456 p.
7. Pravo intellektual'noj sobstvennosti [Intellectual property rights]; ed. by I. A. Bliznec. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 892 p.
8. Gavrilov E. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. XXI vek [Intellectual property rights. Copyright and related rights. XXI century]. Moscow, Yur-servitum Publ., 2016. 876 p.
9. Dozorcev V. A. Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii [Intellectual property rights: The concept. The system. Codification tasks]. Moscow, Statut Publ., 2005. 416 p.
10. Zenin I. A. Problemy rossijskogo prava intellektual'noj sobstvennosti (izbrannye trudy) [Problems of Russian Intellectual Property Law (selected Works)]. Moscow, Statut Publ., 2015. 525 p.
11. Kalyatin V. O. Lichnye neimushchestvennye prava avtora ob"ekta intellektual'noj deyatel'nosti [Personal non-property rights of the author of the object of intellectual activity]. Moscow, Rospatent Publ., 2006. 102 p.
12. Lipcik D. Avtorskoe pravo i smezhnye prava [Copyright and related rights]. Moscow, Ladomir Publ., YUNESKO Publ., 2002. 788 p.
13. Matveev A. G. Sistema avtorskih prav v Rossii: normativnye i teoreticheskie modeli. Diss. dokt. yurid. nauk [Copyright system in Russia: normative and theoretical models. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2016. 460 p.
14. Novoselova L. A., Badulina E. V., Gavrilov D. A., eds. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Vol. 1. Obshchie polozheniya [Intellectual Property Law. Vol. 1. General provisions]; ed. by L. A. Novoselova. Moscow, Statut Publ., 2017. 512 p.

15. Novoselova L. A., Rozhkova M. A. Intellektual'naya sobstvennost': nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya [Intellectual property: some aspects of legal regulation]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. 28 p.

16. Sergeev A. P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii [Intellectual Property Law in the Russian Federation]. Moscow, Prospekt, TK Velbi Publ., 2007. 752 p.

17. Karelina S. A. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya otnoshenij nesostoyatel'nosti [Mechanism of legal regulation of insolvency relations]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. 568 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Козлова Мария Владимировна, младший научный сотрудник НОЦ "Гражданский", Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: Mano173318@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9413-2191

Mariia V. Kozlova, Junior Researcher of the Scientific and Educational Center "Civilist", Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: Mano173318@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9413-2191

УДК 343.9

Миграционная преступность: эволюция в условиях пандемии

С. Ф. Милюков¹ ✉

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
наб. реки Майки 48, г. Санкт-Петербург 191186, Российская Федерация

✉ e-mail: Milukov-SF@yandex.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена объективной необходимостью корректировки миграционной политики под влиянием нетипичных условий пандемического кризиса как необходимого условия стабилизации миграционной ситуации и связанной с ней криминологической обстановкой.

Цель исследования – определение тенденций развития миграционной преступности в РФ под влиянием пандемии Covid-19 и перспективных направлений совершенствования в этой связи миграционной политики.

Задачи: оценить состояние миграционной преступности в период пандемического кризиса; выявить факторы, влияющие на развитие этой разновидности преступности в нетипичных условиях «закрытых» границ; сформулировать предложения по совершенствованию охранительного законодательства в указанной сфере.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались общенаучные методы (диалектический, исторический), а также частноправовые методы (статистический, сравнительно-правовой, прогнозирование).

Результаты исследования отличает прикладной характер, направленный на повышение эффективности миграционной политики как сдерживающий фактор миграционных преступлений.

Выводы. Пандемический кризис и вызванное им закрытие внутригосударственных и межгосударственных границ не привели к сокращению миграционной преступности. Напротив, в некоторых сферах и регионах наблюдается рост основных показателей этой разновидности преступности.

Современная миграционная ситуация и связанная с ней криминологическая обстановка требуют энергичных, но в то же время рациональных, научно обоснованных мер по контролю за миграционными процессами и дозированному применению уголовной репрессии к лицам, пренебрегающим российскими законами в этой сфере. Такими мерами могут и должны стать высылка за пределы РФ и ссылка с запретом проживать в определенной местности. Отказ от этих инструментов миграционного контроля с принятием Уголовного кодекса 1996 года криминологически и политически не обоснованы.

Ключевые слова: миграционная преступность; высылка; ссылка; криминологическая обстановка; миграционная ситуация.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Милюков С. Ф. Миграционная преступность: эволюция в условиях пандемии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 74–82.

Поступила в редакцию 15.04.2021

Принята к публикации 12.05.2021

Опубликована 25.06.2021

Migration Crime: Evolution in a Pandemic

Sergey F. Milyukov¹ ✉

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Embankment, Saint Petersburg 191186, Russian Federation

✉ e-mail: Milukov-SF@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the objective need to adjust the migration policy under the influence of atypical conditions of the pandemic crisis, as a necessary condition for stabilizing the migration situation and the associated criminological situation.

The aim of the study is to determine the trends in the development of migration crime in the Russian Federation under the influence of the COVID-19 pandemic and promising directions for improving migration policy in this regard.

Objectives: to assess the state of migration crime during the pandemic crisis; to identify the factors influencing the development of this type of crime in atypical conditions of "closed" borders; formulate proposals for improving the protective legislation in this area.

Methodology. In the process of working on the study, general scientific methods (dialectical, historical), as well as private law methods (statistical, comparative legal, forecasting) were used.

The results of the study are distinguished by their applied nature, aimed at increasing the efficiency of migration policy, as a deterrent factor in migration crimes.

Conclusions. The pandemic crisis and the resulting closure of domestic and interstate borders have not led to a reduction in migration crime. On the contrary, in some spheres and regions there is an increase in the main indicators of this type of crime.

The current migration situation and the associated criminological situation require energetic, but at the same time rational, scientifically grounded measures to control migration processes and the metered use of criminal repression against persons who disregard Russian laws in this area. Such measures can and should be deportation from the Russian Federation and a link with a ban on living in a certain area. Refusal from these instruments of migration control with the adoption of the 1996 Criminal Code. criminologically and politically unsubstantiated.

Keywords: migration crime; expulsion; exile; criminological situation; migration situation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Milyukov S. F. Migration Crime: Evolution in a Pandemic. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 74–82. (In Russ.)

Received 15.04.2021

Accepted 12.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Диалектический метод познания общественных, экономических, политических и культурных процессов остается основным инструментом в достижении научной истины. Г. В. Ф. Гегель, обосновавший совпадение структуры мышления со структурой бытия, на первый план в истолковании диалектики выдвинул противоречия объективной действительности, в связи с чем таковая предстает «вообще принципом всякого движения, вся-

кой жизни и всякой деятельности в сфере действительности» [1, с. 206].

При таком подходе миграция, как движение людских масс, также выглядит глубоко противоречивым процессом, имеющим как позитивные, так и негативные (в том числе преступные) свойства. Например, Великое переселение народов, продолжавшееся около трех веков, привело к падению Западной Римской империи, гибели миллионов людей и разрушению культуры высочайшего уровня.

То же можно сказать об освоении Американского континента, сопровождавшемся массовым геноцидом коренного «индейского» населения, разрушением государственности и культуры ацтеков и майя. Вместе с тем на этих руинах появилось могущественное государство – Соединенные Штаты Америки – сконцентрировавшее огромные материальные, финансовые, интеллектуальные, военные и культурные ресурсы всего мира и небезосновательно претендующее на доминирующую роль на планете, постоянно подпитываясь все новыми миллионами мигрантов.

Становление Российской державы также выражалось перемещением гигантских людских масс на восток, юг и запад. И если передвижение на Восток далось что называется «малой кровью» (к сожалению, такое движение закончилось для России трагическим поражением в Русско-японской войне 1904–1905 гг.), то воссоединение с Украиной, присоединение Крыма, возвращение Прибалтики и защита этих территорий в царский и советский периоды сопровождалось огромными людскими потерями. Крах Советского Союза в 1991 г. привел к образованию по периметру Российской Федерации ряда зависимых от США, Великобритании, Германии, Франции и Польши государств, глубоко враждебных к сохранившейся части России.

Однако это парадоксальным образом оживило миграционные потоки из этих псевдонезависимых образований на территорию их векового «порботителя» и «угнетателя» (за исключением, пожалуй, Прибалтики). При этом большая часть этих временных или постоянных переселенцев сознательно или вынужденно совершают различного рода правонарушения и преступления.

Внезапно поразившая весь мир пандемия COVID-19 грубо прервала многолетние процессы глобализации, восстановила государственные границы, укрепила таможенные барьеры, заставила

многие государства, в том числе и прежде всего Россию, рассчитывать исключительно на свои силы и ресурсы (ввиду перманентно усиливающихся удушающих ее санкций) [2]. Это обстоятельство дало новый импульс для изучения миграционной преступности в Российской Федерации.

Методология

Методология основана на диалектическом подходе. При проведении исследования применялись следующие методы: исторический (при рассмотрении явления миграции с учетом особенностей конкретного временного периода как в России, так и за рубежом); сравнительно-правовой (при изучении ранее действовавшего охранительного законодательства, содержащего в своем арсенале специфические инструменты миграционного контроля – высылка и ссылка); социологический (при изучении данных статистической отчетности, характеризующих миграционную ситуацию и связанную с ней криминологическую обстановку в России и ее регионах; прогнозирование (при криминологическом анализе статистических данных МВД России).

Результаты и их обсуждение

Несмотря на принятые антипандемические меры, закрывшие границы государств, перемещение мигрантов из-за и внутри российских границ отнюдь не остановилось. По официальным данным, миграционный прирост населения в целом по Российской Федерации в 2020 г. составил 106496 чел., а в таких регионах, как Брянская, Калужская, Архангельская, Новгородская и Волгоградская области, республики Карелия, Крым, Татарстан и Саха (Якутия), Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, такой прирост оказался выше (!) нежели в доковидном 2019 г.

Удивительно, но этот прирост происходил на фоне резкого увеличения количества безработных. По тем же дан-

ным, их общая численность составила 4 628,3 тыс. человек (124,7% к 2019 г.), из них было зарегистрировано в службах занятости 2 773,1 тыс. чел., что в 4,0 раза больше, чем в 2019 г.

В таких же субъектах Федерации, как Костромская область, этот показатель увеличился в 5,0 раз, Ивановская область – в 7,0 раз, Санкт-Петербург – в 7,1 раза, Оренбургская область – в 7,9 раза, Ставропольский край – в 8,3 раза, Республика Крым – в 9,1 раза и, наконец, Кабардино-Балкарская республика – в 10,0 раз [3].

Казалось бы, выявленный резерв рабочей силы должен был с лихвой покрыть потребности работодателей: на конец декабря 2020 г. ими была заявлена потребность в 1 735,6 тыс. чел. [3] Однако предприниматели, что называется, в один голос заявляют, что им никак не обойтись без массового привлечения иностранных работников, прежде всего из республик Средней Азии.

Такой дисбаланс объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, россияне в своём большинстве не горят желанием заниматься непрестижным, недостаточно оплачиваемым и зачастую тяжелым трудом на стройках и в жилищно-коммунальном секторе.

Во-вторых, эти сферы (так же как городской транспорт, нижнее звено медобслуживания, розничная торговля и др.) контролируются криминальными этническими группировками, находящимися в тесной смычке с недобросовестными работодателями, которым выгодно привлечение рабочей силы, находящейся в полной зависимости от названных субъектов, не требующей соблюдения их трудовых прав и правил техники безопасности. Плюс широкое развитие высокодоходного бизнеса в виде легального, полуполигального и нелегального перемещения сотен тысяч и миллионов людей через границы, размещения их за плату в скученных, антисанитарных условиях и организации питания низкого качества,

сфальсифицированными и просроченными продуктами [4; 5].

В этом же заинтересованы коррумпированные представители органов власти и ее силовых структур. Все это покрывается флером речей так называемых «правозащитников», которые ратуют за соблюдение прав мигрантов, игнорируя при этом попрание интересов коренного населения, значительная часть которого маргинализируется и отвыкает от общественно полезного труда.

Зафиксированные выше процессы привели в 2020 г. к снижению преступной активности иностранцев и апатридов лишь на 1,5% (а граждан государств – участников СНГ – всего на 0,6%), т. е. в объеме статистической погрешности. Падение числа выявленных посягательств на этих лиц было более значимым (–4,9%). Однако уже в январе – феврале 2021 г. картина поменялась. Преступная активность иностранцев и апатридов возросла на 1,9%, причем, что примечательно, не за счет вклада граждан государств – участников СНГ (число совершенных ими преступлений упало сразу на 12,6%). Сами же эти лица теперь подвергаются преступному воздействию еще более редко (–8,4%).

С начала года иностранные граждане совершили более 25 тыс. преступлений и порядка 466 тыс. административных нарушений. Сравнение этих данных с показателями прошлых лет говорит о том, что в этом году преступность среди мигрантов пошла в рост. Так, в 2019 г. в Россию приехало 15,7 млн иностранных граждан, а число преступлений приезжих составило 38 563. В 2018 г. в страну прибыло около 16,3 млн граждан других стран, количество преступлений за тот год составило 42 676. Самый высокий показатель приходится на 2017 г.: 45 341 преступлений, совершённых иноземцами, притом что всего их приехало в страну более 15,1 млн.

«Мигрантов нередко втягивают в террористические и националистические

группировки, в криминальную деятельность», – отмечает Анатолий Выборный. В «группу риска» обычно входят люди из стран с неблагоприятной экономической ситуацией, приехавшие искать заработка в России. В случае потери работы, лишения легального статуса и любых других неурядиц они не могут претендовать на социальную помощь от государства и вплотную подходят к черте закона.

Таким образом, пандемия хотя и несколько снизила криминальную активность мигрантов и ответную реакцию на нее коренного населения, она однако не смогла полностью блокировать эти процессы. Мало того, закрытие государственных границ с европейскими, рядом азиатских (прежде всего Китай, а позднее и Турция) и американскими государствами активизировало внутреннюю миграцию, прежде всего туристическую и оздоровительную. Миллионы наших граждан устремились в Краснодарский и Ставропольский края, а также в Крым, где они подвергаются разнообразному преступному воздействию, начиная от насильственных посягательств и заканчивая многочисленными экономическими (хищения, особенно мошенничества, оказание недоброкачественных услуг) и коррупционным преступлениям. Вполне актуальным для всех ветвей власти остаются научные рекомендации, высказанные как до пандемии, так и во время ее развития [6], тем более что эпидемиологи и микробиологи предрекают появление и быстрое распространение новых, еще более смертоносных вирусов и микробов.

Что касается нашего вклада в решение данной проблемы, то он был сформирован еще более сорока лет назад, когда, по понятным причинам, миграционная преступность не представляла столь значительной угрозы для национальной безопасности нашей страны. Тем не менее было предложено дополнить систему наказаний таким ее видом, как удаление из пределов СССР на срок или бессрочно иностранцев и лиц без гражданства в ка-

честве основного или дополнительного наказания за совершение как особо опасных государственных преступлений, так и ряда общеуголовных посягательств [7]. Подобные предложения не единожды высказывались в научной литературе [8, с. 12; 9; 10].

Следует иметь в виду, что действовавший в то время УК РСФСР 1960 г. предусматривал (ст. 26) высылку внутри страны с запретом на срок от двух до пяти лет проживать в определенных местностях (столица Советского Союза и столицы союзных республик, областные города, приграничные и курортные местности и др.). 28 лет назад, еще до принятия ныне действующего УК РФ, государство лишилось этого ценного инструмента пресечения криминальной миграции. Думается, что этот шаг был совершенно не обоснован криминологически и потому требуется возвращение высылки (с предложенной нами ее модернизацией) в современную систему наказаний.

Та же судьба постигла проверенную столетиями отечественного и зарубежного опыта применения ссылки [11, с. 507–510]. Здесь надо иметь в виду, что специалисты в основном ведут речь об общественно опасной иммиграции, тогда как немалый вред способна принести и эмиграция из страны.

Полузабытый ныне Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный от имени Советского Союза Л. И. Брежневым 1 августа 1975 г. в Хельсинки, объединял три пакета (так называемой «корзины») соглашений. Первая «корзина» предусматривала нерушимость послевоенных границ и была буквально растоптана Западом во главе с США после распада СССР в 1991 г. Менее очевидна в этом злокачественном результате роль третьей «корзины», включавшей такой пункт, как «Уважение к правам человека и его фундаментальным свободам: свободе обмена мыслями, свободе совести и религии, свободе передвижения».

Эта международно-правовая норма узаконила, в частности, массовую эмиграцию евреев из СССР, число которых составило за 1970–1988 гг. 291 тыс. чел. (вместе с членами семей). Значительная часть из них не поехала в Израиль либо покинула его пределы через непродолжительное время (так, в 1979–1988 гг. в Израиль выехало 33 тыс. чел., тогда как в США почти в три раза больше – 84 тыс. чел.) [12].

Изрядная часть этих эмигрантов по разным причинам была настроена антисоветски и активно участвовала в подрывной деятельности против нашей страны. В пику этому 29 марта 1983 г. в СССР был образован Антисионистский комитет под председательством генерал-полковника танковых войск, дважды Героя Советского Союза Д. А. Драгунского. Членами комитета были: доктор юридических наук, профессор С. Л. Зивс, народный артист СССР Э. А. Быстрицкая, академики АН СССР Т. И. Ойзерман и В. Н. Кудрявцев, композитор М. И. Блантер, главный раввин Московской хоральной синагоги Я. Л. Фишман и главный раввин Москвы, а впоследствии главный раввин Советского Союза (с 1993 г. – России) А. С. Шаевич. Однако продолжавшаяся несколько десятилетий конфронтация с Израилем, как известно, не привела к планировавшимся результатам.

Аналогичный характер имел исход этнических немцев из России и других бывших союзных республик (прежде всего Казахстана) в объединенную Германию. Здесь мы также видим усиление враждебных России сил за счет притока «свежих» мозгов.

В свете сказанного становится ясно, почему ни Советский Союз, ни его правопреемник – Российская Федерация в течение почти 68 лет не принимали для себя Устав Международной организации

по миграции от 19 октября 1953 г., ибо в нем закреплено положение о том, что цели и функции названного органа состоят, в частности, в принятии мер «по организации перемещения мигрантов, для которых существующие механизмы не подходят или которые в противном случае не могли бы перемещаться без специальной помощи в страны, представляющие возможности для упорядоченной миграции». Лишь 5 апреля 2021 г. Президент России подписал соответствующий федеральный закон.

Ясно, что ссылка не в состоянии сама по себе воспрепятствовать вышеупомянутым грандиозным перемещениям людских масс. Здесь должны быть задействованы экономические, политические, культурологические и религиозные институты, дабы сохранить единство российского народа, а при перемещении части его за государственные границы обеспечить верность традициям и заветам своих предков.

Но для пресечения эмиграции за рубеж организованным и неорганизованным преступникам вместе с похищенными ими капиталами ссылка, как уголовное наказание, вполне пригодна. Дело в том, что западные страны, постоянно крича о расцвете коррупции в постсоветской России, охотно предоставляют убежище (в том числе политическое) особо опасным экономическим преступникам и еще более охотно размещают в своих банках похищенные в России сотни миллионов и миллиарды рублей [13]. Та же политика проводится в отношении экстремистов и даже откровенных террористов (прежде всего из республик Северного Кавказа, но не только).

Ссылка способна также канализировать перемещение осужденных в ряд обезлюдивших регионов России. Скажем, миграционная убыль в Дальневосточном федеральном округе составила в 2020 г.

19925 чел., а в Сибирском – 24499 чел., увеличившись примерно в 2,0 раза в каждом из них.

Наконец, есть смысл вернуть ссылку (как и высылку) в арсенал административных наказаний. Ее срок должен составить не более одного года и иметь целью не столько заселение депрессивных регионов, сколько очищение городов с высоким уровнем преступности и возвращение правонарушителей к местам их прежнего проживания (естественно, при том условии, что обстановка в них более благоприятна для личности делинквента).

Выводы

Пандемический кризис и вызванное им закрытие внутригосударственных и межгосударственных границ не привели к сокращению миграционной преступно-

сти. Напротив, в некоторых сферах и регионах наблюдается рост основных показателей этой разновидности преступности.

Современная миграционная ситуация и связанная с ней криминологическая обстановка требуют энергичных, но в то же время рациональных, научно обоснованных мер по контролю за миграционными процессами и дозированному применению уголовной репрессии к лицам, пренебрегающим российскими законами в этой сфере. Такими мерами могут и должны стать высылка за пределы РФ и ссылка с запретом проживать в определенной местности. Отказ от этих инструментов миграционного контроля с принятием УК 1996 г. криминологически и политически нельзя признать обоснованным.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.
2. Милюков С. Ф. Криминологические хроники времени пандемии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 13–18.
3. Миркин Я. М. На душу населения... // Российская газета. 2021. 12 марта.
4. Милюков С. Ф. Отзыв ведущей организации о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08: Ульянов М. В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности (М.: Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2017. 218 с. (с прилож.)) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 1 (30). С. 128–132.
5. Милюков С. Ф. Отзыв официального оппонента о диссертации С. А. Бучакова «Незаконная внешняя миграция в России: криминологическая обстановка и политика противодействия», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 2. С. 392–402.
6. Урда М. Н. Управление рисками миграционной преступности в условиях пандемии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3 (54). С. 62–70.
7. Милюков С. Ф. Уголовно-правовое значение криминологической характеристики преступности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1980. 22 с.
8. Хван Т. С. Отбывание наказания осужденными – иностранными гражданами и лицами без гражданства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2019. 26 с.
9. Урда М. Н. Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства как вид уголовного наказания и мера безопасности (сравнительно-правовые аспекты) // Уголовная

политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 т. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД РФ, 2018. С. 188–192.

10. Дворянсков И. В., Урда М. Н. Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации: к вопросу о перспективах законодательного определения в Уголовном кодексе Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 137–144.

11. Милюков С. Ф. Система и виды наказаний // Уголовное право России. Общая часть / под ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чучаева. СПб.: ЦИЭП: СПбИГО, 2009. 754 с.

12. Флорсхайм Й. Эмиграция советских евреев в 1979–1988 гг. и ее влияние на советское еврейство // Яхадут зманену. 1990. Вып. 6. С. 305–321 (иврит).

13. Милюков С. Ф. Транснациональное кубло экономических хищников: мы или они? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2 (41). С. 30–31.

References

1. Gegel' G. V. F. Enciklopediya filosofskih nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Moscow, 1975, vol. 1. 452 p.

2. Milyukov S. F. Kriminologicheskie hroniki vremeni pandemii [Criminological chronicles of the time of the pandemic]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2020, no. 2, pp. 13–18.

3. Mirkin Ya. M. Na dushu naseleniya... [Per capita...]. *Rossiyskaya Gazeta = Rossijskaya gazeta*, 2021, March 12.

4. Milyukov S. F. Otzyv vedushchej organizacii o dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk po special'nosti 12.00.08: Ul'yanov M. V. Migracionnye processy v sisteme determinacii prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti (M.: Akad. General'noj prokuratury RF, 2017. 218 s. (s prilozh.)) [Review of the leading organization about the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences in the specialty 12.00.08: Ulyanov M. V. Migration processes in the system of determination of extremist crimes (Moscow, Akad. General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2017. 218 p. (with appendix))]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1 (30), pp. 128–132.

5. Milyukov S. F. Otzyv oficial'nogo opponenta o dissertacii S. A. Buchakova "Nezakonnaya vneshnyaya migraciya v Rossii: kriminologicheskaya obstanovka i politika protivodejstviya", predstavlennoj na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk po special'nosti 12.00.08 [Review of the official opponent about S. A. Buchakov's dissertation "Illegal external migration in Russia: criminological situation and counteraction policy", submitted for the degree of Candidate of Legal Sciences in the specialty 12.00.08]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 392–402.

6. Urda M. N. Upravlenie riskami migracionnoj prestupnosti v usloviyah pandemii [Risk management of migration crime in the context of a pandemic]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (54), pp. 62–70.

7. Milyukov S. F. Ugolovno-pravovoe znachenie kriminologicheskoi harakteristiki prestupnosti. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal-legal significance of criminological characteristics of crime. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 1980. 22 p.

8. Hvan T. S. Otbyvanie nakazaniya osuzhdennymi – inostrannymi grazhdanami i licami bez grazhdanstva. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Serving sentences by convicted foreign citizens and stateless persons. Cand. legal sci. abstract diss.]. Ryazan', 2019. 26 p.

9. Urda M. N. [The expulsion of foreign citizens and stateless persons as a type of criminal punishment and a security measure (comparative legal aspects)]. *Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Criminal policy and culture of Countering crime. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Krasnodar, Krasnodar. univ. MVD RF Publ., 2018, pp. 188–192. (In Russ.)
10. Dvoryanskov I. V., Urda M. N. Vydvorenje inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva za predely Rossijskoj Federacii: k voprosu o perspektivah zakonodatel'nogo opredeleniya v Ugolovnom kodekse Rossijskoj Federacii [Expulsions of foreign citizens and stateless persons outside the Russian Federation: on the prospects of Legislative Definition in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 137–144.
11. Milyukov S. F. Sistema i vidy nakazaniy [System and types of punishments]. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal law of Russia. General part]; ed. by G. L. Kastorskii, A. I. Chuchaev. St. Petersburg, CIEP, SPbiGO Publ., 2009. 754 p.
12. Florskhajm J. Emigraciya sovetskih evreev v 1979–1988 gg. i ee vliyanie na sovetskoe evrejstvo [The emigration of Soviet Jews in 1979–1988 and its impact on Soviet Jewry]. *Yahadut zmanenu = Yahadut zmanenu*, 1990, is. 6, pp. 305–321. (Ivrit).
13. Milyukov S. F. Transnacional'noe kublo ekonomicheskikh hishchnikov: my ili oni? [The transnational cabal of economic predators: us or them?]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2016, no. 2 (41), pp. 30–31.

Информация об авторе / Information about the Author

Милуков Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: Milukov-SF@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5206-7691

Sergey F. Milyukov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: Milukov-SF@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5206-7691

Оригинальная статья / Original article

УДК 342.2/7:343.2/.7

Международно-правовые акты противодействия
незаконной миграцииМ. Н. Урда¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: urda.ru@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Проблема незаконной миграции есть и остается серьезным вызовом современной действительности. Идеологически и стратегически она воспринимается международным сообществом как угроза национальной безопасности, в первую очередь принимающих государств, а также их интеграционных объединений. По этой причине не прекращается поиск эффективных средств противодействия этому явлению и нивелирования его негативных последствий, как на государственном, так и на межгосударственном уровне. Этим обстоятельством исчерпывается актуальность настоящего исследования. Работа является результатом обобщения предыдущих исследований.

Целью настоящего исследования является выявление недостатков существующей системы международных правовых актов противодействия незаконной миграции и определение перспективных направлений ее совершенствования.

Задачи: изучение положений международно-правовых актов противодействия незаконной миграции; их консолидация; определение особенностей имплементации в национальное законодательство; выявление методологических и иных проблем их толкования и использования.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались как общенаучные методы (анализ, синтез), так и методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты. Выделены две группы международных актов противодействия незаконной миграции. Первая группа – международные стандарты прав и свобод человека, а также иные документы, конституирующие основу современной миграционной политики в целом (общие). Вторая – международные акты специализированной направленности, предусматривающие конкретные обязательства государств по установлению в национальном законодательстве мер собственно противодействия негативным проявлениям незаконной миграции (специальные). На их основе выявлены недостатки существующей системы международно-правовой системы противодействия незаконной миграции, определены перспективные направления ее совершенствования.

Выводы. Перспективными направлениями развития международного законодательства о противодействии незаконной миграции должны стать: совершенствование нормативной базы в части определения формальных и сущностных признаков незаконной миграции; разработка консолидированного международного акта, определяющего стандарты реализации процедуры высылки незаконных мигрантов, гарантирующей, с одной стороны, суверенное право принимающего государства, с другой – соблюдение основных прав человека, подлежащего высылке; совершенствование законодательства о противодействии транснациональной организованной преступности, специализирующейся на торговле людьми и незаконном ввозе мигрантов.

Ключевые слова: незаконная миграция; трудовая миграция; переселение; миграционная политика; международно-правовой акт; мигранты; иммиграция.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-20200033).

Для цитирования: Урда М. Н. Международно-правовые акты противодействия незаконной миграции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 83–95.

Поступила в редакцию 16.04.2021

Принята к публикации 12.05.2021

Опубликована 25.06.2021

International Legal Acts Against Illegal Migration

Margarita N. Urda¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: urda.ru@rambler.ru

Abstract

Relevance. The problem of illegal migration is and remains a serious challenge to modern reality. Ideologically and strategically, it is perceived by the international community as a threat to national security, primarily of the host states, as well as their integration associations. For this reason, the search for effective means of countering this phenomenon and leveling its negative consequences, both at the state and interstate levels, does not stop. This circumstance exhausts the relevance of this study. The work is a synthesis of previous research.

The purpose of the study is to identify the shortcomings of the existing system of international legal acts to counter illegal migration and identify promising directions for its improvement.

Objectives: study of the provisions of international legal acts against illegal migration; their consolidation; determination of the specifics of implementation into national legislation; identification of methodological and other problems of their interpretation and use.

Methodology. In the course of work on the research both general scientific methods (analysis, synthesis), and methods of legal science (formal-legal, comparative-legal) were used.

The results Two groups of international acts of counteracting illegal migration have been identified. The first group is international standards of human rights and freedoms, as well as other documents that constitute the basis of modern migration policy in general (general). The second is international acts of a specialized nature, providing for specific obligations of states to establish in national legislation measures to actually counter negative manifestations of illegal migration (special). On their basis, the shortcomings of the existing system of the international legal system of counteracting illegal migration were identified, and promising directions for its improvement were identified.

Conclusions. Promising directions for the development of international legislation on combating illegal migration should be: improving the regulatory framework in terms of determining the formal and essential features of illegal migration; development of a consolidated international act defining the standards for the implementation of the procedure for the expulsion of illegal migrants, guaranteeing, on the one hand, the sovereign right of the receiving state, on the other, - the observance of the fundamental human rights subject to expulsion; improvement of legislation on combating transnational organized crime, specializing in human trafficking and smuggling of migrants.

Keywords: illegal migration; labor migration; resettlement; foreign labor force; migration policy; international legal act; migrants; immigration.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The work was carried out within the framework of the state task for 2021 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving society and the state" (No. 0851-2020033).

For citation: Urda M. N. International Legal Acts Against Illegal Migration. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(3): 83–95. (In Russ.)

Received 16.04.2021

Accepted 12.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

На рубеже XX–XXI вв. незаконная миграция стала серьезным вызовом мировому сообществу. Специфика этого сложного масштабного явления в том, что оно оказывает разноплановое дестабилизирующее влияние на общественные

отношения внутри страны и за ее пределами, создает как потенциальную, так и реальную угрозу национальной безопасности принимающих государств и их интеграционных объединений, служит питательной средой для развития высокодоходного преступного бизнеса, часто связанного с организованной и трансна-

циональной преступностью и иными криминальными рисками. По этой причине самый широкий спектр проблем (включая уголовно-правовые) противодействия незаконной миграции был и остается предметом пристального внимания со стороны специалистов различных областей знания. Перспективным направлением исследований в этой области является обоснование путей совершенствования системы мер противодействия незаконной миграции с позиции соответствующих международных регламентов.

Проблемы международно-правовой основы противодействия незаконной миграции постоянно находятся в фокусе внимания научной общественности. Общей характеристике соответствующих документов посвящены работы В. Ф. Червоненко, Н. Н. Зинченко, Т. Я. Хабриевой, А. Ю. Ястребовой и др. [1; 2; 3; 4; 5; 6] С позиции обеспечения национальной безопасности они разрешались в трудах А. А. Юнусова, А. А. Алимова, М. Н. Титова, Л. В. Попова и др. [7; 8; 9], в аспекте противодействия нелегальной трудовой миграции – в исследованиях Л. В. Андриченко, И. В. Плюгиной и др. [10; 11; 12]. В то же время выявление противоречий собственно международных актов противодействия незаконной миграции не было предметом самостоятельного научного поиска.

В настоящее время сформировалась достаточно обширная система международно-правового сотрудничества государств по вопросам противодействия незаконной миграции. Она включает в себя акты общего и специального характера, определяющие направления развития национального законодательства по регулированию и охране миграционных отношений, требующие своего осмысления.

Методология

Методология исследования представлена следующими методами: диалектическим методом – при исследовании международных правовых актов противодействия незаконной миграции, фор-

мировавшихся в конкретно-исторический период времени под воздействием политических, социальных и экономических факторов; общенаучными методами (анализом, синтезом, системным) – при толковании и консолидации общих и специальных актов противодействия незаконной миграции; частноправовым формально-юридическим методом – при выявлении соотношения норм международного права в регламентации ответственности за торговлю людьми и провоз незаконных мигрантов.

Результаты и их обсуждение

Международно-правовые акты, оказывающие влияние на формирование политики противодействия незаконной миграции, весьма разнообразны. В самом общем виде их можно распределить по двум группам. Первая группа – международные стандарты прав и свобод человека, а также иные документы, конституирующие основу современной миграционной политики в целом (общие). Вторая – международные акты, специализированной направленности, предусматривающие конкретные обязательства государств по установлению в национальном законодательстве мер собственно противодействия негативным проявлениям незаконной миграции (специальные).

Международные инструменты первой группы концентрируют внимание, главным образом, на регламентации правового статуса мигрантов. основополагающее значение в этом аспекте миграционной политики имеет Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., которая в качестве основных свобод человека признает право каждого свободно передвигаться и выбирать место жительства, покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в нее (ст. 13).

Рассматриваемые положения получают конкретизацию в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Пакт устанавливает зависимость реализации права

на свободу передвижения от законности нахождения лица на территории соответствующего государства (ч.1, ч. 2 ст. 12). Кроме того, в нем предусматривается возможность ограничения этого права законом в целях охраны безопасности принимающего государства, общественного порядка, здоровья или нравственности населения, а также иных прав и свобод человека (ч. 3 ст. 12), реализуемого посредством высылки иностранца на основании соответствующего решения. При этом иностранный гражданин правомочен представлять любые доводы против своей высылки, имеет право на пересмотр решения о высылке в установленном законом порядке (ст. 13).

Дальнейшее развитие положения о праве на свободу передвижения и выбор места жительства получают в Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, от 13 декабря 1985 г. Этот документ запрещает индивидуальную и коллективную высылку иностранцев на основании расовой принадлежности, цвета кожи, культуры, религии, национального или этнического происхождения (ст. 7). Супругу, несовершеннолетним детям, находящимся на попечении иностранца, на законном основании пребывающих на территории другого государства, разрешается сопровождать его, приехать к нему и оставаться с ним (ч. 4 ст. 5).

Указанным актом устанавливаются также иные личные, социальные, политические и экономические права иностранцев: право на жизнь и личную неприкосновенность; защиту от незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь; выбор супруга, брак; свободу мысли, совести и религии; сохранение родного языка и культуры; перевод денежных средств за границу с учетом внутренних валютных правил; свободное выражение мнения; владение имуществом с учетом внутреннего законодательства; условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, справедливую заработную плату; охрану здоровья, медицинское

обслуживание и социальное обеспечение; образование и отдых и др. (ст. 5–10).

В ст. 2 документа подчеркивается, что декларируемые актом права иностранцев не должны расцениваться как узаконивающие их незаконное проникновение в иностранное государство и присутствие в нем, а также как ограничение права государства регламентировать правила въезда и пребывания иностранных граждан на своей территории. Государство вправе устанавливать различия между гражданами и иностранцами, совместимые с международно-правовыми обязательствами в области прав человека.

Вопросам международной миграции, уяснению ее причин и значения в экономическом развитии современных государств, а также преодолению связанных с ней деструкций было уделено внимание на Международной конференции по народонаселению и развитию (Каир, 5–13 сентября 1994 г.).

Раздел X Доклада по итогам конференции «Международная миграция» в качестве основы для развития международного сотрудничества по проблемам миграционной политики содержит определения «зарегистрированные» и «незарегистрированные» мигранты. К зарегистрированным относятся мигранты, которые удовлетворяют всем юридическим требованиям в отношении въезда, пребывания и, в соответствующих случаях, работы в принимающей стране. Многие такие мигранты со временем получают вид на жительство в принимающем государстве, поскольку их пребывание оценивается, как правило, как желательное, поэтому им гарантируется большинство социально-экономических прав из тех, которыми пользуются граждане.

Формулируя свое отношение к незарегистрированным (нелегальным) мигрантам, документ подчеркивает суверенное право каждого государства устанавливать режим въезда и пребывания указанных лиц и определяет их как не удовлетворяющих установленным принимающей стороной требованиям при-

менительно к въезду, пребыванию и экономической деятельности (п. 10.15). Целями такого подхода называются: анализ коренных причин незарегистрированной миграции; сокращение числа незарегистрированных мигрантов с одновременным получением искомого статуса лицами, нуждающимися в международной защите; предупреждение эксплуатации незарегистрированных мигрантов и обеспечение защиты их основных прав; предотвращение международной торговли мигрантами, проявлений расизма, этноцентризма и ксенофобии (п. 10.16).

Обострение глобальных проблем в начале XXI в. заставило мировую общественность по-новому взглянуть на международную миграцию, сквозь призму сложной взаимосвязи этого явления с развитием стран происхождения, транзита и назначения миграции, что нашло отражение в Декларации по итогам диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развития 2013 г.

Указанный документ впервые в истории международного права рассматривает проблему обеспечения прав мигрантов через призму международной миграции – реально протекающего сложного процесса, требующего согласованной и взвешенной политики, концентрации усилий всего мирового сообщества. Согласно этому документу позиция мировой общественности относительно международной миграции как глобальной проблемы сводится к следующим основным аспектам:

1) признается необходимость международного сотрудничества в обеспечении безопасной организованной и упорядоченной миграции, в том числе мобильной рабочей силы при полном соблюдении прав человека (пп. 1, 3, 5, 18);

2) миграция определяется как фактор устойчивого развития стран происхождения, транзита и назначения (пп. 2, 6, 8, 9);

3) признается необходимость улучшения в обществе отношения к мигрантам и миграции (пп. 9, 16);

4) подчеркивается особо уязвимое положение женщин, детей и подростков-мигрантов (пп. 10–13, 19);

5) заявляется о приверженности к политике предотвращения торговли людьми и борьбе с ней, защите жертв торговли людьми, предотвращению ввоза мигрантов и борьбе с такой практикой, а также защите мигрантов от злоупотреблений (п. 17);

6) подчеркивается важность системы защиты трудовых мигрантов (п. 14, 15);

7) признается важность координации усилий в оказании помощи и защите мигрантов, в том числе в случае их добровольного возвращения в страну происхождения (пп. 23, 24);

8) подтверждается необходимость создания условий для дешевого, быстрого и безопасного осуществления денежных переводов в странах-отправителях и странах-получателях (п. 7);

9) отмечается потребность в достоверных статистических данных по международной миграции (п. 28).

Дальнейшее развитие и конкретизацию те же положения получили в Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах 2016 г. Посредством указанного документа Генеральная Ассамблея ООН оформила решение о разработке глобального договора о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции – первого соглашения универсального характера, которое охватит все аспекты международной миграции и будет носить всесторонний и всеобъемлющий характер. По замыслу разработчиков, его принятие внесет важный вклад в глобальное регулирование международной миграции и укрепление координации в связи с этим явлением позволит ответить на вызовы, связанные с современными миграционными процессами, сократит сегмент незаконной миграции.

К группе международных нормативных актов общего значения, оказывающих влияние на формирование миграционной политики, следует отнести также документы по защите прав отдельных ка-

тегорий мигрантов: беженцев, трудящихся-мигрантов, жертв торговли людьми.

Конвенция о статусе беженцев 1951 г. и Протокол, касающийся статуса беженцев 1967 г., являются основными универсальными актами международного права по защите прав беженцев. Конвенция 1951 г. определила понятие «беженец», конкретизировала основания приобретения и содержание его правового статуса. Указанный документ предусматривает возможность высылки беженцев в интересах государственной безопасности, одновременно закрепляет практику «невыворота» их в государство, из которого они бежали, опасаясь преследования.

Международная организация труда (далее – МОТ) приняла несколько документов, определяющих обязательства стран-участниц по защите прав трудящихся-мигрантов. В частности, Конвенция о работниках-мигрантах (пересмотрена в 1949 г., № 97) гарантирует им условия жизнедеятельности не менее благоприятные, чем те, которыми пользуются собственные граждане. Они касаются обеспечения трудовых, жилищных прав, права на судебную защиту и некоторых других. Основанием их предоставления является законность пребывания таких работников на территории иностранного государства (ст. 6). Приложениями к названному документу определяются также порядок трудоустройства и условия труда названной категории лиц. Кроме того, Конвенция впервые устанавливает общий запрет на совершение действий, способствующих тайной и незаконной иммиграции (ст. 8 Приложения I, ст. 13 Приложения II). При этом документ не содержит рекомендаций по криминализации конкретных правонарушений, с ней связанных.

Другой документ МОТ – Конвенция № 189 о достойном труде домашних работников 2011 г. – определяет основы деятельности частных агентств занятости, занимающихся набором или трудоустройством домашних работников, в том числе мигрантов, предписывает го-

сударствам-участникам принять все необходимые и надлежащие меры в целях обеспечения адекватной защиты таких работников, нанятых или трудоустроенных частными агентствами занятости, и предотвращения всяческих злоупотреблений с их стороны (ст. 15).

Начало XXI столетия ознаменовалось осознанием мировой общественностью угрожающего значения транснациональной организованной преступности. Декларация тысячелетия ООН от 8 сентября 2000 г., принятая Резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН, обратила внимание на необходимость активизации борьбы с этим явлением, включая торговлю людьми и их контрабандную перевозку. В этом же году была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, которая стала первым на универсальном уровне всеобъемлющим документом противодействия международным преступным организациям, специализирующимся на незаконном ввозе мигрантов и торговле людьми.

Конвенция также определяет основы взаимодействия правоохранительных органов при конфискации и аресте доходов, полученных в результате осуществления организованной преступной деятельности, выдаче лиц, причастных к ней, проведения совместного расследования транснациональных преступлений. Положениями Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности обеспечивается общая координация деятельности по противодействию такого рода посягательствам. Свыше ста тридцати государств мира, включая Россию, ратифицировали эту Конвенцию.

К международным документам второй группы (специальных международных актов, непосредственно направленных на борьбу с незаконной миграцией), относится, прежде всего, Конвенция № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения 1975 г. Этот документ заложил

основы понимания признаков незаконной миграции. Им также определены конкретные меры по ее предупреждению.

Конвенция, в частности, определяет обязательства участников по мониторингу как незаконно нанятых трудящихся-мигрантов, так и незаконных миграционных движений лиц, ищущих работу, в пути следования, по прибытии или во время проживания и трудоустройства на условиях, противоречащих международному и национальному законодательству (ст. 2). Таким образом подчеркиваются различные аспекты незаконной миграции: въезд, транзитный проезд, пребывание и трудоустройство с нарушением установленных требований и правил.

Статьей 3 указанного акта предписано принять все необходимые меры в рамках своей юрисдикции (а также в сотрудничестве с другими участниками) по пресечению тайного миграционного движения и незаконного найма мигрантов, действий организаторов незаконного или тайного передвижения мигрантов, ищущих работу, а также действий тех лиц, кто нанимает незаконно иммигрировавших трудящихся.

Указанные меры обеспечивают возможность преследования лиц, ответственных за незаконную миграцию, независимо от страны, из которой они осуществляют свою деятельность (ст. 5). С этой целью в рамках национального законодательства предписано определить меры гражданской, административной и уголовной ответственности, в том числе тюремное заключение, за незаконное использование труда трудящихся-мигрантов, организацию их незаконной миграции и сознательное оказание помощи вне зависимости от получения прибыли (ст. 6).

В противодействии незаконной миграции большое значение уделяется защите прав трудящихся-мигрантов — Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. Этот документ формулирует понятие «трудящийся-мигрант», определяет правовой статус трудящихся ми-

грантов, а также статус членов их семей. В ст. 2 Конвенции определяется, что ее положения применимы в течение всего процесса миграции указанных лиц, включающего подготовительные действия к миграции, выезд, транзитный проезд, пребывание и оплачиваемую деятельность в принимающем государстве, а также возвращение в государство происхождения.

Документ различает трудящихся-мигрантов, имеющих и не имеющих постоянный статус. В соответствии со ст. 5 Конвенции, под трудящимися-мигрантами и членами их семей, не имеющими постоянного статуса, понимаются лица, не получившие разрешение на въезд, пребывание и оплачиваемую деятельность в принимающем государстве в соответствии с законодательством этого государства и международными соглашениями, участником которых оно является.

Документ предусматривает также обязательства заинтересованных государств (с учетом юрисдикции каждого государства-участника) по принятию мер противодействия незаконной миграции, в частности: а) недопущению распространения недостоверной информации по вопросам миграции; б) выявлению и пресечению нелегальных или тайных переездов трудящихся-мигрантов и членов их семей и принятию эффективных санкций против лиц, групп или образований, занимающихся организацией таких переездов, или содействующих им каким-либо иным образом; в) принятию эффективных санкций против лиц, групп лиц или образований, применяющих к трудящимся-мигрантам или членам их семей, не имеющих постоянного статуса, физическое или психическое насилие.

Принимающие государства берут на себя обязательства по принятию необходимых действенных мер по предотвращению найма на своей территории не имеющих постоянного статуса трудящихся-мигрантов, включая применение

соответствующих санкций в отношении работодателей (ст. 68).

Определяя широкий перечень социальных гарантий трудящихся-мигрантов и членов их семей, Конвенция не проводит различий между трудящимися-мигрантами с постоянным и непостоянным статусом, а защищает фундаментальные права всех трудящихся-мигрантов, находящихся на территории государства в независимости от легальности их правового положения. По мнению Л. В. Андриченко и Л. Н. Васильева, широкий объем прав, предоставляемых этим документом трудящимся-мигрантам с непостоянным статусом, налагает на государство большие финансовые обязательства, сопоставимые с затратами государства на своих граждан, что вызывает неоднозначную оценку со стороны правительств государств, да и самих граждан [12, с. 59].

В целом по состоянию на 1 июля 2016 г. 92 страны ратифицировали, по крайней мере, один из документов, касающихся трудящихся-мигрантов. В совокупности в этих странах в 2015 г. находилось 83 млн международных мигрантов, или 34% общемирового количества мигрантов [4].

Российская Федерация не является участницей названных Конвенций. Среди причин, препятствующих их ратификации, называются недостатки в контроле над миграционными процессами, отсутствие четких статистических данных о количестве иностранных граждан, незаконно находящихся на территории страны, в том числе занимающихся трудовой деятельностью, чрезмерное финансовое бремя на бюджет [12, с. 59].

С точки зрения уголовно-правовых рисков ратификация указанных Конвенций Россией значения не имеет, поскольку уголовно-правовое противодействие незаконной миграции не обусловлено статусом трудящихся-мигрантов.

Протокол против ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху (далее – Протокол против ввоза мигрантов) и Протокол о предупреждении и пресечении торговли

людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (далее – Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми) дополняют Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности.

По состоянию на 1 июля 2016 г. 168 государств-членов ратифицировали Протокол 2000 г. о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее и 142 государства – Протокол 2000 г. против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху. Есть мнение, что быстрое увеличение числа государств, ратифицирующих эти международные акты, отражает растущую обеспокоенность государств-членов по поводу причастности организованной преступности к нерегулируемой миграции¹.

Незаконный ввоз мигрантов превратился в незаконную торговлю огромных масштабов. Возможно, это второй по прибыльности после оборота наркотиков преступный бизнес. По некоторым оценкам доходы от этой деятельности варьируются в пределах от 5 до 10 млрд долларов ежегодно [13, с. 969]. Поскольку речь идет о скрытой преступной деятельности, ее глобальный оборот не поддается точному определению.

В ст. 3 (а) Протокола против ввоза мигрантов приводится определение незаконного ввоза мигрантов с использованием сформулированного здесь же понятия «незаконный въезд» (ст. 3 (б)). Под незаконным ввозом мигрантов понимается обеспечение с целью получения (прямо или косвенно) какой-либо финансовой или иной материальной выгоды от незаконного въезда в государство-участник любого лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории. Незаконный въезд определяется как пересечение границ без соблюдения необходимых требований для законного въезда в принимающее государство.

Сфера применения рассматриваемого международного акта включает преду-

прежде и уголовное преследование «перевозчика» в связи с совершением им как самого незаконного ввоза мигрантов, так и иных преступлений, его обуславливающих, совершенных организованной преступной группой, а также защита лиц, ставших объектом таких посягательств (ст. 4 Протокола против незаконного ввоза мигрантов).

В зарубежной научной литературе подверглось критике использование в Протоколе против незаконного ввоза мигрантов признака организованной преступной группы как необоснованно сужающего сферу его применения. В частности, Абделнэзер С. Мохамед Али отмечает, что вне рамок указанного международного акта остаются случаи незаконного ввоза мигрантов, которые совершаются в одиночку или группой менее трех человек. Более того, при аналогичной ситуации, если это деяние является одним из этапов плана организованной преступной группы, отсутствуют основания для запроса сотрудничества у других государств в целях выявления соучастников преступления, поскольку условием такого запроса являются структурированность и необходимая количественная составляющая группы [14, с. 64].

В связи с этим представляется вполне оправданным отказ российского и многих зарубежных законодателей от имплементации положений Протокола против незаконного ввоза мигрантов в «чистом виде» посредством формулирования соответствующей нормы по типу соучастия особого рода.

Рассматриваемый документ предписывает государствам-участникам также принять меры к определению как отягчающих обстоятельств совершения этих правонарушений, если они ставят (или могут поставить) под угрозу жизнь или безопасность мигрантов или связаны с бесчеловечным или унижающим достоинство обращением с мигрантами, в том числе с их эксплуатацией (п. 3 ст. 6).

Согласно ст. 3(а) Протокола о предупреждении и пресечении торговли

людьми, под торговлей людьми понимается совершение в целях эксплуатации вербовки, передачи, перевозки, укрывательство или получение людей с помощью физического, психического и иных форм принуждения, а также похищение, мошенничество, обман, злоупотребление властью или уязвимым положением, путем подкупа в виде платежей или других выгод для получения согласия лица.

Признак эксплуатации в соответствии с названной нормой, как минимум, включает эксплуатацию проституции других лиц, а также иные формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов.

Основным критерием разграничения понятий «торговля людьми» и «незаконный ввоз мигрантов» является наличие в последнем случае согласия человека на его трансграничное перемещение. Такой подход широко поддерживается в научной литературе [15; 16; 17; 18; 19]. Однако в явном виде этот критерий не включен в указанное определение. В литературе его называют признаком по умолчанию. Объясняется это тем, что объект незаконного ввоза – это международный мигрант, решивший изменить страну проживания [20, с. 14].

Документы не содержат каких-либо указаний относительно того, как разграничивать понятия незаконный ввоз мигрантов и торговля людьми в отсутствие очевидного согласия на трансграничное перемещение.

Представляется, что межличностные угрозы, априори являющиеся принудительными (например, психическое насилие), и личные обстоятельства (нищета, болезни, голод), не содержащие поведенческого элемента принуждения, но вынуждающие людей покидать места проживания, – факторы, различные по существу и по правовому значению.

В тех случаях, когда наличие согласия с точностью установить невозможно, определяющее значение в разграничении

рассматриваемых понятий должно придаваться признаку цели эксплуатации, имеющему ключевое значение в определении торговли людьми, содержащемся в ст. 3 (а) Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми. Буквальное толкование фразы «в целях эксплуатации» указывает на то, что альтернативно перечисленные в определении «торговля людьми» противоправные деяния должны быть совершены, в частности, для эксплуатации жертв преступления.

Статья 3(а) Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми конкретно не определяет понятия «эксплуатация». Последняя декларируется как цель преступного поведения – бесчеловечного или унижающего достоинство человека обращения в процессе их перевозки.

Среди иных мер противодействия незаконному трансграничному перемещению людей рассматриваемые международные акты называют: обмен информацией и подготовку кадров (ст. 14 Протокола о незаконном ввозе мигрантов, ст. 10 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми); меры пограничного контроля (ст. 11 Протокола о незаконном ввозе мигрантов, ст. 11 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми); обеспечение качественного документооборота, сопровождающего трансграничное перемещение лиц и контроль над его осуществлением (ст. 12, 13 Протокола о незаконном ввозе мигрантов и ст. 12, 13 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми). Оба документа регламентируют также возвращение и прием незаконно ввезенных лиц, предписывая его участникам содействовать соответствующим процедурам без необоснованных или неразумных задержек (ст. 8 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, ст. 18 Протокола о незаконном ввозе мигрантов).

Для целей обеспечения национальной безопасности государств-участников международных отношений большое

значение имеет Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2014 г. A/RES/69/119 «Высылка иностранцев», принявшая к рассмотрению проекты статей, а также рекомендации к ним, разработанные Комиссией международного права по определению стандартов высылки иностранцев. В проекте статей сформулированы общие положения предполагаемого международного института; установлены запреты высылки беженцев и апатридов, коллективная высылка и в целях конфискации имущества иностранцев, так называемая замаскированная высылка с целью обойти процедуру экстрадиции; определены стандарты защиты прав иностранцев, принуждаемых покинуть страну пребывания и правила принятия соответствующего решения.

Выводы

В международном праве отсутствует целостная система норм, концептуально изложенных в тексте одного комплексного и универсального акта, предназначенного для пресечения незаконной миграции. Внесистемный подход, фрагментарность и погрешности в конструировании соответствующих запретов с неизбежностью введут не только к различному пониманию национальными законодателями формальных и сущностных признаков незаконной миграции, но и к набору необходимых средств противодействия ей.

Перспективными направлениями развития международно-правовой основы противодействия незаконной миграции должны стать:

- совершенствование нормативной базы в части определения формальных и сущностных признаков незаконной миграции;
- разработка консолидированного международного акта, определяющего стандарты реализации процедуры высылки незаконных мигрантов, гарантирующей, с одной стороны, суверенное право принимающего государства, с другой –

соблюдение основных прав человека, подлежащего высылке;
– совершенствование законодательства о противодействии транснациональ-

ной организованной преступности, специализирующейся на торговле людьми и незаконном ввозе мигрантов.

Список литературы

1. Червоненко В. Ф. Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией // Миграционное право. 2007. № 1. С. 125–127.
2. Зинченко Н. Н. Международно-правовое регулирование внешней миграции : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 223 с.
3. Хабриева Т. Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: ИЗиСП : Юриспруденция, 2019. 400 с.
4. Ястребова А. Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации: монография. М.: ВАКО, 2014. 462 с.
5. Воронина Н. А. Международное право и миграционное законодательство стран СНГ (историко-правовой анализ): монография. М.: Изд-во ИД ГУУ, 2015. 304с.
6. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Н. М. Бевеликова, Н. Г. Дорони-на, О. О. Журавлева [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 333 с.
7. Юнусов А. А., Алимов А. А., Титова М. Н. Противодействие нелегальной миграции: пути совершенствования международной и национальной организационно-правовой основы // Современное право. 2018. № 12. С. 120–127.
8. Попов Л. В. Соотношение международно-правового регулирования миграции и права международной безопасности // Международное публичное и частное право. 2018. № 6. С. 10–12.
9. Черноус В. К. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. №4 (15). С. 11–14.
10. Андриченко Л. В., Плюгина И. В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография. М.: ИЗиСП : НОРМА : ИНФРА-М, 2019. 392 с.
11. Горян Э. В. Актуальные вопросы имплементации Российской Федерацией международных стандартов деятельности инспекции труда // Административное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 39–56.
12. Андриченко Л. В., Васильева Л. Н. Привлечение и использование иностранной рабочей силы: международные стандарты и законодательство Российской Федерации // Международно-правовые стандарты в конституционном праве: сборник научных трудов / отв. ред. И. А. Конюхова. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2007. С. 54–77.
13. Martin P., Miller M. Smuggling and trafficking // A Conference Report International Migration Review. 2000. Vol. 34. No. 3. P. 969–975.
14. Abdelnaser S. Mohamed Ali Smuggling of migrants in international law a critical analysis of the protocol against the smuggling of migrants by land, sea and air, supplementing the united nations convention against transnational organised crimes crime: Dphil thesis. United Kingdom, School of Law University of Leicester, 2014.
15. Paspalanova M. Undocumented vs. Illegal Migrant: towards terminological coherence // Migraciones internacionales. 2008. Vol. 4, no. 3. URL: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S166589062008000100004 (дата обращения: 16.02.2021).

16. Burke C. Smuggling versus Trafficking: Do the U.N. Protocols have it right? // Human Rights and Human Trafficking. P. 104–199. URL: <http://www.du.edu/korbel/hrhw/researchdigest/trafficking/UNProtocols.pdf> (дата обращения: 16.02.2021).
17. Voinikov V. Legal aspects of EU policy on irregular immigration // Baltic Region. 2015. No. 4 (26). P. 55–65.
18. Потемкина О. Ю. Иммиграционная политика Европейского союза: проблемы и перспективы. М.: Русский сувенир, 2010. 129 с.
19. Исабеков К. С. Правовое регулирование в соответствии с Протоколом ООН против незаконного ввоза мигрантов // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2013. Т. 13, № 5. С. 34–37.
20. Zaid a Zaid. Illegal immigration in international law and practice in selected countries: the case of Libya and Italy: DPhil thesis. Glasgow: Caledonian University, 2007. P. 14.

References

1. Chervonenko V. F. Mezhdunarodno-pravovye osnovy borby s nezakonnoi migratsiei [International legal bases of the fight against illegal migration]. *Migratsionnoe pravo = Migration law*, 2007, no. 1, pp. 125–127.
2. Zinchenko N. N. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vneshnei migratsii. Diss. kand. yurid. Nauk [International legal regulation of external migration. Cand. Legal sci. diss.]. Moscow, 2001. 223 p.
3. Khabrieva T. Ya. Migratsionnoe pravo: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Migration law: comparative legal research]. Moscow, IZiSP Publ., Yurisprudentsiia Publ., 2019. 400 p.
4. Yastrebova A. Yu. Mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy regulirovaniya migratsii doktrinalnye podkhody i opyt Rossiiskoi Federatsii [International legal mechanisms of migration regulation: doctrinal approaches and the experience of the Russian Federation]. Moscow, VAKO Publ., 2014. 462 p.
5. Voronina N. A. Mezhdunarodnoe pravo i migratsionnoe zakonodatel'stvo stran SNG (istoriko-pravovoi analiz) [International law and migration legislation of the CIS countries (historical and legal analysis)]. Moscow, ID GUU Publ., 2015. 304 p.
6. Bevelikova N. M., Doronina N. G., Zhuravleva O. O., eds. Globalizatsiya i integratsionnye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (pravovoe i ekonomicheskoe issledovanie) [Globalization and integration processes in the Asia-Pacific region (legal and economic research)]; ed. by T. Ya. Khabrieva. Moscow, IZiSP Publ., INFRA-M Publ., 2014. 333 p.
7. Yunusov A. A., Alimov A. A., Titova M. N. Protivodeistvie nelegal'noi migratsii: puti sovershenstvovaniya mezhdunarodnoi i natsional'noi organizatsionno-pravovoi osnovy [Countering illegal migration: ways to improve the international and national organizational and legal framework]. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2018, no. 12, pp. 120–127.
8. Popov L. V. Sootnoshenie mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya migratsii i prava mezhdunarodnoi bezopasnosti [Correlation of international legal regulation of migration and international security law]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = Public and private international law*, 2018, no. 6, pp. 10–12.
9. Chernous V. K. Nezakonnaya migratsiya kak ugroza natsionalnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Illegal migration as a threat to the national security of the Russian Federation]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and order: history, theory, practice*, 2017, no. 4 (15), pp. 11–14.
10. Andrichenko L. V., Plugina I. V. Migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii: tendentsii razvitiya i praktika primeneniya [Migration legislation of the Russian Federation: tendencies of development and practice of application].

velopment trends and application practice]. Moscow, IZiSP Publ., NORMA Publ., INFRA-M Publ., 2019. 392 p.

11. Gorian E. V. Aktualnye voprosy implementatsii Rossiiskoi Federatsiei mezhdunarodnykh standartov deyatelnosti inspeksii truda [Actual issues of implementation by the Russian Federation of international standards of labor inspection activities]. *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo = Administrative and municipal law*, 2017, no. 7, pp. 39–56.

12. Andrichenko L. V., Vasil'eva L. N. Privlechenie i ispol'zovanie inostrannoj rabochej sily: mezhdunarodnye standarty i zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii [Attracting and using foreign labor: International standards and legislation of the Russian Federation]. *Mezhdunarodno-pravovye standarty v konstitucionnom prave. Sbornik nauchnykh trudov* [International legal standards in constitutional law. Collection of scientific works]; ed. by I. A. Konyuhov. Moscow, Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN Publ., 2007, pp. 54–77.

13. Martin P., Miller M. Smuggling and trafficking. *A Conference Report International Migration Review*, 2000, vol. 34, no. 3, pp. 969–975.

14. Abdelnaser S. Mohamed Ali. smuggling of migrants in international law a critical analysis of the Protocol against the smuggling of migrants by land, sea and air, supplementing the United Nations Convention against transnational organised crime. DPhil thesis. United Kingdom, School of Law University of Leicester, 2014.

15. Paspalanova M. Undocumented vs. Illegal migrant: towards terminological coherence. *Migraciones internacionales*, 2008, vol. 4, no. 3. Available at: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S166589062008000100004. (accessed 16.02.2021)

16. Burke C. Smuggling versus trafficking: do the U.N. Protocols have it right? Human rights and human trafficking. P. 104–199. Available at: <http://www.du.edu/korbel/hrhw/researchdi-gest/trafficking/UNProtocols.pdf>. (accessed 16.02.2021)

17. Voinikov V. Legal aspects of EU policy on irregular immigration. *Baltic Region*, 2015, no. 4 (26), pp. 55–65.

18. Potemkina O. Yu. Immigracionnaya politika Evropejskogo soyuza: problemy i perspektivy [Immigration policy of the European Union: problems and prospects]. Moscow, Russkij souvenir Publ., 2010. 129 p.

19. Isabekov K. S. Pravovoe regulirovanie v sootvetstvii s Protokolom OON protiv nezakonnogo vvoza migrantov [Legal regulation in accordance with the UN Protocol against the Illegal Import of Migrants]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo slavyanskogo universiteta = Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 2013, vol. 13, no. 5, pp. 34–37.

20. Zaid a Zaid. Illegal immigration in international law and practice in selected countries: the case of Libya and Italy. DPhil thesis. Glasgow, Caledonian University, 2007. P. 14.

Информация об авторе / Information about the Author

Урда Маргарита Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: urda.ru@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1711-3031
Researcher ID: AAD-3227-2021

Margarita N. Urda, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: urda.ru@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1711-3031
Researcher ID: AAD-3227-2021

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.24

Судимость в уголовном праве восточноевропейских государств

А. А. Бимбинов¹, В. Н. Воронин¹ ✉

¹Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
ул. Садовническая 33/1, г. Москва 117997, Российская Федерация

✉ e-mail: voronin@crimconf.com

Резюме

Актуальность. В большинстве государств мира судимость представляет собой криминальную историю человека, которая учитывается при назначении наказания за вновь совершенное преступление. В некоторых странах информация о судимости ограничена вступившими в законную силу обвинительными приговорами, в то время как в других странах эта информация может включать сведения об административных правонарушениях, снятых обвинениях, возбужденных делах, делах, по которым человек был оправдан. К судимости могут относить даже сведения о превышении скорости и вождении в нетрезвом виде.

Наибольшие различия в праве современных государств прослеживаются в правовом, в том числе уголовно-правовом, значении судимости.

Целью исследования является выявление уголовно-правовых и общеправовых и социальных последствий судимости в восточноевропейских государствах.

Задачи: определить природу и понятие судимости; выявить ее общеправовое значение; выявить уголовно-правовое значение судимости; рассмотреть систему правоограничений, которую предполагает судимость; привести условия и основания аннулирования судимости; соотнести судимость с иными национальными уголовно-правовыми институтами в законодательстве Польши, Чехии и Болгарии.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались как общенаучные методы (анализ, синтез), так и методы юридической науки, среди которых основным явился сравнительно-правовой.

Результаты. Представлена картина, отражающая реальное состояние норм уголовного законодательства, регулирующих вопросы судимости, правоприменительной практики, а также уголовно-правовых научных исследований судимости в отдельных восточноевропейских государствах. Значимость результатов заключается также в том, что они позволят приблизиться к общемировому уровню исследований проблем судимости, а опубликование результатов сможет обогатить уголовно-правовую науку данными о состоянии и перспективах института судимости в восточноевропейских государствах.

Выводы. Институт снятия судимости в уголовном праве Чехии, Польши и Болгарии направлен на устранение всех существующих последствий этого состояния, также он направлен на ресоциализацию лиц, однако снятие судимости на сегодня не способно аннулировать ее общесоциальные последствия.

Ключевые слова: сравнительное уголовное право; судимость; уголовная ответственность; последствия судимости.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бимбинов А. А., Воронин В. Н. Судимость в уголовном праве восточноевропейских государств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 96–108.

Поступила в редакцию 02.04.2021

Принята к публикации 11.05.2021

Опубликована 25.06.2021

© Бимбинов А. А., Воронин В. Н., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2021; 11(3): 96–108

Criminal Law Judgment in Eastern European States

Arseny A. Bimbinov¹, Vyacheslav N. Voronin¹ ✉

¹The Kosygin State University of Russia

33/1 Sadovnicheskaya, Moscow, 117997 Russian Federation

✉ e-mail: bimbinov@yandex.ru, voronin@crimconf.com

Abstract

Relevance. In most states of the world, a criminal record is a person's criminal history, which is taken into account when sentencing a newly committed crime. In some countries, conviction information is limited to enforceable convictions, while in other countries, this information may include information on administrative offenses, charges dropped, prosecutions, cases in which the person has been acquitted. A criminal record can even include information about speeding and drunk driving.

The greatest differences in the law of modern states can be traced in the legal, including criminal law, the meaning of a criminal record.

The purpose of the study is to identify the criminal and general legal and social consequences of convictions in Eastern European states.

Objectives: to determine the nature and concept of a criminal record; to reveal its general legal significance; to reveal the criminal law value of a criminal record; consider the system of legal restrictions, which involves a criminal record; give the conditions and grounds for the cancellation of a criminal record; correlate convictions with other national criminal law institutions in the legislation of Poland, the Czech Republic and Bulgaria.

Methodology. In the process of working on the study, both general scientific methods (analysis, synthesis) and methods of legal science were used, among which comparative legal was the main one.

Results. As a result, a picture is presented that reflects the real state of the norms of criminal legislation governing the issues of criminal record, law enforcement practice, as well as criminal-legal scientific research of criminal record in individual Eastern European states. The significance of the results also lies in the fact that they will make it possible to approach the global level of research on the problems of criminal records, and the publication of the results will be able to enrich the criminal law science with data on the state and prospects of the institution of criminal records in Eastern European states.

Conclusions. The institute for the removal of convictions in the criminal law of the Czech Republic, Poland and Bulgaria is aimed at eliminating all the existing consequences of this condition, it is also aimed at re-socializing persons, however, the removal of a criminal record today is not able to annul its general social consequences.

Keywords: comparative criminal law; criminal record; criminal responsibility; consequences of a criminal record.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bimbinov A. A., Voronin V. N. Criminal Law Judgment in Eastern European States. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 96–108. (In Russ.)

Received 02.04.2021

Accepted 11.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Судимость является одним из самых многогранных явлений в праве [1; 2; 3]. Понятие и правовое значение судимости существенно различается в разных странах и даже в разных юрисдикциях внутри страны [4; 5]. В большинстве государств мира судимость представляет собой кри-

минальную историю человека, которая учитывается при назначении наказания за вновь совершенное преступление. В некоторых странах информация о судимости ограничена вступившими в законную силу обвинительными приговорами, в то время как в других странах эта информация может включать сведения об адми-

нистративных правонарушениях, снятых обвинениях, возбужденных делах, делах, по которым человек был оправдан. К судимости могут относить даже сведения о превышении скорости и вождении в нетрезвом виде. Наибольшие различия в праве современных государств прослеживаются в правовом, в том числе уголовно-правовом, значении судимости. Так, в России судимость выступает в качестве критерия индивидуализации наказания, криминообразующего признака, условия определения вида исправительного учреждения и инструмента установления постпенитенциарного контроля, а во многих штатах США судимость лишь влияет на определение пределов наказания за новое преступление [6; 7].

Изучить правовое значение судимости популярных с научной точки зрения правовых систем (США, Англия, Китай, Франция, Германия, Япония, Израиль и т. д.) [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18]. Большое количество работ, индексируемых в международных базах данных, посвящены этим вопросам. В то же время актуальных исследований правовой природы судимости в восточноевропейских странах практически не найти [19; 20]. В этой связи представляется целесообразным осуществить обзорное исследование понятия и правового значения судимости в отдельных восточноевропейских государствах и ее влияние на реализацию принципа справедливости. Предполагается решить следующие задачи: определить природу и понятие судимости [21]; выявить ее общеправовое значение; выявить уголовно-правовое значение судимости [22]; рассмотреть систему правоограничений, которую предполагает судимость [23]; привести условия и основания аннулирования судимости [24]; соотнести судимость с иными национальными уголовно-правовыми институтами. Значимость результатов исследования заключается также в том, что они позволят приблизиться к общемировому уровню исследований проблем судимости, а

опубликование результатов сможет обогатить мировую уголовно-правовую науку данными о состоянии и перспективах института судимости в восточноевропейских государствах.

Методология

Исследование основано на следующих методологических принципах: принцип объективности, принцип детерминизма, принцип историзма, принцип целостности, принцип системности, принцип структурности, принцип функциональности, принцип иерархичности, принцип плюрализма объяснения и понимания социально-правовых явлений и процессов и основной – принцип компаративистики.

Для решения поставленных задач применялись как общенаучные методы (анализ, синтез), так и методы юридической науки. Методология настоящего исследования во многом базируется на таких общелогических методах, как анализ и синтез, что позволяет сравнивать и противопоставлять различные типы правоограничений, которые предполагает судимость.

В исследовании применяются следующие частно-юридические методы: правовой аналитики, законодательной техники, правовой компаративистики. Метод правовой аналитики предполагает рассмотрение проблем на основе их деления на системно связанные части, выявления причинных взаимоотношений, учета сопутствующих факторов, прогнозирования и оценивания последствий. В частности, его применение необходимо при анализе действующих уголовно-правовых предписаний о судимости. Законодательная техника представляет собой совокупность средств и приемов, используемых при выработке и систематизации предложений по совершенствованию нормативно-правовых предписаний. В частности, по результатам исследования должны быть предложены модели и направления совершенствования дей-

ствующих уголовно-правовых норм. Правовая компаративистика явилась основным методом и предполагает сопоставление одноименных государственных и правовых институтов, их основных принципов и категорий, существующих в зарубежных государствах.

Результаты и их обсуждение

Болгария. В уголовном праве Болгарии судимость представляет собой последний, третий элемент (после общественного осуждения и наказания) правового последствия совершения преступления. Хотя судимость возникает вместе со вторым элементом – наказанием, она сохраняет свое значение после его отбытия или прекращения по другим основаниям.

Судимость имеет как общеправовое, так и уголовно-правовое значение. Последнее главным образом состоит в оказании влияния на назначение и освобождение от наказания. Наличие судимости при совершении нового общественно опасного деяния, как правило, ведет к образованию множественности преступлений в форме рецидива. Рецидив, в свою очередь, влечет назначение более строгого наказания (ст. 27-29 УК Болгарии¹), ужесточает условия для освобождения от наказания (например, согласно п. 2 § 1 ст. 70 УК Болгарии, условно-досрочное освобождение при опасном рецидиве возможно только после отбытия не менее двух третей от назначенного наказания), является квалифицирующим признаком во многих составах преступлений (например, п. 12 § 1 ст. 116 или п. 5 § 3 ст. 152 УК Болгарии).

Общеправовое значение судимости выражается в наличии дополнительных требований и ограничений для жизнедеятельности осужденного. Судимость учитывается и может являться препятствием при поступлении на службу, трудо-

устройстве или получении определенных состояний и разрешений: на хранение оружия, на торговлю ценными бумагами, на регистрацию отдельных профессий (например, юрист, нотариус, врач) и т. д.

Предоставление справки о наличии/отсутствии судимости в Болгарии требуется во многих случаях, а процесс ее получения и выдачи сложный и затратный. Для получения такой справки надлежит обращаться в бюро судимостей при региональном суде, к подсудности которого отнесен заявитель, или в Центральное бюро судимостей Министерства юстиции Республики. В случае наличия судимости процесс выдачи документа растягивается по времени, т. к. компетентные органы должны не только установить все фактические обстоятельства, но и определить, какую информацию следует в справке отразить. Так, при поступлении на работу в коммерческую структуру данные об имеющейся судимости могут быть не указаны, если заявитель был частично реабилитирован, а при поступлении на государственную службу отражается вся информация о правовых последствиях совершенного преступления. В настоящее время процедура раскрытия информации о судимости регулируется Постановлением от 26 февраля 2008 г. № 8 «О функциях и организации деятельности бюро судимостей»².

Уголовное законодательство Республики Болгария не дает определение судимости, не определяет всех ее правовых последствий, однако регулирует вопрос ее аннулирования.

Согласно § 1 ст. 85 УК Болгарии реабилитация аннулирует судимость и отменяет все правовые последствия, которые законы связывают с судимостью, за исключением случаев, специально преду-

¹ Уголовный кодекс Республики Болгария от 15 марта 1968 года. URL: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/1589654529> (дата обращения: 23.03.2021).

² Постановление № 8 от 26 февраля 2008 года «О функциях и организации деятельности бюро судимостей». URL: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/2135581532> (дата обращения: 24.03.2021).

смотренных в законах или постановлениях.

По своему основанию реабилитация бывает двух видов: по закону («погашение судимости») и по решению суда («снятие судимости»).

Реабилитация по закону происходит:

1) по отбытии испытательного срока (вид наказания, напоминающий условное осуждение в России), если в течение него осужденный не совершил другого преступления, в связи с которым он был обращен к реальному отбыванию наказания;

2) по истечении трех лет после отбытия наказания в виде лишения свободы сроком до трех лет, в том числе в случаях его сокращения трудом до трех лет или помилования, если в течение этого срока осужденный не совершил другого преступления, наказуемого лишением свободы или более строгим наказанием (согласно ст. 41 УК Болгарии выполнение общественно полезной работы сокращает срок наказания из расчета два рабочих дня за три дня лишения свободы);

3) по истечении одного года после исполнения наказания в виде штрафа, публичного порицания или лишения прав (на занятие государственной должности, профессиональной деятельности, на получение орденов и т. д.), если в течение этого срока осужденный не совершил другого преступления общего характера.

Реабилитация несовершеннолетних происходит по истечении двух лет после отбытия наказания, если осужденный не совершил другого преступления общего характера, за которое ему было назначено наказание в виде лишения свободы.

В отношении совершеннолетних реабилитация по закону возможна только один раз. Если совершеннолетний ранее уже был реабилитирован по закону, то его новая судимость может быть аннулирована только по решению суда.

Согласно ст. 87 УК Болгарии, любой осужденный может быть реабилитирован судом, вынесшим приговор по первой

инстанции, если в течение трех лет после отбытия наказания его поведение не вызывает нареканий, он возместил умышленно причиненный ущерб и не совершил другого преступления, наказуемого лишением свободы или более суровым наказанием. При наличии уважительных причин суд может реабилитировать осужденного без возмещения причиненного вреда.

Если наряду с лишением свободы осужденному назначено наказание в виде штрафа, лишения прав или испытательного срока, то для реабилитации эти виды наказания должны быть исполнены или отбыты.

Важно также иметь в виду, что в случаях, специально предусмотренных законодательством Республики Болгарии, полное аннулирование судимости невозможно. Так, лицо, приговоренное к лишению свободы за умышленное преступление общего характера, не может быть назначено судьей, прокурором или следователем, даже если впоследствии оно было реабилитировано. Такое же ограничение действует при приеме на работу сотрудников Министерства внутренних дел.

Кроме того, согласно § 2 ст. 85 УК Болгарии невозможна реабилитация осужденных за преступления против мира и человечности.

Польша. Вопросам погашения и снятия судимости в Уголовном кодексе Польши посвящены ст. 110–112. Они не содержат понятия судимости и не описывают ее последствий, а имеют скорее процедурный характер. Большой интерес вызывает сущностное уголовно-правовое содержание судимости, которое раскрывается в иных уголовно-правовых нормах и пронизывает весь польский уголовный закон, а также находит отражение в иных законодательных актах. Остановимся, в первую очередь, на уголовно-правовом значении судимости, содержание которой мы постарались систематизировать ниже.

1. Если лицо, ранее приговоренное к лишению свободы на срок не менее 6 месяцев без условного осуждения и отсрочки отбывания наказания либо осужденное по ст. 178a § 4 (Вождение автомобиля в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, в течение периода запрета, если лицо ранее было осуждено за то же или аналогичные деяния), вновь осуждено за совершение умышленного преступления, то к нему нельзя применить льготное правило из ч. 3 ст. 58 УК Польши о возможности при назначении лишения свободы не свыше 5 лет сразу заменить его штрафом или ограничением свободы (ч. 4 ст. 58 УК Польши).

2. Лицу, осужденному за умышленное преступление к лишению свободы, которое совершает в течение 5 лет после отбытия, по крайней мере, 6 месяцев наказания новое умышленное преступление, подобное преступлению, за которое оно уже был осуждено, суд может назначить наказание за новое преступление вплоть до верхнего предела, установленного законом, увеличенного наполовину (п. 1 ст. 64 УК Польши).

3. Если лицо, ранее осуждённое на условиях, указанных выше (ч. 1 ст. 64 УК Польши), которое отбыло по меньшей мере один год лишения свободы и в течение 5 лет после отбытия последнего приговора полностью или частично, снова совершает умышленное преступление против жизни или здоровья, изнасилование, грабеж, кражу со взломом или другое преступление в отношении имущества, совершенного с применением насилия или угрозы его использования, то суд назначает ему наказание лишением свободы, предусмотренное за это преступление, в размере выше нижнего предела, установленного в санкции, а может назначить и в размере до верхнего предела, установленного в санкции, увеличенного наполовину (п. 2 ст. 64 УК Польши).

4. Наличие судимости за умышленное преступление исключает возможность условного прекращения уголовного дела (ч. 1 ст. 66 УК Польши).

5. Совершение умышленного преступления во время испытательного срока при условном прекращении уголовного дела является обстоятельством, которое приводит к обязательному возобновлению уголовного преследования (ч. 1 ст. 68 УК), а совершение преступления по неосторожности является обстоятельством, которое по усмотрению может привести к возобновлению уголовного преследования (ч. 2 и 3 ст. 68 УК Польши).

6. В отношении лица, виновного в совершении преступления, указанного в ст. 178a § 1 УК Польши, если тот уже был осужден за указанное деяние, суд может отменить условное лишение свободы (п. 4 ст. 69 УК Польши).

7. Если лицо в период испытательного срока при отсрочке отбывания лишения свободы совершает аналогичное умышленное преступление, то суд обязан отменить отсрочку и назначить реальное отбывание лишения свободы (п. 1 ст. 75 УК).

8. Если лицо повторно совершает неосторожное деяние или умышленное, за которое ему назначается наказание, отличное от лишения свободы, то суд вправе отменить условное осуждение (п. 2 и 3 ст. 78 УК Польши).

9. Наличие судимости за убийство является отягчающим обстоятельством и образует квалифицированный состав убийства (п. 3 ст. 148 УК Польши).

10. Наличие судимости за управление транспортным средством под воздействием наркотиков или совершение преступлений, указанных в ст. 173, 174, 177 или ст. 355 § 2 УК Польши, совершенное в состоянии алкогольного опьянения или наркотического опьянения, является отягчающим обстоятельством и образует квалифицированный состав преступления, связанного с вождением под воздействием алкоголя или под воздействием наркотического средства (п. 4 ст. 178a УК Польши).

11. Отбывание ранее наказания в виде лишения свободы учитывается при классификации осужденных, отбываю-

щих наказание в виде лишения свободы (п. 2 ст. 82 п. 3 УК Польши).

12. Осуждение за умышленное преступление к лишению свободы без условного приостановления его отбывания приводит к отмене условно-досрочного освобождения (ч. 1 ст. 160 УК Польши).

13. Приговор за неосторожное преступление или умышленное к лишению свободы с условным приостановлением его исполнения или к иному менее строгому наказанию может служить основанием для отмены условно-досрочного освобождения (п. 2 ст. 160 УК Польши).

Помимо уголовно-правовых последствий наличие судимости имеет широкий круг иных общеправовых ограничений, которые накладываются на лицо, имеющее судимость. Большинство этих правоограничений существует в профессиональной сфере, где судимость является препятствием для занятия определённой деятельностью. Как отметил Верховный суд Польши: «особенность отсутствия судимости за преступление – как (одно из других) условие для выполнения определенных функций, занятия должности или выполнения определенной деятельности – является своего рода установленным законом критерием, позволяющим быть активным в определенной области. Значение такого критерия, несомненно, затрагивает, прежде всего, область реализации субъективных прав (свободу осуществления экономической деятельности, свободу выбора занятия; см. Решение Конституционного суда от 26.04.1999 г., К 33/98, ОТК 1999 г., № 4, п. 71) и представляет собой ограничение этих прав, приемлемое из-за важных общественных интересов, уважение которых необходимо в демократическом правовом государстве (ст. 31 (3), ст. 22, ст. 65 (1) Конституции Польши)¹.

¹ Postanowienie SN z dnia 25 października 2007 r., IKZP 33/07, OSNKW 2007, nr 12, poz. 90. URL: <https://sip.lex.pl/#/jurisprudence/520404065?cm=DOCUMENT> (дата обращения: 24.03.2021).

Таким образом, в некоторых случаях закон требует отсутствие судимости за любые преступления как условие, занятия отдельных должностей, таких, например, как: служба в полиции², в Бюро Охраны Правительства³, занятие должности Генерального инспектора по защите персональных данных⁴ и др. В иных случаях это требование касается именно отсутствия судимости только за умышленные преступления, например, для занятия следующих должностей: инспектора финансового контроля⁵, учителя⁶, академического преподавателя⁷ и др.

² Art. 25 ust.1 ustawy z dnia 6 kwietnia 1990 r. o Policji (tekst jedn.: Dz. U. z 2011 r. Nr 287, poz. 1687 z późn. zm.). URL: [https://sip.lex.pl/#/act/16793593?unitId=art\(25\)ust\(1\)&cm=DOCUMENT](https://sip.lex.pl/#/act/16793593?unitId=art(25)ust(1)&cm=DOCUMENT) (дата обращения: 24.03.2021).

³ Art. 20 ust.1 ustawy z dnia 16 marca 2001 r. o Biurze Ochrony Rządu (tekst jedn.: Dz. U. z 2004 r. Nr 163, poz. 1712 z późn. zm.). URL: [https://sip.lex.pl/#/act/16894297?unitId=art\(20\)ust\(1\)&cm=DOCUMENT](https://sip.lex.pl/#/act/16894297?unitId=art(20)ust(1)&cm=DOCUMENT) (дата обращения: 24.03.2021).

⁴ Art. 8 ust.3 pkt4 ustawy z dnia 29 sierpnia 1997 r. o ochronie danych osobowych (tekst jedn.: Dz. U. z 2002 r. Nr 101, poz. 926 z późn. zm.). URL: [https://sip.lex.pl/#/act/16799013?unitId=art\(8\)ust\(3\)pkt\(4\)&cm=DOCUMENT](https://sip.lex.pl/#/act/16799013?unitId=art(8)ust(3)pkt(4)&cm=DOCUMENT) (дата обращения: 24.03.2021).

⁵ Art. 39 ust.1 pkt2 ustawy z dnia 28 września 1991 r. o kontroli skarbowej (tekst jedn.: Dz. U. z 2011 r. Nr 41, poz. 214 z późn. zm.). URL: [https://sip.lex.pl/#/act/16794403?unitId=art\(39\)ust\(1\)pkt\(2\)&cm=DOCUMENT](https://sip.lex.pl/#/act/16794403?unitId=art(39)ust(1)pkt(2)&cm=DOCUMENT) (дата обращения: 24.03.2021).

⁶ Art. 10 ust.5 pkt4 ustawy z dnia 26 stycznia 1982 r. – Karta Nauczyciela (tekst jedn.: Dz. U. z 2006 r. Nr 97, poz. 674 z późn. zm.). URL: [https://sip.lex.pl/#/act/16790821?unitId=art\(10\)ust\(5\)pkt\(4\)&cm=DOCUMENT](https://sip.lex.pl/#/act/16790821?unitId=art(10)ust(5)pkt(4)&cm=DOCUMENT) (дата обращения: 24.03.2021).

⁷ Art. 109 ust.1 pkt3 ustawy z dnia 27 lipca 2005 r. – Prawo o szkolnictwie wyższym (tekst jedn.: Dz. U. z 2012 r. poz. 572 z późn. zm.). URL: [https://sip.lex.pl/#/act/17215286?unitId=art\(109\)ust\(1\)pkt\(3\)&cm=DOCUMENT](https://sip.lex.pl/#/act/17215286?unitId=art(109)ust(1)pkt(3)&cm=DOCUMENT) (дата обращения: 24.03.2021).

Чехия. Особенностью чешского законодательства является тот факт, что судимость, даже после отбытия наказания и устранения судимости, регистрируется в соответствующем реестре, что затрудняет интеграцию и ресоциализацию осуждённых лиц, а также существенно влияет на возможность осуществления профессиональной деятельности.

В соответствии с Уголовным кодексом Чехии устранение судимости возможно двумя основными способами. Во-первых, в силу закона (*ex lege*), когда устранение судимости не зависит от воли лица. Это происходит в случае исполнения в полном объеме отдельных видов наказаний: общественные работы, запрет деятельности и штраф, который налагается за неосторожное деяние. Также судимость устраняется автоматически в случае окончания испытательного срока при условном осуждении (с надзором) или условном освобождении от наказания (с надзором). Следующий случай – это вступление в силу судебного постановления об освобождении лица от наказания. Также судимость устраняется вне зависимости от воли лица согласно реабилитационному решению Президента Чехии в индивидуальном или коллективном порядке.

Во-вторых, существует процедура снятия судимости, которая зависит от воли лица (ст. 105, 106 Уголовного кодекса Чехии). Снятие судимости возможно при совокупности условий: назначенное наказание полностью исполнено, либо лицо помиловано, либо истек срок давности. После этого необходимо, чтобы лицо в течение определенного срока, который зависит от назначенного наказания, проживало своей обычной жизнью:

а) пятнадцать лет в случае осуждения к исключительной мере наказания;

б) десять лет в случае лишения свободы на срок более пяти лет;

в) пять лет в случае лишения свободы на срок более одного года;

г) три года в случае лишения свободы на срок до одного года или депортации;

д) один год в случае приговора к лишению свободы, конфискации имущества, или наказания в виде запрета на проживание, наказания в виде запрета на посещение спортивных, культурных и других общественных мероприятий или штрафа за умышленное уголовное преступление¹.

В исключительных случаях до истечения установленного законом срока осужденный также может обратиться с заявлением о снятии судимости, которое будет удовлетворено, если своим поведением он доказал исправление.

Устранение судимости аннулирует все правовые последствия, вытекающие из юридического факта совершения преступления: это касается и уголовно-правовых последствий (рецидив) и должно устранять в полном объеме иные общеправовые последствия. Однако в Чехии существует Закон № 269/1994 Sb. «О реестре судимостей» от 30.12.1994, в соответствии с которым в реестре судимостей ведется учет физических и юридических лиц, признанных виновными в рамках уголовного судопроизводства, и содержатся записи всех существенных фактов об этой судимости². Данные из ре-

¹ Zákon trestní zákoník. Zákon č. 40/2009 Sb. Částka 11/2009 URL: [https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40#:~:text=\(2\)%20Na%20pravomocné%20odsouzení%20soudem,i%20podle%20práva%20České%20republiky](https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40#:~:text=(2)%20Na%20pravomocné%20odsouzení%20soudem,i%20podle%20práva%20České%20republiky) (дата обращения: 24.03.2021).

² Zákon č. 269/1994 Sb. Zákon o Rejstříku trestů. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/1994-269?text=odsouzení> (дата обращения: 24.03.2021).

ебра служат для нужд уголовного, гражданского или административного судопроизводства, а также для подтверждения добросовестности лица. В реестре содержатся данные о наличии судимости, условном осуждении, предоставлении отсрочки исполнения наказания, освобождения от наказания. Хранятся эти данные в течение 100 лет с момента установления какого-либо из данных юридических фактов.

В чешской уголовно-правовой науке отмечается, что исполнение наказания не прекращает негативного воздействия судимости, поскольку в настоящее время одно из условий для различных видов профессий или для получения различных лицензий является установление добросовестности лица. Это не только условие приема на государственную должность или выполнения различных квалифицированных работ – в настоящее время почти каждый работодатель требует представления выписки из реестра судимости¹. Некоторые авторы пытаются привлечь внимание к чрезмерной частоте требования о добросовестности (отсутствии судимости), как в законодательстве, регулирующем различные сферы бизнеса, так и в практике найма на работу, когда сам закон не требует добросовестности для данной должности². В результате подсчета было выявлено 66 законов, 10 подзаконных актов и 8 положений о членстве в профессиональных со-

обществах, которые содержали требования о добросовестности (отсутствии судимости) как одно из условий осуществления какой-либо профессиональной деятельности, например Закон о рыболовстве (Закон № 99/2004 Coll): требуется добросовестность при получении разрешения на рыбную ловлю, а также для соискателя должности в рыболовной охране, что подтверждается выпиской из реестра судимостей².

Институт снятия судимости в чешском уголовном праве направлен на устранение всех существующих последствий этого состояния, также он направлен на ресоциализацию лиц, однако снятие судимости на сегодня не способно аннулировать ее общесоциальные последствия.

Выводы

Институт судимости в уголовном праве Болгарии, Польши и Чехии имеет значительное сходство по своему целевому назначению и основным законодательным параметрам. Если уголовно-правовые последствия судимости во всех исследованных правовых системах традиционны и эти последствия аннулируются с момента прекращения этого правового состояния, то последствия общеправовые значительны и полностью их аннулировать в ряде случаев невозможно. Этому способствует расширяющийся перечень видов деятельности, для занятия которыми необходимо отсутствие факта совершения преступления в прошлом. Не способствуют аннулированию общеправовых и общесоциальных последствий судимости ведение различных перечней судимых лиц с невозможностью быть исключенным из таких перечней. Представляется, что подобная ситуация, напротив, затрудняет реабилитацию и ресоциализацию лиц, отбывших наказание.

¹ Kučerová D. *Zahlazení odsouzení* / Univerzita Karlova, Právnická fakulta. 2009. URL: <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/download/150016401> (дата обращения: 24.03.2021).

² Hubálek M., Zamboj L. *Bezúhonnost rovné zacházení na trhu práce (Legislativní i faktické požadavky bezúhonnosti na trhu práce z pohledu rovného zacházení) / Poradna pro občanství/občanská a lidská práva*. 2007. URL: <https://poradna-prava.cz/data/images/Bezuhonnost.pdf> (дата обращения: 24.03.2021).

Список литературы

1. Черненко Т. Г. Некоторые проблемные вопросы исчисления сроков судимости // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 126–135.
2. Южанин В. Е., Пантюхина И. В. Судимость и рецидив преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 117–130.
3. Архенгольц И. А. Судимость и ее общеправовые последствия. Казань, 2020. 172 с.
4. Chin G. J. Race, the war on drugs, and the collateral consequences of criminal conviction // Journal of Gender, Race & Justice. 2002. Vol. 6. P. 253–278. <https://doi.org/10.2139/ssrn.390109>.
5. Enforcement guidance on the consideration of arrest and conviction records in employment decisions under title VII of the Civil Rights Act of 1964 / U.S. Equal Employment Opportunity Commission. URL: <https://www.eeoc.gov/laws/guidance/enforcement-guidance-consideration-arrest-and-conviction-records-employment-decisions> (дата обращения: 24.03.2021).
6. Салимжанов Р. Ш. Институт судимости в уголовном законодательстве зарубежных стран // Столица науки. 2020. № 9 (26). С. 82–91.
7. Шустова П. В., Черных И. А. Проблемные вопросы правовых последствий судимости // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 195–197.
8. Denver M., Pickett J., Bushway Sh. Criminal records and employment: a survey of experiences and attitudes in the United States // Justice Quarterly. 2018. Vol. 35, No. 4 <https://doi.org/10.1080/07418825.2017.1340502>.
9. Nichols P. Previous conviction records // The Police Journal: Theory, Practice and Principles. 1954. Vol. 27. P. 199–205. <https://doi.org/10.1177/0032258X5402700308>.
10. Roberts V. Retributive approaches to previous convictions // Punishing Persistent Offenders. Oxford Academ, 2008. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199283897.003.0003>.
11. Wasik M. Magistrates: Knowledge of previous convictions. 1996. P. 851–862.
12. Schlotthauer S., Yundina E. Schuld und vorurteil: zum einfluss von vorstrafen auf das schuldurteil // R&P, 2016. Vol. 34. P. 43–49.
13. Roberts V. Reductivist sentencing perspectives and the role of previous convictions // Punishing Persistent Offenders. Oxford Academ, 2008. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199283897.003.0002>.
14. Roberts J., Pina-Sánchez J. Paying for the past: the role of previous convictions at sentencing in the crown court // Exploring Sentencing Practice in England and Wales. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 154–172. https://doi.org/10.1057/9781137390400_9.
15. Prins H. The Importance of previous convictions in assessing criminal motivation – the need for detail // Medicine, science, and the law. 1989. Vol. 29. P. 107–108. <https://doi.org/10.1177/002580248902900204>.
16. Muñoz de Morales Romero M. The taking account of eu previous convictions in joint / accumulated punishment: The Spanish Case // European Criminal Law Review. 2018. Vol. 8. P. 244–267. <https://doi.org/10.5771/2193-5505-2018-2-244>.
17. Mahoney R. Previous acquittal and previous conviction in New Zealand: another kick at the cheshire cat. 2021.

18. Ya Orhun. How much should previous convictions increase sentence severity, and why? // SSRN Electronic Journal. 2013. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2312858>.
19. Гришко А. Я., Потапов А. М. Амнистия. Помилование. Судимость. М.: Унив. кн., 2010. 287 с.
20. Юсуфзода Ф. А. Мафхуми доғи судӣ дар илми ҳуқуқи ҷиноятӣ // Паёми До-нишгоҳи миллии Тоҷикистон. Баҳши илмҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва ҷамъиятӣ. 2020. № 1. С. 221–227.
21. Малимонова М. А. Понятие законодательной техники и ее значение в правовом регулировании института судимости // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 122–126.
22. Масалитина И. В. Уголовно-правовое значение судимости за преступления, совершенные в возрасте до восемнадцати лет: некоторые вопросы // Тенденции развития юридической науки на современном этапе: материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Е. С. Трезубов. М.: Проспект, 2020. С. 743–748.
23. Елинский А. В., Елинский А. В. Судимость и рецидив в практике судебного конституционного контроля. М.: Книга и бизнес, 2011. 20 с.
24. Рогава И. Г., Чернобаева О. И. Актуальные проблемы института судимости // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 1. С. 220–223.

References

1. Chernenko T. G. Nekotorye problemnye voprosy ischisleniya srokov sudimosti [Some problematic issues of calculating the terms of a criminal record]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*, 2020, no. 36, pp. 126–135.
2. Yuzhanin V. E., Pantyuhina I. V. Sudimost' i recidiv prestuplenij [Criminal record and recidivism of crimes]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Right*, 2020, no. 37, pp. 117–130.
3. Arhengol'c I. A. Sudimost' i ee obshchepravovye posledstviya [Criminal record and its general legal consequences]. Kazan', 2020. 172 p.
4. Chin G. J. Race, the war on drugs, and the collateral consequences of criminal conviction. *Journal of Gender, Race & Justice*, 2002, vol. 6, pp. 253–278. <https://doi.org/10.2139/ssrn.390109>.
5. Enforcement guidance on the consideration of arrest and conviction records in employment decisions Under Title VII of the Civil Rights Act of 1964 / U.S. Equal Employment Opportunity Commission. Available at: <https://www.eeoc.gov/laws/guidance/enforcement-guidance-consideration-arrest-and-conviction-records-employment-decisions> (accessed 24.03.2021).
6. Salimzhanov R. Sh. Institut sudimosti v ugovolnom zakonodatel'stve zarubezhnyh stran [The institution of criminal record in the criminal legislation of foreign countries]. *Stolica nauk = Capital of Science*, 2020, no. 9 (26), pp. 82–91.
7. Shustova P. V., Chernyh I. A. Problemnye voprosy pravovyh posledstvij sudimosti [Problematic issues of the legal consequences of a criminal record]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2020, no. 9 (189), pp. 195–197.

8. Denver M., Pickett J., Bushway Sh. Criminal records and employment: a survey of experiences and attitudes in the United States. *Justice Quarterly*, 2018, vol. 35. <https://doi.org/10.1080/07418825.2017.1340502>.
9. Nichols P. Previous conviction records. *The Police Journal: Theory, Practice and Principles*, 1954, vol. 27, pp. 199–205. <https://doi.org/10.1177/0032258X5402700308>.
10. Roberts V. Retributive approaches to previous convictions. Punishing Persistent Offenders. Oxford Academ, 2008. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199283897.003.0003>.
11. Wasik M. Magistrates: Knowledge of previous convictions, 1996, pp. 851–862.
12. Schlotthauer S., Yundina E. Schuld und vorurteil: zum einfluss von vorstrafen auf das schuldurteil. R&P, 2016, vol. 34, pp. 43–49.
13. Roberts V. Reductivist sentencing perspectives and the role of previous convictions. Punishing Persistent Offenders. Oxford Academ, 2008. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199283897.003.0002>.
14. Roberts J., Pina-Sánchez J. Paying for the past: the role of previous convictions at sentencing in the crown court. Exploring sentencing practice in England and wales. London, Palgrave Macmillan, 2015, pp. 154–172. https://doi.org/10.1057/9781137390400_9.
15. Prins H. The importance of previous convictions in assessing criminal motivation – the need for detail. Medicine, science, and the law, 1989, vol. 29, pp. 107–108. <https://doi.org/10.1177/002580248902900204>.
16. Muñoz de Morales Romero M. The taking account of EU previous convictions in joint / accumulated punishment: the Spanish Case. *European Criminal Law Review*, 2018, vol. 8, pp. 244–267. <https://doi.org/10.5771/2193-5505-2018-2-244>.
17. Mahoney R. Previous acquittal and previous conviction in new zealand: another kick at the cheshire cat. 2021.
18. Ya Orhun. How much should previous convictions increase sentence severity, and why? *SSRN Electronic Journal*, 2013. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2312858>.
19. Grishko A. Ya., Potapov A. M. Amnistiya. Pomilovanie. Sudimost' [Amnesty. A pardon. Criminal record]. Moscow, Univ. kn. Publ., 2010. 287 p.
20. Yusufzoda F. A. Mafxumi dori sudī dar ilmi xukuki činoyatī [The concept of criminal record in the science of criminal law]. *Payomi Donishgoxi millii Tojikiston. Bahshi ilmxi iytimoū-iqtisodū va čam"iyatū = Message of the National University of Tajikistan. Sector of Socio-economic and Social Sciences*, 2020, no. 1, pp. 221–227.
21. Malimonova M. A. Ponyatie zakonodatel'noj tekhniki i ee znachenie v pravovom regulirovanii instituta sudimosti [The concept of legislative technique and its significance in the legal regulation of the institution of criminal record]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2020, no. 4, pp. 122–126.
22. Masalitina I. V. [The criminal-legal significance of a criminal record for crimes committed under the age of eighteen: some questions]. *Tendencii razvitiya yuridicheskoy nauki na sovremennom etape. Materialy IV Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Trends in the development of legal science at the present stage. Materials of the IV All-Russian Scientific Conference with international participation]; ed. by E. S. Trezubov. Moscow, Prospekt Publ., 2020, pp. 743–748.
23. Elinskij A. V., Elinskij A. V. Sudimost' i recidiv v praktike sudebnogo konstitucionnogo kontrolya [Criminal record and recidivism in the practice of judicial constitutional review]. Moscow, Kniga i biznes Publ., 2011. 20 p.

24. Rogava I. G., Chernobaeva O. I. Aktual'nye problemy instituta sudimosti [Actual problems of the Institute of criminal Record]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Problems of Economics and Legal Practice*, 2021, vol. 17, no. 1, pp. 220–223.

Информация об авторах / Information about the Authors

Бимбинов Арсений Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и адвокатуры, «Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», г. Москва, Российская Федерация, e-mail: bimbinov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7440-293X

Arseny A. Bimbinov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Advocacy, Kosygin State University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: bimbinov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7440-293X

Воронин Вячеслав Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и адвокатуры, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва, Российская Федерация, e-mail: voronin@crimconf.com, ORCID: 0000-0003-0760-7211
Researcher ID: O-1462-2016

Vyacheslav N. Voronin, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Advocacy, The Kosygin State University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: voronin@crimconf.com, ORCID: 0000-0003-0760-7211
Researcher ID: O-1462-2016

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.34:004.056.5(470)

Использование блокчейн-технологий для противодействия неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации

А. А. Гребеньков¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: grebenkov@gmail.com

Резюме

Актуальность. Статья рассматривает вопросы противодействия атакам на критическую информационную инфраструктуру РФ, которая является желанной целью для спецслужб иностранных государств, осуществляющих враждебные действия против нашей страны. Вероятность реализации таких угроз с учётом обострившейся геополитической обстановки в настоящее время как никогда велика. В таких условиях приобретает особую важность поиск новых путей противодействия угрозам, в том числе задействующих блокчейн-технологии.

Цель – разработка научно обоснованных предложений по применению блокчейн-технологий для защиты критической информационной инфраструктуры РФ от кибератак.

Задачи: выявить особенности блокчейн-технологий, обуславливающие возможность их использования в системе обеспечения информационной безопасности; на основе изучения мировой практики использования блокчейн-технологий в данной сфере определить наиболее перспективные сферы их применения и рассмотреть ограничивающие использование блокчейн-технологий факторы.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались логический, формально-юридический, системно-структурный методы, кейс-стади.

Результаты. В ходе исследования выявлено, что использование блокчейн-технологий может защитить от уязвимостей, которые были использованы в Stuxnet-подобных атаках, и в мировой практике имеются примеры внедрения блокчейн-технологий для защиты критической информационной инфраструктуры.

Вывод. Наиболее перспективно использование блокчейна для обеспечения безопасности систем устройств Internet of Things. Это связано с такими свойствами блокчейн-систем, как децентрализованное хранение данных, программируемые смарт-контракты и авторизация. Препятствиями на пути полномасштабного внедрения технологии выступают избыточность информации, масштабируемость производительности и интеграция блокчейн-технологий в существующую инфраструктуру. Требуется правовая регламентация использования блокчейн-технологий.

Ключевые слова: кибервойна; кибердиверсия; информационная безопасность; киберпреступность; киберфизические системы.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Гребеньков А. А. Использование блокчейн-технологий для противодействия неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 109–119.

Поступила в редакцию 02.04.2021

Принята к публикации 29.04.2021

Опубликована 25.06.2021

The use of Blockchain Technologies to Counter Illegal Influence on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation

Alexander A. Grebenkov¹ ✉

¹ Southwest State University

50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: grebenkov@gmail.com

Abstract

Relevance. The article examines the issues of countering attacks on the critical information infrastructure of the Russian Federation, which is a desirable target for the intelligence services of foreign states carrying out hostile actions against our country. Given the aggravated geopolitical situation, the likelihood of such threats being realized is now greater than ever. In such conditions, it becomes especially important to search for new ways to counter threats, including those involving blockchain technologies.

The purpose – development of scientifically substantiated proposals for the use of blockchain technologies to protect the critical information infrastructure of the Russian Federation from cyber-attacks.

Objectives. Identify the features of blockchain technologies that determine the possibility of their use in the information security system, based on the study of the world practice of using blockchain technologies in this area, determine the most promising areas of their application and consider the factors limiting the use of blockchain technologies.

Methodology. In the framework of the conducted research, we used logical, formal-legal, systemic-structural methods, case studies.

Results. The study revealed that the use of blockchain technologies can protect against vulnerabilities that were used in Stuxnet-like attacks, and in world practice there are examples of the implementation of blockchain technologies to protect critical information infrastructure.

Conclusion. The most promising use of blockchain is to ensure the security of Internet of Things device systems. This is due to such properties of blockchain systems as decentralized data storage, programmable smart contracts, and authorization. The obstacles to the full-scale implementation of the technology are information redundancy, scalability of performance and the integration of blockchain technologies into the existing infrastructure. Legal regulation of the use of blockchain technologies is required.

Keywords: cyber war; cyber sabotage; Internet of Things; cybercrime; cyber-physical systems.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Grebenkov A. A. The use of Blockchain Technologies to Counter Illegal Influence on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 109–119. (In Russ.)

Received 02.04.2021

Accepted 29.04.2021

Published 25.06.2021

Введение

Основной особенностью современной характеристики преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ («традиционной» компьютерной преступности) является её организованный

и профессиональный характер. Если в исследованиях компьютерной преступности конца 1990-х – начала 2000-х гг. типичным было изображение лица, совершающего компьютерные преступления, как «хакера-одиночки», использующего свои обширные знания в области информационных технологий в исследовательских или хулиганских целях [1], то в настоящее

время такая характеристика во многом утратила свою актуальность. И хотя среди привлечённых к ответственности за компьютерные преступления в основном преобладают молодые мужчины-одиночки с невысокими профессиональными навыками [2], следует иметь в виду, что киберпреступность является гиперлатентной, и наиболее опасные её проявления зачастую не получают должной правовой оценки. Наибольшая угроза в настоящее время исходит от законспирированных организованных групп и преступных сообществ, совершающих компьютерные преступления как для извлечения выгоды, так и для достижения иных целей, в том числе посягательств на безопасность государства [3]. Многие из таких групп и сообществ контролируются спецслужбами различных государств и используются в собственных целях.

«Компьютерные преступления» могут преследовать такую цель, как кибершпионаж, кибердиверсии, а также получение доступа к электронной переписке должностных лиц государства и её публикации с целью дискредитации их лично и политики государства в целом (примером может служить взлом электронного почтового ящика заместителя председателя Правительства РФ А. В. Дворковича в июле 2014 г.¹).

Одной из желанных целей атаки киберпреступников являются системы автоматизированного управления технологическими процессами (АСУ ТП) и иные компьютерные системы, используемые для управления индустриальными машинами и механизмами, в последнее время также называемые «киберфизическими системами» [4]. По данным «Лаборатории Касперского», в 2017 г. минимум один инцидент информационной безопасности, связанный с такими системами, затронул 50% промышленных пред-

приятий [5]. В современных условиях никакое производство не обходится без таких систем. Более того, электронные системы управления распространяются повсеместно и используются, например, в автомобилях и бытовой технике. Нетрудно представить, насколько опасной может быть утрата водителем контроля над автомобилем, движущимся на большой скорости, вследствие атаки на его компьютерную систему, однако возможный вред от этого меркнет по сравнению с возможными последствиями атаки на АСУ ТП, контролирующую атомную электростанцию, трубопроводную систему, горнодобывающее оборудование, медицинское оборудование или даже военные системы. Естественно, что подобные системы являются желанными целями для атаки кибертеррористов и прочих враждебных субъектов, включая спецслужбы иностранных государств.

Подобные системы получили название «критической информационной инфраструктуры». В настоящее время Российской Федерацией принимаются достаточно серьёзные усилия по предотвращению атак на критическую информационную инфраструктуру [6]. Например, если говорить о правовых мерах, то в 2017 г. был принят Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ, а также включена в Уголовный кодекс РФ ст. 274¹, предусматривающая существенно повышенную по сравнению с другими компьютерными преступлениями ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Разумеется, случайное попадание вредоносного программного обеспечения или несанкционированный доступ в такие системы вряд ли возможны, т. к. они достаточно хорошо защищены, прежде всего тем, что не подключены к глобальным сетям, используют специализированное программное обеспечение для

¹ Карпюк И. Взлом Дворковича // Полит.Ру. 2014. 22 июля. URL: <http://polit.ru/article/2014/07/22/dvorkovich> (дата обращения: 30.03.2021).

предотвращения атак и обслуживаются квалифицированным персоналом. В то же время ещё в конце 2000-х гг. в ряде экспериментов было показано, что многие системы, в частности в области электроэнергетики, являются уязвимыми, и проведение кибератак может привести к таким серьёзным последствиям, как самоуничтожение генератора или даже аварийная остановка реактора на атомной электростанции [7].

Однако угроза направленных атак на такие системы является вполне реальной и давно перестала быть лишь теоретической. Так, в 2010 г. программное обеспечение Stuxnet было использовано для нанесения вреда ядерной программе Ирана [8; 9]. В 2013 г. компьютерной атакой была нарушена работа финансовых учреждений Южной Кореи [10]. В декабре 2015 г. программа BlackEnergy3 была использована для атаки на энергогенерирующую систему Ивано-Франковска (Украина) [11]. В первом квартале 2019 г. более половины кибератак затрагивали инфраструктурные объекты [12]. В апреле 2020 г. атака «Dark Nexus», использующая устройства Internet of Things, затронула объекты критической инфраструктуры Китая, Таиланда, Бразилии, Южной Кореи и России [13].

Следует отметить, что общее мнение специалистов сходится в том, что данные атаки не были действиями преступников-одиночек или даже каких-то относительно маломасштабных преступных групп. Сложность данных программ говорит о том, что они были созданы большими коллективами хорошо подготовленных и финансируемых разработчиков. Так, в отношении Stuxnet считается, что заказчиками его разработки выступили спецслужбы США и Израиля [14].

В настоящее время крайне высока угроза организованных атак на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации со стороны враждебно настроенных государств. В частности, в New York Times в марте 2021 г.

была опубликована информация о том, что серия таких атак готовится США, якобы в ответ на вмешательство «российских хакеров» в выборный процесс в этом государстве¹.

Как отмечают Р. В. Мещеряков, А. Ю. Исхаков и О. О. Евсютин, имеется насущная «потребность в новых методах и механизмах обеспечения безопасности» киберфизических систем, в том числе использующих блокчейн-технологии [13]. Ввиду этого необходимы изучение и анализ особенностей данных технологий, позволяющих противостоять угрозам, связанным с атаками на критическую информационную инфраструктуру.

Методология

В процессе работы над исследованием использовались традиционные для теоретико-прикладных правовых исследований общенаучные, частнонаучные и специальные методы – логический, формально-юридический, системно-структурный, кейс-стади.

Применение формальной логики требовалось для осуществления анализа особенностей применяющихся в настоящее время блокчейн-технологий, выявления их недостатков, которые могут помешать внедрению их для защиты критической информационной инфраструктуры, а также для формулирования авторских выводов.

Формально-юридический метод был необходим для установления содержания правовых норм, сформулированных в законодательных актах Российской Федерации, выявления недостаточности имеющихся предписаний закона для полноценного внедрения блокчейн-технологий в систему защиты критической информационной инфраструктуры.

¹ Sanger D. E., Barnes J. E., Perlroth N. Preparing for Retaliation Against Russia, U. S. Confronts Hacking by China // New YorkTimes. 2021. March 07. URL: <https://www.nytimes.com/2021/03/07/us/politics/microsoft-solarwinds-hack-russia-china.html> (accessed 20.03.2021).

Системно-структурный метод позволил выделить в структуре системы защиты критической информационной инфраструктуры наиболее уязвимые составляющие и предложить меры их защиты с учётом их функциональной роли и связей с другими подсистемами.

Метод кейс-стади использовался для рассмотрения и авторской оценки конкретных примеров атак на критическую информационную инфраструктуру и историй успешного внедрения блокчейн-технологий для организации её защиты.

Результаты и их обсуждение

Блокчейн является перспективной технологией, решающей важные проблемы, связанные с тем, что отдельные компоненты критических инфраструктур часто в значительной мере полагаются на устройства Internet of Things (IoT — например, различные датчики и прочие устройства сбора информации, а также контроллеры, управляющие различными устройствами, от дверных замков до медицинского оборудования и промышленных агрегатов), которые обмениваются данными и осуществляют их обработку, в том числе автоматически, без вмешательства в этот процесс человека и без его контроля. Поэтому узлы IoT должны иметь возможность распознавать и аутентифицировать друг друга, а также гарантировать целостность данных, которыми они обмениваются. Кроме того, важно убедиться, что программное обеспечение, работающее на устройствах IoT, не было изменено путём внешнего (или внутреннего, но несанкционированного) воздействия. Состояние и целостность программного обеспечения таких устройств должны постоянно отслеживаться на предмет несанкционированных модификаций [15].

Блокчейн предоставляет децентрализованную и распределённую среду обработки, которая может использоваться для организации взаимодействия внутри инфраструктуры IoT [16]. Можно выделить следующие присущие блокчейн-технологиям особенности, которые могут оказаться важными для обеспечения безопасности систем устройств IoT и обеспечения их взаимодействия в условиях угрозы внешнего несанкционированного вмешательства.

1. Децентрализованное хранение данных. Блокчейн основан на цепочечных структурах данных и механизме консенсуса. Блокчейн-система хранит копии данных на узлах сети, синхронизируя их между собой. Цепочечная структура, использующая средства криптографии, гарантирует, что сохранённые данные не могут быть изменены; механизм консенсуса обеспечивает целостность и синхронизацию данных. Во взаимодействии эти особенности блокчейн-системы создают безопасную среду для хранения данных в инфраструктуре IoT, которая может использоваться приложениями более высокого уровня. Хранение нескольких копий данных в блокчейне позволяет также создавать системы, в которых отсутствует единая точка отказа, которой может выступать централизованное хранилище данных.

2. Программируемые смарт-контракты. Под смарт-контрактом в блокчейне понимается определённый программный код, который определяет обязанности каждого участника контракта и условия признания их выполненными. Смарт-контракты хранятся в блокчейне, что позволяет обеспечить их целостность, синхронизацию и неизменность. Фиксация механизмов взаимодействия отдельных составляющих критической информационной инфраструктуры в смарт-

контрактах позволяет надёжно выявить аномалии в их поведении. Блокчейн-система является удобной платформой для реализации смарт-контрактов, являющихся основой логики взаимодействия инфраструктуры IoT.

3. Авторизация. Для информации, хранящейся в блокчейне, можно отследить источник происхождения. Кроме того, она защищена криптографическими средствами от несанкционированных изменений. На практике это означает, что блокчейн-система содержит в себе надёжный механизм, позволяющий надёжно идентифицировать происхождение и целостность любых цифровых объектов: управляющих команд, программ, входных и выходных данных и т. д.

Использование блокчейн-технологий в контексте критической информационной инфраструктуры может защитить от уязвимостей, подобных тем, которые были использованы в Stuxnet. В частности, хранение ключевых параметров работы оборудования в блокчейне позволяет обнаруживать несанкционированные изменения в конфигурациях программного обеспечения путем анализа полной цепочки истории внесения изменений в эти данные, а также обеспечить целостность хранения входных и выходных данных, обрабатываемых элементами системы [17].

Блокчейн-системы можно использовать для фиксации любых важных операций, сетевого взаимодействия и даже программного кода в распределённом реестре. В результате любая попытка осуществления атаки путём изменения любых важных данных, копия которых хранится в реестре блокчейна, может быть легко обнаружена, а целостность и защита самого реестра от несанкционированного вмешательства обеспечивается криптографическими средствами, безопасность которых может быть подтвер-

ждена и базируется на том, что их обход требует чрезвычайно высоких вычислительных ресурсов, которыми не могут обладать потенциальные атакующие. Кроме того, программный код вычислительных устройств, являющихся составляющими критической информационной инфраструктуры, и все проверенные его исправления и обновления могут храниться в реестре, и при этом фактически выполняемый код может непрерывно сопоставляться с эталонным, хранящимся в блокчейне. Обнаружение любого несоответствия фактически выполняемого и эталонного кода сразу же говорит о том, что информационная система подверглась несанкционированному воздействию, что позволяет оперативно принять меры реагирования.

Принципиальная возможность использования подобного использования блокчейна для защиты устройств IoT с использованием достаточно дешёвой технологической базы была показана коллективом учёных из Московского технического университета связи и информатики [18].

В настоящее время в мировой практике существуют примеры внедрения блокчейн-технологий в системы защиты критической информационной инфраструктуры. Так, компания Guardtime использует технологию блокчейна для защиты энергосистемы Великобритании, включая атомные электростанции, средства защиты от наводнений и прочие элементы критической инфраструктуры. Guardtime использует собственный вариант блокчейна для защиты критической инфраструктуры, основанный на технологии под названием Keyless Signature Infrastructure (KSI). Эта система основывается на использовании хеш-функции для обеспечения целостности данных, что позволяет эффективно обеспечивать

синхронизацию блокчейна, аутентификацию данных и связь их с конкретным источником.

Технология блокчейна Guardtime KSI уже используется для защиты критически важной инфраструктуры в Эстонии, где блокчейн-технологии внедрены в ряде крупных сфер оказания государственных услуг – от регистрации браков до хранения медицинской информации о пациентах в общегосударственной системе [19].

Ограниченное внедрение технологий блокчейн (в частности, системы децентрализованного хранения данных) планируется осуществить и в России, в частности для мониторинга достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости [20]. Однако по состоянию на апрель 2021 г. реализуются лишь отдельные пилотные проекты.

Хотя блокчейн-технологии имеют большой потенциал использования для защиты распределенных элементов критической информационной инфраструктуры, для их повсеместного внедрения необходимо решение определенных проблем, которые могут стать ограничивающим фактором для их использования. К таким факторам можно отнести следующее [21].

1. Избыточность информации. При использовании блокчейн-технологий создается несколько копий данных на разных сетевых узлах, что позволяет обеспечить безопасное хранение данных в реестре. Однако при таком решении требуется обеспечивать избыточное хранение и обработку информации. Отдельные узлы должны участвовать в процессе проверки каждой транзакции, что требует увеличения занимаемого хранимыми данными пространства, а также приводит к увеличению потребления энергии. Кроме того, будущие кибератаки могут учитывать эту особенность блокчейн-

систем для того, чтобы, осуществляя воздействие на один узел сети и наблюдая за распространением копий информации, атакующие могли установить структуру всей сети. Следовательно, применение блокчейн-технологий для обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры требует внедрения более эффективных технологий дубликации информации.

2. Масштабируемость производительности. В одноранговой системе блокчейн необходимы поиски компромисса между децентрализацией и производительностью системы. Типичные блокчейн-системы обрабатывают транзакции со скоростью на один или несколько порядков медленнее, чем их централизованные аналоги. В отличие от других распределенных систем, добавление большего количества вычислительных узлов в блокчейн-сеть может не привести к увеличению пропускной способности сети. В зависимости от используемого протокола добавление большего количества узлов может даже существенно замедлить работу системы. В настоящее время учёные и коммерческие компании, внедряющие блокчейн-системы, работают над созданием новых протоколов согласования для решения проблемы масштабируемости.

3. Интеграция блокчейн-технологий в существующую инфраструктуру. Внедрение блокчейна во вновь создаваемых объектах критической информационной инфраструктуры требует интеграции с уже существующими системами, в частности использующими облачные технологии взаимодействия устройств IoT. Облачные ресурсы и сети IoT обычно имеют ограниченную пропускную способность, а использование блокчейн-технологий зачастую приводит к значительному росту объёмов передаваемой в компьютер-

ных сетях информации. Кроме того, возникают проблемы совместимости блокчейн-системы и других информационных технологий. Важно также, что внедрение блокчейна требует сотрудничества различных операторов систем критической информационной инфраструктуры, что также является нетривиальной организационной задачей.

Выводы

Атаки на критическую информационную инфраструктуру крайне опасны, и следует использовать максимально широкий спектр защиты от них, в том числе блокчейн-технологии. Наиболее перспективно использование блокчейна для обеспечения безопасности систем устройств Internet of Things и обеспечения их взаимодействия в условиях угрозы внешнего несанкционированного вмешательства. Это связано с такими свойствами блокчейн-систем, как децентрализованное хранение данных, программируемые смарт-контракты и авторизация. Использование блокчейн-технологий в контексте критической информационной инфраструктуры может защитить от уяз-

вимостей, подобных тем, которые были использованы в Stuxnet. В мировой практике уже имеются примеры внедрения блокчейна для защиты критической информационной инфраструктуры, однако для полномасштабного использования данной технологии необходимо решить такие проблемы, как избыточность информации, масштабируемость производительности и интеграция блокчейн-технологий в существующую инфраструктуру.

В качестве правового механизма реализации указанных мер можно предложить внесение поправок в Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», регламентирующих возможность использования блокчейн-технологий, а также принятие подзаконных актов Правительства РФ и отраслевых министерств, устанавливающих требования к блокчейн-технологиям, используемым при защите объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Список литературы

1. Головин А. Ю. Классификация и характеристика лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // Организованная преступность, миграция, политика. М.: Рос. криминолог. ассоц., 2002. С. 108-111.
2. Поляков В. В., Попов Л. А. Особенности личности компьютерных преступников // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 256–259.
3. Алиев Н. Т., Борбат А. В. Транснациональная организованная преступная деятельность в эпоху глобализации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 3. С. 431–440.
4. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3. С. 75–81.
5. Сердюк В., Тарви И. Некоторые аспекты защиты АСУ ТП // Information Security. 2017. № 6. С. 12–13.

6. Begishev I. R., Khisamova Z. I., Mazitova G. I. Criminal legal ensuring of security of critical information infrastructure of the Russian Federation // *Revista gênero e direito*. 2019. Vol. 8, No. 6. P. 283–292.
7. Bibliographical review on cyberattacks from a control-oriented perspective / H. S. Sánchez, D. Rotondo, T. Escobet, V. Ruig // *Annual Reviews in Control*. 2019. Vol. 48. P. 103–128.
8. The cousins of stuxnet: duqu, flame, and gauss / B. Bencsáth, G. Pek, L. Buttyan, M. Fellgyhazi // *Future Internet*. 2012. Vol. 4, is. 4. P. 971–1003.
9. Langner R. Stuxnet: dissecting a cyberwarfare weapon // *IEEE Security & Privacy*. 2011. Vol. 9, no. 3. P. 49–51.
10. Решетников А. Ю., Русскевич Е. В. Об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274¹ УК России) // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 2. С. 51–55.
11. Piggan R. Cyber security trends: What should keep CEOs awake at night // *International Journal of Critical Infrastructure Protection*. 2016. Vol. 13. P. 36–38.
12. Бегишев И. Компьютерные атаки на КИИ России: правовые меры защиты // *Information Security*. 2019. № 5. С. 8–10.
13. Мещеряков Р. В., Исхаков А. Ю., Евсютин О. О. Современные методы обеспечения целостности данных в протоколах управления киберфизических систем // *Информатика и автоматизация*. 2020. Т. 19, № 5. С. 1089–1122.
14. Chen T. M., Abu-Nimeh S. Lessons from Stuxnet // *Computer*. 2011. Vol. 44, is. 4. P. 91–93.
15. Kendzierskyj S., Jahankhani H. The role of Blockchain in supporting critical national infrastructure // 2019 IEEE 12th International Conference on Global Security, Safety and Sustainability (ICGS3). IEEE, 2019. P. 208–212. <https://doi.org/10.1109/icgs3.2019.8688026>.
16. Арюков А., Бегишев И., Мальцев Н. Некоторые аспекты информационной безопасности технологии блокчейн // *Information Security*. 2018. № 6. С. 18–19.
17. Georgescu A., Cîrnu C. E. Blockchain and critical infrastructures-challenges and opportunities // *Romanian Cyber Security Journal*. 2019. Vol. 1, No. 1. P. 93–100.
18. Защита данных в устройствах интернета вещей посредством применения технологии блокчейна / М. Г. Городничев, С. С. Махров, Е. Н. Денисова, И. Д. Булдин // *Фундаментальные проблемы радиоэлектронного приборостроения*. 2018. Т. 18, № 4. С. 879–883.
19. Shackelford S. J., Myers S. Block-by-block: leveraging the power of blockchain technology to build trust and promote cyber peace // *Yale Journal of Law & Technology*. 2017. Vol. 19. P. 334–388.
20. Заворина Л. Д., Ерохина А. А., Макарова Д. Г. Построение юридически значимого защищенного документооборота на основе блокчейн в информационных системах // *Интерэкспо ГЕО-Сибирь*. 2019. Т. 9. С. 42–46.
21. Dong Z., Luo F., Liang G. Blockchain: a secure, decentralized, trusted cyber infrastructure solution for future energy systems // *Journal of Modern Power Systems and Clean Energy*. 2018. Vol. 6, No. 5. P. 958–967. <https://doi.org/10.1007/s40565-018-0418-0>.

References

1. Golovin A. Yu. Klassifikatsiya i harakteristika lic, sovershayushchih prestupleniya v sfere komp'yuternoj informatsii [Classification and characteristics of persons committing crimes in the field of computer information]. *Organizovannaya prestupnost', migratsiya, politika = Organized crime, migration, politics*. Moscow, Ros. kriminolog. assoc. Publ., 2002, pp. 108–111.
2. Polyakov V. V., Popov L. A. Osobennosti lichnosti komp'yuternykh prestupnikov [Features of the personality of computer criminals]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta = News of the Altai State University*, 2018, no. 6, pp. 256–259.
3. Aliev N. T., Borbat A. V. Transnatsional'naya organizovannaya prestupnaya deyatel'nost' v epokhu globalizatsii [Transnational organized criminal activity in the era of globalization]. *Vse-rossijskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 431–440.
4. Kutejnikov D. L., Izhaev O. A., Zenin S. S., Lebedev V. A. Kiberfizicheskie, kiberbiologicheskie i iskusstvennyye kognitivnyye sistemy: sushchnost' i yuridicheskie svoystva [Cyberphysical, cyberbiological, and artificial cognitive systems: Essence and legal properties]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Science*, 2019, no. 3, pp. 75–81.
5. Serdyuk V., Tarvi I. Nekotorye aspekty zashchity ASU TP [Some aspects of automated process control system protection]. *Information Security*, 2017, no. 6, pp. 12–13.
6. Begishev I. R., Khisamova Z. I., Mazitova G. I. Criminal legal ensuring of security of critical information infrastructure of the Russian Federation. *Revista gênero e direito*, 2019, vol. 8, no. 6, pp. 283–292.
7. Sánchez H. S., Rotondo D., Escobet T., Puig V. Bibliographical review on cyberattacks from a control-oriented perspective. *Annual Reviews in Control*, 2019, vol. 48, pp. 103–128.
8. Bencsáth B., Pek G., Buttyan L., Fellgyhaz M. The cousins of stuxnet: duqu, flame, and gauss. *Future Internet*, 2012, vol. 4, is. 4, pp. 971–1003.
9. Langner R. Stuxnet: dissecting a cyberwarfare weapon. *IEEE Security & Privacy*, 2011, vol. 9, no. 3, pp. 49–51.
10. Reshetnikov A. Yu., Russkevich E. V. Ob ugovnoy otvetstvennosti za nepravomer-noe vozdejstvie na kriticheskuyu informatsionnuyu infrastrukturu Rossijskoj Federatsii (st. 274¹ UK Rossii) [On Criminal Liability for Unlawful Influence on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation (Article 274¹ of the Criminal Code of Russia)]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2018, no. 2, pp. 51–55.
11. Piggan R. Cyber security trends: What should keep CEOs awake at night. *International Journal of Critical Infrastructure Protection*, 2016, vol. 13, pp. 36–38.
12. Begishev I. Komp'yuternye ataki na KII Rossii: pravovye mery zashchity [Computer attacks on Russian CII: Legal protection measures]. *Information Security*, 2019, no. 5, pp. 8–10.
13. Meshcheryakov R. V., Iskhakov A. Yu., Evsyutin O. O. Sovremennyye metody obespecheniya celostnosti dannykh v protokolakh upravleniya kiberfizicheskikh sistem [Modern methods of ensuring data integrity in control protocols of cyberphysical systems]. *Informatika i avtomatizatsiya = Informatics and Automation*, 2020, vol. 19, no. 5, pp. 1089–1122.
14. Chen T. M., Abu-Nimeh S. Lessons from Stuxnet. *Computer*, 2011, vol. 44, is. 4, pp. 91–93.

15. Kendzierskyj S., Jahankhani H. The role of Blockchain in supporting critical national. 2019 IEEE 12th International conference on global security, safety and sustainability (ICGS3). IEEE, 2019, pp. 208–212. <https://doi.org/10.1109/icgs3.2019.8688026>.
16. Aryukov A., Begishev I., Mal'cev N. Nekotorye aspekty informacionnoj bezopasnosti tekhnologii blokchejn [Some aspects of information security of blockchain technology]. *Information Security*, 2018, no. 6, pp. 18–19.
17. Georgescu A., Cîrnu C. E. Blockchain and critical infrastructures-challenges and opportunities. *Romanian Cyber Security Journal*, 2019, vol. 1, no. 1, pp. 93–100.
18. Gorodnichev M. G., Mahrov S. S., Denisova E. N., Buldin I. D. Zashchita dannyh v ustrojstvakh interneta veshchej posredstvom primeneniya tekhnologii blokchejna [Data protection in Internet of Things devices through the use of blockchain technology]. *Fundamental'nye problemy radioelektronnogo priborostroeniya = Fundamental problems of radio-electronic instrumentation*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 879–883.
19. Shackelford S. J., Myers S. Block-by-block: leveraging the power of blockchain technology to build trust and promote cyber peace. *Yale Journal of Law & Technology*, 2017, vol. 19, pp. 334–388.
20. Zavorina L. D., Erohina A. A., Makarova D. G. Postroenie yuridicheski znachimogo zashchishchennogo dokumentooborota na osnove blokchejn v informacionnyh sistemah [Building a legally significant secure document flow based on blockchain in information systems]. *Interexpo GEO-Sibir' = Interexpo GEO-Siberia*, 2019, vol. 9, pp. 42–46.
21. Dong Z., Luo F., Liang G. Blockchain: a secure, decentralized, trusted cyber infrastructure solution for future energy systems. *Journal of Modern Power Systems and Clean Energy*, 2018, vol. 6, no. 5, pp. 958–967. <https://doi.org/10.1007/s40565-018-0418-0>.

Информация об авторе / Information about the Author

Гребеньков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: grebenkov@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5028-090X

Alexander A. Grebenkov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: grebenkov@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5028-090X

УДК 342.76

Проблема «антиковидных» ограничений прав и свобод граждан в практике российского административного правосудия

О. В. Брежнев¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: obrezhnev@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В настоящей статье анализируются актуальные проблемы содержания и порядка введения в действие ограничений прав и свобод граждан, установленных в целях противодействия распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-2019), которые получили отражение в практике рассмотрения судами общей юрисдикции административных дел об оспаривании нормативных правовых актов.

Цель статьи заключается в исследовании роли и значения судебной практики рассмотрения административных дел об «антиковидных» ограничениях прав и свобод граждан, а также в разработке предложений, касающихся совершенствования законодательства РФ в данной области.

Задачи включают анализ причин, по которым граждане обращаются в суды общей юрисдикции с административными исками об оспаривании законности «антиковидных» ограничений прав и свобод, приводимых ими доводов, правовых позиций, выраженных в соответствующих судебных актах, определение возможных путей дальнейшего развития законодательства РФ о противодействии распространению опасных заболеваний.

Методология. В процессе исследования использовались: аналитический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод абстрагирования, позволившие сформулировать основные выводы.

Результаты. Анализируя практику рассмотрения в судах общей юрисдикции административных дел об «антиковидных» ограничениях прав и свобод, автор приходит к выводу, что сформулированные судами правовые позиции направлены на защиту конституционных ценностей, прежде всего права на жизнь. При этом судебная практика в известной мере восполняет пробелы и гармонизирует противоречия, присущие законодательству РФ в исследуемой области.

Вывод. Автор обосновывает необходимость разработки и принятия Федерального закона «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих», в котором следует учесть правовые позиции судебных органов власти, касающиеся рассматриваемых проблем.

Ключевые слова: право; конституция; контроль; пандемия; защита прав и свобод граждан; суд.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Брежнев О. В. Проблема «антиковидных» ограничений прав и свобод граждан в практике российского административного правосудия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 120–129.

Поступила в редакцию 12.04.2021

Принята к публикации 12.05.2021

Опубликована 25.06.2021

The Problem of "Anti-COVID" Restrictions on the Rights and Freedoms of Citizens in the Practice of Russian Administrative Justice

Oleg V. Brezhnev¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: obrezhnev@yandex.ru

Abstract

The relevance. This article analyzes the current problems of the content and procedure for enforcing restrictions on the rights and freedoms of citizens established in order to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-2019), which are reflected in the practice of considering administrative cases by courts of general jurisdiction on challenging regulatory legal acts.

The purpose of the article is to study the role and significance of judicial practice in the consideration of administrative cases on "anti-COVID" restrictions on the rights and freedoms of citizens, as well as to develop proposals for improving the legislation of the Russian Federation in this area.

Objectives include the analysis of the reasons why citizens apply to the courts of general jurisdiction with administrative claims to challenge the legality of the "anti-COVID" restrictions on rights and freedoms, their arguments, legal positions expressed in the relevant judicial acts, identifying possible ways of further development of the legislation of the Russian Federation on counteracting the spread of dangerous diseases.

Methodology. In the course of the research, we used analytical, formal legal, comparative legal methods, the method of abstraction, which made it possible to formulate the main conclusions.

Results. Analyzing the practice of consideration in the courts of general jurisdiction of administrative cases on "anti-COVID" restrictions on rights and freedoms, the author comes to the conclusion that the legal positions formulated by the courts are aimed at protecting constitutional values, first of all, the right to life. At the same time, judicial practice to a certain extent fills in the gaps and harmonizes the contradictions inherent in the legislation of the Russian Federation in the area under study.

Conclusions. The author justifies the need for the development and adoption of the Federal Law "On the prevention of the spread of diseases that pose a danger to others", which should take into account the legal positions of the judicial authorities regarding the issues under consideration.

Keywords: law; constitution; control; pandemic; protection of the rights and freedoms of citizens; court.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Brezhnev O. V. The Problem of "Anti-COVID" Restrictions on the Rights and Freedoms of Citizens in the Practice of Russian Administrative Justice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 120–129. (In Russ.)

Received 12.04.2021

Accepted 12.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

В конце 2019 г. мир столкнулся с глобальной проблемой, связанной с появлением новой коронавирусной инфекции (COVID-2019), которая вызывает

смертельно опасное заболевание – коронавирусную пневмонию.

Активное распространение этой инфекции, происходящее преимущественно воздушно-капельным путем, охватило

все континенты, т.е. приобрело характер пандемии. Системы тестирования наличия вируса в организме, медикаментозной помощи больным не были изначально сформированы, их становление происходило в спешном порядке, под влиянием практических потребностей. В этих условиях на первый план вышла задача реализации профилактических мер, призванных сдерживать распространение коронавирусной инфекции.

В соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения основным средством профилактики заражения новой коронавирусной инфекцией является максимальное сокращение числа контактов между людьми, для чего, прежде всего, необходимо ограничение передвижения граждан, а также отделение тех из них, кто мог быть подвержен воздействию вируса, от остальной части населения.

Таким образом, противодействие распространению коронавирусной инфекции неизбежно связано с необходимостью введения особых правоограничительных режимов, получивших в мировой практике название «lockdown» [1]. Подобные режимы, применявшиеся более чем в 90 государствах, имели разные правовые основания и предполагали различный объем ограничений прав и свобод граждан [6].

Методология

Методологическую базу исследования составили аналитический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод абстрагирования, позволившие сформулировать основные выводы.

Результаты и их обсуждение

Законодательство РФ на момент начала пандемии не предусматривало

специального правового режима, который предназначался бы для целей противодействия инфекции. Необходимо было учитывать и фактор, связанный с неравномерностью ее распространения по территории России, что обуславливало потребность в разном уровне ограничений прав граждан для отдельных субъектов РФ, притом что их объем должен был оперативно меняться со временем в зависимости от улучшения или ухудшения эпидемиологической ситуации.

В итоге нормативными правовыми актами высших должностных лиц или высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ во всех регионах был введен предусмотренный Федеральным законом от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (п/п. «б» п. 6 ст. 4.1) режим повышенной готовности, несмотря на то, что к моменту начала пандемии этот Федеральный закон (ч. 1 ст. 1) прямо не связывал возникновение чрезвычайной ситуации с распространением заболеваний, представляющих опасность для окружающих [3; 4].

Данные акты предусматривали, в частности, следующие меры:

- временное приостановление деятельности организаций, обеспечивающих одновременное предоставление услуг большому количеству людей (например, ночных клубов, развлекательных центров и др.);

- временный запрет или ограничение на предоставление определенных социальных услуг (например, общественного питания) [5];

- обеспечение *режима самоизоляции* для всех или определенных категорий граждан, в том числе вернувшихся из зарубежных поездок, что предполагало за-

прет для них покидать место жительства или место пребывания, кроме случаев: обращения за экстренной (неотложной) медицинской помощью и наличия иной прямой угрозы жизни и здоровью; следования к месту (от места) осуществления трудовой деятельности (работы), за исключением работников, переведенных на дистанционный режим работы, находящихся в отпуске или в отношении которых оформлен листок нетрудоспособности; следования к ближайшему месту приобретения товаров, работ, услуг; выгула домашних животных; выноса отходов до ближайшего места их накопления;

- соблюдение дистанции от других граждан (не менее 1,5 метров), в том числе в общественных местах и общественном транспорте (*социальное дистанцирование*);

- обязательное использование гражданами индивидуальных средств защиты, в том числе в общественных местах и общественном транспорте (маски, перчатки и др.);

- специальный режим допуска и нахождения в зданиях, строениях, сооружениях (помещениях в них) на соответствующей территории;

- особый режим работы транспортных средств, а также перемещений граждан в пределах населенных пунктов при наличии специальных разрешительных документов, в том числе цифровых пропусков;

- перевод существенного количества работников на дистанционный режим работы;

- дистанционный порядок предоставления образовательных услуг [6] и др.

Введение режима повышенной готовности в субъектах РФ повлекло за собой многочисленные обращения граждан в суды общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства, в

которых оспаривалась законность ограничений прав и свобод граждан (прежде всего, конституционной свободы передвижения) в соответствии с нормативными правовыми актами субъектов РФ.

Административные иски граждан об оспаривании постановлений (распоряжений) высших должностных лиц (высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ о введении режима повышенной готовности с присущим ему набором ограничений прав и свобод в соответствии с установленной подсудностью рассматривались в первой инстанции верховными судами республик, краевыми, областными и приравненными к ним судами более 20 субъектов РФ.

Отметим, что во многих регионах соответствующие судебные процессы по разным причинам затянулись. В некоторых субъектах РФ данные административные иски возвращались или оставались без движения с указанием на необходимость исправить определенные недостатки поданного заявления, например, четко определить, применялся ли рассматриваемый акт к административному истцу и приложить копию документа о таком применении (например, определение Липецкого областного суда от 24 апреля 2020 г. по делу № 9а-18/2020). Верховный суд Республики Коми вообще прекратил производство по административному иску об оспаривании указа Главы Республики о введении режима повышенной готовности, указав, что этот акт после внесения в него многочисленных изменений перестал затрагивать права административного истца (Определение от 27 мая 2020 г. по делу № 3а-145/2020).

Тем не менее в ряде регионов соответствующие административные дела были рассмотрены по существу. В каче-

стве примера проанализируем решения: Брянского областного суда от 10 апреля 2020 г. по делу № 3а-722/2020, Московского городского суда от 28 апреля 2020 г. по делу № 3а-3877/2020, Курского областного суда от 2 июня 2020 г. по делу № 3а-51/2020.

Аргументация административных исцов в большинстве случаев носила схожий характер и сводилась в основном к следующим доводам.

Во-первых, принятие нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов РФ о введении режима повышенной готовности выходит за пределы компетенции данных органов, поскольку в соответствии с Конституцией РФ (ч. 3 ст. 55) любые ограничения конституционных прав и свобод граждан могут быть установлены только федеральным законом.

Во-вторых, введение правоограничительных мер возможно исключительно в условиях чрезвычайного положения или чрезвычайной ситуации. Федеральный закон прямо не предусматривает объем ограничительных мероприятий, вводимых в условиях режима повышенной готовности, как не устанавливал (на момент издания этих актов) и саму возможность введения этого режима в связи с распространением заболеваний, представляющих опасность для окружающих.

В-третьих, применяемые в субъектах РФ ограничения прав граждан несоразмерны и непропорциональны целям, ради которых они введены. Реализация данных ограничительных мер приводит не только к нарушениям свободы передвижения по территории РФ, но и умаляет иные конституционные права: на труд (многие граждане потеряли возможность трудиться, поскольку их деятельность попала под ограничения), на охрану здоровья (невозможность получения, напри-

мер, стоматологической помощи, кроме экстренных случаев), на предоставление иных услуг (например, по замене водительских прав, т. к. отсутствовала возможность получить необходимые справки).

Рассмотрев эти доводы, суды общей юрисдикции во всех случаях отказали в удовлетворении административных исков, отметив следующее.

В соответствии с Конституцией РФ (п. «з» ч. 1 ст. 72) осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий относится к совместному ведению РФ и субъектов РФ, что предполагает возможность принятия в данной сфере, помимо федеральных, и нормативных правовых актов субъектов РФ (ч. 2 ст. 76), в том числе в порядке «опережающего» правового регулирования, т. е. при отсутствии соответствующих федеральных актов.

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (п/п. 5 п. 2 ст. 26.3) также относит к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ, осуществляемым ими самостоятельно за счет средств бюджета субъекта РФ, решение вопроса предупреждения чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий, эпидемий и ликвидации их последствий, реализации мероприятий, направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей при чрезвычайных ситуациях.

Соответствующие полномочия органов государственной власти субъектов РФ детализированы в иных актах федерального законодательства.

Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ст. 6) предусматривает полномочия органов государственной власти субъектов РФ не только принимать законы и иные нормативные правовые акты по вопросам обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, осуществлять контроль за их исполнением, но и вводить на территории субъекта РФ ограничительные мероприятия (карантин) на основании предложений, предписаний главных государственных санитарных врачей и их заместителей [7]. Отметим, что в течение 2020 г. подобные предписания неоднократно выносились в отношении высших должностных лиц субъектов РФ как Главным государственным санитарным врачом РФ, так и соответствующими должностными лицами в субъектах РФ, что обязывало руководителей регионов принимать ограничительные меры в целях недопущения распространения коронавирусной инфекции [8].

Системообразующая роль в законодательном регулировании применения правоограничительных мер, связанных с возникшей ситуацией, принадлежит Федеральному закону «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [9]. Анализ положений данного Федерального закона (ч. 1 ст. 11) позволяет признать за органами государственной власти субъектов РФ следующие полномочия, распространяющиеся на ситуации, связанные с предупреждением распространения коронавирусной инфекции:

1) по принятию законов и иных нормативных правовых актов в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера (пп. «а»);

2) по введению правовых режимов повышенной готовности и чрезвычайной ситуации (пп. «м»);

3) по установлению обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (п/п. «у»);

4) с учетом особенностей чрезвычайной ситуации на территории субъекта РФ или угрозы ее возникновения по установлению дополнительных обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения (в развитие норм, предусмотренных Правительством РФ) при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (пп. «ф»).

Кроме того, в соответствии с ч. 10 ст. 4.1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» при введении режимов повышенной готовности и чрезвычайной ситуации, а также при установлении уровня реагирования для соответствующих органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций высшее должностное лицо субъекта РФ, как несущее ответственность за выполнение работ по предупреждению возникновения чрезвычайной ситуации и ликвидации ее последствий, наделено полномочиями по принятию дополнительных мер по защите населения и территорий, включающих в себя: ограничение доступа людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, а также в зону чрезвычайной ситуации; приостановление деятельности организации, оказавшейся в зоне чрезвычайной ситуации, если существует угроза безопасности жизнедеятельности работ-

ников данной организации и иных граждан, находящихся на ее территории; осуществление мер, обусловленных развитием чрезвычайной ситуации, не ограничивающих прав и свобод человека и гражданина и направленных на защиту населения и территорий от чрезвычайной ситуации, создание необходимых условий для предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации и минимизации ее негативного воздействия.

Дальнейшее развитие соответствующие полномочия органов государственной власти субъектов РФ получили в Указе Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», п. 2 которого прямо предписывает высшим должностным лицам субъектов РФ обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий, имея в виду, в первую очередь: определение территорий, на которых будет осуществляться реализация данных мер, в том числе в условиях введения режимов повышенной готовности, чрезвычайной ситуации; приостановление (ограничение) деятельности находящихся на соответствующей территории отдельных организаций независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, а также индивидуальных предпринимателей; установление особого порядка передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств, за исключением транспортных средств, осуществляющих межрегиональные перевозки. Указом Президента РФ от 28 апреля 2020 г. № 294 действие этих мер продлено.

Таким образом, высшие должностные лица субъектов РФ были вправе в

условиях действия режима повышенной готовности применять комплекс ограничительных мер, направленных на недопущение дальнейшего распространения опасной инфекции.

Что же касается существа самих ограничений прав и свобод граждан, то суды исходили из следующих правовых позиций.

Во-первых, Конституция РФ не только допускает ограничения прав и свобод граждан (ч. 3 ст. 55), но и устанавливает, что осуществление этих прав не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17). Причем те права, на необходимость защиты которых ссылаются административные истцы, не относятся к числу не подлежащих ограничению (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ).

Во-вторых, следует принимать во внимание экстраординарный характер возникшей ситуации: впервые за много десятилетий Россия столкнулась с необходимостью принятия срочных масштабных мер по преодолению пандемии. Если бы органы государственной власти заняли выжидательную позицию, ссылаясь на неконкретность ряда норм федерального законодательства, определяющих возможность применения ограничительных мер, то это означало бы уклонение этих органов по причинам сугубо формального характера от исполнения своей обязанности по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, а в конечном итоге привело бы к умалению конституционного права на жизнь, относящегося к высшим ценностям (ст. 2, 20 Конституции РФ), что недопустимо.

В-третьих, предусмотренные нормативными правовыми актами субъектов РФ ограничения прав и свобод граждан являются соразмерными, поскольку: предусматривают ряд разумных исключений из установленных правил, исходя

из возможных жизненных ситуаций; носят сугубо временный характер, периодически пересматриваются в силу сложившейся санитарно-эпидемиологической ситуации; обеспечены комплексом мер компенсационного и гарантийного характера, предусмотренных федеральным законодательством.

Выводы

Необходима разработка и принятие отдельного Федерального закона «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих», в котором следует четко предусмотреть полномочия органов публичной власти по введению правоограничительных режимов, тем более что перечень таких заболеваний давно утвержден Правительством РФ, и в 2020 г. в него включена болезнь, вызываемая коронавирусной инфекцией (Постановление Правительства РФ от 31 января 2020 г. № 66).

При разработке данного законопроекта следует учесть правовые позиции как судов общей юрисдикции, выражен-

ные в их решениях по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов субъектов РФ о введении режима повышенной готовности, так и Конституционного Суда РФ, сформулированные в его Постановлении от 25 декабря 2020 г. № 49-П по делу о проверке конституционности п.п. 3 п. 5 Постановления Губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области [10].

Наконец, необходимо проведение разъяснительной работы с гражданами с тем, чтобы предназначение ограничительных мер, порядок их реализации были понятны обществу и не вызывали неоднозначных толкований.

Список литературы

1. Романовский Г. Б. 2019-nCoV как гибридная угроза системе прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 34–38.
2. Лещенков Ф. А. Полномочия Федеративной Республики Германия и ее федеральных земель в сфере предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 75–77.
3. Калина Е. С. Административно-правовой режим чрезвычайной ситуации и категория безопасности в административном праве // Административное право и процесс. 2011. № 12. С. 31–34.
4. Левин А. О., Потемкина Т. Н. К вопросу о различии терминов «чрезвычайное обстоятельство» и «чрезвычайная ситуация» // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 130–133.
5. Субанова Е. В., Шелковникова Е. Д. Разрешительная деятельность в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 56–62.

6. Сергеев Ю. Д., Калецкий Е. Г., Павлова Ю. В. Правовые основы реализации дистанционных образовательных технологий в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации // Медицинское право. 2020. № 4. С. 3–8.

7. Каляшин А. В. Новеллы административной ответственности за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в условиях пандемии коронавируса (COVID-19) // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 63–67.

8. Винокуров В. А. Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и новая коронавирусная инфекция: проблемы правового регулирования // Медицинское право. 2020. № 4. С. 9–19.

9. Мелехин А. В. Роль и место правового режима чрезвычайной ситуации в системе чрезвычайных правовых режимов Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 3. С. 7–12.

10. Брежнев О. В. О некоторых аспектах взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации и Федерального Собрания // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 2. С. 101–105.

References

1. Romanovskij G. B. 2019-nCoV kak gibridnaya ugroza sisteme prav cheloveka [2019-nCoV as a hybrid threat to the human rights system]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 7, pp. 34–38.

2. Leshchenkov F. A. Polnomochiya Federativnoj Respubliki Germaniya i ee federal'nyh zemel' v sfere preduprezhdeniya chrezvychajnyh situacij i likvidacii ih posledstvij [Powers of the Federal Republic of Germany and its Federal Lands in the field of emergency prevention and elimination of their consequences]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2016, no. 4, pp. 75–77.

3. Kalina E. S. Administrativno-pravovoj rezhim chrezvychajnoj situacii i kategoriya bezopasnosti v administrativnom prave [Administrative – legal regime of an emergency situation and the category of security in administrative law]. *Administrativnoe pravo i process = Administrative Law and Process*, 2011, no. 12, pp. 31–34.

4. Levin A. O., Potemkina T. N. K voprosu o razlichii terminov "chrezvychajnoe obstoyatel'stvo" i "chrezvychajnaya situaciya" [On the difference between the terms "emergency" and "emergency"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 1, pp. 130–133.

5. Subanova E. V., Shelkovnikova E. D. Razreshitel'naya deyatel'nost' v usloviyah pandemii novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19) [Permissive activity in the context of the new coronavirus infection pandemic (COVID-19)]. *Administrativnoe pravo i process = Administrative Law and Process*, 2020, no. 8, pp. 56–62.

6. Sergeev Yu. D., Kaleckij E. G., Pavlova Yu. V. Pravovye osnovy realizacii distancionnyh obrazovatel'nyh tekhnologij v usloviyah rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii na territorii Rossijskoj Federacii [Legal basis for the implementation of distance education technologies in the context of the spread of a new coronavirus infection in the Russian Federation]. *Medicinskoe pravo = Medical law*, 2020, no. 4, pp. 3–8.

7. Kalyashin A. V. Novelty administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva v oblasti obespecheniya sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya v usloviyah pandemii koronavirusa (COVID-19) [Novelties of administrative responsibility for violation of legislation in the field of ensuring the sanitary and epidemiological well-being of the population in the context of the coronavirus pandemic (COVID-19)]. *Administrativnoe pravo i process = Administrative Law and Process*, 2020, no. 8, pp. 63–67.

8. Vinokurov V. A. Sanitarno-epidemiologicheskoe blagopoluchie naseleniya i novaya koronavirusnaya infekciya: problemy pravovogo regulirovaniya [Sanitary and epidemiological well-being of the population and the new coronavirus infection: problems of legal regulation]. *Medicinskoe pravo = Medical law*, 2020, no. 4, pp. 9–19.

9. Melekhin A. V. Rol' i mesto pravovogo rezhima chrezvychajnoj situacii v sisteme chrezvychajnyh pravovyh rezhimov Rossijskoj Federacii [The role and place of the legal regime of emergency situations in the system of emergency Legal regimes of the Russian Federation]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 3, pp. 7–12.

10. Brezhnev O. V. O nekotoryh aspektah vzaimodejstviya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii i Federal'nogo Sobraniya [On some aspects of interaction between the Constitutional Court of the Russian Federation and the Federal Assembly]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2014, no. 2, pp. 101–105.

Информация об авторе / Information about the Author

Брежнев Олег Викторович, доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: obrezhnev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1897-1441

Oleg V. Brezhnev, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Legal Proceedings, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: obrezhnev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1897-1441

Оригинальная статья / Original article

УДК 323.28(075.8)

Международный терроризм в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

М. В. Шедий, Е. Н. Малик¹ ✉

¹Академия ФСО России

ул. Приборостроительная 35, г. Орёл 302015, Российская Федерация

✉ e-mail: malik57-elena@mail.ru

Резюме

Актуальность. Международный терроризм является одной из важнейших проблем современных международных отношений, с которой человечество не может справиться до сих пор. Данная проблема является актуальной в связи с увеличением количества террористических преступлений в международном пространстве. Это может быть обусловлено нерешенностью проблем социального и политического характера, слабостью государственных органов.

Цель исследования состоит в комплексном анализе основных видов международных террористических угроз, их уровня и современных проблем в сфере борьбы с международным терроризмом в Российской Федерации.

Задачами исследования стали: определение сущности и типологии международного терроризма; анализ особенности современного международного терроризма и современных террористических организаций; исследование основных видов террористических угроз и современных проблем в области противодействия современному международному терроризму в России.

Методология. Для проведения исследования были использованы общенаучные и специальные методы научного исследования, такие как системный, сравнительно-правовой, историко-правовой, а также методы толкования, логического и структурного анализа.

Результаты. Разработаны предложения практического характера для совершенствования анти-террористической политики государства. Определены основные направления совершенствования действующего российского законодательства, регулирующего отношения в сфере борьбы с терроризмом в современных условиях.

Вывод. Проведенное исследование показывает, что за последние десятилетия создана значительная правовая база в борьбе с террористической деятельностью. Эффективное противодействие угрозе терроризма требует хорошо скоординированной и межгосударственной кампании, которая использует всевозможные ресурсы – разведывательные, экономические, связанные с безопасностью и дипломатические. Следует учесть, что борьба с терроризмом в условиях глобальных вызовов обществу должна основываться на правовом признании любых проявлений терроризма преступными, подлежащими суровому наказанию, и в обязательном порядке презюмировать развернутое сотрудничество государств по предупреждению, прекращению террористических преступлений и осуждению лиц, виновных в их совершении.

Ключевые слова: международный терроризм; национальная безопасность; национальная угроза; государство; противодействие терроризму.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шедий М. В., Малик Е. Н. Международный терроризм в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 130–144.

Поступила в редакцию 09.04.2021

Принята к публикации 11.05.2021

Опубликована 25.06.2021

International Terrorism in the Context of Ensuring the National Security of the Russian Federation

Mariya V. Shedij¹, Elena N. Malik¹ ✉

¹Academy of Federal Guard Service
35 Priborostroitel'naya str., Orel 302015, Russian Federation

✉ e-mail: m_v_shedij@mail.ru e-mail: malik57-elena@mail.ru

Abstract

Relevance. International terrorism is one of the most important problems of modern international relations, which humanity has not been able to cope with until now. This problem is relevant due to the increase in the number of terrorist crimes in the international space. This may be due to the unresolved problems of a social and political nature, the weakness of state bodies.

The purpose of the study is to comprehensively analyze the main types of international terrorist threats, their level and current problems in the fight against international terrorism in the Russian Federation.

The objectives of the study were: definition of the essence and typology of international terrorism; analysis of the features of modern international terrorism and modern terrorist organizations; study of the main types of terrorist threats and contemporary problems in the field of countering modern international terrorism in Russia.

Methodology. For the study, general scientific and special methods of scientific research were used, such as systemic, comparative legal, historical and legal, as well as methods of interpretation, logical and structural analysis.

Results. Practical proposals have been developed to improve the state's anti-terrorist policy. The main directions of improving the current Russian legislation regulating relations in the field of combating terrorism in modern conditions have been determined.

Conclusions. The study shows that over the past decades, a significant legal framework has been created in the fight against terrorist activities. Effectively countering the threat of terrorism requires a well-coordinated and interstate campaign that draws on all sorts of resources - intelligence, economic, security-related and diplomatic. It should be borne in mind that the fight against terrorism in the context of global challenges to society should be based on the legal recognition of any manifestation of terrorism as criminal, subject to severe punishment and must necessarily presume extensive cooperation between states to prevent, stop terrorist crimes and condemn the perpetrators of them.

Keywords: international terrorism; national security; national threat; state; countering terrorism.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shedij M. V., Malik E. N. International Terrorism in the Context of Ensuring the National Security of the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(3): 130–144. (In Russ.)

Received 09.04.2021

Accepted 11.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Терроризм является одной из глобальных проблем, представляющих угрозу для существующей как в целом политической системы любого государства, так и его граждан. Терроризм представляет собой насильственные действия, ко-

торые преследуют политические и (или) социальные цели.

Как известно из истории, первое упоминание террора встречается в Древнем Риме, в период правления диктатора Луция Корнелия Суллы, который для устранения неугодных политических со-

перников применил проскрипции (списки людей, считавшихся вне закона, находясь в империи) [1]. В них было прописано, что человек, убивший лицо из этого списка, получит половину состояния убитого. Тем самым Луций внес свое имя в историю как первого человека, применившего политический террор для своей выгоды. Стоит понимать, что терроризм развивался от индивидуального начала к групповому. Так, например, в I веке до н.э. в летописях упоминаются террористические акты, совершенные еврейской группировкой зетолов [2]. Другим примером является мусульманская секта исмаилитов, которую многие знают как ассасинов, их деятельность была активна с IX по XIII в. [3]

Методология

Методология исследования основана на принципах системности, что позволило проанализировать различные источники информации в целях определения особенностей современного международного терроризма и основных видов террористических угроз.

Методологической базой исследования послужили общенаучные методы познания: системный метод, методы логического и структурного анализа и др. Кроме того, были использованы методы, присущие науке международного права: системно-юридический, сравнительно-правовой и метод толкования права.

Источниковую базу составили научные работы ученых-специалистов, посвященных анализу сущности терроризма, его генезиса, оценки разновидностей и форм проявления, а также противодействия терроризму и проблем антитеррористической деятельности.

Результаты и их обсуждение

В современной науке под терроризмом понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или

международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [4, с. 370].

Согласно международным документам к террористическим актам относятся:

- диверсия (взрыв, разрушение, повреждение сооружений и т. д.);
- покушение, убийство (является наиболее частым видом террористического акта);
- захват зданий, стратегически важных объектов;
- захват или удержание заложников;
- похищение людей (чаще всего это влиятельные и значимые для страны личности (дипломаты, политики, высокопоставленные чиновники), которые способны привлечь внимание общественности и СМИ);
- использование ядерного и химического материала без соответствующего разрешения, а также его хищение, угроза использования ядерного и химического оружия на любой территории без разрешения;
- пропаганда сомнительных идеологий и экстремистского мышления среди населения [5].

Современная классификация подразделяет терроризм на следующие виды: международный, национальный, политический, религиозный, криминальный и экологический [6, с. 76]. Каждый из них имеет свои индивидуальные особенности и цели.

Международный терроризм представляет собой систематическое применение насилия в мировом масштабе как реакция на глобализацию и объединение стран, а также попытку влияния на политическую ситуацию в мире, метод управления большинством мировых процессов [7, с. 31].

Данный термин был впервые введен в 60-х годах XX века как наиболее опасная форма проявления терроризма.

Существует несколько причин, почему данный вид терроризма является

актуальнейшей проблемой для нашей цивилизации. Во-первых, международный терроризм распространен по всему земному шару, без исключений. Он затрагивает любые типы государств, как развивающиеся, так и развитые, как страны с демократическим режимом, так и недемократическим. Во-вторых, международный терроризм всегда опасен, причем является угрозой для всего человечества, так по статистике в год совершается более пятидесяти террористических актов [8].

Интерпол в Руководстве по борьбе с международным терроризмом (1984 г.) выделяет следующие его отличительные признаки:

- зарубежный и/или транснациональный характер материально-технической базы преступников;
- субъектом преступления является либо лицо, связанное с организациями, причастными к «международно значимым террористическим преступлениям», либо лицо, которое не является гражданином государства;
- места совершения преступления;
- территория преступления охватывает несколько государств;
- иностранное финансирование террористического преступления;
- международная цель террористического преступления;
- причиненный ущерб имеет международный характер [9, с. 116].

Профессор Ю. М. Антонян предлагает в качестве отличительных черт международного терроризма признать:

- его специфические цели (умышленное влияние на систему властных отношений на региональном и глобальном уровнях);
- особую внутреннюю структуру в террористических организациях («сетевая организация») и распространение таких организаций в большом количестве государств в разных геополитических регионах [10].

В российском законодательстве впервые о международном терроризме

упоминается в Федеральном законе от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом»¹. Так в ст. 2 указанного закона международной террористической деятельностью признается деятельность, если она осуществляется:

1) террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или она наносит ущерб интересам более чем одного государства;

2) гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства, а также в случае, если террорист и жертвы терроризма были гражданами одного (разных) государств, но преступление совершалось за пределами этих государств.

Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие черты международного терроризма:

1. Политическая мотивация. Терроризм всегда связан с борьбой за власть, и главные лица обычно пытаются скрыть свои основные цели.

2. Устрашающий эффект. Терроризм использует насилие для достижения определенной цели. Мишенью террористов являются не только жертвы, но и люди, которые будут наблюдать за терактом. Этим они пытаются привлечь внимание властей и общественности к своим целям.

3. Групповой характер. В основном теракты проводятся убийцами одиночками, но управление и подготовка осуществляется сильной группировкой. В наше время крупнейшими группировками являются ИГИЛ и «Аль-Каида». Их влияние настолько велико, что они берут под контроль целые государства, из-за чего другим странам приходится вмешиваться во внутренние конфликты.

¹ О борьбе с терроризмом: федер. закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ: [ред. от 06.03.2006]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19563/ (дата обращения: 20.03.2021).

4. Жертвы в лице гражданского населения. Главная цель терактов – максимальное количество жертв со стороны мирного населения, в редких случаях они направлены на убийство высокопоставленных чиновников.

Итак, терроризм – это динамичное явление, которое развивается с течением времени, постепенно меняя свою форму и деятельность [11]. Он осуществляется различными организациями на службе различных идеологий. Несмотря на то, что в последнее десятилетие на международной арене действовали различные местные террористические группы, ученые и разведывательное сообщество все чаще признают, что нынешняя международная террористическая угроза исходит не от организаций, мотивированных националистическими обидами или сепаратистскими целями. В настоящее время одной из главных угроз национальной безопасности является радикальный исламский терроризм, направленный в первую очередь на пропаганду радикального религиозного мировоззрения¹.

Радикальный исламский терроризм является частью глобального джихадистского движения, действия от имени которого совершаются многими террористическими организациями, группами и ячейками по всему миру. Это движение возглавляет «Аль-Каида», которая, несмотря на многочисленные неудачи, с 11 сентября 2001 г. по-прежнему способна осуществлять «прямые атаки» через активистов, подчиняющихся непосредственно ее власти, или «косвенные атаки» через посреднические организации – радикальные исламские террористические организации и сети, разделяющие схожую фундаменталистскую исламскую

идеологию, устремления и интересы. Некоторые из этих организаций, такие как египетские, бангладешские и афганские джихадистские группы, были созданы Усамой бен Ладеном под эгидой его «Международного исламского фронта джихада против евреев и крестоносцев» (февраль 1998 года) [12]. Существуют также террористические организации, которые сочетают религиозные обиды с национально-политическими мотивами, например, такие как Хамас.

За последнее время «Аль-Каида» претерпела определенный процесс трансформации. Так, помимо того, что «Аль-Каида» привлекала посреднические организации для проведения террористических атак, она сосредоточила деятельность на распространение своей идеологии через международные СМИ, мечети и исламские общинные центры, а самое главное – через всемирную паутину. Данная террористическая организация стремится вдохновить молодых мусульман по всему миру, и особенно в западных странах, совершать нападения в их непосредственной близости. Это явление, известное как «доморощенный терроризм», является современной тенденцией радикального исламского терроризма, воздействуя на сознание многих молодых людей по всему миру: мусульманских иммигрантов в первом и втором поколениях, новообращенных в ислам и других, создавая процесс радикализации в различных мусульманских общинах.

Трагические события, произошедшие на постсоветском пространстве в недавнем прошлом, только подтверждают вышесказанное. С учётом прошлых событий в настоящее время в Центрально-Азиатском регионе формируется весь спектр вызовов и угроз безопасности, связанных с деятельностью международных террористических организаций и

¹ Тенденции в современном международном терроризме. URL: <https://www.academia.edu/> (дата обращения: 12.02. 2021).

трансграничной преступности, формирующей каналы транзита на территории государств Содружества боевиков, средств террора и диверсий, незаконных мигрантов, а также контрабандных поставок наркотических средств и их прекурсоров¹.

Остановимся более подробно на наиболее опасных участках внешней границы стран Содружества в Центрально-Азиатском регионе. В современных условиях состояние пограничной безопасности на таджикско-афганском направлении в большинстве своем не отвечает требованиям надежности, безопасности и адекватному уровню противодействия потенциальным и реальным вызовам и угрозам в пограничной сфере. Это обусловливается различными факторами, такими как:

- сложные климатические и географические условия, что в значительной степени затрудняет борьбу с трансграничной преступностью;
- наличие значительных по протяженности необустроенных участков государственной границы и практическое отсутствие на ней инженерно-технических сооружений;
- слабая оснащенность пограничных ведомств современными специальными техническими средствами охраны границы;
- нехватка вещевого имущества и снаряжения, а также горюче-смазочных материалов и их несвоевременной доставкой в труднодоступные районы;
- крайне сложная и напряженная внутривнутриполитическая обстановка, складывающаяся в Афганистане в связи с президентскими выборами, а также предстоящим выводом с его территории основного контингента Международных сил содействия безопасности [13, с. 25].

¹ Внутренняя нестабильность страшнее талибов. URL: <https://www.rosbalt.ru/exussr/2014/01/02/1215695.html> (дата обращения: 04.03.2021).

Активизация деятельности незаконных вооруженных формирований (далее – НВФ) в северных провинциях Афганистана направлена на разжигание межэтнических разногласий представителей пуштунского, таджикского, хазарейского, узбекского и туркменского населения в связи с имеющимися острыми проблемами и разногласиями, связанными с территориальными притязаниями и борьбой за водные ресурсы Центрально-Азиатского региона¹. Только на начало 2017 г. численность НВФ в приграничных со странами Содружества афганских провинциях составляет более 2,5 тыс. чел. Их деятельность направлена на насильственное подчинение себе проживающего местного населения, силовое вытеснение либо уничтожение представителей официальных властей и силовых структур.

Руководителями международных террористических и экстремистских организаций продолжается проведение активной работы по вовлечению в свои ряды афганской и пакистанской молодежи. Представители движения «Талибан» в значительной степени усилили свое влияние в местах компактного проживания таджикских и узбекских диаспор в северных провинциях Афганистана, приграничных с Таджикистаном, а боевые группы талибов в непосредственной близости от линии границы создают свои временные базы и лагеря, некоторые из которых расположены на островах пограничной реки Пяндж, являющихся частью таджикской территории. Безнаказанным противоправным действиям НВФ в приграничье способствует то обстоятельство, что охрана границы силами Пограничной полиции Министерства внутренних дел Исламской Республики Афганистан практически не осуществляется. Афганские пограничники в условиях нарастающей активности действий НВФ талибов ориентированы только на обеспечение собственной безопасности, вследствие чего системные мероприятия по охране границы практически не осуществляются. Имеются случаи, когда подразделения

охраны границы, не вступая в боестолкновения с НВФ, сдаются талибам с оружием и техникой, полученной от Международных сил содействия безопасности [14, с. 34].

Таким образом, можно предположить, что дальнейшая эскалация обстановки боевиками Афганистана будет оказывать существенное деструктивное влияние на состояние пограничной безопасности государств Содружества Центрально-Азиатского региона, и в первую очередь Республики Таджикистан. Анализ служебных документов и материалов позволяет констатировать, что в настоящее время из Афганистана по «северному маршруту» через государства – участники СНГ в Российскую Федерацию и далее в страны Западной Европы проходит около 25% всего производимого афганского героина¹.

Ситуация на северной границе Афганистана (граница с Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном) осложняется отсутствием достаточного количества инженерно-технических средств и контроля. Это не позволяет странам Содружества достоверно и полно оценить реальный поток незаконных пересечений границы и перемещения через нее контрабанды оружия, боеприпасов, наркотических средств и их прекурсоров.

В настоящее время объективное исследование обстановки на туркмено-афганском и туркмено-иранском участках внешней границы Содружества весьма затруднительно. Это связано с тем, что Туркменистан не участвует в обмене информацией по вопросам охраны внешних границ государств – участников СНГ, предусмотренном Соглашением от

12 апреля 1996 г.² Очевидно, что «Движение Восточно-Туркестанская Республика» (далее – ДВТР) и их сторонников все больше поддерживают приверженцы в Пакистане, Афганистане и даже в некоторых странах Европы, а также различные международные организации по правам человека. Если учесть, что сепаратисты движения ДВТР давно «взаимодействуют» с талибами (как известно, при талибах в Кабуле функционировала штаб-квартира ДВТР), несложно сделать вывод, что с приходом последних к власти в Афганистане им будет оказана существенная поддержка.

Анализ материалов показывает, что в ближайшей перспективе возможными тенденциями обострения обстановки на внешних границах государств – участников СНГ в Центрально-Азиатском регионе будет являться:

- дальнейшее осложнение ситуации в приграничных (северных) провинциях Афганистана. Активизация деятельности групп боевиков исламского движения «Талибан», «Исламской партии Туркестана» («Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана») – крупнейшая из исламистских политических организаций Средней Азии и одна из наиболее опасных международных террористических организаций, основанная в 1996 г.) и других экстремистских группировок на фоне негативных событий, происходящих в ряде арабских стран Северной Африки и Ближнего Востока, могут существенно ухудшить военно-политическую обстановку на внешних границах стран Содружества;

- активизация разнообразной преступной деятельности, в том числе и различного рода вооруженные провокации

¹ О причинах и последствиях «афганского наркотрафика» для Российской Федерации, законодательных и иных мерах по защите общества от наркоагрессии: [выступление Директора ФСКН России на парламентских слушаниях в ГД РФ]. URL: https://www.narkotiki.ru /5_6656.htm (дата обращения: 07.04.2021).

² Соглашение об обмене информацией по вопросам охраны внешних границ государств – участников Содружества Независимых Государств (СГГ СНГ от 12.04.1996 г., г. Москва) // Сборник основных международных нормативных правовых документов Содружества Независимых Государств в пограничной сфере. Вып. 5. М.: КС СКПВ, 2012.

на границах государств – участников СНГ с Афганистаном, вследствие уменьшения численности контингента Международных сил содействия безопасности; рост попыток незаконного перемещения на территорию государств – участников СНГ наркотических средств, психотропных веществ и их перемещение через таджикско-афганский участок границы и сохранение риска наркотрафика (синтетических наркотиков) на северо-западном направлении;

– увеличение активности транзитной незаконной миграции граждан из стран Азии и Африки, а также государств – участников СНГ на северо-западном и западном направлениях;

– сохранение интенсивности контрабандного перемещения через границу товарно-материальных ценностей (в первую очередь табачной продукции), а также незаконной деятельности по их складированию и сбыту в приграничных районах на западном направлении; расширение масштабов расхищения водных биологических ресурсов в пограничных морских пространствах.

Таким образом, можно предположить, что наибольшую угрозу для безопасности граждан государств – участников СНГ в настоящее время представляют управляемые спецслужбами Запада идеологи религиозного экстремизма и сепаратизма, а также вооружённые бандформирования, проникающие в страны Центрально-Азиатского региона через таджикско-афганскую границу.

Исходя из практики действий таких формирований на Кавказе, известно, что группы бандитов редко бывают более 200 чел. Обычный состав НВФ и прорывающихся диверсионно-террористических групп составляет от 15 до 50 чел. Вместе с тем необходимо учитывать, что в основном это уже подготовленные боевики, прошедшие обучение в специальных террористических лагерях и практику боевых действий с регулярными сила-

ми армии и полиции. Они имеют в своём арсенале вооружение, снаряжение и экипировку, рассчитанную на автономные действия.

Как показал анализ, исходя из наиболее предсказуемой вероятности наступления кризисных ситуаций на внешних границах государств – участников СНГ, на ближайшую и среднесрочную перспективу представляется целесообразным сосредоточить силы и средства пограничных ведомств на границе с Афганистаном, начиная с:

1) разработки мер по усилению охраны таджикско-афганской границы;

2) быстрее завершения формирования мобильных резервов пограничных ведомств государств – участников СНГ для выполнения задач по усилению охраны внешних границ в районах кризисных ситуаций;

3) постоянного мониторинга обстановки на внешних границах;

4) создания совместного координационного центра государств – участников СНГ для управления деятельностью пограничных ведомств при ликвидации кризисных ситуаций на внешних границах;

5) отработки координации действий и взаимодействия группировки сил и средств с формированиями КСОР ОДКБ (Коллективные силы оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности, созданные 4 февраля 2009 г. государствами – членами ОДКБ (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан)) и КСБР ЦАР (Коллективные силы быстрого развёртывания Центрально-Азиатского региона, созданные 25 мая 2001 г. государствами – членами ОДКБ (Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан)) на случай прорыва бандформирований с территории Афганистана;

6) создания запасов материальных средств в приграничных районах государств – участников СНГ ЦАР для возможного обеспечения средствами первой

необходимости беженцев из Афганистана;

7) проведения на местности рекогносцировки приграничных территорий, с целью определения возможных районов размещения лагерей беженцев и необходимости создания в них соответствующей инфраструктуры.

Все это требует единых для государств – участников СНГ законодательных основ, позволяющих всем сторонам, входящим в Содружество, при возникновении кризисных ситуаций на их внешних границах действовать в едином правовом поле.

Итак, количество представленных международных террористических организаций наглядно подтверждает необходимость принятия антитеррористических мер не только на местном внутригосударственном уровне, но и на международном.

Россия принимает активное участие и играет большую роль в противодействии международному терроризму. Так, в соответствии с Федеральным законом РФ «О противодействии терроризму», Российская Федерация сотрудничает с большинством государств, спецслужб и международными организациями в борьбе с терроризмом с целью проведения антитеррористических операций и создания порядка на территориях не только своей страны, но и в государствах, которые просят о помощи. Россия делает все возможное, чтобы обеспечить безопасность личности, общества и государства. В рамках сотрудничества по борьбе с международным терроризмом создана обширная правовая база между странами по противодействию данному явлению.

На сегодняшний день сформировавшаяся система международного противодействия терроризму включает в себя сотрудничество как на региональном, так и на глобальном уровнях. Государство

несет ответственность и обязано защищать своих граждан, и поэтому оно должно работать над уменьшением оперативных возможностей террористических организаций посредством превентивных и наступательных действий, а иногда и оборонительных, основанных на разведывательных ресурсах. С развитием современного международного терроризма и его постоянным увеличением международного охвата физический и моральный ущерб, наносимый террористическими актами, возрос до такой степени, что угрожает надлежащему функционированию открытого общества, мировой экономике и поддержанию гуманитарных и либеральных ценностей, все это актуализирует усилия по борьбе с международным терроризмом. Эффективное противодействие угрозе терроризма требует хорошо скоординированной межгосударственной кампании, которая использует всевозможные ресурсы: разведывательные, экономические, связанные с безопасностью и дипломатические. Противодействие международному терроризму должно строиться системно с целью их предельного сдерживания. Для этого необходим комплексный продуманный подход, в том числе и блокировка активов, счетов частного лица или организации, осуществляющей благотворительность, если они имеют хоть какое-то отношение к терроризму.

Антитеррористическое государственное реагирование в подобных условиях объективно зависит от комплексной антитеррористической функции государства.

Наличие конфликта между моралью и политикой, а также пробелов в законодательстве правового государства приводит к негативной социально-политической реалии. При этом опережение законодательного установления правового

государства является свойством морально свободного индивида как носителя (и/или источника) правового принципа и правовых норм общения, формируемых в дальнейшем нормами законодательства [15, с. 22].

Комплексный фактор, влияющий на данный процесс, включает в себя следующие основные совокупные причины и условия: конфликт, мораль, политика. Данные категории не в полную силу учитываются в ходе законодательного обеспечения антитеррористической функции государства. Переход проблем одного уровня (конфликтного) на другие уровни (моральный и политический) укореняют имеющиеся ошибки, коллизии и нарушения в законодательстве.

В ближайшем будущем при столкновении геополитических, экономических и иных стратегических интересов мировых держав на первый план выйдут «гуманитарные войны за смыслы» [16, с. 8].

Процессы глобализации являются следствием современного развития мирового социума. В этой связи государственное регулирование социального процесса учитывает специфику современного глобализационного процесса. При этом целесообразно осуществление постоянной адаптации к изменяющимся внешним условиям с учетом естественных процессов увеличения числа связей между различными общественными системами в условиях взаимного проникновения культурных норм и социально-политических моделей.

Сегодня усилиями целого ряда стран складывается транснациональная система противодействия терроризму. Объединение усилий государственных структур и институтов гражданского общества разных стран осознается как необходимость для адекватного реагирования на вызовы и угрозы терроризма. При этом в ходе ре-

ализации государственной задачи по обеспечению национальной безопасности формируется вклад в уменьшение вероятности распространения терроризма.

Основными направлениями противодействия терроризму сегодня являются:

- 1) оптимизация организационно-правовых механизмов;
- 2) организация идейно-психологической и информационной работы;
- 3) ключевое место – ликвидация каналов финансирования террористов.

Следует отметить, что в террористической деятельности всегда существует материальный интерес, а значит, отражается в намерениях и последствиях – «финансовый след».

Таким образом, данная работа должна быть организована на всех возможных уровнях взаимодействия: на межгосударственном, трансведомственном, трансоциальном.

Предвидеть и оперативно локализовать террористическую угрозу возможно в том числе посредством интенсивной оптимизации комплексной антитеррористической функции государства [17, с. 126]. С точки зрения правовой заприценности и дозволенности имеет значение характер сущности терроризма, что способствует эффективной оптимизации инструментов противодействия им.

Право выполняет стимулирование социально полезного и блокирует общественно опасное поведение. При этом право является инструментом обеспечения и поддержания стабильности функционирования, развития и роста государственно-организованного общества, средством защиты индивида, его прав, свобод и жизни [18, с. 153]. Право обладает качественными обеспечительными механизмами и способствует поддержанию жизнедеятельности общества, индивидуальному и коллективному выживанию

человечества, в том числе в ходе самозащиты [19, с. 50].

Скрытые социокультурные барьеры, связанные с ментальностью, тормозят формирование гражданского общества в России. В этой связи совместные усилия государства и гражданского общества направлены на:

- 1) развитие институтов демократии;
- 2) повышение уровня правовой и нравственной культуры;
- 3) активное участие в управлении делами государства.

Существующая «разношерстность» российского общества используется террористами:

- 1) в целях активного поиска лиц, разделяющих их идеологию;
- 2) для использования различных методик поиска единомышленников (в том числе из представителей молодежи, которые априори биологически способны активно участвовать в развитии государства), трансформируя их в противников российских традиционных устоев и ценностей.

Антитеррористическая функция государства регламентируется «антитеррористическим» правом. Данный механизм отделяется от других видов функций государства, во многом по причине многомерности социально-политического явления – терроризма. Для снижения потенциала данного явления целесообразна закреплённая в антитеррористическом праве система функций государства.

Антитеррористическое право и антитеррористическая функция государства устойчиво взаимосвязаны. Прерогативой государственных органов является оценка и обобщение нормотворчества и правоприменительной практики. При этом сравнительно-правовое исследование, или компаративистский анализ, соблюдения, исполнения и использования анти-

террористического права различными субъектами способствует организации антитеррористической функции государства. Право приводит поведение личности в соответствие с интересами общества и государства. Данный механизм связан с воздействием на волю и сознание людей за счёт норм права: соблюдение, исполнение, использование, применение.

Результат реализации в антитеррористических условиях конституционной модели определяется: правовыми особенностями, естественно-правовым взаимодействием общества и государства, спецификой национального развития, общественными отношениями, установленными органами конституционной юстиции [20, с. 79].

Национальное антитеррористическое право дополняется международным антитеррористическим правом. При этом переход в обратную сторону – международное право как регулятор борьбы с транснациональным терроризмом – осуществляется без учёта национального права. Для сближения данных правовых институтов существует важное промежуточное звено – модельное законодательство и иные рекомендательные правовые акты. Подобный инструментарий предлагает свои свойства для согласования национальных правовых систем.

Существующие проблемы координации в сфере обеспечения национальной безопасности могут быть устранены аналогичными наработками в области построения системы антитеррористической функции государства, а также способами повышения ситуационного и юридического мышления.

Следует отметить, что оптимизация антитеррористического государственного аппарата подталкивает к модернизации соответствующего правового обеспече-

ния. Преимуществом данного процесса является координационный потенциал. При этом возможности международного права связаны с объективным применением сущности правового воздействия, т. е. адресным применением, а именно государственные интересы без прямых приоритетов его граждан.

Выводы

Подводя итог, можно отметить, что проблема международного терроризма в наши дни как никогда актуальна. Эта проблема современности стоит в первых рядах по масштабам и угрозе человечеству.

Терроризм сегодня – это уже не просто средство, с помощью которого можно запугать конкретных людей, или метод совершения политических убийств. Нынешние акции терроризма четко продуманы и спланированы, они имеют крепкую идеологическую, финансовую и политическую основу.

Таким образом, терроризм уже давно вышел за рамки одной страны, получив глобальный характер. Однако, невзирая на большое внимание к данному явлению со стороны государств, обществ, международных организаций, до настоящего времени не выработано единого подхода к решению данной проблемы, что во многом обусловливается разнообразием подходов к пониманию террористической опасности и источников ее возникновения со стороны органов власти разных стран.

Эффективная борьба с терроризмом в условиях глобальных вызовов обществу должна основываться на правовом признании любых проявлений терроризма преступными и подлежащими суровому наказанию и в обязательном порядке презюмировать развернутое сотрудничество государств по предупреждению, прекращению террористических преступлений и осуждению лиц, виновных в их совершении.

Список литературы

1. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Террор как идеологема (к истории развития) // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 155–166.
2. Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003. 252 с.
3. Долгова А. И. Теоретические основы реагирования на экстремизм и терроризм // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: Всероссийская научно-практическая конференция. Ставрополь: Северо-Кавказский федер. ун-т, 2015. С. 5–12.
4. Чернядьева Н. А. Современное состояние и тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 540 с.
5. Пинчук А. Ю. Международный терроризм в динамике современного миропорядка. Казань: Бук, 2018. 133 с.
6. Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М.: Когито-Центр, 2015. 320 с.
7. Миц Д. С. Комплексная антитеррористическая функция государства и права // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 31–40.
8. Милецкий В. П. Международный терроризм: политико-правовое измерение теории и практики противодействия // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 180–189.

9. Майстренко Г. А. Борьба с терроризмом на основе реализации положений международного и российского права // Современное право. 2018. № 9. С. 116–119.
10. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит-М, 1998. 305 с.
11. Аулов В. К., Туганов Ю. Н. Юридическая практика в сфере уголовной ответственности за финансирование террористического сообщества и террористических организаций: краткий анализ составляющих // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2016. № 4 (226). С. 85–89.
12. Islam and modernity: Muslim intellectuals respond / J. Cooper, R. Nettler, M. Mahmoud, eds. New York: Palgrave, 2000. 228 p.
13. Евсеев Т. Е. Перспективы развития правового регулирования деятельности резервных подразделений пограничных органов в период проведения мероприятий по регулированию (ликвидации) кризисных ситуаций на внешних границах государств-участников СНГ // Военно-юридический журнал. 2019. № 7. С. 25–29.
14. Абдыраев М. К. О некоторых тенденциях деятельности террористических организаций и мерах противодействия терроризму и иным проявлениям экстремизма // Бюллетень КС СКПВ по материалам третьего регионального совещания руководителей пограничных ведомств государств – участников СНГ Центрально-Азиатского региона. М.: КС СКПВ, 2013. С. 34.
15. Зимнева С. В. Противодействие терроризму: международный опыт // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2019. № 2 (12). С. 22–25.
16. Перевалов В. Д., Шерпаев В. И. Характерные черты современного мирового правопорядка // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 8–12.
17. Туркова А. И., Тарпанова В. Д. Противодействие терроризму в Российской Федерации // Право. Нормотворчество. Закон: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Стерлитамак: АМИ, 2019. С. 126–129.
18. Головин Р. Б. Право и угрозы // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 1 (46). С. 153–159.
19. Багнычев М. Ю. Противодействие терроризму: участие, развитие, сдерживание // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 3 (27). С. 50–54.
20. Ливеровский А. А. Рациональная модель конституционного регулирования // Lex russica. 2019. № 1 (146). С. 79–86.

References

1. Odesskij M. P., Fel'dman D. M. Terror kak ideologema (k istorii razvitiya) [Terror as an ideologeme (towards the history of development)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 1994, no. 6, pp. 155–166.
2. Hoffman B. Terrorism: vzglyad iznutri [Terrorism: an inside look]. Moscow, Ul'tra. Kul'tura Publ., 2003. 252 p.
3. Dolgova A. I. Teoreticheskie osnovy reagirovaniya na ekstremizm i terrorizm [Theoretical foundations of the response to extremism and terrorism]. *Problemy teorii i praktiki bor'by s ekstremizmom i terrorizmom. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya* [Problems of the theory and practice of combating extremism and terrorism: All-Russian scientific and Practical conference]. Stavropol', Severo-Kavkazskij feder. Univ., 2015, pp. 5–12.

4. Chernyad'eva N. A. *Sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya mezhdunarodno-pravovoj bor'by s terrorizmom*. Diss. dokt. yur. nauk [The current state and trends in the development of the international legal fight against terrorism. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2018. 540 p.
5. Pinchuk A. Yu. *Mezhdunarodnyj terrorizm v dinamike sovremennogo miroporyadka* [International terrorism in the dynamics of the modern world order]. Kazan', Buk Publ., 2018. 133 p.
6. Sosnin V. A., Nestik T. A. *Sovremennyy terrorizm. Social'no-psihologicheskij analiz* [Modern terrorism. Socio-psychological analysis]. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2015. 320 p.
7. Mic D. S. *Kompleksnaya antiterroristicheskaya funkciya gosudarstva i prava* [Comprehensive anti-terrorist function of the State and law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* = *Current problems of Russian law*, 2021, no. 1, pp. 31–40.
8. Mileckij V. P. *Mezhdunarodnyj terrorizm: politiko-pravovoe izmerenie teorii i praktiki protivodejstviya* [International terrorism: the political and Legal dimension of the theory and practice of counteraction]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* = *All-Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 180–189.
9. Majstrenko G. A. *Bor'ba s terrorizmom na osnove realizacii polozhenij mezhdunarodnogo i rossijskogo prava* [The fight against terrorism based on the implementation of the provisions of international and Russian law]. *Sovremennoe pravo* = *Modern law*, 2018, no. 9, pp. 116–119.
10. Antonyan Yu. M. *Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie* [Terrorism. Criminological and criminal law research]. Moscow, SHCHit-M Publ., 1998. 305 p.
11. Aulov V. K., Tuganov Yu. N. *Yuridicheskaya praktika v sfere ugovolnoj otvetstvennosti za finansirovanie terroristicheskogo soobshchestva i terroristicheskikh organizacij: kratkij analiz sostavlyayushchih* [Legal practice in the field of criminal liability for financing of the terrorist community and terrorist organizations: a brief analysis of the components]. *Pravo v Vooruzhennyh Silah – voenno-pravovoe obozrenie* = *Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 2016, no. 4 (226), pp. 85–89.
12. Cooper J., Nettler R., Mahmoud M., eds. *Islam and modernity: Muslim intellectuals respond*. New York, Palgrave, 2000. 228 p.
13. Evseev T. E. *Perspektivy razvitiya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti rezervnyh podrazdelenij pogranichnyh organov v period provedeniya meropriyatij po uregulirovaniyu (likvidacii) krizisnyh situacij na vneshnih granicah gosudarstv-uchastnikov SNG* [Prospects for the development of legal regulation of the activities of reserve units of border authorities during the period of measures to resolve (liquidate) crisis situations on the external borders of the CIS Member States]. *Voenno-yuridicheskij zhurnal* = *Military-Legal Journal*, 2019, no. 7, pp. 25–29.
14. Abdyaev M. K. *O nekotoryh tendenciayah deyatel'nosti terroristicheskikh organizacij i merah protivodejstviya terrorizmu i inym proyavleniyam ekstremizma* [On some trends in the activities of terrorist organizations and measures to counter terrorism and other manifestations of extremism]. *Byulleten' KS SKPV po materialam tret'ego regional'nogo soveshchaniya rukovoditelej pogranichnyh vedomstv gosudarstv – uchastnikov SNG Central'no-Aziatskogo regiona* [Bulletin of the CC UPC based on the materials of the Third regional meeting of Heads of Border Agencies of the CIS Member States of the Central Asian region]. Moscow, KS SKPV Publ., 2013, pp. 34.

15. Zimneva S. V. Protivodejstvie terrorizmu: mezhdunarodnyj opyt [Countering terrorism: international experience]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture*, 2019, no. 2 (12), pp. 22–25.
16. Perevalov V. D., Sherpaev V. I. Harakternye cherty sovremennogo mirovogo pravoporyadka [Characteristic features of the modern world law and order]. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, 2018, no. 2, pp. 8–12.
17. Turkova A. I., Tarpanova V. D. Protivodejstvie terrorizmu v Rossijskoj Federacii [Countering terrorism in the Russian Federation]. *Pravo. Normotvorchestvo. Zakon. Sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Pravo. Rulemaking. Law. Collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference]. Sternitamak, AMI Publ., 2019, pp. 126–129.
18. Golovnin R. B. Pravo i ugrozy [Law and threats]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2018, no. 1 (46), pp. 153–159.
19. Bagnychev M. Yu. Protivodejstvie terrorizmu: uchastie, razvitie, sderzhivanie [Countering terrorism: participation, development, deterrence]. *Yurist Yuga Rossii i Zakavkaz'ya = Jurist of the South of Russia and Transcaucasia*, 2019, no. 3 (27), pp. 50–54.
20. Liverovskij A. A. Racional'naya model' konstitucionnogo regulirovaniya [Rational model of constitutional regulation]. *Lex russica*, 2019, no. 1 (146), pp. 79–86.

Информация об авторах / Information about the Authors

Шедий Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, сотрудник Академии ФСО России, г. Орёл, Российская Федерация, e-mail: m_v_shedij@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7856-3992

Mariya V. Shedij, Doctor of Sociological Sciences Associate Professor, Employee of Academy of Federal Guard Service, Orel, Russian Federation, e-mail: m_v_shedij@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7856-3992

Малик Елена Николаевна, кандидат политических наук, доцент, сотрудник Академии ФСО России, г. Орёл, Российская Федерация, e-mail: malik57-elena@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9849-3581

Elena N. Malik, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Employee of Academy of Federal Guard Service, Orel, Russian Federation, e-mail: malik57-elena@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9849-3581

Оригинальная статья / Original article

УДК 323.212

**Молодежный парламентаризм в современной России:
трансформация политико-правовой природы****О. В. Заслонкина**¹ ✉

¹Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
ул. Игнатова 2, г. Орел 302028, Российская Федерация

✉ e-mail: zaslonkina11@mail.ru

Резюме

Актуальность настоящего исследования определена тем, что в современной российской политологии к настоящему времени не выработано обоснованного подхода к сущности основных институтов артикуляции и агрегации интересов молодых граждан страны, в качестве которых на протяжении постсоветского периода выступают молодежные парламенты. К настоящему времени молодежный парламентаризм в Российской Федерации прошел длительный путь своего развития, превратившись в действенный инструмент рекрутирования молодежных активистов в ряды региональных политических элит. Таким образом, состояние отечественной вариации института молодежного представительства в федеральном и региональном масштабах продолжает находиться в фокусе внимания общественного мнения, ввиду чего избрано предметом исследования современной политической теории.

Целью научной статьи является исследование политико-правовой природы института молодежного парламентаризма в современной России и его современных трансформаций.

Задачами исследования выступают: уточнение политического значения институтов молодежного представительства в политическом процессе современной России, анализ его общественно-политического потенциала, обоснование объективных и субъективных условий для институционализации молодежного парламентаризма, формулирование приоритетов его развития в Российской Федерации.

Методология. Для решения цели и задач настоящей научной статьи нашли применение компаративистский, исторический, структурно-функциональный методы, а также метод контент-анализа.

Результаты. В статье приводится авторское видение трансформации сущности и содержания современного политического представительства интересов российской молодежи. Аргументируется, что молодежный парламентаризм в современной России имеет двойственную политико-правовую природу. Особенностью отечественной модели молодежного парламентаризма признается уклонение российского «политического класса» от интеграции широких масс молодежи в политическую деятельность, что существенно деформирует процесс развития молодежного представительства в субъектах Федерации и в российских муниципалитетах.

Выводы. Указывается на необходимость принятия политико-правовых мер по развитию молодежных парламентских структур как одного из факторов формирования гражданского общества в современной России. В качестве одного из основных приоритетов может выступить внедрение выборного порядка формирования молодежных парламентов и активизация их сотрудничества с общественными организациями и объединениями, имеющими популярность в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежный парламентаризм; молодежь; молодежный парламент; молодежная политика; гражданское общество.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Заслонкина О. В. Молодежный парламентаризм в современной России: трансформация политико-правовой природы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 145–153.

Поступила в редакцию 02.04.2021

Принята к публикации 17.05.2021

Опубликована 25.06.2021

Youth Parliamentarism in Modern Russia: Transformation of the Political and Legal Nature

Olga V. Zaslonkina¹ ✉

¹Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov
2 Ignatova str., Orel 302027, Russian Federation

✉ e-mail: zaslonkina11@mail.ru

Abstract

The relevance of this study is determined by the fact that modern Russian political science has not yet developed a reasonable approach to the essence of the main institutions of articulation and aggregation of interests of young citizens of the country, which during the post-Soviet period are youth parliaments. To date, youth parliamentarism in the Russian Federation has gone a long way in its development, becoming an effective tool for recruiting youth activists into the ranks of regional political elites. Thus, the state of the domestic variation of the institute of youth representation on the federal and regional scales continues to be in the focus of public opinion, which is why it is chosen as the subject of research of modern political theory.

The purpose of the scientific article is to study the political and legal nature of the institute of youth parliamentarism in modern Russia and its modern transformations.

The objectives of the research are: to clarify the political significance of the institutions of youth representation in the political process of modern Russia, to analyze its socio-political potential, to justify the objective and subjective conditions for the institutionalization of youth parliamentarism, to formulate priorities for its development in the Russian Federation.

Methodology. To solve the purpose and objectives of this scientific article, comparative, historical, structural and functional methods, as well as the method of content analysis, have been used.

Results. The article presents the author's vision of the transformation of the essence and content of modern political representation of the interests of Russian youth. It is argued that youth parliamentarism in modern Russia has a dual political and legal nature. The peculiarity of the Russian model of youth parliamentarism is recognized as the deviation of the Russian "political class" from the integration of the broad masses of young people into political activity, which significantly distorts the process of developing youth representation in the subjects of the Federation and in Russian municipalities.

Conclusions. It is pointed out that it is necessary to take political and legal measures for the development of youth parliamentary structures as one of the factors of the formation of civil society in modern Russia. One of the main priorities may be the introduction of an elective procedure for the formation of youth parliaments and the activation of their cooperation with public organizations and associations that are popular among young people.

Keywords: youth parliamentarism; youth; youth parliament; youth policy; civil society.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation Zaslonkina O. V. Youth Parliamentarism in Modern Russia: Transformation of the Political and Legal Nature. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 145–153. (In Russ.)

Received 02.04.2021

Accepted 17.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

В начале второго десятилетия XX столетия в российской науке становится все более распространенной точка зрения о том, что молодежный парламентаризм в его отечественной вариации до настоящего времени не обрел потенциала эф-

фективного актора общественно-политических отношений в Российской Федерации. На фоне разработки и принятия нового Федерального закона о молодежи критикуется и институциональная сущность молодежного парламентаризма, и конкретные сферы его функциональной

компетенции, включая реальную способность выполнять роль связующего звена между молодежной средой и государственными и муниципальными институтами.

Важные выводы содержатся в работах, согласно которым инициирование развертывания системы молодежного парламентаризма связывается с запросом на эксплуатацию социально-политических ресурсов молодых граждан [1, с. 40–51]. По мнению ученых, потенциал молодежи в равной степени готовы использовать и официальная власть, и оппозиция, и зарубежные политические акторы, враждебные России. Так, Д. Л. Цыбаков подчеркивает, что в рамках внешнего информационно-психологического воздействия формируются различные организации и группы интересов, включая и объединения с участием молодежи [2, с. 129–132].

Отметим, что с различной степенью эффективности такую стратегию взаимодействия с молодежной средой реализуют практически все устойчивые политические субъекты – от «протестных» движений до парламентских партий и органов государственной власти [3, с. 3–7]. При этом для последних характерно использование архаичных для современного политического процесса методов и практик советской молодежной политики, которая реализовывалась главным образом через систему организаций Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ). При этом заимствование инструментария молодежного парламентаризма из сферы молодежной политики зарубежных европейских государств прямо связывается рядом ученых с неэффективностью воспроизводства массовой государственно-общественной организации социализации молодежи, которой был комсомол, в постсоветский период [4, с. 51–57]. В связи с вышеизложенным актуализируется задача выявления политико-правовой приро-

ды и современных трансформаций современного российского парламентаризма.

Методология

Для выявления проблемного поля политики по развитию молодежного парламентаризма в современной России использовались наработки структурно-функционального метода, описывающему национальную модель рассматриваемого явления как системное явление, где все структурные компоненты призваны реализовывать специфические функциональные задачи. Помимо этого, признано необходимым обращение к историческому методу, что способствует рассмотрению института молодежного парламентаризма в его ретроспективном развитии. В решении задач исследования применялась методология компаративистского подхода в оценке различных типов молодежных парламентских структур на федеральном уровне политической организации.

Результаты и их обсуждение

Проведенная аналитическая обработка деятельности Молодежного парламента Государственной Думы и ряда региональных молодежных парламентов в целом подтверждает имеющееся мнение о том, что реальная деятельность таких субъектов на практике оказывается довольно далека от их уставных целей и задач. Распространенной практикой в ряде регионов остается выдвижение молодежными парламентариями законодательных инициатив, не связанных с задачей совершенствования законодательства, затрагивающего интересы молодежи. Нередко парламентские структуры, созданные с привлечением представителей молодежи, в координации с властями субъектов Федерации и муниципальных образований концентрируются на мероприятиях не политической, а социальной либо культурной направленности. Однако имеются и исключения, когда молодежные представительские институты стано-

вятся платформой организации обществено-политических форумов, которые проходят в регионах и в масштабах федеральных округов. На них проводятся семинары и встречи с действующими политическими лидерами и представителями управленческого аппарата в рамках образовательных курсов и ряда программ политической социализации молодежных лидеров и активистов.

Ситуативный характер работы большинства молодежных парламентов, отказ от прямого способа их комплектования позволяют отнести российские молодежные парламенты к категории политических клубов или дискуссионных площадок. Их кадровый состав преимущественно представлен молодыми людьми, уже интегрированными в систему властных отношений.

Противоречивой следует признать влияние партийного фактора на состояние молодежного парламентского движения в нашей стране. Мнение, согласно которому его развитие не встречает должного интереса у региональных партийных организаций, представляется несколько преждевременным. Действительно, в ряде субъектов Федерации не удается проследить взаимодействие между значительным молодежным активом первичных и региональных организаций политических партий и молодежными парламентами. Более того, в отдельных примерах представительство партий в молодежных консультативных органах не предусмотрено уставными документами.

В связи с этим необходимо принять во внимание совпадение по времени начала формирования системы молодежных парламентов и реформы партийно-политической системы Российской Федерации в связи с принятием новой редакции Федерального закона «О политических партиях» в 2001 г. Есть основание полагать последовавшее вслед за этим ограничение пространства политической конкуренции, что выразилось не только в появлении подотчетной испол-

нительной власти «четырехпартийной системы» в российском парламенте, но и в проецировании практики этатизации общественно-политической активности молодежи на деятельность еще не окрепших институтов молодежного парламентаризма. Если в резолюции форумом парламентского движения начала XXI столетия содержался призыв к реализации создания молодежных парламентов при помощи метода прямых выборов, включая применение технологий электронного голосования, то циркуляры органов исполнительной власти по большей части игнорировали инициативы молодежной общественности. В соответствии с чем ныне действующие представительские институты могут быть отнесены к «объединениям молодежи», которые действуют в постсоветский политический период наряду с «молодежными общественными объединениями». В отличие от последних, относимых к институтам гражданского общества и в России, и за рубежом, объединения молодежи генерализованы в формате консультативно-совещательных учреждений [5]. Они могут быть сформированы при органах государственной власти или местного самоуправления.

В настоящее время такие объединения представлены прежде всего молодежными парламентами и молодежными правительствами. Принципиальным отличием молодежных парламентских институтов выступает их производный статус по отношению к существующим органам государственной власти, тогда как молодежные общественные объединения формально носят самостоятельный характер, создаются на принципах добровольности и подлежат государственной регистрации [6, с. 12]. Характерно, что в последнем по времени Федеральном законе о молодежной политике, принятом в декабре 2020 г. за номером 489, понятие «молодежного парламента» или «молодежного парламентаризма» не конкрети-

зируется и не раскрывается в методологическом и правовом значениях.

В его содержательной части по-прежнему используются дефиниции «общественные молодежные объединения» и «консультативные/совещательные органы», которые создаются при органах публичной власти различного уровня и при международных организациях. Одновременно законодатель использует термин «орган молодежного самоуправления», когда понимаемые под ним субъекты предназначены действовать в структуре государственных и муниципальных властных институтов [7, с. 268–274].

Важная проблема, по нашему мнению, заключается в том, что молодежные консультативно-совещательные структуры в современной России не обрели статуса юридических лиц. В нашей стране их правовое положение не определяется единым, базовым законом. В регионах Российской Федерации принимаются собственные Положения о молодежных парламентах, зачастую закрепляющих диаметрально противоположные принципы порядка их формирования и организации деятельности.

Обобщим, что в нашей стране инициатива по созданию молодежных парламентов исходила от широкого круга субъектов: глава региональной исполнительной власти субъекта Российской Федерации, законодательные органы субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления.

Оценка опыта формирования молодежных парламентов федерального, регионального и муниципального масштабов доказывает, что процедура отбора в их состав весьма многообразна и предусматривает такие формы, как конкурс, избрание, назначение, утверждение. В их отношении действуют четкие ограничительные нормы по количеству участников, которые в разных регионах варьируются в диапазоне от 5 до 100 молодых депутатов. Нередко количество членов консультативно-совещательных органов

в российских регионах точно совпадает с численностью депутатского корпуса официально избранных законодательных органов.

В субъектах Российской Федерации реализуются два основных принципа оформления результатов деятельности молодежных парламентов: в меньшинстве из них таковые носят характер законодательной инициативы, в остальных регионах принятые ими решения остаются в статусе рекомендательных актов для органов законодательной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных представительных органов.

Все более проявляется отстраненность молодежных парламентов от актуальных проблем, по-настоящему значимых для различных категорий российской молодежи. Объяснение указанному обстоятельству видится в том, что кооптация в состав структур молодежного политического представительства осуществляется за счет узкого круга социально состоявшихся молодых людей, притом зачастую уже дистанцировавшихся от потребностей и интересов своих сверстников. Таким образом, заключим, что основная функция молодежных парламентов сегодня – это пополнение политических элит и формирование кадрового резерва для исполнительных и законодательных властных институций.

В отличие от региональных консультативно-совещательных структур Молодежный парламент Государственной Думе имеет возможность принятия решений для дальнейшего рассмотрения в профильных комитетах верхней палаты Федерального Собрания. Он обладает правом на выдвижение рекомендаций и обращений, которые могут быть положены в основу будущих законопроектов.

Несмотря на отмеченные различия и дефекты в организационном и идеологическом аспектах, консультативно-совещательные органы регионального и муниципального уровней пребывают в постоянном взаимодействии и взаимовлия-

нии. Указанное обстоятельство необходимо связывать с наличием в составе молодежных парламентов представителей региональных общественных объединений или отделений общероссийских молодежных движений, обладающих связями и контактами с единомышленниками на межрегиональном уровне. В то же время молодежные парламенты регионов и молодежные советы на деле дублируют функции молодежной политики, обычно относимые к компетенции общественных объединений. Несмотря на это консультативно-совещательные органы не наделяются статусом юридического лица и обладают отличными от молодежных общественных организаций методами и полномочиями.

Отметим, что исследователи обосновывают приоритет утилитарного подхода в активности российской политической элиты в сфере развития молодежного парламентаризма в нашей стране [8, с. 32–37]. С указанным подходом можно в целом согласиться: с одной стороны, создание аффилированных с государством молодежных консультативно-совещательных органов канализирует общественно-политическую деятельность в удобном для властных институтов направлении, с другой стороны, «политический класс» и структуры государственного и муниципального управления имеют возможность рекрутирования кадрового резерва из числа молодежных активистов.

Отметим, что для исследовательского сообщества характерен и не вполне обоснованный расширительный подход в идентификации субъектов молодежного парламентаризма, к которым иногда причисляются не только молодежные парламенты, консультативные советы, думы, палаты, но и такие институты, как молодежные правительства, приводя в качестве позитивного примера ряд областей и краев Сибири, Урала, Центральной России и Русского Севера [9, с. 89–93]. В ряде регионов отмечается сосуществование и практическое взаимодействие моло-

дежных парламентов и молодежных правительств (Орловская, Ульяновская области). Представляется, что отнесение института молодежных правительств к системе молодежного политического представительства является серьезным методологическим просчетом. Известно, что система комплектования указанных органов практически всецело определяется региональными политическими руководителями при сугубо формальном участии собственно молодежных общественных объединений, или же при отсутствии учета их мнения. Кроме того, молодежные правительства создаются при органах исполнительной власти, что не позволяет отнести их к квазипарламентским учреждениям для работы в молодежной среде.

Одним из контрпродуктивных аспектов развития молодежного парламентаризма следует назвать уклонение организаторов создания указанных институтов от проведения прямых выборов их кадрового состава. Всеобщие прямые выборы, как открытые, так и тайные, к настоящему времени не применяются при формировании федеральных структур молодежного парламентаризма. На региональном уровне подобная практика встречается крайне редко; в качестве позитивных примеров можно привести опыт Брянской области, где часть делегатов Молодежного парламента избирается молодыми жителями муниципальных образований, а также Липецкой области, где имеется возможность голосования за самовыдвиженцев. Открытые выборы в состав молодежного парламента проводились в период 2015–2018 гг. в Новосибирской области, для чего ее территория разбивалась на избирательные округа.

Выдвинем предположение, что развитие теории и совершенствование практики молодежного парламентаризма в отрыве от идеологических установок и без учета реформирования политического режима в целом не способно принципиально изменить ситуацию с развитием

конструктивного потенциала российской молодежи. Разнообразные формы молодежного парламентаризма еще далеки от статуса самостоятельных общественно-политических институтов, будучи продуктом инициатив государственной бюрократии в целях социального запроса политических элит регионального и общенационального масштаба, что обусловливает обращение и к проектному методу в решении проблем молодежной политики [10, с. 120].

Указанное обстоятельство противоречиво сказывается на легитимности институтов молодежного парламентаризма среди различных категорий молодежи.

Выводы

В последние годы отмечаются как негативные, так и позитивные тенденции в работе молодежных парламентских структур. На общенациональном уровне активизировалась деятельность Палаты молодых законодателей при Совете Федерации, которая постоянно имеет связь с депутатским корпусом регионов и муниципальных образований, регулярно участвует в законотворческой деятельности по вопросам молодежной политики. Многие из региональных консультативно-совещательных структур расширили охват общественных организаций, включенных в процесс социализации молодежи,

добились высокого уровня взаимодействия с органами региональной законодательной ветви власти и представительными органами местного самоуправления. Широкое распространение таких форм комплектования молодежных парламентов, как кооптация, делегирование, конкурс, открывают возможности для административного диктата при пополнении кадров молодежных парламентов и ставят их в зависимость от органов политической власти. В других случаях кандидаты в депутаты молодежных совещательных структур выдвигаются по инициативе региональных и первичных отделений политических партий, как парламентских, так и не имеющих представительства во властных легистратурах.

Наиболее типичным изъяном консультативно-совещательных структур при законодательных органах власти всех уровней следует назвать неспособность большинства из них на деле отразить интересы всех молодежных групп и сообществ. К изменению ситуации может привести изменение порядка формирования молодежных парламентских институций, который сегодня в большинстве случаев предусматривает косвенные и опосредованные способы комплектования состава консультативно-совещательных органов с участием молодых граждан.

Список литературы

1. Мархинин В. В., Ушакова Н. В. Молодежный «парламентаризм» современной России: тенденции и перспективы развития в регионах // *Власть*. 2019. Т. 27, № 4. С. 40–45.
2. Цыбаков Д. Л. Борьба идеологий в современном политическом процессе: информационно-психологический аспект // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2009. № 2 (11). С. 129–132.
3. Самохвалов Н. А. Реализация государственной молодежной политики как элемент модернизации российской государственности на современном этапе // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2015. № 7. С. 3–7.

4. Кочетков А. В. Молодежный парламентаризм в России: понятие и правовой статус // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 1. С. 51–57.
5. Устинович Е. С. Проблемы социальной защиты малообеспеченной молодежи в современном обществе: российский и зарубежный опыт // Социальная политика и социальное партнерство. 2021. № 2. С. 105–108.
6. Молодежь РОССИИ 2000–2025: развитие человеческого капитала. М., 2013. 187 с. URL: <https://vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf>.
7. Сулейманова С. Р. Правовой статус молодежных консультативно-совещательных органов как формы объединения и деятельности молодежи Российской Федерации стран Содружества Независимых Государств // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 268–274.
8. Тумуров Ж. Т. Молодежный парламентаризм как политическое явление // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 10 (101). С. 32–37.
9. Чирун С. Н. Институциональные модели и актуальные формы современного молодежного парламентаризма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62), ч. 2. С. 89–93.
10. Рашковецкая Н. С. Социальное проектирование в формировании и реализации региональной молодежной политики // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5. 137 с.

References

1. Marhinin V. V., Ushakova N. V. Molodezhnyj "parlamentarizm" sovremennoj Rossii: tendencii i perspektivy razvitiya v regionah [Youth "parliamentarism" of Modern Russia: trends and Prospects of Development in the Regions]. *Vlast' = Vlast*, 2019, vol. 27, no. 4, pp. 40–45.
2. Cybakov D. L. Bor'ba ideologij v sovremennom politicheskom processe: informacionno-psihologicheskij aspekt [The struggle of ideologies in the modern political process: information and psychological aspect]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2009, no. 2 (11), pp. 129–132.
3. Samohvalov N. A. Realizaciya gosudarstvennoj molodezhnoj politiki kak element modernizacii rossijskoj gosudarstvennosti na sovremennom etape [Implementation of the State Youth Policy as an Element of Modernization of the Russian Statehood at the present Stage]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, 2015, no. 7, pp. 3–7.
4. Kochetkov A. V. Molodezhnyj parlamentarizm v Rossii: ponyatie i pravovoj status [Youth Parliamentarism in Russia: the concept and legal status]. *"Chernye dyry" v rossijskom zakonodatel'stve = "Black holes" in Russian legislation*, 2005, no. 1, pp. 51–57.
5. Ustinovich E. S. Problemy social'noj zashchity maloobespechennoj molodezhi v sovremennom obshchestve: rossijskij i zarubezhnyj opyt [Problems of social protection of low-income youth in modern society: russian and foreign experience]. *Social'naya politika i social'noe partnerstvo = Social Policy and Social Partnership*, 2021, no. 2, pp. 105–108.
6. Molodezh' ROSSII 2000–2025: razvitie chelovecheskogo kapitala [Youth of RUSSIA 2000–2025: development of human capital]. Moscow, 2013. 187 p. Available at: <https://vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf>.

7. Sulejmanova S. R. Pravovoj status molodezhnyh konsul'tativno-soveshchatel'nyh organov kak formy ob"edineniya i deyatel'nosti molodezhi Rossijskoj Federacii stran Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv [The legal status of youth consultative and advisory bodies as a form of association and activity of youth of the Russian Federation of the countries of the Commonwealth of Independent States]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* = *Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2015, no. 1 (64), pp. 268–274.

8. Tumurov Zh. T. Molodezhnyj parlamentarizm kak politicheskoe yavlenie [Youth parliamentarism as a political phenomenon]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 2013, no. 10 (101), pp. 32–37.

9. Chirun S. N. Institucional'nye modeli i aktual'nye formy sovremennogo molodezhnogo parlamentarizma [Institutional models and current forms of modern youth parliamentarism]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Kemerovo State University*, 2015, no. 2 (62), pt. 2, pp. 89–93.

10. Rashkoveckaya N. S. Social'noe proektirovanie v formirovanii i realizacii regional'noj molodezhnoj politiki [Social design in the formation and implementation of regional youth policy]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* = *Historical and socio-educational thought*, 2014, no. 5. 137 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Заслонкина Ольга Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: zaslonkina11@mail.ru

Olga V. Zaslunkina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation,
e-mail: zaslonkina11@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 327.7

Участие Германии в реализации программ постконфликтного восстановления, стабилизации и развития (на примере Балкан)**С. А. Тишков¹** ✉

¹Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова
ул. Игнатова 2, г. Орел 302027, Российская Федерация

✉ e-mail: stishkov@list.ru

Резюме

Актуальность. На современном этапе Федеративная Республика Германия уделяет значительное внимание разрешению внутренних конфликтов в различных регионах мира, рассматривая данную деятельность как важный элемент внешней политики и национальной безопасности государства. В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы участия Федеративной Республики Германии как одного из ведущих европейских государств в организации поддержки процессов формирования основ устойчивого развития на Балканах.

Цель. Статья посвящена исследованию современных подходов и практического участия Германии в программах постконфликтного восстановления, стабилизации и развития на Балканах.

Задачи: проанализировать институциональные и организационно-практические аспекты участия Германии в проведении программ постконфликтного восстановления, стабилизации и развития на примере стран Балканского региона.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались системный, институциональный и структурно-функциональный подходы, а также анализ актуальных публикаций по данной тематике.

Результаты. Отмечено, что Германия активно проводит в странах данного региона одностороннее и совместные с партнерами программы в целях устойчивого развития. Активизации данных трендов способствовало изменение германских внешнеполитических и экономических взглядов на кризис-менеджмент и деятельность в постконфликтных регионах за счёт комплексного применения средств политики безопасности и развития.

Вывод. Сделан вывод о том, что Германия эффективно использует в деятельности по постконфликтному восстановлению, стабилизации и развитию потенциал государственных и негосударственных акторов, действующих при координирующей роли Министерства иностранных дел Германии и Федерального министерства экономического сотрудничества и развития Германии.

Ключевые слова: Германия; Балканы; постконфликтное восстановление; стабилизация и развитие; миростроительство.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Тишков С. А. Участие Германии в реализации программ постконфликтного восстановления, стабилизации и развития (на примере Балкан) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 154–165.

Поступила в редакцию 30.03.2021

Принята к публикации 11.05.2021

Опубликована 25.06.2021

Participation of the Federal Republic of Germany in Post-Conflict Recovery, Stabilization and Development Programs Implementation (by the Example of the Balkans)

Sergey A. Tishkov¹ ✉

¹ Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
2 Ignatova str., Orel 302027, Russian Federation

✉ e-mail: stishkov@list.ru

Abstract

Relevance. The Federal Republic of Germany contributes to conflict resolution as an important element of foreign policy and national security policy. The article discusses relevant issues of Germany's support for sustainable development in Balkans.

The purpose of the article is to study modern approaches and practical participation of Federal Republic of Germany in post-conflict recovery, stabilization and development programs in Balkans.

Objectives of the study are to analyze institutional and organizational aspects of Germany's participation in post-conflict recovery, stabilization and development programs (by the example of the Balkans)

Methodology. The research methodology is based on the systematic, institutional and structural-functional approaches as well as analysis of relevant resources.

Results. It is indicated, that the Federal Republic of Germany actively implements unilateral and multilateral programs aimed at global sustainable development of the Balkan countries. New German foreign and economy approaches based on complex usage of development policy and security measures made those trends possible.

Conclusion. Author concluded that the Federal Republic of Germany is effectively bringing together efforts of government and non-government actors under the coordination of the Federal Foreign Office and the Federal Ministry for Economic Cooperation and Development to achieve goals of post-conflict recovery, stabilization and development.

Keywords: Germany; Balkans; post-conflict recovery; stabilization and development; peacebuilding.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tishkov S. A. Participation of the Federal Republic of Germany in Post-Conflict Recovery, Stabilization and Development Programs Implementation (by the Example of the Balkans). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 154–165. (In Russ.)

Received 30.03.2021

Accepted 11.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Высокий уровень геополитической конкуренции, вызванный появлением невиданных ранее вызовов и угроз, актуализировал важность поиска государствами новых форм взаимодействия, основанных на принципах транспарентности, рациональной взаимозависимости и взаимответственности.

С учётом распространения внутренних конфликтов различной природы, приводящих к масштабным нарушениям прав человека и жертвам среди мирного населения, росту неконтролируемой миграции, одним из эффективных инструментов повышения авторитета государств на международной арене становится их участие в разрешении внутренних кризи-

сов в странах, входящих в зону их геополитических и стратегических интересов.

Практический спектр действий по разрешению внутренних конфликтов может включать политическое посредничество какого-либо конкретного государства в качестве беспристрастной третьей стороны, участие того или иного государства под эгидой военных союзов или региональных организаций коллективной безопасности в урегулировании внутренних конфликтов или поддержку мирных процессов постконфликтного восстановления, стабилизации и развития в целях создания условий для прочного мира.

Важным актором миротворческих инициатив в современном мире выступает Германия, которая, наряду с поддержкой усилий в пользу мира организаций и учреждений Организации Объединенных Наций (ООН), рассматривает своё непосредственное участие в разрешении внутренних конфликтов как важный элемент внешней политики и национальной безопасности государства.

Методология

В процессе работы над исследованием использовались системный, институциональный и структурно-функциональный подходы, а также анализ актуальных публикаций по данной тематике.

Результаты и их обсуждение

Институциональные аспекты реализации программ в сфере постконфликтного восстановления, стабилизации и развития

На протяжении последних десятилетий во внешней политике Федеративной Республики Германии всё заметнее проявление инициатив, направленных на поддержку международного сотрудничества в целях развития, а также продвижение и защиту гражданских прав. Экспер-

ты отмечают, что Германия демонстрирует не только готовность, но и политическую волю брать на себя ответственность за решение проблем мирового общества в сфере урегулирования международных конфликтов, проблем экологии, устойчивого развития и других актуальных проблем [1, с. 79; 2, с. 32].

Наряду с военно-политическими действиями в рамках НАТО [3], коалиций государств [4] и миротворческих действиях под эгидой ООН [5; 6], всё отчетливее отмечается и гуманитарный вектор внешней политики Германии. Согласно данным Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (англ. Organisation for Economic Co-operation and Development), Германия занимает второе место среди доноров международных программ развития из числа стран-участников Комитета содействия развитию (англ. Development Assistance Committee). В 2019 г. объем официальной помощи Германии в целях развития превысил 23,5 млрд долл. США, что составляло около 0,6% валового национального продукта страны¹.

Германия активно реализует односторонние и совместные с партнерами программы в целях глобального устойчивого развития или целевые региональные программы постконфликтного восстановления, стабилизации и развития. Данные действия особенно важны на стадии восстановления пострадавших от внутренних межэтнических конфликтов государств, т. к. развитие, направленное на «создание условий для самореализации личности, доверия, гражданской активности населения, политической деятельно-

¹ OECDilibrary. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/0079f636-en/index.html?itemId=/content/component/5e331623-en&_csp_=b14d4f60505d057b456dd1730d8fcea3&itemIGO=oecd&itemContentType=chapter#section-d1e16947 (дата обращения: 14.01.2021).

сти, являются неотъемлемыми элементами социально-конвенционального механизма устойчивого общества» [7, с. 62].

В последние десятилетия в стране сформировалась целая институциональная система, объединившая усилия государственных и негосударственных акторов, действующих в сфере постконфликтного восстановления, стабилизации и развития. Наряду с Министерством иностранных дел Германии основным драйвером данной деятельности выступает Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития Германии (далее – Министерство, ФМЭСИР) [8, р. 2-3].

Министерство является центром сотрудничества национальных и международных организаций, работающих в сфере развития. Данное ведомство формулирует принципы и приоритеты, в соответствии с которыми разрабатывается и реализуется государственная политика в области развития, а также заключает соглашения со странами-партнерами и обеспечивает финансирование совместных программ и проектов, на долю которых приходится значительная часть официальной помощи, оказываемой Германией в целях развития [9, р. 32].

Министерство реализует широкий спектр программ в сфере обеспечения мира и безопасности, образования, экологии, охраны и устойчивого использования природных ресурсов, энергии и защиты климата, продовольственной безопасности и развития сельского хозяйства, охраны здоровья, планирования семьи и борьбы с ВИЧ/СПИД, демократизации, развития социальных институтов, обеспечения должного управления и соблюдения прав человека¹.

Министерство регулярно направляет своих сотрудников для работы в качестве советников по вопросам экономической кооперации при посольствах Германии в различных странах. Для практической реализации проектов Министерство привлекает различных партнеров и специализированные организации, работающие в сфере развития (англ. «executing agency», далее – организации в сфере развития), эксперты и консультанты которых организуют и координируют эту деятельность на местах [9, р. 32].

За годы совместной работы с различными акторами (организациями в сфере развития, неправительственными и религиозными организациями. – *Прим. авт.*) Министерство внесло существенный вклад в дело посткризисного восстановления, стабилизации и развития, накопив значительный миростроительный опыт, а также обширные знания о ситуации в разных регионах мира.

Участие Германии в формировании основ устойчивого развития на Балканах

Заметное место в германской внешнеполитической повестке занимает Балканский регион, исторически привлекающий внимание ведущих европейских государств и играющий критически важную роль для обеспечения стабильности и безопасности всей Европы [10, с. 110].

По мнению А. С. Латкова, после перехода под контроль Запада ряда стран Центральной и Восточной Европы объединенная Германия существенно активизировала региональный вектор своей внешней политики [11, с. 103]. Например, Германия поддержала ряд проектов, направленных на развитие демократии, верховенства закона и рыночной экономики в государствах Балкан, получивших независимость в начале 1990-х гг.

¹ Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. URL: <http://www.bmz.de/> (дата обращения: 14.02.2021).

Политической основой для данной деятельности стал тезис о том, что мир в сложных в межнациональном плане балканских государствах во многом зависит от политической и экономической стабильности, подкрепленной развитием местных государственных институтов, функционирующих в соответствии с принципами верховенства закона при поддержке структур гражданского общества. Именно такой подход, по мнению его авторов, способен уменьшить негативное влияние кризиса на все сферы функционирования общества, снизить планку его напряженности и тревожности и в конечном итоге обеспечить желаемую стабильность, поэтому в своём сотрудничестве со странами-партнерами в данном регионе Германия сконцентрировалась на следующих ключевых областях: экономика и содействие занятости населения; поддержка реформ в административной и судебной системах; содействие децентрализации; модернизации и расширению общественной инфраструктуры.

В Боснии и Герцеговине германская помощь была сфокусирована на развитии социальных институтов и модернизации системы государственного управления. Целью реформ и помощи в области развития в Боснии и Герцеговине стало формирование должного функционирования государственных учреждений, а также ориентированного на нужды населения института государственной службы, подкрепленного соответствующей финансово-экономической составляющей.

Германия также помогла в укреплении такого важного института, как Центральный банк страны, поддерживала развитие и самоорганизацию бизнеса на местном и региональном уровнях, предоставляя консультации агентствам, содей-

ствовавшим развитию частного сектора экономики¹.

В Сербии германская поддержка была направлена на достижение целей, провозглашенных Европейским союзом (ЕС): обеспечение верховенства закона и формирование национального законодательства, соответствующего общеевропейским стандартам; продвижение прав человека и социальных меньшинств; стабильную демократию и развитие рыночной экономики; создание эффективной и подотчетной системы государственного управления. При этом особое внимание уделяется сотрудничеству Сербии с другими странами бывшей Югославии, а также процессу примирения и стабилизации отношений с Косово².

В настоящее время Министерство продолжает реализовывать широкий спектр программ в данном регионе. Это стало возможным в результате изменения германских внешнеполитических и экономических подходов к кризис-менеджменту за счёт обеспечения комплексного и гибкого задействования не только дипломатии, но и средств политики безопасности и развития.

Германия рассматривает современный кризис-менеджмент не только как средство разрешения конфликтов, профилактики дальнейших кризисов, предоставления гуманитарной помощи нуждающимся, но и как важную часть своей международной ответственности. Всё это предполагает взаимодействие и много-

¹ Bosnia and Herzegovina. Situation and cooperation. URL: http://www.bmz.de/en/countries_regions/Central-Eastern-and-South-Eastern-Europe/bosnien_herzegowina/zusammenarbeit/index.html (дата обращения: 14.02.2021).

² Serbia. Moving closer to European Union membership. URL: https://www.bmz.de/en/countries_regions/Central-Eastern-and-South-Eastern-Europe/serbia/index.html (дата обращения: 14.02.2021).

стороннее участие самых разных сил и акторов в преодолении текущих вызовов.

Необходимо отметить, что Германия успешно реализовала трудновыполнимую задачу по переосмыслению содержания внешнеполитической деятельности в кризисных регионах, т.к. современная внешняя политика означает нечто большее, чем просто классическая дипломатия. В этих целях была провозглашена концепция «Новый инструментарий внешней политики» (англ. New Foreign Policy Toolkit), основной идеей которой стало объединение ресурсов, усилий и компетенций персонала. Для практической реализации новых идей в 2015 г. в структуре МИД Германии был сформирован Отдел по предотвращению кризисов, стабилизации, урегулированию конфликтов и гуманитарной помощи¹.

В качестве основных направлений двустороннего международного сотрудничества, на которые приходится большая доля официальной помощи Германии в целях развития, определено оказание финансовой помощи, а также техническое консультирование стран-партнеров [12, с. 471].

Реализация внешних программ финансовой помощи в сфере развития осуществляется под эгидой Кредитной организации в целях реконструкции (нем. Kreditanstalt für Wiederaufbau), основными структурными подразделениями которого выступают Банк развития (англ. KfW Development Bank) и Банк международных проектов и экспортного финансирования (англ. KfW International Project and Exportfinancing Банк).

Банк развития отвечает за программы финансового взаимодействия со странами-партнерами, присуждает гранты, выделяет займы, льготные кредиты и субсидии, финансирует инвестиции в развитие частного сектора. Деятельность Банка международных проектов и экспортного финансирования направлена на предоставление среднесрочного и долгосрочного целевого финансирования для поддержки экспортной экономики, развития экономической и социальной инфраструктуры и охраны окружающей среды².

Уполномоченным институтом в сфере реализации программы технического консультирования со странами-партнерами стало Немецкое агентство международного сотрудничества (нем. Deutsche Gesellschaft für internationale Zusammenarbeit, далее – Агентство или НАМС)³. Агентство выполняет ряд важнейших функций: консультирует правительства стран-партнеров и рекомендуемые ими организационные структуры; определяет агентства-исполнители и предоставляет финансирование для их деятельности по реализации проектов в области развития; проводит исследования, представляет отчеты и рекомендации; набирает экспертов в соответствии с организационными потребностями.

Несомненно, что в каждой конкретной кризисной ситуации требуется определить приоритеты и правильно выбрать наиболее приемлемые пути для достижения заявленных политических

¹ Euer Link zu Deutschland. URL: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/stabilizaciya-i-gumanitarnaya-pomosch-kak-germaniya-podderzhivaet-krizisnye-regiony> (дата обращения: 14.02.2021).

² KfW IPX-Bank. Bank aus Verantwortung. URL: <https://www.kfw-ipex-bank.de/Internationale-Finanzierung/KfW-IPEX-Bank/Unternehmen/Standorte/> (дата обращения: 14.02.2021).

³ Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH. URL: www.giz.de (дата обращения: 15.02.2021).

целей, среди которых могут быть медиация, поддержка правовых усилий государства, реформа сектора безопасности или помощь в реформировании миграционной системы.

Вклад Германии в реализацию программ в сфере постконфликтного восстановления, стабилизации и развития

Рассматривая вклад Германии в реализации программ в сфере постконфликтного восстановления, стабилизации и развития, необходимо отметить, что НАМС по заказу ФМЭСИР организует на Балканах наряду с целевыми программами развития и экологическими проектами реализацию целого ряда разнообразных программ и проектов в сфере экономической интеграции и миграции. При этом необходимо отметить, что в конкретной стране могут быть одновременно реализованы как целевые (разработанные для данной страны) программы, так и программы регионального и/или глобального уровня. Например, в глобальную программу «Миграция и диаспора» (англ. Migration and Diaspora Programme) в числе 22 стран-партнеров вошли Албания, Сербия и Косово¹.

На современном этапе триггерами для миграции наряду с внутренними конфликтами могут стать неспособность или неготовность органов государственной власти организовать и поддерживать надлежащий уровень общественной безопасности и управления миграционными потоками, отсутствие равных возможностей для граждан, перспектив для трудоустройства и реализации профессионального потенциала. Просчеты в организа-

ции миграционной политики таят в себе определенные риски от эмиграции высококвалифицированных специалистов до опасности незаконной миграции. По мнению разработчиков данной программы, сотрудничество с национальными правительственными структурами, агентствами по трудоустройству позволит упорядочить трудовую миграцию и организовать её безопасно и социально-ответственно. Учитывая активную трудовую миграцию граждан данных государств в Германию, реализация программы может принести положительные результаты для всех участников.

Целью программы «Миграция и диаспора» является создание условий для более широкого использования легальной миграции, участия национальных диаспор и диаспоральных организаций для решения задач в сфере постконфликтного восстановления, стабилизации и развития.

В контексте совершенствования управления миграционными потоками данная программа предусматривает предоставление консультаций правительствам стран-партнеров и международным организациям по вопросам разработки стратегии, организации реализации политик и процедур в сфере миграции. Посредством обучения экспертов и специалистов для государственных учреждений программа способствует формированию устойчивой миграционной политики и обеспечивает профессиональную подготовку персонала.

Основой для данной деятельности служит принятый ООН в 2018 г. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции (англ. Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration).

Для совершенствования регулярной трудовой миграции и повышения мо-

¹ Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH. Worldwide. Kosovo. URL: <https://www.giz.de/en/worldwide/298.html> (дата обращения: 15.02.2021).

бильности граждан программа предлагает предоставление потенциальным мигрантам информации о законных и безопасных маршрутах миграции и информирует их о рисках незаконной миграции, а также способствует улучшению консультационных услуг, предоставляемых агентствами по трудоустройству и учебными заведениями.

Необходимо отметить, что в соответствии с принципом позитивной взаимозависимости страны-партнеры всё чаще используют легальную миграцию и участие диаспор для достижения целей в области развития.

Трудовые мигранты из стран региона, работающие в Германии, могут не только оказать финансовую помощь своим родственникам, оставшимся на родине, но и в дальнейшем поучаствовать в развитии экономического потенциала своих стран.

Мигранты, которые жили и работали в Германии, после возвращения на родину могут помочь местным работодателям в развитии производства и повышении профессионального потенциала персонала. Реализация Программы помогает мигрантам заключать краткосрочные трудовые контракты для выполнения консультативных задач в качестве так называемых «вернувшихся экспертов», чтобы поделиться своими знаниями и опытом с местными работодателями и коллегами.

Вернувшиеся мигранты также могут получать поддержку в создании компаний или производств в стране их происхождения. Благодаря применению «ноу-хау», полученных в Германии, учредители новых предприятий могут помочь в развитии промышленного потенциала своих стран, привлекая местных партнеров к реализации новаторских проектов и создавая новые рабочие места.

Программа основана на опыте и уроках реализованных ранее аналогичных проектов. Например, с 2016 г. в ходе программы «Миграция в целях развития» (англ. Migration for Development) привлеченные в качестве «вернувшихся экспертов» представители национальных диаспор передали свои знания и навыки в ходе 360 краткосрочных профессиональных программ в своих странах. Кроме того, с 2011 г. около 150 организаций, созданных при поддержке диаспор, получили финансирование для проектов, направленных на улучшение условий жизни людей в странах-партнерах¹.

В сегменте региональных программ можно выделить программы в сфере обеспечения соблюдения прав человека с фокусом на правах уязвимых групп населения, миграции, борьбе с организованной и трансграничной преступностью, включая предотвращение торговли людьми, а также иные программы и проекты.

По оценке международных экспертов, темпы реализации политических стратегий и планов действий по обеспечению всех экономических, социальных и культурных прав различных категорий граждан в контексте реализации «Повестки дня» на период до 2030 г. и связанных с ней 17 целей в области развития в государствах Западных Балкан являются необоснованно низкими. Соответствующие государственные структуры и неправительственные субъекты государств региона не принимают должных мер для обеспечения равенства и уважения прав уязвимых групп, включая цы-

¹ Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH Worldwide. Programme Migration & Diaspora. URL: <https://www.giz.de/en/worldwide/78803.html> (дата обращения: 15.02.2021).

ган, женщин и молодежь, инвалидов и членов иных социальных групп.

При этом, по мнению международных экспертов, обеспечение прав уязвимых групп населения составляет важный пункт дорожной карты реформ и сближения данных государств с ЕС, а также имеет решающее значение для сотрудничества и политической стабилизации на Балканах, поэтому в период с 2019 по 2022 г. на территории пяти стран Балкан (Албании, Боснии и Герцеговины, Северной Македонии, Сербии, Косово) реализуется программа «Социальные права уязвимых групп» (англ. Social Rights for Vulnerable Groups II), целью которой является улучшение прав уязвимых групп населения.

Реализация данной программы позволит ответственным лицам государственных органов разрабатывать стратегии для обеспечения экономических, социальных и культурных прав уязвимых групп населения, принимать эффективные управленческие решения, а также будет способствовать созданию и модернизации государственных и негосударственных структур для поддержки этих групп.

В качестве ведущего исполнителя данной программы НАМС привлекло агентство «Сеть ассоциаций органов местной власти Юго-Восточной Европы» (англ. Network of Associations of Local Authorities of South-East Europe). Для планирования и принятия решений агентством-исполнителем был разработан метод сбора социальных данных в муниципалитетах, к реализации программы привлечены представители местных властей в разных странах региона.

Дополнительной целью программы является улучшение возможностей для трудоустройства представителей уязвимых групп путем предоставления под-

держки и рекомендаций в процессе трудоустройства, создания условий для формирования новых компетенций в процессе профессионального обучения и переподготовки¹.

По нашему мнению, такая комбинация реализации программ разного уровня (глобального, регионального и странового) и направленности позволяет Германии наиболее эффективно использовать потенциал сотрудничества с негосударственным сектором и способствовать позитивным процессам, направленным на стабилизацию и поддержание мира в странах-партнерах с учётом их региональной специфики.

Выводы

На современном этапе Германия играет значимую роль в двухстороннем и многостороннем сотрудничестве в целях стабилизации и поддержания мира на Балканах, основанного на верховенстве права и международной кооперации в целях устойчивого развития. Активизации данных трендов способствовало изменение германских внешнеполитических и экономических взглядов на кризис-менеджмент и деятельность в постконфликтных регионах за счёт комплексного применения средств политики безопасности и развития.

Координирующую роль в организации деятельности по постконфликтному восстановлению, стабилизации и развитию выполняют Министерство иностранных дел Германии и Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития Германии. Для достижения намеченных целей были созданы не-

¹ Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH Worldwide. Respect for human rights of vulnerable groups. URL: <https://www.giz.de/en/worldwide/80900.html> (accessed 15.02.2021).

сколько государственных организаций в сфере развития, а также активно привлекаются негосударственные акторы.

Объединение усилий государственных и негосударственных акторов позволило Германии достигать значительных

результатов в реализации широкомасштабных программ в сфере постконфликтного восстановления, стабилизации и развития на Балканах с учётом их региональной специфики.

Список литературы

1. Кудашова Н. Н. Место и политическая роль Германии в современном мире // *Этносоциум*. 2020. № 7 (145). С. 74–85.
2. Павлов Н. В. Германия после Меркель (ждать ли изменений во внешней политике ФРГ?) // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 6. С. 22–35. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.03>.
3. Трунов Ф. О. Изменение роли ФРГ в Европе и мире в реалиях новой холодной войны: политико-военное измерение // *Актуальные проблемы Европы*. 2020. № 1 (105). С. 85–108. <https://doi.org/10.31249/ape/2020.01.05>.
4. Трунов Ф. О. Подход ФРГ к борьбе с сепаратизмом в конфликтогенных странах Ближнего Востока и Африки на примерах Ирака и Мали // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13, № 4. С. 211–229. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-10>.
5. Ивкина Н. В. Особенности участия ФРГ в миротворческих операциях в Африке на современном этапе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20, № 4. С. 687–697. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-687-697>.
6. Ханнанова Г. А. Особенности участия ФРГ в операциях по поддержанию мира и безопасности на Арабском Востоке // *Казачество*. 2017. № 26 (2). С. 48–53.
7. Бобкова Е. М. Социальное развитие как объект исследования: теоретико-методологические аспекты // *Этносоциум*. 2018. № 1 (115). С. 61–70.
8. Tishkov S., Ogneva V., Tishkova I. Institutional approaches of the Federal Republic of Germany to post-conflict recovery, stabilization and development programs implementation // *SHS Web of Conf*. 2021. Vol. 94. IP. 03008. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219403008>.
9. German Development Cooperation Work. URL: <https://www.bmz.de/> (дата обращения 14.02.2021).
10. Огнева В. В. Геополитический треугольник «Россия, Балканы, Евразия» в контексте евразийского проектирования // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2019. Т. 9, № 4. С. 108–117.
11. Латков А. С. Стратегические интересы Германии на Балканах на рубеже XX–XXI вв. // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 4 (37). С. 101–108.
12. Пушкарева В. В. Внешняя политика современной Германии на постюгославском пространстве // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2017. Т. 1, № 4. С. 466–474.

References

1. Kudashova N. N. Mesto i politicheskaya rol' Germanii v sovremennom mire [The place and political role of Germany in the modern world]. *Etnosocium = Ethnosocium*, 2020, no. 7 (145), pp. 74–85.
2. Pavlov N. V. Germaniya posle Merkel' (zhdat' li izmenenij vo vneshnej politike FRG?) [Germany after Merkel (should we expect changes in the foreign policy of Germany?)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political research*, 2019, no. 6, pp. 22–35. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.03>.
3. Trunov F. O. Izmenenie roli FRG v Evrope i mire v realiyah novoj holodnoj voj-ny: politiko-voennoe izmerenie [Changing the role of Germany in Europe and the world in the realities of the new Cold War: the political and military dimension]. *Aktual'nye problemy Evropy = Current problems of Europe*, 2020, no. 1 (105), pp. 85–108. <https://doi.org/10.31249/ape/2020.01.05>.
4. Trunov F. O. Podhod FRG k bor'be s separatizmom v konfliktogennyh stranah Blizhnego Vostoka i Afriki na primerah Iraka i Mali [The approach of the Federal Republic of Germany to the fight against separatism in the conflict-prone countries of the Middle East and Africa on the examples of Iraq and Mali]. *Kontury global'nyh trans-formacij: politika, ekonomika, pravo = Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 211–229. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-10>.
5. Ivkina N. V. Osobennosti uchastiya FRG v mirotvorcheskih operaciyah v Afrike na sovremennom etape [Features of the participation of the Federal Republic of Germany in peacekeeping operations in Africa at the present stage]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: International Relations*, 2020, vol. 20, no. 4, pp. 687–697. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-687-697>.
6. Hannanova G. A. Osobennosti uchastiya FRG v operaciyah po podderzhaniyu mira i bezopasnosti na Arabskom Vostoke [Features of the participation of the Federal Republic of Germany in operations to maintain peace and security in the Arab East]. *Kazachestvo = The Cossacks*, 2017, no. 26 (2), pp. 48–53.
7. Bobkova E. M. Social'noe razvitie kak ob"ekt issledovaniya: teoretiko-metodologicheskie aspekty [Social development as an object of research: theoretical and methodological aspects]. *Etnosocium = Ethnosocium*, 2018, no. 1 (115), pp. 61–70.
8. Tishkov S., Ogneva V., Tishkova I. Institutional approaches of the Federal Republic of Germany to post-conflict recovery, stabilization and development programs implementation. *SHS Web of Conf.*, 2021, vol. 94. IP. 03008. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219403008>.
9. German Development Cooperation Work. Available at: <https://www.bmz.de/>. (accessed 14.02.2021)
10. Ogneva V. V. Geopoliticheskij treugol'nik "Rossiya, Balkany, Evraziya" v kontekste evrazijskogo proektirovaniya [The Geopolitical Triangle "Russia, the Balkans, Eurasia" in the context of Eurasian Design]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 108–117.

11. Latkov A. S. Strategicheskie interesy Germanii na Balkanah na rubezhe XX–XXI vv. [Strategic interests of Germany in the Balkans at the turn of the XX–XXI centuries]. *Vestnik MGIMO-Universiteta = Bulletin of MGIMO University*, 2014, no. 4 (37), pp. 101–108.

12. Pushkareva V. V. Vneshnyaya politika sovremennoj Germanii na postyugoslavskom prostranstve [Foreign Policy of modern Germany in the post-Yugoslav space]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*, 2017, vol. 1, no.4, pp. 466–474.

Информация об авторе / Information about the author

Тишков Сергей Александрович, кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: stishkov@list.ru
ORCID: 0000-0003-0406-0900

Sergey A. Tishkov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Departments of Internal Affairs, Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russian Federation,
e-mail: stishkov@list.ru
ORCID: 0000-0003-0406-0900

УДК 94 (321)

«Пошел так, попал в кабак»: о причинах распространения питейных домов после винной реформы 1863 года

Н. Е. Горюшкина¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность выбранной для освещения темы определяется пригодностью опыта организации питейной торговли после винной реформы 1863 года при совершенствовании современного акцизного законодательства, несмотря на принципиальные изменения множества условий. Помимо практической значимости, статья важна и в научном плане, так как позволяет скорректировать еще весьма поверхностные представления о влиянии акциза на социальные процессы в пореформенной России.

Цель статьи – объяснить причины распространения питейных домов после утверждения акцизной системы взимания питейного сбора.

Задачи исследования состоят в: раскрытии специфики акцизного времени; установлении оснований для роста числа питейных домов; объяснении притягательности кабака для простолюдина в исследуемый период.

Методология включает в себя принципы историзма, объективности и системности, а также историко-генетический, историко-типологический и статистический подходы, благодаря которым решены задачи и достигнута цель исследования.

Результаты. В статье показано, как со вступлением в силу «Положения о питейном сборе» размножились места розничной продажи алкоголя. Основную долю в их числе составляли питейные дома (кабаки). Устраивались они в местах большого скопления народа и в немногочисленных местностях. Определен главный контингент посетителей кабака – извозчики, поденщики, ремесленники, крестьяне. Народ мучительно проходил этап освобождения от крепостной зависимости, кабак в определенной степени играл компенсационную роль. Государственный бюджет получил значительные суммы от питейной торговли, народное пьянство усилилось. Закон 14 мая 1885 г. упразднил кабаки, но беспатентная торговля процветала. Сила кабатчиков при свободном обороте алкоголя оказалась непоколебимой. По инициативе министра финансов С. Ю. Витте питейная торговля передавалась в руки государства.

Вывод. Винная реформа совпала по времени с отменой крепостного права. Росту числа кабаков способствовали: легкость при подборе помещений под кабаки, низкая стоимость патента, разрешение торговли в кабаках мелкими партиями по договорной цене, мягкие требования к личности виноторговца, ясная процедура получения разрешительного приговора. Для крестьян кабаки были не только местом для выпивки, но и центром сельской общественной жизни. Кабак окончательно был уничтожен только с введением казенной винной монополии.

Ключевые слова: акцизная система; винная реформа; питейный сбор; питейное заведение; кабаки.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

© Горюшкина Н. Е., 2021

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. «Пошел так, попал в кабак»: о причинах распространения питейных домов после винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 166–176.

Поступила в редакцию 14.04.2021

Принята к публикации 12.05.2021

Опубликована 25.06.2021

"I was Going this, I got in a Kabak": About the Reasons for the Spread of Drinking Houses after the Wine Reform of 1863

Natalia E. Goryushkina¹ ✉

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

The relevance of the topic chosen for coverage is determined by the suitability of the experience of organizing the drinking trade after the wine reform of 1863 with the improvement of modern excise legislation, despite the fundamental changes in many conditions. In addition to its practical significance, the article is also important from a scientific point of view, since it allows us to correct still very superficial ideas about the impact of excise tax on social processes in post-reform Russia.

The purpose of the article is to explain the reasons for the spread of drinking houses after the approval of the excise system for levying the drinking tax.

The objectives of the research are to reveal the specifics of the excise time; establishing the basis for an increase in the number of drinking houses; an explanation of the attractiveness of the tavern for the commoner in the period under study.

The methodology includes the principles of historicism, objectivity and consistency, as well as historical-genetic, historical-typological and statistical approaches, thanks to which the tasks were solved and the goal of the study was achieved.

Results. The article shows how, with the entry into force of the "Provision on Drinking Collection", the places of retail sale of alcohol have multiplied. The main share of them was drinking houses (taverns). They settled in places of a large concentration of people and in uncrowned localities. The main contingent of visitors to the tavern was determined - cabbies, day laborers, artisans, peasants. The people were painfully going through the stage of liberation from serfdom, the tavern to a certain extent played a compensatory role. The state budget received significant sums from the drinking trade, and drunkenness increased. The law of May 14, 1885 abolished taverns, but patent-free trade flourished. The strength of the innkeepers with the free circulation of alcohol was unshakable. On the initiative of the Minister of Finance S. Yu. Witte, the drinking trade was transferred into the hands of the state.

Conclusions. The wine reform coincided with the abolition of serfdom. The growth in the number of taverns was facilitated by: ease in the selection of premises for a tavern, low cost of a patent, permission to trade in taverns in small lots at a negotiated price, soft requirements for the personality of a wine merchant, a clear procedure for obtaining a permit. For the peasants, the tavern was not only a place for drinking, but the center of rural social life. The tavern was finally destroyed only with the introduction of the state wine monopoly.

Keywords: excise system; wine reform; Regulations on drinking tax; drinking establishment; pub.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N. E. "I was Going this, I got in a Kabak": About the Reasons for the Spread of Drinking Houses after the Wine Reform of 1863. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 166–176. (In Russ.)

Received 14.04.2021

Accepted 12.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

1 января 1863 г. вступило в силу
«Положение о питейном сборе», вы-

чайше утвержденное 4 июня 1861 г. [1]
Оно было направлено на решение двух,
на первый взгляд, взаимоисключающих,

задач: 1) обеспечить финансовую стабильность государственного бюджета за счет поступлений с алкоголя и 2) сократить народное пьянство.

Реформаторы исходили из того, что любые ограничения в отношении алкоголя, а при откупах их было более чем достаточно, формируют у народа привычку смотреть на вино как на лакомство и напиваться при каждом удобном случае. Объявленная же «Положением» свобода оборота алкоголя сделает употребление вина равномерным и умеренным, питейный сбор будет платить не горький пьяница, а крепкий хозяин, выпивающий после трудового дня рюмку вина.

Первые результаты винной реформы проявились скоро. Они разделили общество на два непримиримых лагеря. Народ потерял всякую возможность оставаться трезвым, – этой точки зрения придерживались критики преобразования (А. П. Шипов [2], М. П. Погодин [3], Д. Диман [4] и др.). Диапазон их высказываний простирался от мягкой критики до едких ругательств. К примеру, основатель журнала «Вестник промышленности» А. П. Шипов сравнивал винно-акцизную систему с «язвой, требующей безотлагательного лечения» [2, с. 26]. Сторонники реформы (Н. С. Терский [5], С. Т. Еремеев [6], С. Н. Цвет [7] и др.) продолжали настаивать, что свободная конкуренция обязательно создаст условия, выгодные и потребителю, и торговцу, нужно только запастись терпением. Их общий взгляд отразил ревизор Департамента неокладных сборов Министерства финансов Н. С. Терский: «Акцизная система теоретически является едва ли не лучшим из всех известных способов взимания налога с крепких напитков» [5, с. 252].

Публицистические, научные, меж- и внутриведомственные баталии вокруг винной реформы обрастали правовой,

статистической и прочей аргументацией, но не сближали позиций сторон. Напротив, отношение к акцизу в конце XIX – начале XX в. еще более поляризовалось.

Советские исследователи считали тему неактуальной и в обозначенном тематическом поле не работали.

Только введение акцизной системы для регулирования оборота алкоголя в 1991 г. воскресило интерес к опыту винной реформы 1863 г. За три последних десятилетия историография пополнилась серьезными научными исследованиями по теме, однако целый ряд вопросов, весьма важных, так и оставлены без внимания. Не выясненными до конца остаются причины размножения кабаков после винной реформы 1863 г., нет объяснений притягательности питейных домов для крестьян.

В данной статье предпринята попытка аргументировать ряд соображений на этот счет.

Методология

Достоверность содержания статьи была обеспечена привлечением широкого круга источников, включая законодательные и нормативные акты, статистические сборники, мемуары и художественную литературу. Значительная часть источников не использовалась до этого в научных целях.

Теоретической основой работы стали три тесно связанных между собой принципа – историзма, объективности и системности. Первый принцип позволил рассмотреть кабак в контексте истории пореформенной России; второй – избежать односторонности в рассмотрении исторических фактов и вынести беспристрастные суждения по теме; третий – отразить действительные, а не формальные причины распространения кабаков при акцизе.

Для полного раскрытия темы были применены историко-генетический, историко-типологический и статистический методы. Они предоставили возможность, во-первых, установить основания для роста числа питейных домов, во-вторых, выявить специфику питейных домов в период действия акцизной системы, в-третьих, увеличить доказательность при раскрытии причин распространения питейных домов при акцизе.

Результаты и их обсуждение

Со вступлением «Положения о питейном сборе» в силу места розничной продажи алкоголя открылись во множественном числе. Уже в 1863 г. их численность превысила 257,5 тыс., что было почти втрое больше, чем при откупках [8, с. 118]. В 1867 г. количество питейных заведений увеличилось до 411 тыс. Ни одно из них без покупателей не осталось [8, с. 118].

Заработанные тяжким трудом деньги потекли в руки кабатчиков. «Работая почти семей, – читаем мы в “Курском сборнике”, – слобожане [речь идет о Казацкой слободе близ города Курска. – Н. Г.] имели бы довольно обеспеченное существование, если бы, к сожалению, среди мастеровых слободы, как и вообще наших мастеровых, не был развит порок пьянства <...>. В слободе есть даже особенный тип бесшабашных пьяниц, известных, по местному названию, под именем „моряков“. Трудно сказать, почему им дано такое название, быть может, потому, что „пьяному море по колено“ <...>. „Моряки“ толпами наводняли дома дикого разгула. Хриплые голоса их песен, брань неслись из растворенных кабацких дверей и оглашали слободские улицы» [9, с. 116].

Бесспорно, что при многообразии мест реализации алкоголя самым распро-

страненным видом питейных заведений стали кабаки. «Усадьбы переводятся, / Взамен их распложаются / Питейные дома!» – подмечал Н. А. Некрасов [10].

«Разпложению» кабаков, как видится, способствовали следующего рода обстоятельства: 1) легкость при подборе помещений под кабак; 2) относительно невысокий патентный сбор (в местностях 1-го разряда – 100 руб., 2-го разряда – 50 руб., 3-го разряда – 15 руб.); 3) дозволение торговать мелкими партиями (ренсковые погреба отпускали алкоголь объемами в $\frac{1}{4}$ ведра и более, заведения трактирного типа – с наценкой). Водка продавалась в кабаках на вынос и распивочно («в раздроб»). Содержать питейный дом было дозволено всякому лицу, имевшему право на «мелочную торговлю», с разрешения: а) в городах и посадах от дум или заменяющих их мест; б) в казенных и удельных селениях – от сельских обществ; в) в землях казачьих войск – от станичных сборов и т. д. [1, с. 68–69, 81]

Общественный приговор кабатчику получить было несложно: сельскому сходу выставлялись одно-два ведра водки (смотря по величине села), и приговор был готов. Вместе с приговором кабатчик добивался от селян заверений в том, что другой кабак поблизости не появится и никто из них не будет пить в кабаках соседних деревень.

Устраивались кабаки и в местах большого скопления народа (что было предпочтительнее), и в немногочисленных местностях. Подтверждение сказанному мы находим у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Справа у меня – деревенский поселок, при въезде в который стоит столб и на нем значится: душ 24, дворов – 10. На это не особенно громадное население существует два кабака, которые очень редко пустуют. Сверх того, с небольшим в полуверсте от меня, налево, рядом с моей

границей, воздвигнут третий каба́к. Вообще каба́кам в этой местности посчастливилось. Когда я еду на станцию железной дороги, то на пространстве четырнадцати верст до шоссе встречаю еще четыре каба́ка. А между тем местность эта вполне пустынная» [11, с. 320].

Внутреннее устройство каба́ка было незатейливым: выставка, стойка, столы да лавки.

Главный контингент посетителей – ломовые извозчики, поденщики, мастера, ремесленники, крестьяне. С утра до вечера заседали здесь пропойцы, всякого рода неудачники, босяки, лентяи, а также работный люд и крестьяне. До реформы последние имели над собой строгий надзор в лице помещика, управляющего, старосты. Теперь крестьянин стал «свободным обывателем» и сам изыскивал способ проведения свободного времени.

Поводов, чтобы выпить, в России всегда было с избытком – праздник (в церковном календаре их около 50), свадьба, похороны, окончания посевных и уборочных работ, первый выгон скота в поле, рыночные дни и т. п.

Если в православной традиции праздник предполагал посещение церкви, молитву, то народный идеал праздника обязательно включал выпивку. «Достаточно только видеть, что творится на Масленице, например, в селе Зуеве и т.п. местах скопления рабочего люда, – писал неперменный член по питейным делам присутствия П. А. Распопов, – достаточно побывать в этих пунктах в Великий Четверг, Пятницу, и даже Страстную Субботу, когда рабочие, получив деньги, несмотря на такие великие в жизни каждого христианина дни, наполняют все кабаки и трактиры, из которых несется гомон и смех, раздаются песни и слышится топот пьяной пляски; достаточно сказать, что в

каждом таком пункте насчитывается по несколько сот так называемых „котов“, которые положительно таки держат местное население в осаде, в особенности во время праздников; подаяния вымогают грубостью и нахальством. Достаточно сказать, что с наступлением сумерек жители таких мест, из опасения быть ограбленными и избитыми, не выходят на улицу, что крики „держи его“ и „караул“ сплошь и рядом нарушают ночную тишину; пьяные попадают на каждом шагу; многие валяются у домов и заборов» [12, с. 93].

С отменой крепостного права вековой уклад жизни крестьян подвергся резкой перемене. Став свободным обывателем, он получил земельный надел, но потерял право пользоваться лесом, выгонами, покосами. Ему требовалось распорядиться и собой, и землей, заработать деньги на уплату податей и выкупных платежей. Многие с этими задачами справиться не могли и впадали в уныние. «Гнетущая скука жизни при крайней скудости духовных интересов, столь свойственная нашим уездным захолустьям», вела прямоком в каба́к [13].

Каба́к с нетерпением (официально – с 7 утра до 21 часа вечера) ждал своего посетителя. В каба́ке можно было найти компанию или напиться в одиночку. Во хмелю тяготы жизни уходили на задний план. Если в кармане не было гроша, в каба́ке нет-нет да и кто-то угостит мерзавчиком [125 грамм. – Н. Г.]. Но не только выпивка манила крестьянина в каба́к. При минимальном развитии общественных мест питейный дом выполнял функцию клуба, где посетители делились радостями и бедами, узнавали новости, обсуждали политику, разрешали споры, заключали сделки. «Там и суд, и питра, и все: уж ежели задумали порешать какое дело, сейчас все гурьбой идут к каба́ку», – сви-

детельствовал писатель Н. В. Успенский [14, с. 61].

Грязь, бестолковый говор, смрад кабака не смущали простолюдина, хотя «сколько-нибудь интеллигентному человеку войти в кабак было противно и совестно» [15, с. 61]. Описание одного из них оставил известный публицист С. А. Раппопорт: «Большая, не особенно высокая комната, с закоптелыми стенами и полом, покрытым толстым слоем грязи. Налево, в углу, „стойка“-прилавок, у противоположенной стены – лежанка с вмазанным котлом; у лежанки длинная, узкая скамья. У окон небольшие красные, покрытые липкой грязью, столики. У стены, под полками с сортовой водкой, два трехведерных бочонка. За ними и во всех углах, где только было свободное место, лежало кучами разного тряпья <...>. Были там и разные инструменты: от пилы до сапожного утюга без ручки. Все это – заклады, которые в тяжелые минуты всевозможная голь сдирает с тела, вытаскивает из дому и несет <...> с поклонами и мольбой дать под заклад рюмку» [16, с. 5-6]

Кабатчики были людьми предприимчивыми и не гнушались средствами для «усугубления» торговли. Выставки алкоголя имели «изящный вид»: в четырехугольных, грязно-зеленого стекла штофах стояли лучшие сорта и готовые настойки и наливки: полынная, перцовая, анисовая, зверобойная, малиновая, рябиновая и «ром, пахнувший иногда сургучом, а больше клопами» [17, с. 342]. Балалайки, карты, публичные женщины – все для посетителей. Названия у кабаков были соответствующими: «Омут», «Яма», «Разгуляй», «Кинь-Грусть».

«Положением о питейном сборе» крепость вина не устанавливалась. По Закону 17 августа 1862 г. она не могла быть ниже 38° по спиртометру Траллеса [18]. Несколько раз это требование продля-

лось. Законом 18 июня 1868 г. обязательной для всех заведений и местностей России стала крепость в 40° [19]. Но кабатчик вместе с вином продавал воду, потому как усиленно разводил водку водой. Обнаружить это было непросто. Только неопытный кабатчик «портил» вино в бочке, в большинстве случаев рассиропка проходила в той посуде, которая подавалась на стол. Решался кабатчик на рассиропку, когда видел, что посетитель охмелел, раздобрел, внимание его притупилось. Для тех, кто пил у стойки, наготове были стаканы из толстого стекла, которое, с одной стороны, сокращало объем вливаемого алкоголя, с другой – не позволяло рассмотреть ту воду, что уже была налита в стакан [20, с. 114].

Слабость спиртового раствора усиливалась перцем, табаком, горчицей, купоросным маслом, кукельваном. Они же должны были устранить неприятный вкус естественных примесей, в первую очередь сивушного масла, производящего тяжелое похмелье и вредно действовавшего на нервную систему, органы пищеварения [21].

Закусок в кабаке не подавали. Иногда на прилавок выставляли хлеб с солью, селедку, соленые огурцы, квашеную капусту – кушанья, вызывающие у посетителей жажду и «подталкивающие» их к новой порции алкоголя.

Несмотря на свое качество, вернее сказать, на его отсутствие, водка отпускалась втридорога. В селениях, где конкурентов было много, ведро уходило по 5 руб. 50 коп., а там, где кабатчик чувствовал себя монополистом, – по 6–7 руб. В первом случае бырыш, рассчитывая, что торговля велась добросовестно, составлял 1 руб., во втором – от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. за ведро [21].

Не было кабатчика, который бы не отпускал алкоголь в долг, под заклад

хлеба, одежды, домашнего инвентаря. Редкий мужик в округе не числился у него в должниках. Летние заработки шли на уплату зимних долгов.

Питейные дома редко ревизовались акцизными чиновниками. Так, на подконтрольной Курскому губернскому акцизному управлению территории было открыто 2137 питейных заведений, не считая временных выставок на ярмарках и буфетов на благотворительных вечерах, и каждому акцизному чиновнику требовалось обревизовать за полгода по 176 мест питейной торговли при массе непосредственной работы, включающей надзор за подакцизным производством [22]. Отсутствие ревизий в кабаках усиливало произвол.

Кабак губительно влиял на общественные нравы, потому порицался церковью. Бывали случаи, когда крестьяне, под влиянием священников, поднимали голос против кабака, но такие выступления дорого им обходились – «протестанты» лишались дармовой выпивки, теряли приятелей, приобретали опасного врага в лице кабатчика. В противостоянии кабака и церкви преимущество оставалось за первым. В обиход в то время прочно вошли пословицы: «Два кабака на селе, а церковь на горе», «Хоть церковь и близко, да ходить склизко; а кабак далеко, да хожу потихоньку»; «Шел в церковь, а попал в кабак»; «На балалайку станет, и на кабак станет, а на свечку не станет»; «Ходи в кабак, вино пей, нищих бей, будешь архиерей!» [23, с. 687].

Общество требовало от правительства положить конец кабацкому разгулу. Государство, отзываясь на общественные запросы, ограничило круг лиц, кому дозволена питейная торговля, повысило стоимость патента, ужесточило требования к открытию питейного дома и, наконец, Законом 14 мая 1885 г. вовсе упразднило

кабаки. Распивочная торговля была дозволена только в заведениях трактирного типа, где вместе со спиртным потребители могли купить кушанья. Но «кабак, – по замечанию известного русского юриста А. Ф. Кони, – не погиб. <...> Сойдя официально с лица земли, кабак ушел под землю, в подполье для тайной продажи водки, став от этого еще более опасным» [24, с. 62].

Массовость подпольной торговли подтверждается числом правонарушений, открытых акцизными чиновниками. В 1887 г. зафиксировано 19904 случая беспатентной торговли, в 1895 г. – 13898 [25, с. 87–88]. Учитывая, что обнаруживалась лишь малая часть тайных кабаков, можно уверенно утверждать, что беспатентные питейные дома существовали всюду, где это было сколько-нибудь выгодно. Крестьяне не выдавали тайные кабаки, кто-то из-за боязни мести со стороны кабатчика, кто-то сберегая для себя «припоенное» место.

Сила кабатчиков, несмотря на принимаемые правительством меры, в условиях свободного оборота алкоголя оставалась непоколебимой. Интересы фиска и народного здоровья требовали кардинальных решений. В 1893 г., выступая в Государственном Совете, министр финансов С. Ю. Витте заявил: «Свобода кабацкого промысла несовместима со значением в государственном и народном хозяйстве вина, составляющего предмет сего промысла» [25, с. 92]. Он отказался от распутывания узла проблем, связанных с частной виноторговлей, и предложил разрубить его. По инициативе министра финансов 6 июня в 1894 г. Александр III высочайше утвердил «Положение о казенной продаже питей» [26]. Питейная торговля перешла в руки государства.

Выводы

Подведем итог сказанному выше. Свободный оборот алкоголя способствовал росту числа питейных заведений, в первую очередь кабаков. Распространение кабаков являлось следствием легкости требований при подборе помещений под кабак, низкой стоимости патента, дозволения торговать в кабаках мелкими партиями по договорной цене, ясная процедура получения разрешительного при-

говора и т. д. Крепость вина не устанавливалась, что расширяло возможности к фальсификации спиртного, увеличивало прибыль кабатчика. Для крестьян кабак был не только местом для выпивки, но и центром общественной жизни. Акцизный надзор над кабаками был недостаточным. Хотя государственный бюджет получал значительные суммы от питейной торговли, народное пьянство росло. Кабак окончательно был уничтожен только с введением казенной винной монополии.

Список литературы

1. Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4-го июля 1861 года. М.: В Тип. А. Семина, 1862. 160 с.
2. Шипов А. П. Наше земство и наша винно-акцизная система. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1870. 191 с.
3. Погодин М. П. По поводу рассуждений о пьянстве // Сочинения М. П. Погодина. Т. 1: Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М.: Синод. тип., 1872. С. 417–418.
4. Диман Д. О влиянии нашей винноакцизной системы на нравственность и благосостояние народа. СПб.: Тип. Майкова, 1871. 29 с.
5. Терский Н. С. Питейные сборы и акцизная система в России: Исторический очерк и настоящее положение: Опыт сравнительного исследования главнейших результатов акцизной системы и ее значения для государства, казны и населения. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1890. 252 с.
6. Еремеев С. Т. Питейный вопрос. Киев: Тип. С. Т. Еремеева, 1874. 107 с.
7. Цвет С. Н. По вопросам государственного хозяйства: По питейному вопросу: Об улучшении действующей системы акцизного сбора. Ревель: Эстляндская губернская тип., 1878. 40 с.
8. Отчет бывшего Департамента неокладных сборов, а ныне Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1895 год. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1897. 568 с.
9. Курский сборник. Курск: Изд. Курского губернского статистического комитета, 1902. 197, 10 с.
10. Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. URL: <https://ilibrary.ru/text/13/p.6/index.html> (дата обращения: 31.03.2021).
11. Салтыков-Щедрин М. Е. Убежище Монрепо. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1880. 211 с.
12. Роспопов П. А. Данные о положении питейного дела в Богородском уезде Московской губернии. Приложение к статистическому ежегоднику Московской губернии за 1898 год. М.: Московское губернское земство, 1898. 178 с.

13. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1463. Оп. 1. Д. 275. Л. 2.
14. Успенский Н. В. Хорошее житье // Повести, рассказы и очерки. М.: Гослитиздат, 1957.
15. Смолич М. Н. Вред и польза вина и питейная реформа. СПб.: Тип. «Труд», 1902. 103 с.
16. Раппопорт С. А. Собрание сочинений С. А. Анского. СПб.: Просвещение, 1913. Т. 5. 365 с.
17. Гиляровский В. А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2: Трущобные люди. М.: Полиграфресурсы, 1999. 466 с.
18. О мерах к ограждению интересов казны по питейной части // Полное собрание законодательства российской империи. Собр. 2. Т. 37, ч. 3, №38582.
19. Высочайше утвержденная новая редакция статей Устава о питейном сборе // Полное собрание законодательства Российской империи. Собр. 2. Т. 43, ч. 1, №46003.
20. Осипов О. Н. Ритуал сибирской свадьбы // Живая старина. СПб., 1893. Вып. 1. С. 96–114.
21. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2669. Л. 85 об., 214.
22. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 533. Л. 74.
23. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х ч. М.: Изд. общества любителей Российской словесности, 1865. Ч. 2. С. 629–1351.
24. Кони А. Ф. Записки и воспоминания. М.: Юрайт, 2018. 250 с.
25. Фридман М. И. Винная монополия в России. М.: Общество купцов и промышленников, 2005. 560 с.
26. Положение о казенной продаже питей // Полное собрание законодательства Российской империи. Собр. 3. Т. 14, №10766.

References

1. Polozhenie o pitejnom sbore, vysochajshe utverzhdennoe 4-go iyulya 1861 goda [Regulations on the drinking collection, most highly approved on July 4, 1861]. Moscow, V Tip. A. Semina, 1862. 160 p.
2. Shipov A. P. Nashe zemstvo i nasha vinno-akciznaya sistema [Our zemstvo and our wine-excise system]. St. Petersburg, Tip. A. M. Kotomina, 1870. 191 p.
3. Pogodin M. P. Po povodu rassuzhdenij o p'yanstve [About the reasoning about drunkenness]. Sochineniya M. P. Pogodina. Vol. 1. Rechi, proiznesennye M. P. Pogodinym v torzhestvennyh i prochih sobraniyah, 1830–1872 [The works of M. P. Pogodin. Vol. 1. Speeches delivered by M. P. Pogodin in solemn and other meetings, 1830-1872]. Moscow, Sinod. tip., 1872, pp. 417–418.
4. Diman D. O vliyanii nashej vinnoakciznoj sistemy na нравstvennost' i благосостояние народа [On the influence of our wine excise system on the morals and welfare of the people]. St. Petersburg, Tip. Majkova Publ., 1871. 29 p.
5. Terskij N. S. Pitejnye sbory i akciznaya sistema v Rossii: Istoricheskij ocherk i nastoyashchee polozhenie: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya glavnejshih rezul'tatov akciznoj sistemy i ee znacheniya dlya gosudarstva, kazny i naseleniya [Drinking fees and the excise system in

Russia: A historical sketch and the present situation: The experience of a comparative study of the main results of the excise system and its significance for the state, the treasury and the population]. St. Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma Publ., 1890. 252 p.

6. Eremeev S. T. Pitejnyj vopros [Drinking question]. Kiev, Tip. S. T. Eremeeva Publ., 1874. 107 p.

7. Cvet S. N. Po voprosam gosudarstvennogo hozyajstva: Po pitejnomu voprosu: Ob uluchshenii deystvuyushchej sistemy akciznogo sbora [On issues of state economy: On the drinking issue: On improving the current system of excise duty]. Revel', Estlyandskaya gubernskaya tip. Publ., 1878. 40 p.

8. Otchet byvshego Departamenta neokladnyh sborov, a nyne Glavnogo upravleniya neokladnyh sborov i kazennoj prodazhi pitej za 1895 god [Report of the former Department of Non-tax collections, and now the Main Department of Non-tax Collections and the State sale of Drinks for 1895]. St. Petersburg, Tip. E. Evdokimova Publ., 1897. 568 p.

9. Kurskij sbornik [Kursk collection]. Kursk, Izd. Kurskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta, 1902. 197, 10 p.

10. Nekrasov N. A. Komu na Rusi zhit' horosho [Who lives well in Russia]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/13/p.6/index.html>. (accessed 31.03.2021)

11. Saltykov-Shchedrin M. E. Ubezishche Monrepo [Monrepos Hideout]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1880. 211 p.

12. Rospopov P. A. Dannye o polozhenii pitejnogo dela v Bogorodskom uezde Moskovskoj gubernii. Prilozhenie k statisticheskomu ezhegodniku Moskovskoj gubernii za 1898 god [Data on the situation of the drinking business in the Bogorodsky district of the Moscow province. Appendix to the statistical Yearbook of the Moscow Province for 1898]. Moscow, Moskovskoe gubernskoe zemstvo Publ., 1898. 178 p.

13. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 1463, op. 1, d. 275, l. 2.

14. Uspenskij N. V. Horoshee zhit'e [Good life]. Povesti, rasskazy i ocherki [Novellas, short stories and essays]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957.

15. Smolich M. N. Vred i pol'za vina i pitejnaya reforma [Harm and benefit of wine and drinking reform]. St. Petersburg, Tip. "Trud", 1902. 103 p.

16. Rappoport S. A. Sobranie sochinenij S. A. Anskogo [Collected works of S. A. Ansky]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1913, vol. 5. 365 p.

17. Gilyarovskij V. A. Sobranie sochinenij. Vol. 2: Trushchobnye lyudi [Collected works. Vol. 2. Slum people]. Moscow, Poligrafresursy Publ., 1999. 466 p.

18. O merah k ograždreniyu interesov kazny po pitejnoj chasti [On measures to protect the interests of the treasury in the drinking part]. *Polnoe sobranie zakonodatel'stva rossijskoj imperii* = *Complete Collection of the legislation of the Russian Empire*. Collection 2, vol. 37, pt. 3, no. 38582

19. Vysochajshe utverzhdennaya novaya redakciya statej Ustava o pitejnom sbore [The most highly approved new edition of the Articles of the Charter on the drinking collection]. *Polnoe sobranie zakonodatel'stva rossijskoj imperii* = *Complete Collection of the legislation of the Russian Empire*. Collection 2, vol. 43, pt. 1, no. 46003.

20. Osipov O. N. Ritual sibirskoj svad'by [The ritual of the Siberian wedding]. *Zhivaya starina* = *Living antiquity*. St. Petersburg, 1893, is. 1, pp. 96–114.

21. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. 1, op. 1, d. 2669, l. 85 ob., 214.
22. GAKO, f. 37, op. 1, d. 533, l. 74.
23. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Izd. obshchestva lyubitelej Rossijskoj slovesnosti Publ., 1865, pt. 2, pp. 629–1351.
24. Koni A. F. Zapiski i vospominaniya [Notes and memoirs]. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 250 p.
25. Fridman M. I. Vinnaya monopoliya v Rossii [Wine monopoly in Russia]. Moscow, Obshchestvo kupcov i promyshlennikov Publ., 2005. 560 p.
26. Polozhenie o kazennoj prodazhe pitej [Regulation on the state sale of drinking drinks]. *Polnoe sobranie zakonodatel'stva rossijskoj imperii = Complete collection of legislation of the Russian Empire*. Collection 3, vol. 14, no. 10766.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gor046@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.9

Из опыта работы по рационализации и изобретательству на промышленных предприятиях Курской области в 1950–1970-е годы

В. В. Коровин¹, Е. А. Головин¹ ✉, Н. К. Копылов¹

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: golovin007@mail.ru

Резюме

Актуальность. На протяжении первых послевоенных десятилетий усовершенствование производственных мощностей являлось одним из решающих факторов интенсификации промышленности. Большое внимание уделялось рационализации использования рабочего времени, а также разработке наиболее рентабельных методов изготовления промышленных товаров. Данное исследование посвящено движению рационализаторов и изобретателей, которое динамично развивалось на промышленных предприятиях Курской области в 1950–1970 годы. Работа, подготовленная на основе документов из архивных учреждений Курской области, раскрывает проблемы, с которыми сталкивались рационализаторы на промышленных предприятиях региона.

Целью исследования является изучение опыта деятельности рационализаторов и изобретателей в промышленном секторе экономики Курской области в первые послевоенные десятилетия (1950–1970 годы).

Задачами являются: выявление особенностей работы по рационализации и изобретательству на основе анализа исторических документов; раскрытие основных проблем в деятельности новаторов производства на промышленных предприятиях региона.

Методология. Основой исследования являются принципы историзма, научной объективности, а также проблемно-хронологический и системно-структурный метод.

Результаты. На основе критического анализа архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот, в статье раскрыты основные проблемы, с которыми сталкивались сотрудники предприятий, вовлеченные в разработку технологических предложений, оказавших определенное влияние на общие итоги научно-технического прогресса. Отмечено, что немаловажную роль в выполнении задач, стоявших перед рационализаторами, сыграли первичные организации Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов.

Выводы. Широкое вовлечение сотрудников предприятий в рационализаторское движение имело противоречивый характер. С одной стороны, привлечение к научно-техническому творчеству способных работников оказывало положительное влияние на повышение эффективности производства, а с другой – желание руководителей предприятий всеми способами украсить отчетные показатели по развитию рационализаторства обуславливало формальный подход и халатное отношение к выполнению производственных заданий рядовыми сотрудниками.

Ключевые слова: Курская область; промышленность; рационализатор; изобретатель; научно-технический прогресс; экономический эффект.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Коровин В. В., Головин Е. А., Копылов Н. К. Из опыта работы по рационализации и изобретательству на промышленных предприятиях Курской области в 1950–1970-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 177–188.

Поступила в редакцию 19.04.2021

Принята к публикации 20.05.2021

Опубликована 25.06.2021

© Коровин В. В., Головин Е. А., Копылов Н. К., 2021

From the Experience of Work on Rationalization and Invention at Industrial Enterprises of the Kursk Region in the 1950-1970s

Vladimir V. Korovin¹, Evgeny A. Golovin¹ ✉, Nikita K. Kopylov¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: golovin007@mail.ru

Abstract

Relevance. During the first post-war decades, the improvement of production capacities was one of the decisive factors in the intensification of industry. Much attention was paid to the rationalization of the use of working time, as well as the development of the most cost-effective methods of manufacturing industrial goods. This study is devoted to the movement of innovators and inventors, which developed dynamically at the industrial enterprises of the Kursk region in the 1950-1970 years. The work, prepared on the basis of documents from archival institutions of the Kursk region, reveals the problems faced by innovators at industrial enterprises in the region.

The purpose of the study is to study the experience of innovators and inventors in the industrial sector of the economy of the Kursk region in the first post-war decades (1950-1970).

Objectives are: identification of the features of the work on rationalization and invention based on the analysis of historical documents; disclosure of the main problems in the activities of the innovators of production at the industrial enterprises of the region.

Methodology. The research is based on the principles of historicism, scientific objectivity, as well as the problem-chronological and system-structural method.

Results. Based on a critical analysis of archival documents that are being introduced into scientific circulation for the first time, the article reveals the main problems faced by employees of enterprises involved in the development of technological proposals that had a certain impact on the overall results of scientific and technological progress. It is noted that the primary organizations of the All-Union Society of Inventors and Innovators played an important role in the implementation of the tasks facing the innovators.

Conclusions. The widespread involvement of employees of enterprises in the rationalization movement was controversial. On the one hand, the involvement of capable employees in scientific and technical creativity had a positive impact on improving production efficiency, and on the other hand, the desire of enterprise managers to decorate the reporting indicators for the development of innovation in all ways, caused a formal approach and negligent attitude to the performance of production tasks by ordinary employees.

Keywords: Kursk region; industry; rationalizer; inventor; scientific and technological progress; economic impact.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Korovin V. V., Golovin E. A., Kopylov N. K. From the Experience of Work on Rationalization and Invention at Industrial Enterprises of the Kursk Region in the 1950-1970s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 177–188. (In Russ.)

Received 19.04.2021

Accepted 20.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

История развития массового движения рационализаторов и изобретателей в промышленности представлена незначительным количеством опубликованных

работ. Исследованию развития рационализаторства и изобретательства в первой половине XX в. в отдельных регионах страны посвящены публикации Т. Н. Кузьминой и Л. А. Ковалевой [1; 2]. Роль

изобретательской деятельности в развитии научно-технического прогресса промышленности СССР к началу 1950-х гг. проанализирована в исследовании О. Н. Солдатовой [3]. Основы организации, законодательные и нормативные документы рационализаторского и изобретательского движения на предприятиях промышленности были исследованы в монографии «Рационализация и изобретательство» [4]. Отдельные аспекты истории организации рационализации и изобретательства также проанализированы в публикациях современных исследователей [5; 6]. Но необходимо отметить, что до сих пор нет достаточного количества публикаций, посвященных проблемам, возникавшим в деятельности изобретателей и рационализаторов в первые десятилетия после Великой Отечественной войны.

Методология

Исследование основано на принципах историзма и научной объективности. Это позволило провести объективный анализ изученных архивных документов и опубликованных источников с применением системно-структурного и проблемно-хронологического методов.

Результаты и их обсуждение

На рубеже 40–50-х годов XX века индустрия Курской области была представлена в основном заводами и фабриками, которые восстанавливались после Великой Отечественной войны. Одновременно с этим на территории региона строились и новые предприятия различных отраслей промышленности (химической, машиностроительной, пищевой и др.). Очевидно, что успешное и рентабельное функционирование как возрождаемых, так и новых заводов было немыслимо без непрерывного усовершенствования технологической базы.

Выполнение производственных планов качественно и в установленный срок в значительной мере было обусловлено профессиональными способностями сотрудников предприятий, а также их умением использовать в производстве самые современные и передовые технологии. Помимо этого, многое зависело от готовности и устремления работников промышленности к модернизации имевшегося технологического оборудования.

В рассматриваемый период по всей стране молодые работники заводов и фабрик становились активными организаторами введения в действие и продвижения прогрессивных методов труда и организации производства. Эффективному вовлечению молодых людей в неизбежные процессы научно-технического прогресса содействовали следующие обстоятельства: 1) наличие у молодежи специальных знаний, полученных как в средних профессиональных, так и в высших учебных заведениях; 2) основанная на преобладающей идеологии психологическая и моральная расположенность к творческому и созидательному труду; 3) энергичность мышления и возрастная устремленность к продуктивному экспериментализму.

В середине XX в. на промышленных предприятиях СССР все более широкое распространение получило движение рационализаторов и изобретателей. Не стала исключением и Курская область. Следует отметить, что под рационализацией понимаются приемы или методы, которые направлены на всемерное использование умений, навыков, талантов сотрудников предприятий. Рационализация на промышленном производстве направлена на то, чтобы выпускать тот же объем продукции с меньшим расходом ресурсов (трудовых, сырьевых, топливно-энергетических или финансовых) или

увеличить выпуск товаров при неизменном количестве ресурсов. Именно такой позиции придерживались в исследуемый период рационализаторы на промышленных предприятиях Курской области.

В первой половине 1950-х гг. в промышленности Курского региона работа по рационализации и изобретательству еще не получила большого размаха. К примеру, по итогам 1952 г. работниками предприятий промышленности и транспорта было подано 3865 рационализаторских предложений по различным вопросам экономии и организации производства, внедрению новой техники. Более 40% поступивших предложений было отклонено. В производственный процесс внедрено было только 2247 рацпредложений [7, д. 1889, л. 56].

В мае 1952 г. положительный опыт Курского резинового завода был отмечен на областном собрании комсомольского актива. Деятельное участие в творческой рационализаторской работе на этом предприятии принимали более 50 молодых сотрудников [8, с. 296]. Одним из лучших рационализаторов, которого ставили в пример сотрудникам завода, был комсомолец Н. З. Долгополов, который за 1951 г. и первые 4 месяца 1952 г. подал 23 рацпредложения. Внедрение этих предложений дало предприятию экономию на сумму 237 тыс. рублей [9, д. 294, л. 5–7].

Широкое движение за рационализацию и изобретательство, за экономию на производстве и наиболее рациональные методы работы было организовано молодыми сотрудниками на Курском заводе счетных машин. Только в IV квартале 1952 г. молодежь этого предприятия внесла более 40 рационализаторских предложений. Такие инициативы молодых производственников позволили заметно уменьшить временные затраты на

изготовление арифмометров. Кроме этого, внедренные на производстве рацпредложения позволили заводу сэкономить более 41 тыс. рублей за второе полугодие 1952 г. [10, с. 156] Инженерно-технические работники, в основном из числа молодых, но квалифицированных специалистов, оказывали шефскую помощь каждому производственному участку. Для оказания помощи и поддержки рационализаторам на заводе «Счетмаш» был организован технический совет [9, д. 292, л. 81–82].

В середине 1950-х гг. неоднократно в положительном ключе отмечалась деятельность комсомольской организации завода «Аккумулятор». На этом предприятии 18 комплексных молодежных бригад, детально исследовавших организацию технологических процессов, выработали предложения, которые были направлены на увеличение производительности труда, экономию сырьевых и материальных ресурсов, усовершенствование работы цехов. Только за первые 10 месяцев 1955 г. молодые сотрудники Курского аккумуляторного завода внесли более 250 рационализаторских предложений (147 было внедрено в производственный процесс). Внедрение указанных рацпредложений дало экономию около 3 млн рублей. Немаловажно отметить, что по состоянию на 1956 г. на Курском заводе по производству аккумуляторов каждый пятый комсомолец являлся рационализатором [9, д. 492, л. 11].

Анализируя результаты работы промышленности региона за 1957 г., Совет народного хозяйства Курской области принял постановление, в котором были отмечены заслуги изобретателей и рационализаторов. Так, перевыполнение плановых показателей по валовой продукции и прирост производства промышленной продукции в 1957 г. стали возможны во

многом в результате того, что заводы и фабрики Курской области активно включились в массовое движение рационализаторов [11, с. 93]. По состоянию на 1957 г. в этом движении участвовало более 6 тыс. сотрудников, среди которых рабочие, ИТР и служащие. Благодаря внедренным в производство рациональным предложениям сумма полученной годовой экономии достигла более 22 млн рублей [12, д. 61, л. 174]. Отмечая инициативность рационализаторов и изобретателей, Курский Совнархоз совместно с областным советом профсоюзов поощряли денежными премиями 66 сотрудников промышленности Курской области [12, д. 61, л. 176–180].

Деятельным рационализатором являлся начальник одного из цехов Курского завода тракторных запасных частей Я. С. Телкин. Он внес рацпредложение, касающееся проведения многократного восстановления плунжерных пар топливного насоса к тракторам. Воплощение в жизнь этого предложения давало условную экономию в год на сумму более 4,5 млн рублей [12, д. 61, л. 175].

К качественной стороне социально значимой деятельности изобретателей и рационализаторов по совершенствованию технологических процессов программными правительственно-партийными установками предъявлялись особые требования наиболее рационального и экономного использования общественного труда, материальных и денежных средств; обеспечения увеличения выпуска, повышения качества и снижения себестоимости продукции, роста производительности труда, облегчения и оздоровления условий труда рабочих, соблюдения техники безопасности. В 1950–60-е гг. особое внимание рационализаторов направлялось на механизацию вспомогательных

работ, где было задействовано значительное число рабочих [7, д. 3925, л. 103].

В решении задач, выполнявшихся изобретателями и рационализаторами, важную роль были призваны сыграть первичные организации Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР), созданного в 1958 г. Одной из основных функций первичных организаций ВОИР являлось обеспечение массового участия рационализаторов и новаторов производства в повышении производительности труда, улучшении качества и снижении себестоимости производимых товаров, а также экономии сырьевых и материальных ресурсов [13, с. 4].

В промышленности Курского региона к началу 1962 г. осуществляли деятельность 142 первичные организации ВОИР с общим количеством рационализаторов и изобретателей более 11 тыс. человек [7, д. 3588, л. 33]. В целом на территории области первичные организации ВОИР осуществляли довольно большую работу по привлечению сотрудников предприятий к творческой деятельности на производстве. Одним из результатов этой деятельности стало вовлечение в рационализаторское движение каждого пятого работника региональной промышленности.

Большая часть советов первичных организаций ВОИР систематически проводили беседы, лекции, совместно с первичными профсоюзными организациями регулярно анализировали итоги рационализаторской работы, постоянно оказывали помощь (в том числе техническую) новаторам и рационализаторам производства. Эффективно работали организации ВОИР на Курской обувной фабрике № 1, электроаппаратном заводе и на некоторых других предприятиях.

В первой половине 1960-х гг. сохранялся курс на увеличение числа, прежде всего, молодых изобретателей. Данная тенденция была отмечена в постановлении бюро Курского горкома КПСС «О руководстве горкома ВЛКСМ первичными комсомольскими организациями» от 5 октября 1960 г. Молодым изобретателям и рационализаторам предлагалось «реши- тельнее вести борьбу за строжайший ре- жим экономии государственных средств, за снижение себестоимости выпускаемых то- варов, за более экономное использование сырьевых, материальных и топливных ре- сурсов» [14, д. 151, л. 21–25].

В марте 1961 г. было принято поста- новление бюро Курского обкома ВЛКСМ «Об итогах комсомольско-молодежного смотра по изысканию внутренних резер- вов производства, внедрению рационали- заторских предложений и изобретений на предприятиях области». Постановлением обобщались результаты смотра, прово- дившегося с 15 октября 1960 г. по 1 января 1961 г., в ходе которого было внесено 1811 рацпредложений, ориенти- рованных на модернизацию технологии производства, сбережение материалов и электроэнергии. За тот же период в про- изводственные процессы было внедрено 882 предложения, экономическая выгода от которых составляла более 380 тыс. руб. (в масштабе цен 1961 года) [8, с. 358–359].

Во время смотра на заводах и фабри- ках Курского региона было организовано 49 творческих бригад из числа молодых рационализаторов, а 1388 молодых со- трудников были приняты в члены ВОИР. Для молодых работников промышленно- сти регулярно проводились ознакоми- тельные экскурсии на родственные пред- приятия по обмену опытом применения эффективных методов организации про- изводства.

С негативной стороны отмечалось участие в смотре молодых рационализа- торов традиционной для региона пище- вой отрасли. Так, предприятия молочной и мясной промышленности, а также са- харные заводы Курской области были представлены на областном конкурсе от- дельными молодыми рабочими, а не мо- лодёжными рационализаторскими брига- дами [15, с. 185].

Одной из серьезных проблем в раз- витии рационализаторства в промышлен- ности Курской области являлся низкий процент внедрения рациональных пред- ложений. К примеру, в 1961 г. на заводах и фабриках Курского совнархоза оказа- лись не внедренными в производство бо- лее 2600 рацпредложений (было внедрено только 73,6% предложений). На заводе «Электроаппарат», Свободинском элек- тромеханическом, а также на радиозаводе внедрялось от 36,8% до 42,2% поступив- ших рациональных предложений. К со- жалению, схожая тенденция имела место и в 1962 г.

По заверениям руководителей Кур- ского совнархоза, сложившаяся ситуация с внедрением поступающих рацпредло- жений стала возможной в результате то- го, что на процесс внедрения предложе- ний в производство деструктивное влия- ние оказывали бюрократические препят- ствия, которые приходилось преодоле- вать новаторам производства. Зачастую начальники участка или цеха, от которых зависело внедрение предложений и изоб- ретений, рассматривали их как навязчи- вую самостоятельность, затягивая внедре- ние технологических новинок в произ- водственный процесс [7, д. 3925, л. 98].

В результате пренебрежительного отношения к технической квалификации рациональных предложений ряд из них без объяснения отклонялся руководством заводов и фабрик. Но при повторном рас-

смотреии выяснялось, что в большинстве случаев отклонялись ценные и важные для повышения эффективности производственных процессов идеи [16, с. 202]. При соблюдении объективного подхода к оценке подаваемых рационализаторских идей директора и главные инженеры предприятий должны были сочетать строгость и требовательность с внимательным отношением к работникам, привлеченным к техническому творчеству и новаторству, поддерживая в них уверенность в собственных силах, социальной значимости выполненных разработок и оказывая при этом надлежащую экспертно-консультативную поддержку. Но, к сожалению, как свидетельствуют архивные данные, на практике чаще имел место бюрократический подход к работе с новаторами и изобретателями со стороны как руководителей цехов, так и директоров предприятий [7, д. 3925, л. 100].

В промышленности Курской области длительное время сохранялась проблема объективного подсчета экономической эффективности по внедренным рацпредложениям. На заводах и фабриках региона зачастую вместо подсчета реального экономического эффекта, полученного от внедрения рациональных предложений, их разработчикам выплачивалась предусмотренная нормативными документами минимальная сумма вознаграждения в размере 10 рублей. Безусловно, такой подход не поддерживал развитие творческой инициативы у сотрудников предприятий. Среди заводов и фабрик, имевших низкий процент подсчета экономической эффективности, можем выделить заводы: тракторных запасных частей, «Прибор», электроаппаратный [7, д. 3925, л. 99].

Отсутствие материальной заинтересованности у рационализаторов и изобретателей снижало их мотивацию к актив-

ной научно-творческой деятельности. Причинами таких ситуаций были не только крайне низкие гонорары, но и зачастую имевшиеся задержки в их выплате. В 1960-е гг. факты задержки выплаты авторских вознаграждений рационализаторам фиксировались на заводах электро-технической, химической и пищевой промышленности Курской области. В связи с этим рационализаторам и изобретателям приходилось обращаться за защитой своих прав в профсоюзные организации, а также в прокуратуру [7, д. 3925, л. 101]. К сожалению, такое несправедливое отношение к новаторам производства препятствовало развитию массового рационализаторского движения.

В 1970-х гг. в промышленности Курской области продолжалось активное участие рационализаторов и изобретателей в техническом перевооружении производства и внедрении в него научно-технических достижений. Например, за 1971–1972 гг. в результате внедрении рационализаторских предложений был получен экономический эффект в размере 35,8 млн рублей. Это положительным образом отразилось и на производительности труда, которая возросла на 18%, а в то же время прибыль заводов и фабрик увеличилась почти в 1,5 раза [17, д. 10, л. 4].

Проведенный на основе архивных материалов анализ показателей рационализаторской деятельности на промышленных предприятиях Курской области в 1970–1974 гг. свидетельствует об устойчивом росте практически по всем показателям: увеличивалось число рационализаторов и изобретателей, ежегодно возрастало количество внедренных рационализаторских предложений. Помимо этого, к 1974 г. экономический эффект от внедренных рационализаторами предложений увеличился более чем в 2,5 раза по сравнению с 1970 г.

На предприятиях Курской области положительно себя зарекомендовала организация творческих бригад рационализаторов [18, д. 328, л. 71]. К примеру, рационализаторами завода «Аккумулятор» с целью ускорения внедрения в производство научно-технических разработок была организована научно-производственная бригада (17 инженерно-технических работников и других сотрудников) по созданию новой техники, технологии и конструкций аккумуляторов, строящая свою деятельность на основе подряда. В результате внедрения в производство комплекса сварки никелевой сетки, разработанного и изготовленного бригадой, высвободилось 14 рабочих указанного предприятия. Полученный эффект позволил выплатить каждому члену бригады от 114 до 1264 рублей (с учетом личного вклада) премиального вознаграждения [19, д. 1189, л. 3].

К концу 1975 г. сотрудниками Курской биофабрики было подано 37 рационализаторских предложений. Удалось внедрить 33 предложения с экономическим эффектом 20 тыс. рублей. Одним из лучших рационализаторов предприятия был З. С. Хусаинов, который сконструировал полуавтомат для обрезки ампул и механизировал ручной труд, в результате чего было высвобождено 2 человека. Но Совет ВОИР биофабрики так и не смог организовать активную рационализаторскую работу во всех структурных подразделениях. Об этом свидетельствует тот факт, что на заводе имелись цеха, сотрудники которых за 9 месяцев 1975 г. не подали ни одного рационализаторского предложения [20, д. 45, л. 102].

На Курской фабрике технических тканей в соответствии с приказом по предприятию от 28 апреля 1976 г. для обеспечения лучшей организации работы с новаторами производства был создан экспертный Совет по рационализации и

изобретательству. Здесь активно работал Совет молодых специалистов, в обязанности которого входило развитие творческой инициативы молодежи [21, д. 46, л. 2]. Подобная практика давала возможность работникам фабрики технических тканей в полной мере раскрыть технические способности. Лучшими рационализаторами являлись А. Н. Родионов, Н. Д. Бобнев, С. А. Боев, общий годовой экономический эффект от новаторских предложений которых составлял более 33 тыс. рублей [21, д. 690, л. 2–3].

Во второй половине 1970-х гг. активно участвовали в рационализации и изобретательстве работники Курского завода медицинского стекла. По состоянию на 1977 г. здесь каждый 11 рабочий являлся рационализатором. Из числа лучших рационализаторов и изобретателей предприятия необходимо отметить механика составного участка Н. Г. Кирдана. Внедрение в производство его рационального предложения, касающегося изменения конструкции сушильных барабанов, позволило уменьшить расход топлива и электроэнергии, а производительность сушильных барабанов увеличилась на 20%. Примечательно, что данное рацпредложение принимало участие в конкурсе по рационализации и изобретательству «На лучшее предложение по облегчению условий труда», проводимом Ленинским районным Советом ВОИР г. Курска. По результатам конкурса это предложение получило высокую оценку, а рационализатор – денежную премию [22, д. 20, л. 65].

Совершенно очевидно, что материальное поощрение или различные формы морального стимулирования являлись своеобразной мотивацией к рационализаторской деятельности. Так, на заводе КЗТЗ было разработано и с 1974 г. введено в действие «Положение о порядке премирования за содействие изобрета-

тельству и рационализации». В соответствии с данным нормативным актом руководство предприятия совместно с советом ВОИР завода ежегодно премировали и награждали почетными грамотами лучших рационализаторов за личное участие и внедрение в производство рациональных предложений [23, д. 1703, л. 77].

Выводы

Подводя итог, следует отметить, что широкое вовлечение сотрудников предприятий в рационализаторское движение

имело противоречивый характер. С одной стороны, привлечение к научно-техническому творчеству способных работников оказывало положительное влияние на повышение эффективности производства, а с другой – желание руководителей предприятий всеми способами украсить отчетные показатели по развитию рационализаторства обуславливало формальный подход и халатное отношение к выполнению производственных заданий рядовыми сотрудниками.

Список литературы

1. Кузьмина Т. Н. Развитие рационализаторства и изобретательства в промышленности Пензенского края (1928–1932 гг.) // Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 года (общество, политическая коммуникация, философия, культура): сборник статей Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции / под ред. О. В. Милаевой, О. В. Черновой. Прага: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2017. С. 59–71.
2. Ковалева Л. А. К вопросу об участии контрольно-надзорных органов Урала в развитии рационализации и изобретательства в 30-е годы XX века // Электронный научный журнал. 2015. № 1 (1). С. 146–150.
3. Солдатова О. Н. Изобретатели и изобретательская деятельность в развитии научно-технического прогресса промышленности Советского государства (1917–1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2015. 673 с.
4. Рационализация и изобретательство / В. И. Ефимов, П. М. Федяев, Т. В. Корчагина, С. И. Митичкин. Кемерово: ООО «Сибирский институт горного дела», 2018. 327 с.
5. Сагдеева Г. С., Сагдеев А. А., Рахматуллин Д. С. История организации изобретательства и рационализаторства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4/5. С. 68–70.
6. Коровин В. В., Головин Е. А., Манжосов А. Н. Индустриальный прорыв: промышленность Курской области в 1950–1965 годах / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2015. 326 с.
7. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-1. Оп. 2.
8. Из истории Курской областной комсомольской организации (1918–1970 гг.): сборник документов и материалов / под ред. В. Е. Шарова. Курск: Курская правда, 1972. 469 с.
9. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1.
10. Коровин В. В., Головин Е. А. Проблемы становления производства отечественной вычислительной техники (на примере Курского завода «Счетмаш») // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 2, ч. 2. С. 154–159.
11. Головин Е. А., Коровин В. В. Архивные документы о развитии отечественной промышленности в 1950–1960-е гг. (по материалам Курской области) // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 87–99.

12. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-5374. Оп. 1.
13. В помощь активисту ВОИР: сборник организационных материалов / сост. С. Н. Шабельский, М. А. Сааков, А. В. Лихтер. М.: Профиздат, 1968. 176 с.
14. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 4.
15. Воронцов Р. С. Роль научно-технических достижений в развитии отечественной пищевой промышленности в 1950-х – начале 1960-х годов (по материалам Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 1 (26). С. 180–187.
16. Трифанков Ю. Т., Рафиенко Е. Н. Промышленность Брянского края от истоков до наших дней. Брянск: БИПКРО, 2009. 280 с.
17. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 63.
18. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 62.
19. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 87.
20. ГАОПИКО. Ф. П-1352. Оп. 1.
21. ГАКО. Ф. 995. Оп. 1.
22. ГАОПИКО. Ф. П-1326. Оп. 1.
23. ГАКО. Ф. 5182. Оп. 3.

References

1. Kuz'mina T. N. Razvitie racionalizatorstva i izobretatel'stva v promyshlennosti Penzenskogo kraia (1928–2932 gg.) [Development of rationalization and invention in the industry of the Penza Region (1928–2932)]. *Vzglyad cherez stoletie: revolyucionnaya transformaciya 1917 goda (obshchestvo, politicheskaya kommunikaciya, filosofiya, kul'tura). Sbornik statej Vse-rossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii k 100-letiyu Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii* [Vzglyad po stoletie: revolyutsionnaya transformatsiya 1917 (society, political communication, philosophy, culture). Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the Great October Socialist Revolution]; ed. by O. V. Milaeva, O. V. Chernova. Praga, Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2017, pp. 59–71.
2. Kovaleva L. A. K voprosu ob uchastii kontrol'no-nadzornyh organov Urala v razvitii racionalizacii i izobretatel'stva v 30-e gody XX veka [On the question of the participation of the control and supervisory bodies of the Urals in the development of rationalization and invention in the 30s of the twentieth century]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal = Electronic scientific journal*, 2015, no. 1 (1), pp. 146–150.
3. Soldatova O. N. Izobretateli i izobretatel'skaya deyatel'nost' v razvitii nauchno-tehnicheskogo progressa promyshlennosti Sovetskogo gosudarstva (1917–1956 gg.). Diss. dokt. ist. nauk [Inventors and inventive activity in the development of scientific and technological progress in the industry of the Soviet State (1917–1956). Dr. hist. sci. diss.]. Orenburg, 2015. 673 p.
4. Efimov V. I., Fedyaev P. M., Korchagina T. V., Mitichkin S. I. Racionalizaciya i izobretatel'stvo [Rationalization and invention]. Kemerovo, ООО "Sibirskij institut gornogo dela", 2018. 327 p.
5. Sagdeeva G. S., Sagdeev A. A., Rahmatullin D.S. Istoriya organizacii izobretatel'stva i racionalizatorstva [History of the organization of invention and innovation]. *Aktual'nye problemy*

gumanitarnyh i estestvennyh nauk = *Current problems of the humanities and natural sciences*, 2017, no. 4/5, pp. 68–70.

6. Korovin V. V., Golovin E. A., Manzhosov A. N. Industrial'nyj proryv: promyshlennost' Kurskoj oblasti v 1950–1965 godah [Industrial breakthrough: the industry of the Kursk region in 1950–1965]. Kursk, Southwest St. Univ. Publ., 2015. 326 p.

7. GAOPIKO (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Kursk Region], f. P-1, op. 2.

8. Iz istorii Kurskoj oblastnoj komsomol'skoj organizacii (1918–1970 gg.). Sbornik dokumentov i materialov [From the history of the Kursk Regional Komsomol Organization (1918–1970). Collection of documents and materials]; ed. by V. E. Sharov. Kursk, Kurskaya Pravda Publ., 1972. 469 p.

9. GAOPIKO, f. P-131, op. 1.

10. Korovin V. V., Golovin E. A. Problemy stanovleniya proizvodstva otechestvennoj vychislitel'noj tekhniki (na primere Kurskogo zavoda "Schetmash") [Problems of formation of production of domestic computer equipment (on the example of the Kursk plant "Schetmash")]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2012, no. 2, pt. 2, pp. 154–159.

11. Golovin E. A., Korovin V. V. Arhivnye dokumenty o razvitii otechestvennoj promyshlennosti v 1950–1960-e gg. (po materialam Kurskoj oblasti) [Archival documents on the development of domestic industry in the 1950s and 1960s (based on the materials of the Kursk region)]. *Vestnik arhivista* = *Archivist's Bulletin*, 2016, no. 4, pp. 87–99.

12. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. R-5374, op. 1.

13. V pomoshch' aktivistu VOIR. Sbornik organizacionnyh materialov [To help the VOIR activist. Collection of organizational materials]; ed. by S. N. Shabel'skij, M. A. Saakov, A. V. Lihter. Moscow, Profizdat Publ., 1968. 176 p.

14. GAOPIKO, f. P-2878, op. 4.

15. Voroncov R. S. Rol' nauchno-tekhnicheskikh dostizhenij v razvitii otechestvennoj pishchevoj promyshlennosti v 1950-h – nachale 1960-h godov (po materialam Kurskoj oblasti) [The role of scientific and technical achievements in the development of the domestic food industry in the 1950s – early 1960s (based on the materials of the Kursk region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, vol. 8, no. 1 (26), pp. 180–187.

16. Trifankov Yu. T., Rafienko E. H. Promyshlennost' Bryanskogo kraja ot istokov do nashih dnei [Industry of the Bryansk Region from its origins to the present day]. Bryansk, BIPKRO, 2009. 280 p.

17. GAOPIKO, f. P-1, op. 63.

18. GAOPIKO, f. P-1, op. 62.

19. GAOPIKO, f. P-1, op. 87.

20. GAOPIKO, f. P-1352, op. 1.

21. GAKO, f. 995, op. 1.

22. GAOPIKO, f. P-1326, op. 1.

23. GAKO, f. 5182, op. 3.

Информация об авторах / Information about the Authors

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vlavikor@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vlavikor@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Головин Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: golovin007@mail.ru

Evgeny A. Golovin, Candidate of Historical Sciences, Research Associate at the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: golovin007@mail.ru

Копылов Никита Кириллович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vlavikor@yandex.ru

Nikita K. Kopylov, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vlavikor@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 303.446.4 (93)

**Функционирование традиционной православной культуры
в СССР 1940–1980-х годов как историографическая проблема:
ключевые вопросы и возможные пути их решения**

А. В. Апанасенок¹ ✉, И. С. Пудякова¹

¹Региональный открытый социальный институт
ул. Маяковского 85, г. Курск 305090, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью научного осмысления эволюции традиционного конфессионального мировоззрения и соответствующих практик в эпоху советского модерна, а также необходимостью вписать историю православной культуры в общий контекст духовной истории СССР.

Цель исследования – выявление особенностей актуальной историографической ситуации и перспектив исследовательского поиска в области изучения религиозного поведения православных граждан СССР послевоенного периода.

Задачи: анализ специфики изучения конфессиональных процессов в СССР в советской и постсоветской историографии; выявление ключевых вопросов, стоящих перед современной гуманитарной наукой в указанной сфере; выделение перспективных направлений дальнейшего исследования процессов функционирования и воспроизводства православной культуры в СССР.

Методология. В ходе исследования поставленных в статье проблем использовались историко-генетический и сравнительно-исторический методы, а также метод перспективного анализа.

Результаты. В работе показано, что популярность «религиозной» проблематики в постсоветский период предопределила большое количество трудов по тематике государственно-церковных отношений, привлекла внимание исследователей ко множеству отдельных эпизодов церковной истории XX века. В то же время эволюция православной культуры в недрах советского общества практически не становилась предметом самостоятельных исследований у специалистов в области церковного прошлого, будучи затрагиваемая преимущественно в контексте «институциональной истории». Важными проблемами современной гуманитарной науки в указанной сфере являются сохранение установки на противопоставление «советского мира» и православных традиций, а также отсутствие объемных работ, посвященных динамике конфессиональных процессов в СССР.

Выводы. В статье делается вывод о том, что перед современной гуманитарной наукой стоит задача полноценного включения истории православной культуры в историю повседневной жизни советского общества. Ее успешное решение возможно в рамках междисциплинарного научного поиска, сочетающего в себе элементы конкретно-исторического, историко-антропологического, культурно-антропологического и социально-философского исследования.

Ключевые слова: историография; история СССР; православие; конфессиональные практики; советская идентичность.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-09-43066.

Для цитирования: Апанасенок А. В., Пудякова И. С. Функционирование традиционной православной культуры в СССР 1940–1980-х годов как историографическая проблема: ключевые вопросы и возможные пути их решения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 189–200.

Поступила в редакцию 14.04.2021

Принята к публикации 17.05.2021

Опубликована 25.06.2021

Functioning of Traditional Orthodox Culture in the USSR of the 1940-1980s as a Historiographical Problem: Key Issues and Possible Solutions

Alexander V. Apanasenok¹ ✉, Irina S. Pudyakova¹

¹Regional Open Social Institute

85 Mayakovsky str., Kursk 305090, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is due to the importance of scientific understanding of the evolution of the traditional confessional worldview and relevant practices in the era of Soviet modernity, as well as the need to fit the history of Orthodox culture into the general context of the spiritual history of the USSR.

The purpose of the paper is to identify the features of the current historiographical situation and the prospects for research in the field of studying the religious conduct of Orthodox citizens of the USSR in the post-war period.

Objectives: analysis of the specifics of the study of confessional processes in the USSR in Soviet and post-Soviet historiography; identification of key issues facing modern humanitarian research in this area; identification of promising areas for further research of the processes of functioning and reproduction of Orthodox culture in the USSR.

Methodology. The main methods that were used in the course of the research were historical-genetic and comparative-historical methods, as well as the method of prospective analysis.

Results. The paper shows that the popularity of "religious" problems in the post-Soviet period predetermined a large number of works on the subject of state-church relations, and attracted the attention of researchers to many individual episodes of the church history of the XX century. At the same time, the evolution of Orthodox culture in the depths of Soviet society rarely became the subject of independent research by specialists in the field of the church's past. It was mainly addressed in the context of "institutional history". Important problems of modern humanities in this area are the attitude to the opposition of the "Soviet world" and Orthodox traditions, as well as the lack of extensive works on the dynamics of confessional processes in the USSR.

Conclusions. The paper concludes that contemporary humanitarian science is faced with the task of fully integrating the history of Orthodox culture into the history of everyday life of Soviet society. Its successful solution is possible within the framework of an interdisciplinary scientific search that combines elements of concrete historical, historical-anthropological, cultural-anthropological and social-philosophical research.

Keywords: historiography; history of the USSR; Orthodoxy; confessional practices; Soviet identity.

Funding: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 21-09-43066.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A. V., Pudyakova I. S. Functioning of Traditional Orthodox Culture in the USSR of the 1940-1980s as a Historiographical Problem: Key Issues and Possible Solutions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 189–200. (In Russ.)

Received 14.04.2021

Accepted 17.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

В 2021 г. исполняется тридцать лет с момента распада СССР. Более половины граждан современной России рождены еще в советское время и более трети сохранили о нем отчетливые воспоминания, однако прошлое Страны Советов сегодня является предметом серьезных историографических схваток и даже мифотворчества. Несмотря на хронологическую близость к современности и бесконечное многообразие источников (а может, как раз в силу этих обстоятельств), историки весьма далеки даже от относительного консенсуса в оценках советской действительности. Значительная часть работ, посвященных СССР, имеет явно спекулятивную направленность, будучи написана с «либеральных», «левых», «консервативных» или еще каких-либо ярко выраженных общественно-политических позиций. Напротив, конкретно-исторические исследования, не претендующие на изобличение либо реабилитацию советского строя, пока не выглядят исчерпывающими.

Одной из сфер жизни советского общества, изученной явно недостаточно и в силу этого часто выступающей предметом исторических спекуляций, является его религиозная жизнь. Общеизвестно, что важным элементом советской идеологии был атеизм. Однако можно ли ставить знак равенства между «безбожным» государством и «безбожным» обществом? Насколько атеистическим было советское общество на уровне обывденного сознания и повседневных практик? С одной стороны, советская идентичность, на формирование которой были направлены беспрецедентные усилия со стороны партийных и государственных структур, подразумевала политическую лояльность, принятие марксистско-ленинской идеологии, а также преданность идее

строительства социализма/коммунизма. Нет сомнения, что подавляющая часть населения СССР (по крайней мере в центральной части страны, совпадавшей с районами традиционного распространения православия) в той или иной степени разделяла коммунистические идеалы. Теоретически верующие должны были стать инородным элементом после проведения «культурной революции» и построения «однородного социалистического общества». Однако, с другой стороны, на практике религиозная (и в частности, православная) жизнь оставалась заметной составляющей общественного бытия вплоть до конца советского периода, о чем свидетельствуют всплески конфессиональной активности в периоды ослабления антирелигиозных кампаний, привлечение церковных структур к решению важных общественно-государственных задач, не прерывавшаяся традиция крещений новорожденных и празднования (пусть и упрощенного) Пасхи значительной частью граждан и, наконец, довольно безболезненный переход множества представителей советской номенклатуры в лагерь «сочувствующих» православию в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Перечисленные факты свидетельствуют о практическом согласовании (на уровне повседневной жизни) теоретически несогласуемых идентичностей гражданами СССР. Они же демонстрируют несостоятельность одномерных, категорических оценок духовной жизни населения Советского Союза. Очевидно, что ее объективное научное отражение требует комплексного исследования многообразных ментальных установок, часто носивших полу-секулярный, полу-конфессиональный характер, а также редуцированных форм конфессиональных практик, присущих представителям раз-

ных социальных категорий советских граждан на разных этапах существования советского строя.

Насколько готово научное сообщество к созданию полноценной картины функционирования православной культуры в советское время? В данной статье авторы предпринимают попытку выявить имеющиеся достижения в области исследования истории православия в советский период, проанализировать проблемы, а также наметить возможные пути их решения. При этом в фокусе внимания будет отражение истории православия в 1940–80-е гг., что обусловлено двумя важными обстоятельствами. Во-первых, именно о послевоенном периоде можно говорить как времени формирования советской идентичности у большинства граждан СССР (в том числе в связи с влиянием Великой Отечественной войны, выходом в активную гражданскую жизнь выросшего при советской власти поколения). Во-вторых, указанный временной промежуток, вошедший в историю как период формирования «научного атеизма», характеризовался относительной стабильностью в отношениях между государством и верующими с редкими попытками грубого (насильственного) сворачивания конфессиональных практик.

Методология

В ходе работы авторы опирались на традиционные методы историографического исследования: историко-генетический, сравнительно-исторический, а также метод перспективного анализа. Первый из указанных методов направлен на выявление идейных предпосылок существующих историографических концепций в области изучения православной культуры в СССР, второй – на сравнение этих концепций, выявление их сильных и слабых сторон. Метод перспективного

анализа призван помочь в определении ключевых направлений исследований конфессиональных процессов советской эпохи в настоящее время и в будущем.

В ходе исследовательской работы были также учтены достижения классической социологии религии и социологии культуры в интерпретациях М. Вебера и М. Трельча, повлиявших на формирование основ современного научного взгляда на процессы трансформации традиций в условиях развития общества позднего модерна.

Результаты и их обсуждение

Предваряя анализ проблем, обозначенных во вводной части работы, хотелось бы обратить внимание на распространенный конфликт коллективной памяти и истории (как объективной научной картины прошлого) в сфере отражения конфессиональной жизни в СССР. В мае 2021 г., в ходе интервьюирования пожилой прихожанки одного из курских храмов авторами был задан вопрос: «Посещали ли Вы церковь в советское время?». Прихожанка ответила: «Что вы! Разве в советское время можно было ходить в церковь или в Бога верить? За это наказывали! Я только после перестройки стала ходить»¹. Женщина говорила вполне искренне, однако невольно искажала прошлое. В ходе интервьюирования прихожан того же храма еще несколько человек заявили о том, что во времена СССР посещать храм было почти невозможно. Думается, что, отвечая на поставленные вопросы, они опирались не столько на собственный опыт, сколько на стереотипы о «богоборческом государ-

¹ Материалы интервью Зинаиды Петровны К. – прихожанки курского храма Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, 1955 г.р. (21.05.2021) // Личный архив А. В. Апанасенка.

стве», активно тиражировавшиеся в 1990-е и начале 2000-х гг. и ставшие частью общественного сознания. Разумеется, посещение православных храмов в СССР 1940–80-х гг. не приветствовалось, однако и не запрещалось, равно как не запрещалось крестить детей или частным образом отмечать церковные праздники.

Исторические факты свидетельствуют, что на протяжении послевоенного периода нередко можно было наблюдать конфессиональную активность, не уступающую активности современных верующих. Например, Д. В. Поспеловский отмечает, что в течение Великого поста в 1946 г. только в кафедральных соборах Москвы и Ленинграда причастилось приблизительно по 400 тыс. человек [1, с. 275]. Посетивший СССР в 1954 г. западный историк Г. Рар описывал приходскую жизнь центральной России как довольно активную, отмечая, что православные храмы обычно бывают переполнены молящимися. Он пишет, что в большие православные праздники, особенно на Пасху, служба повторялась по нескольку раз для того, чтобы дать возможность всем желающим поприсутствовать на торжественном богослужении. В такие дни прилегающие к церквям улицы были запружены людьми настолько сильно, что городской транспорт вынужден был останавливаться или изменять маршрут своего движения» [2, с. 77].

Знаменитый крестный ход в Курскую Коренную пустынь, несмотря на свой стихийный характер и вынужденное неучастие священнослужителей, собирал в 1950-е гг. до 20 тыс. верующих [3, оп. 5, д. 10, л. 33]. В этот же период местные уполномоченные по делам РПЦ регулярно фиксировали в своих отчетах факты посещения сотнями школьников разного возраста церковью накануне нового учебного года на уровне отдельно взятых

провинциальных городов: ребята отправлялись на линейки в честь Дня Знаний, предварительно отстояв службы и помолвившись вместе со взрослыми об успехах в учебе [3, оп. 5, дд. 10, 13, 22].

В 1961 г., даже по официальным данным (как правило, занижавшимся), доля крещеных младенцев в некоторых областях СССР достигала 60% от всех родившихся [1, с. 283]. В начале семидесятых советские авторы (опять же стремившиеся к занижению цифр) писали, что «в среднем верующие среди городского населения составляют 20% плюс 10% колеблющихся» [4, с. 54]. К началу восьмидесятых авторы стали регулярно фиксировать факт формирования «новой православной интеллигенции», связанный с обращением заметного количества людей с высшим образованием к церковным практикам [1, с. 374].

Почему же многие россияне, подобно упомянутому выше курским прихожанам, склонны преувеличивать уровень атеизма в СССР? Видимо, решающую роль тут сыграла антикоммунистическая риторика СМИ в первые постсоветские десятилетия. Она сделала нормой категоричность оценок, которую теперь предстоит постепенно смягчать историографии.

Переходя к собственно историографическому анализу, нужно отметить, что эволюция религиозности (в том числе приобщенности к православию) граждан СССР практически не становилась предметом самостоятельных исследований у специалистов в области церковного прошлого, будучи затрагиваема преимущественно в контексте «институциональной истории» (истории государственно-церковных отношений, истории РПЦ). Фактически, эта традиция была заложена еще в советский период, когда авторы, писавшие о функционировании церкви в

советском социуме, периодически обращались к тем или иным конфессиональным практикам. Тогда же историографической нормой стало резкое противопоставление «советского» и «православного». Например, стремясь продемонстрировать отмирание религиозных институтов в советском обществе в силу их несоответствия новому образу жизни, советские исследователи (Е. В. Маят, П. К. Курочкин, М. П. Новиков и др.) писали о деградации религиозного (прежде всего православного) сознания и культа [5]. Естественно, серьезной научной значимости такого рода работы не имеют в силу ангажированности исследователей и идеологически предопределенных выводов.

В постсоветской исторической науке (несмотря на парадигмальное обновление сохранившей склонность к противопоставлению традиционной российской и советской цивилизаций) проблемы церковной истории и государственно-церковных отношений в СССР оказались довольно популярны, о чем свидетельствует заметное число серьезных трудов по соответствующей проблематике. К их числу относятся: «Русская Православная Церковь в XX веке» Д. В. Поспеловского, «История Русской Церкви. 1917–1997» В. Цыпина, «Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг.» О. Ю. Васильевой, «Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве» М. В. Шкаровского, «Русская Православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века)» Ю. В. Гераськина и ряд других работ, тематически близких перечисленным. В них можно почерпнуть определенные сведения о православных практиках советских граждан, которые авторы приводят, иллюстрируя причины либо итоги тех или иных государственных мер

в отношении Русской Православной церкви.

Однако, как правило, сама по себе религиозность населения для историков государственно-церковных отношений – вторичная проблема. В центре их внимания – ограничительные меры государственных структур в отношении деятельности церкви, а также выживание последней как института. Характерным примером тут являются труды известного исследователя М. И. Одинцова [6; 7]. Давая скрупулезный анализ мер, предпринимавшихся государством в отношении церковных структур в советский период, фиксируя их количественные результаты (такие как закрытие-открытие храмов и приходов), ученый уделяет совсем немного внимания их качественным эффектам, т. е. реальной динамике религиозности населения. Ценность его трудов для нашей проблемы, как и других серьезных работ, посвященных государственно-церковным отношениям, заключается, прежде всего, в том, что они дают возможность увидеть исторический контекст эволюции конфессиональных практик советских граждан на отечественной почве до конца 1980-х гг.

Другая группа работ, связанных с изучением религиозности населения в СССР, представлена исследованиями отдельных исторических кейсов. Например, содержательные работы, посвященные истории почитания местных святых, принадлежат П. Г. Чистякову [8]. Удачным примером изучения конфессиональной активности жителей провинциальной России на уровне отдельного региона стал труд немецкого историка У. Хуна, посвященный массовому паломничеству к закрытому монастырю в сталинский и хрущевский периоды [9]. В целом, трудов, так или иначе затрагивающих историю православных практик в разных ре-

гионах СССР, в конце XX и особенно начале XXI в. было издано довольно много. Чаще всего они посвящены попыткам государственных и партийных органов воспрепятствовать тем или иным проявлениям православного традиционализма и при этом содержат описания элементов церковной жизни, существовавшим вопреки партийно-государственной политике. В то же время работы, ретроспективно исследующие религиозность советских граждан на протяжении длительного исторического промежутка на уровне страны в целом, отсутствуют.

Конфессиональная (и в частности, православная) жизнь в СССР могла бы найти отражение в трудах по истории советской повседневности. Однако авторы наиболее содержательных трудов в данной области: Е. Ю. Зубкова, Н. Н. Козлова, Н. Б. Лебина, О. Л. Лейбович, И. Б. Орлов и др., концентрируют свое внимание преимущественно на нормах и практиках, сформировавшихся под влиянием новых (революционных, послереволюционных) культурных кодов. Например, известная исследовательница советского быта Н. Б. Лебина в свою монографию «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю» поместила довольно объемный сюжет о секуляризации брачной обрядности, «красных погребениях», «звездах» с момента их зарождения до упадка [10, с. 170–217], при этом не обратив никакого внимания на ренессанс православных традиций в военное и послевоенное время. Понятно, что конфессиональные практики для советского строя – не норма, а аномалия. Однако следует ли игнорировать эту аномалию, если она оставалась глубоко укоренной в повседневном быту значительной части граждан и порой доминировала над «нормой»?

Анализ общего состояния историографии традиционной православной культуры в СССР 1940–80-х гг. дает возможность выделить две основные проблемы: методологическую и содержательную. Первая связана с особенностями распространенной модели осмысления истории религии (в том числе православия) в Советском Союзе. В рамках доминирующего с 1990-х гг. общественного и историографического дискурса отношения государства и верующих в СССР чаще всего описываются в категориях противопоставления и конфронтации (притеснения-сопротивление, гонения-страдания), что приводит к некоторому упрощению исторической действительности. По сути, такой подход не дает возможности объяснять механизмы ретрансляции конфессиональных традиций, а также феномены «конфессиональных ренессансов» в советском обществе (в военные и послевоенные годы, в период перестройки и 1990-е гг.).

Вторая проблема сопряжена с отсутствием объемных работ, рассматривающих религиозность советских граждан в ее исторической динамике на протяжении нескольких десятилетий. Фактически, именно этот историографический пробел не дает возможности ответить на вопрос о том, насколько «неверующим» было советское общество на разных этапах своего развития.

Думается, что решение первой из обозначенных проблем должно быть связано с корректировкой господствующей историографической модели отражения конфессиональных процессов в СССР, предполагающей резкое противопоставление «советского» и «православного». В частности, перспективным представляется развитие темы совмещения гражданами СССР советской и православной идентичностей, которая пока слабо про-

блематизирована в науке. Не став пока предметом масштабных исследований, она эпизодически поднималась в рамках изучения конкретных исторических феноменов либо локальных социокультурных явлений. Так, конфликт и пересечение идентичностей разбирался украинской исследовательницей Н. В. Шлихтой на примере верующих Украинской ССР [11], а также омским историком Н. В. Воробьевой в ходе исследований биографий священнослужителей РПЦ в советский период [12]. Московским этнографом Е. Е. Левкиевской исследовалась роль пасхальных пищевых кодов в процессе сохранения конфессиональной идентичности лояльными советскими гражданами [13]. Интересные материалы, отражающие идейный синкретизм обыденного сознания населения СССР в послевоенные годы, можно найти в труде Б. М. Фирсова [14]. Проблемы соотношения «советского» («социалистического») и «православного» в практической конфессиональной жизни эпизодически касались также социальные антропологи, как российские – Ж. В. Кормина [15], А. Юрчак [16], так и западные – А. Стоун [17], В. Наумеску [18] и некоторые другие. Думается, что дальнейшее, более предметное изучение смыслов, вкладывавшихся верующими людьми эпохи развитого социализма в указанные категории, а также механизмов их самоидентификации в пространствах сосуществовавших коммунистических и традиционно-православных идеалов существенно углубит научные представления о духовной жизни советской цивилизации.

Решение второй проблемы связано со скрупулезным исследованием источников, отражающих факты приобщенности населения к православным практикам на разных этапах существования СССР, а также анализом факторов, опреде-

лявших ту или иную динамику в указанной сфере.

Несомненно, создание полноценной картины функционирования православной культуры в СССР требует междисциплинарного подхода. Здесь можно выделить как минимум три взаимодополняющих направления исследовательского поиска. Первое из них (чисто историческое) связано со сбором и анализом комплекса сведений, отражающих масштабы и внешние формы православных практик в повседневной жизни страны, социальный, возрастной и гендерный состав их участников в 1940-е, 1950-е, 1960-е, 1970-е, 1980-е гг. Учитывая, что на сегодняшний день отечественная история религии располагает лишь фрагментарными сведениями о конфессиональной динамике в СССР, указанная работа необходима для формирования фактологической основы исследования.

Второе направление работы (историко-антропологическое) предполагает исследование бытования православной культуры в структуре советской повседневности. Оно связано с изучением эволюции православного сознания и практик под влиянием стандартов жизни и культурных кодов СССР, а также обратного влияния (формирование стандартов повседневной жизни советских людей в результате секуляризации православных традиций). Масштабного исследования влияния культурной революции в СССР на повседневную жизнь советских граждан до сих пор не проводилось. Архивный поиск, анализ публицистики и воспоминаний в сочетании с полевой работой (интервьюированием, анкетированием) по данной проблеме даст важное для науки представление о взаимовлиянии советской модернизации и массовой религиозной культуры.

Третье направление (культурно-антропологическое с элементами социально-философского анализа) связано с проблемами совмещения советской и православной идентичности. В его рамках будут изучаться феномены «советских верующих», модели внутреннего согласования гражданами СССР фактов своей принадлежности к советской культуре и православной традиции одновременно, внутренние мотивы приобщения к православным практикам некоторой части советских служащих и партийных функционеров. Основными источниками здесь являются мемуарная и автобиографическая литература, а также материалы интервью/анкетирования.

Основным результатом развития историографии на интересующем нас поле должно явиться опирающееся на широкую базу разнородных источников и не зависящее от корпоративных влияний научное представление о месте православной культуры в обыденном сознании и повседневной жизни советских граждан в 1940–80-е гг. Его конкретными элементами при этом должны стать:

1) обширный комплекс сведений, отражающих масштабы и формы вовлечения представителей разных профессиональных и половозрастных групп советских граждан в традиционные конфессиональные практики в СССР в целом и в отдельных его регионах, совпадающих с ареалом традиционного распространения православия;

2) данные о специфике восприятия (с учетом его эволюции) православных традиций представителями тех же социальных групп советских граждан на протяжении советского периода;

3) научная картина деформации представленных в повседневной жизни части граждан СССР православных практик (праздничные традиции, посещение

церкви, таинство крещения и т. д.), изменявшихся под влиянием формировавшихся государством и партийными органами стандартов «советского» поведения;

4) аналитика, отражающая воздействие урбанизации, средств массовой информации и системы образования, а также иных социально-культурных факторов модернизации на отношение советских граждан к православным традициям;

5) описание конкретных исторических кейсов, иллюстрирующих подспудное влияние православной культуры на секулярные практики советской повседневности (организация быта, межличностные отношения, представления о надлежащем внешнем виде и т.п.);

6) объяснение понятия «советские верующие» через введение в научный оборот и анализ источников по церковной риторике, направленной на согласование православной и советской идентичностей граждан;

7) научное представление моделей самоидентификации советских граждан, допускавших «примирение» советского и православного самосознания;

8) комплекс данных о стратегиях приспособления носителей православных традиций к принятым в СССР нормам повседневной жизни, культурным кодам советской действительности в целом.

Выводы

Итак, предпринятый анализ показывает, что история функционирования православной культуры в СССР 1940–80-х гг. отчасти остается «terra incognita» для современной гуманитарной науки. Популярность «религиозной» проблематики в постсоветский период предопределила большое количество трудов по тематике государственно-церковных отношений, привлекла внимание исследо-

вателей ко множеству отдельных эпизодов церковной истории XX в. В то же время укоренившаяся еще в советское время традиция противопоставления советского образа жизни и православия мешает современным авторам изучать православные практики как элемент повседневной жизни граждан СССР. Соответственно, сюжеты о гонениях-ограничениях в отношении верующих в Советском Союзе до сих пор явно преобладают над сюжетами о функционировании православных традиций в советском обществе и их роли в жизненном мире советских людей.

Современной гуманитарной науке предстоит вернуть православию его «законное место» в истории повседневной жизни советского общества. Для этого важно ответить на вопросы о том, каким

образом миллионы советских граждан совмещали советскую и православную идентичности, какие слои населения выступали в качестве основных носителей православных устоев на тех или иных исторических отрезках, насколько эффективной была государственная пропаганда атеизма с точки зрения ее влияния на внутренний мир граждан. Весьма интересен и вопрос о подспудном влиянии традиционной православной культуры на повседневное поведение граждан, формально отошедших от религии.

Успешное решение этих вопросов возможно в рамках междисциплинарного научного поиска, сочетающего в себе элементы конкретно-исторического, историко-антропологического, культурно-антропологического и социально-философского исследования.

Список литературы

1. Пospelовский Д. В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
2. Рар Г. Плененная Церковь: очерк развития взаимоотношений между Церковью и властью в СССР. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. 275 с.
3. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 5027.
4. Сухов А. Д. Религия как общественный феномен. М.: Мысль, 1973. 144 с.
5. Русское православие: вехи истории / под ред. А. И. Клибанова. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
6. Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: ЦИНО, 2002. 310 с.
7. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 421 с.
8. Чистяков П. Г. Почитание местных святынь в советское время: паломничество к источнику в Курской Коренной пустыни в 1940–1950-е гг. // Религиоведение. 2006. №1. С. 38–50.
9. Хун У. С иконами и песнопениями, или епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4. С. 232–256.
10. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 483 с.

11. Шлихта Н. В. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е – начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2012. № 23. С. 82–107.
12. Воробьева Н. В. Конструирование «советской» идентичности в автобиографиях омских архиереев // Омские научные чтения – 2019: материалы Третьей Всероссийской научной конференции. Омск: Омский гос. ун-т, 2019. С. 962–963.
13. Левкиевская Е. Е. Пасхальная пища и пасхальное застолье в советское время как инструмент сохранения религиозной или семейной идентичности // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 58–70.
14. Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: История, теория, практики. СПб.: Европейский Дом, 2008. 544 с.
15. Кормина Ж. В. Паломники: Этнографические очерки православного номадизма. М.: ВШЭ, 2019. 351 с.
16. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.
17. Stone A. “Overcoming peasant backwardness”: the Khrushchev antireligious campaign and the rural Soviet Union // Russian Review. 2008. Vol. 67, No. 2. P. 296–320.
18. Naumescu V. Modes of religiosity in Eastern Christianity: religious processes and social change in Ukraine. Berlin: Lit Verlag, 2008. 255 p.

References

1. Pospelovskij D. V. Russkaya Pravoslavnaya cerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p.
2. Rar G. Plenennaya Cerkov': ocherk razvitiya vzaimootnoshenij mezhdru Cerkov'yu i vlast'yu v SSSR [The Captive Church: An Essay on the Development of Relations between the Church and the Authorities in the USSR]. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1954. 275 p.
3. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. 5027.
4. Suhov A. D. Religiya kak obshchestvennyj fenomen [Religion as a social phenomenon]. Moscow, Mysl' Publ., 1973. 144 p.
5. Russkoe pravoslavie: vekhi istorii [Russian Orthodoxy: Milestones of history]; ed. by A. I. Klibanova. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 719 p.
6. Odincov M. I. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom [The Russian Orthodox Church in the XX Century: History, relations with the state and society]. Moscow, CINO Publ., 2002. 310 p.
7. Odincov M. I. Russkaya pravoslavnaya cerkov' nakanune i v epohu stalinskogo socializma, 1917–1953 gg. [The Russian Orthodox Church before and during the era of Stalinist Socialism, 1917–1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014. 421 p.
8. Chistyakov P. G. Pochitanie mestnyh svyatyn' v sovetskoe vremya: palomничество k istochniku v Kurskoj Korennoj pustyni v 1940-1950-e gg. [Veneration of local shrines in Soviet times: pilgrimage to the spring in the Kursk Korennaya pustyn in the 1940s and 1950s.]. *Religiovedenie = Religious studies*, 2006, no. 1, pp. 38–50.
9. Hun U. S ikonami i pesnopeniyami, ili episkop, sbezhavshij ot svoih prihozhan. Massovye palomничества v Rossii epohi Stalina i Hrushcheva [With icons and hymns, or a bishop who has run away from his parishioners. Mass pilgrimages in Russia of the era of Stalin and

Khrushchev]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* = *State, religion, Church in Russia and abroad*, 2012, no. 3–4, pp. 232–256.

10. Lebina N. B. *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stilu* [Soviet everyday life: Norms and anomalies. From War Communism to the Grand Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 483 p.

11. Shlihta N. V. "Pravoslavnyj" i "sovetskij": k voprosu ob identichnosti veruyushchih sovetskikh grazhdan (1940-e – nachalo 1970-h gg.) ["Orthodox" and "Soviet": on the question of the identity of believers of Soviet citizens (1940s-early 1970s)]. *Antropologicheskij forum* = *Anthropological Forum*, 2012, no. 23, pp. 82–107.

12. Vorob'eva N. V. [Constructing the "Soviet" Identity in the Autobiographies of Omsk Bishops]. *Omskie nauchnye chteniya – 2019. Materialy Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Omsk scientific readings-2019. Materials of the Third All-Russian scientific conference]. Omsk, Omsk St. Univ. Publ., 2019, pp. 962–963.

13. Levkievskaya E. E. Paskhal'naya pishcha i paskhal'noe zastol'e v sovetskoe vremya kak instrument sohraneniya religioznoj ili semejnoy identichnosti [Easter Food and the Easter Feast in the Soviet Era as a tool for preserving Religious or Family Identity]. *Etnograficheskoe obozrenie* = *Ethnographic review*, 2012, no. 5, pp. 58–70.

14. Firsov B. M. *Raznomyslie v SSSR, 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya, praktiki* [Dissent in the USSR, 1940s-1960s: History, Theory, Practice]. St. Petersburg, Evropejskij Dom Publ., 2008. 544 p.

15. Kormina Zh. V. *Palomniki: Etnograficheskie ocherki pravoslavnogo nomadizma* [Pilgrims: Ethnographic Essays on Orthodox Nomadism]. Moscow, VSHE Publ., 2019. 351 p.

16. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 661 p.

17. Stone A. "Overcoming peasant backwardness": the khrushchev antireligious campaign and the rural Soviet Union. *Russian Review*, 2008, vol. 67, no. 2, pp. 296–320.

18. Naumescu V. *Modes of religiosity in Eastern Christianity: religious processes and social change in Ukraine*. Berlin, Lit Verlag, 2008. 255 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, доцент, проректор по науке и международным связям, Региональный открытый социальный институт, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: apanasenok@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector on Research and International Relations, Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation,
e-mail: apanasenok@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4650-3730

Пудякова Ирина Сергеевна, кандидат географических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Региональный открытый социальный институт, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ipudyakova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8794-8958

Irina S. Pudyakova, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of Humanities department, Regional Open Social Institute, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ipudyakova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8794-8958

Оригинальная статья / Original article

УДК 796.8.03(470.323)«19/20»

Первые спортивные атлетические общества в Курске начала XX века

О. М. Цуканова¹, Г. Г. Карпова¹✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: karpova.gelika@yandex.ru

Резюме

Актуальность исследования связана с постоянно растущим интересом мирового сообщества к соревнованиям по тяжёлой атлетике, где с XX века участвуют не только мужчины, но и женщины. Кроме того, тяжёлая атлетика включена в Олимпийские игры и на современном этапе развития общества интерес к этому виду спорта постоянен.

Целью научного поиска является изучение исторических материалов, связанных с организацией и деятельностью первых спортивных обществ Курской губернии в начале XX века, где шло становление тяжёлой атлетики как популярного в России вида спорта.

Задача исследования заключается в изучении архивных и иных материалов, позволяющих проследить процесс возникновения и развития первых атлетических обществ губернского Курска начала XX века.

Методология. Для решения поставленной задачи опорой послужили принципы историзма и объективности, историко-генетический метод, позволяющий изыскать закономерности и последовательность изучаемых событий, и историко-сравнительный метод, дающий возможность детально изучить исследуемые исторические процессы.

Результаты научного исследования демонстрируют, что с начала XX века в Курской губернии предпринимались неоднократные попытки создания спортивных организаций, где популяризировались занятия тяжёлой атлетикой. Сюда относилось Курское отделение Санкт-Петербургского атлетического общества, которое в 1903 году было официально зарегистрировано. Руководителем и вдохновителем деятельности спортивного общества являлся атлет-любитель Б. Ф. Гайкович. С июня 1905 года Курское отделение СПб АО прекратило свое существование из-за политических событий, сотрясающих Россию. Вторая попытка организации любителей тяжёлой атлетики под руководством Г.И. Бессарабова и Б. Ф. Гайковича связана с работой «Школы физического здоровья», которая просуществовала с 1908 до 1914 года. Третий курский атлетический кружок был создан в 1909 году 3-й ротой 123 Козловского полка. Руководил его работой военнослужащий Николай Иванов, поклонник гиревого спорта.

Выводы. Первые спортивные общества Курской губернии в начале XX века возникли по инициативе атлетов-любителей, приложивших немалые усилия для их регистрации и успешной работы. Преодолевая материально-технические и финансовые трудности, атлетические общества проводили спортивные состязания, привлекая новых участников к спортивной деятельности.

Ключевые слова: атлетические общества; тяжёлая атлетика; спортивные состязания; «Школа физического здоровья».

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Первые спортивные атлетические общества в Курске начала XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 201–209.

Поступила в редакцию 14.04.2021

Принята к публикации 18.05.2021

Опубликована 25.06.2021

The first Sports Athletic Societies of the Kursk Early XX Century

Olga M. Tsukanova¹, Galina G. Karpova¹ ✉

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: karpova.gelika@yandex.ru

Abstract

The relevance of the study is related to the ever-growing interest of the world community in weightlifting competitions, where since the twentieth century not only men but also women participate. In addition, weightlifting is included in the Olympic Games and at the current stage of development of society, interest in this sport is constant.

The purpose of the scientific search is to study historical materials related to the organization and activities of the first sports societies of the Kursk province in the early twentieth century, where weightlifting was becoming a popular sport in Russia.

Objectives of the research is to study archival and other materials that allow us to trace the process of the emergence and development of the first athletic societies of the provincial Kursk of the early twentieth century.

Methodology. To solve this problem, the principles of historicism and objectivity, the methods of historical-genetic, which allows to find patterns and sequence of the studied events, and historical-comparative, which makes it possible to study the historical processes under study in detail, served as a basis.

The results of the scientific research demonstrate that since the beginning of the twentieth century, numerous attempts have been made to create sports organizations in the Kursk province, where weightlifting classes were popularized. This included the Kursk branch of the St. Petersburg Athletic Society (SPb AO), which was officially registered in 1903. The head and inspirer of the sports society was an amateur athlete B. F. Gaikovich. Since June 1905, the Kursk branch of the St. Petersburg Joint-Stock Company ceased to exist due to political events shaking Russia. The second attempt to organize weightlifting enthusiasts under the leadership of G. I. Bessarabov and B. F. Gaikovich is connected with the work of the "School of Physical Health", which existed from 1908 to 1914. The Third Kursk Athletic Circle was created in 1909 by the 3rd Company of the 123 Kozlovsky Regiment. His work was supervised by the serviceman Nikolai Ivanov, a fan of kettlebell lifting.

Conclusions. The first sports societies of the Kursk province in the early twentieth century arose on the initiative of amateur athletes, who made considerable efforts to register them and work successfully. Overcoming logistical and financial difficulties, athletic societies held sports competitions, attracting new participants to sports activities.

Keywords: athletic societies; weightlifting; sports competitions; "School of Physical Health".

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tsukanova O. M., Karpova G. G. The first Sports Athletic Societies of the Kursk Early XX Century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 201–209. (In Russ.)

Received 14.04.2021

Accepted 18.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что такие виды спорта, как тяжёлая атлетика, исконно любимы и почитаемы ещё со времён Древней Руси. Силачи, способные поднять невероятные, с точки зрения обычного человека, тяжести, и сегодня вызывают восхищение у

приверженцев этого вида спорта. Главная задача спортсменов-тяжелоатлетов – поднять и зафиксировать над головой штангу как можно большего веса. Соревнования тяжелоатлетов являются зрелищными и привлекают сегодня огромное количество зрителей на соревнованиях от регионального до международного уровня. В связи с такой популярностью тяжёлой ат-

летики актуальным является интерес к истории возникновения этого вида спорта не только в столичном регионе, но и в провинциальных городах, где родились и впервые пришли в спорт будущие чемпионы мира и победители олимпиад.

Факты, добытые и проанализированные в ходе исследования, позволяют вынести ряд уроков из истории деятельности первых атлетических обществ. Начало любой социально одобряемой в настоящее время деятельности (в том числе спортивной) нередко встречало непонимание и негативную критику со стороны утвердившихся в своём статусе столичных спортивных организаций. Однако энтузиазм, упорство и организаторские способности местных любителей атлетики, умение доказать пользу спорта для здоровья человека, для его физического развития позволили поднять этот вид спорта на высокий уровень, сформировать из спортсменов-любителей профессионалов, привлечь к занятиям атлетикой молодёжь.

Взгляд в историю становления тяжёлой атлетики в губернском городе Курске, когда спортсменам не хватало инвентаря, спортивной одежды, площадок для тренировок, преданные избранному виду спорта люди прикладывали огромные усилия, чтобы продвигать и развивать тяжелоатлетический вид спорта.

В 2020 г. исполнилось 135 лет с момента, когда российская тяжёлая атлетика заняла своё достойное место в мировом спорте. Каждому поклоннику этого вида спорта известны имена великих отечественных тяжелоатлетов, таких как Сергей Елисеев, Григорий Новак, Иван Удодов, Давид Ригерт, Юрий Власов, Василий Алексеев, Леонид Жаботинский и многих других тяжелоатлетов-чемпионов мира и победителей Олимпийских игр, представлявших нашу страну на спортивных аренах планеты.

В начале XXI в., в современных условиях наличия материально-технической базы, медицинского контроля, до-

стойного финансирования тяжёлой атлетики как одной из ведущих спортивных дисциплин в нашей стране, великих побед тяжелоатлетов не так много. Например, на Олимпийских играх в Сиднее (2000 г.), в Пекине (2008 г.), в Лондоне (2012 г.) отечественные тяжелоатлеты не смогли добиться хороших результатов. На Олимпийских играх в Афинах (2004 г.) были завоёваны одна золотая, одна серебряная и две бронзовые медали.

Спортивные традиции легко разрушить и трудно возродить. В связи с этим уроки истории весьма полезны и должны быть извлечены из копилки отечественных высоких достижений в тяжёлой атлетике и спортивных побед.

Методология

В процессе решения поставленной задачи – изучить историю возникновения и развития первых атлетических обществ Курской губернии, где популяризировалась тяжёлая атлетика в начале XX века, – опорой научного поиска послужили принципы историзма и объективности, позволившие рассмотреть предмет исследования в развитии. Использованы также научные методы: историко-генетический, дающий возможность продемонстрировать закономерность и последовательность изучаемых событий; историко-сравнительный, позволяющий определить, сопоставить и обобщить исследуемые общественно-исторические процессы.

Результаты и их обсуждение

Спортивный интерес к тяжелой атлетике начал появляться у курян в начале XX в., придя на смену интересу к велосипеду. В 1901 г. газета «Курский листок» № 10 от 25 января опубликовала пожелание местных любителей этого вида спорта об учреждении в губернском городе Курске атлетического общества наподобие Воронежского [12]. В среде служащих Управления Московско-Киево-Воронежской железной дороги (МКВ ж.д.) появились энтузиасты, которые и пыта-

лись организовать такое спортивное общество. К ним относился, прежде всего, Бронислав Феликсович Гайкович.

Вначале Б. Ф. Гайкович организовал кружок любителей штанги и борьбы, а затем сумел сплотить вокруг себя людей, занимающихся этими видами спорта. Он следующим образом обратился в Санкт-Петербургский журнал «Спорт» за помощью по организации в Курске спортивного общества: «Уважаемый редактор! Прочтя в последнем номере издаваемого Вами журнала статью «Нужды провинциальных атлетов», я от лица курских любителей обращаюсь в Вам с покорнейшей просьбой обратиться к С.-Петербургскому атлетическому обществу, найдет ли оно возможным устроить и в других городах свои отделы, как то сделано германским союзом гимнастов?... Что же касается устройства состязаний, то таковые в провинции являются существенной потребностью..., громадную пользу сделало бы спорту С.-Петербургское атлетическое общество, если бы приняло участие в устройстве состязаний в провинции, и с какой бы радостью у нас в Курске оно было бы встречено. Остаюсь с почтением, атлет-любитель Б. Гайкович»¹ [2].

В ответ журнал «Спорт» разразился большой критической статьей, но между тем дал и совет, как организовать кружок начинающих атлетов на дому... В статье были такие строки: «...устраивать отделение так, без подготовленной почвы, без хотя бы небольшого ядра, это значит строить стойло для не родившегося теленка и едва ли это правильно и полезно. Г. Д.»¹.

На письмо Б. Ф. Гайковича в адрес редакции откликнулся и московский журнал «К спорту» от 23 ноября 1902 г.: «Рассчитывать на успех при ваших данных вы, безусловно, можете, если не будете заниматься слишком усиленно и не переутомитесь... Поднимать с земли очень большой вес ни в коем случае

нельзя посоветовать, ведь этим вы силу не разовьёте, а подорваться очень легко...» [3].

Но Б. Ф. Гайкович настаивал на своём. Он написал письмо редактору и издателю Санкт-Петербургского журнала спорт, секретарю Российского олимпийского комитета Г. А. Дюперрону, где попытался доказать, почему необходима организация атлетического отделения в Курске: «Для устройства всего этого нужно приобрести только подходящее помещение, но как это сделать, когда без утвержденного устава никакой кружок не имеет права на это...?» [4; 5]. Однако главной помехой являлось не только отсутствие помещения, сложнее было добиться зарегистрированного разрешения. На следующий год Б. Гайковичу это удалось, и он получил надлежащее разрешение об учреждении в Курске отделения С.-Петербургского атлетического общества и устав. Всего под прошением подписалось 53 человека.

Жандармерия и полиция тщательно изучили весь список и указали неблагонадежных, как-то А. Н. Бредихина, А. В. Анпилогова, Т. М. Токарева, М. Н. Лившина. Но были и хорошо зарекомендовавшие себя, вполне достойные граждане империи: архитектор Н. В. Сербин, Любомир Стоян, Г. И. Бессарабов, Н. Г. Тетерин, художник Казимир Малевич, хотя курский полицмейстер выразил свое недовольство «инициативой молодежи и поведением отдельных личностей» [6].

19 октября 1903 г. в помещении Курского коммерческого собрания было созвано учредительное собрание для выбора совета и ревизионной комиссии атлетического общества. В совет были избраны: председатель – Константин Прокофьевич Немирович-Данченко, товарищем председателя – Владимир Яковлевич Морозов, казначеем и секретарем – Бронислав Феликсович Гайкович. В ревкомиссию попали Ефим Федорович Волков, Николай Григорьевич Тетерин, Иван Фе-

¹ Архив Б. М. Гущина. Папка «Борьба».

дорович Новиков. Все эти лица были утверждены 5 декабря на собрании членов Курского отдела С.-Петербургского атлетического общества (СПб АО). На собрании также были установлены размеры членских взносов: для действительных членов – 6 рублей в год, для посетителей – 4 рубля. Срок уплаты до 20 января 1904 г. Входная плата за посещение общества для учащихся составляла 20 копеек, для других посетителей – 25 копеек. Месячный билет – 1 рубль.

Вскоре в газете «Курские вести» от 5 июня 1904 г. была опубликована заметка В. Морозова о работе отделения атлетического общества: «...атлетический спорт далеко не везде развит в России... Таким образом, образовавшийся в Курске кружок любителей атлетики и гимнастики, вошедший в нынешний состав Курского отдела Петербургского атлетического общества, представляет собой незаурядное явление и, во всяком случае, заслуживает полнейшей симпатии и поощрения себя со стороны общества». В этой заметке Морозов пояснил, что относится к тяжелой, а что к легкой атлетике, причисляя почему-то к последней ещё и стрельбу в цель, фехтование, теннис, крокет. Критиковал он и приверженцев только тяжелой атлетики: «Культивируя же атлетический спорт во всех его видах, курский отдел, если положит своей задачей лишь некоторое физическое оздоровление своих членов, без достижения в этом направлении, так сказать, виртуозности в проявлении силы, уже достаточно пожелания ему всяческого успеха и развития. Вл. Морозов» [7].

13 июня 1904 г. на ипподроме состоялись атлетические состязания Курского отделения СПб АО. Как сообщали «Курские губернские ведомости», в них приняли участие только г.г. Гайкович и Гри-Гри (Бессарабов). «Что же касается г.г. Русакова и Гуцо, обещавших свое участие в состязаниях, то они не пришли на них. В программу атлетических соревнований вошло: выжимание и толкание од-

ной рукой и двумя гантелями от 120 ф. до 220 ф., выжимание одной рукой двух двухпудовиков, бросание двухпудовика вверх и подхватывание его на лету за дужку правой и левой руками, выжимание 220 ф. двумя руками в лежащем положении, поднятие моста с 10-ю людьми» [8]. В этих состязаниях отличились оба исполнителя, но первое место занял Гри-Гри (Бессарабов). Публики собралось тогда немного, т. к. ипподром был удален от города и стояла плохая погода.

Систематические занятия по тяжелой атлетике проводились в доме Хмелевского на ул. Дружининской (между Херсонской и Спасской улицами) с 6 до 10 часов вечера. Члены клуба занимались бесплатно, гости платили по 20 копеек, учащиеся платили 10 копеек. Помещение состояло из двух просторных комнат: света и воздуха было достаточно. Занятия включали упражнения с гантелями, с гириями и тяжестями. Позже прибавились занятия на параллельных брусьях. Оборудование было скудным, но Курский отдел СПб АО всячески старался развивать интерес к тяжелой атлетике и спорту у молодежи. 20 марта 1905 г. на общем собрании отделения решался вопрос о привлечении финансовых средств. Для этого было решено провести в цирке атлетическое представление в мае того же года, а в июне – велогонки на ипподроме, сбор от которых пошел бы на приобретение спортивного снаряжения, инвентаря для занятий тяжелой атлетикой и развития спорта [9].

С 1 мая 1905 г. Курское отделение СПб ОА стало заниматься на площадке вольно-пожарного общества. Занятия проводились по тяжелой атлетике, гимнастике, французской и русско-швейцарской борьбе по понедельникам, средам и пятницам с 6 до 9 часов вечера. Предполагалось ввести занятия по стрельбе и фехтованию.

В октябре 1905 г. всю Россию охватила Всеобщая политическая стачка. Она распространилась и на Курскую губер-

нию. Стачку начали железнодорожники и поддержали рабочие. Объявили забастовку старшекласники учебных заведений. 19 октября в Курске состоялась многочисленная демонстрация. Участники её несли знамёна с надписями: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!», пели революционные песни. Во время демонстрации произошло вооруженное столкновение между рабочими-дружинниками, охранявшими демонстрацию, и нападшими на неё бандами черносотенцев.

Под ударами полиции, жандармерии и черной сотни трудящиеся были вынуждены отступить. Положение в Курске и губернии продолжало оставаться напряженным. 5 ноября царское правительство объявило Курскую губернию на положении усиленной охраны [10, с. 68].

Курский губернатор Гордеев предупредил жителей Курска о недопустимости каких-либо сборищ и демонстраций, и что будут приниматься самые жестокие меры, предписанные законом. Можно было лишь посещать Курское отделение СПб АО, т. к. оно находилось под августейшим покровительством дяди Николая II великого князя Владимира Александровича.

Во второй половине 1905 г. Курское отделение СПб АО прекратило свое существование. Такова печальная судьба одного из первых тяжелоатлетических обществ Курской губернии.

После Первой русской революции 1905 г. делались попытки возродить курское атлетическое спортивное движение. 11 сентября 1907 г. в газете «Курская жизнь» появилось следующее сообщение: «На непродолжительное время начнет функционировать курский атлетический клуб, преподавателем в клубе будет известный борец грузин Г. Аполлон, недавно участвовавший в международном чемпионате французской борьбы...» [11]. Но это предприятие не увенчалось успехом.

Преданные тяжёлой атлетике Г. И. Бессарабов и Б. Ф. Гайкович предприняли очередную попытку открыть в Курске «Школу физического здоровья», где планировалось проводить занятия и тяжёлой атлетикой [9].

Губернатор запросил характеристику на учредителя «Школы» и получил от полицмейстера г. Курска следующий ответ: «...сын фельдфебеля Григорий Иванович Бессарабов, служащий конторщиком в Управлении Московско-Киево-Воронежской железной дороги, проживает в городе Курске с давнего времени и ведет хороший образ жизни» [11]. Школа получила право на открытие с разрешения курского губернатора. Торжественное открытие состоялось 4 января 1908 г. [11]

Школа размещалась по ул. Покровской в доме № 87. Устав был составлен по образцу С.-Петербургского атлетического общества. Г. И. Бессарабов подготовил образцы эмблемы школы, медалей, знаков, жетонов. В школе было четыре отделения: французской борьбы, бокса, атлетики и гимнастики. Подготовка спортсменов длилась шесть месяцев, за ней следовали выпускные состязания, награждение лучших атлетов жетонами школы. Учёба в школе была платной и составляла восемь рублей в год для взрослых, учащаяся молодёжь платила пять рублей, дети до 12 лет – три рубля. Беднейшие дети в количестве 25 человек освобождались от какой-либо уплаты.

На первых выпускных соревнованиях определились победители: Н. Кубиков, получивший 1 приз – золотой жетон; большой серебряный жетон – 2 приз – достался С. Андрееву; 3 приз – малый серебряный жетон – завоевал Шишкин. Учредитель школы Г. И. Бессарабов поощрил В. Шешминцева – самого молодого участника выпускных состязаний, удостоив его жетоном за красоту и технику борьбы [12, с. 196].

Школа активно работала, но ряд неудач привел к закрытию ее в зимний пе-

риод, открылась она вновь только летом 1909 г.

Четыре года Г. И. Бессарабов пытался в «Школе физического здоровья» развивать и футбол на свежем воздухе в летнее время, но это начинание не увенчалось успехом. Основными занятиями оставалась тяжёлая атлетика, французская борьба.

Через пять лет после открытия школы (20 апреля 1913 г.) её директор Г. И. Бессарабов предложил Вольному пожарному обществу города Курска принять в свой состав «Школу физического развития», т. к. это сулило спортсменам более-менее приличную материальную базу. Но слияния не произошло. Школа Г. И. Бессарабова продолжала развиваться самостоятельно, проводя свои занятия по французской и вольной борьбе, поднятию тяжестей.

«Школа физического здоровья» выпустила многих знаменитых спортсменов, таких как братья Сергей и Николай Андреевы, ставшие впоследствии корреспондентами журнала «Геркулес»; занимался в ней журналист, рефери, историк борьбы И. Д. Булгаков, борцы и тяжелоатлеты Н. Поволяев, Мечислав Гуца, Б. Гайкович.

С призывом в армию Г. И. Бессарабова «Школа физического здоровья» закрылась. Один из его учеников – В. М. Спаский организовал небольшой атлетический кружок, в котором лидировал И. Д. Булгаков.

Главная заслуга Г. И. Бессарабова и его школы заключалась в том, что он сумел организовать молодежь и привить любовь к занятиям физической культурой и спортом, познакомить с техникой тяжёлой атлетики и тактикой некоторых видов борьбы, разбудить к ним живой интерес [12].

Ещё один курский атлетический кружок был организован в 1909 г. 3-й ротой 123 Козловского полка, руководил Николай Иванов, который часто устраивал соревнования по борьбе и гиревому

спорту. На одном из праздников были продемонстрированы показательные выступления членов этого клуба, техника французской борьбы и упражнения с гирями¹ [2].

Выводы

Проведённый в исследовании анализ архивных и иных материалов, позволяющих проследить процесс возникновения и развития первых атлетических обществ губернского Курска начала XX в., где спортсмены занимались именно тяжёлой атлетикой, позволил сделать следующие выводы и обобщения.

1. В губернском городе Курске 19 октября 1903 г. было учреждено первое атлетическое общество, организатором которого явился Б. Ф. Гайкович, служащий управления Московско-Киево-Воронежской железной дороги. Этому событию предшествовала тщательная проверка участников данной спортивной организации на благонадёжность со стороны жандармерии и полиции. Б. Ф. Гайкович настойчиво просил совета и помощи в деле формирования спортивной организации и составления её устава известного в России издателя Санкт-Петербургского журнала «Спорт», председателя Санкт-Петербургского Общества содействия физическому развитию учащейся молодежи Г. А. Дюперрона. Несмотря на материальные трудности и первоначальное отсутствие помещения для занятий Б. Ф. Гайковичу удалось создать первое атлетическое общество. Энтузиаст, преданный любимым видам спорта – тяжёлой атлетике и борьбе – Б. Гайкович сумел сплотить вокруг Курского отделения Санкт-Петербургского атлетического общества талантливых спортсменов. Уже летом 1904 г. на ипподроме состоялись атлетические состязания Курского отделения СПб АО. В связи с политическими событиями 1905 г. Курское отделение СПб АО прекратило свое существование.

¹ Архив Б. М. Гущина. Папка «Тяжелая атлетика».

2. Преданные тяжёлой атлетике Г. И. Бессарабов и Б. Ф. Гайкович приняли очередную попытку открыть в Курске «Школу физического здоровья», где планировались занятия тяжёлой атлетикой, борьбой, боксом и другими видами спорта. Школа была основана 1 декабря 1907 г. с разрешения курского губернатора, а торжественно открыта 4 января 1908 г. «Школа физического развития» активно работала, но ряд неудач привел к закрытию ее в зимний период. В 1909 г. школа открылась вновь и в дальнейшем работала только в летнее время года в течение последующих четырёх лет.

Школа Г. И. Бессарабова выпустила таких известных спортсменов, как Н. Поголяев, М. Гуца, братья Андреевы и других талантливых борцов и тяжелоатлетов. С призывом в армию Г. И. Бессарабова «Школа физического здоровья» закрылась.

3. В 1909 г. Николаем Ивановым, военным служащим 3-й роты 123 Козловского полка, в городе Курске был организован ещё один атлетический кружок. Его участники занимались французской борьбой и упражнениями с гирями, проводили спортивные состязания.

Список литературы

1. Курский листок. 1901. 25 января.
2. Бугров Ю. А. История спорта Курского края. Кн. 1. Курск: Курск. обл. науч. краевед. общество, 2015. 201 с.
3. К спорту. 1902. 23 ноября.
4. Голощапов Б. Р. История физической культуры и спорта. 5-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2008. 312 с.
5. Деметер Г. С. Очерки истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М.: Советский спорт, 2005. 324 с.
6. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1. Оп.1. Д. 7214. Л. 2, 7, 8.
7. Курские вести. 1904. 5 июня.
8. Курские губернские ведомости (КГВ). 1904. № 49.
9. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Развитие физкультурно-спортивного движения в Курской губернии в дореволюционный период // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7, № 2 (23). С. 147–157.
10. История Курской области. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1975. 159 с.
11. Курская быль. 1907. 11 сентября. 12. Курск: краеведческий словарь-справочник / Курское обл. краевед. общество; Гос. архив Курской области; гл. ред. Ю. А. Бугров. Курск: ЮМЭКС, 1997. 495 с.

References

1. *Kurskij listok* [Kursk leaf], 1901, January 25.
2. Bugrov Yu. A. *Istoriya sporta Kurskogo kraja* [History of sports in the Kursk Region]. Book 1. Kursk, Kursk. obl. nauch. kraeved. obshchestvo Publ., 2015. 201 p.
3. *K sportu* [To the sport], 1902, November, 23.
4. Goloshchapov B. R. *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [History of physical culture and sports]. 5th ed. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 312 p.
5. Demeter G. S. *Ocherki istorii otechestvennoj fizicheskoy kul'tury i olimpijskogo dvizheniya* [Essays on the history of Russian physical culture and the Olympic movement]. Moscow, Sovetskij sport Publ., 2005. 324 p.

6. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. 1, op. 1, d. 7214, l. 2, 7, 8.
7. *Kurskie vesti* [Kursk news], 1904, June 5.
8. *Kurskie gubernskie vedomosti* (KGV) [Kursk gubernskie vedomosti (KGV)], 1904, no. 49.
9. Cukanova O. M., Karpova G. G. Razvitie fizkul'turno-sportivnogo dvizheniya v Kurskoj gubernii v dorevolucionnoj period [Development of the physical culture and sports movement in the Kursk province in the pre-revolutionary period]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, vol. 7, no. 2 (23), pp. 147–157.
10. *Istoriya Kurskoj oblasti* [History of the Kursk Region]. Voronezh, Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1975. 159 p.
11. *Kurskaya byl'* [Kursk Byl], 1907, September 11.
12. *Kursk: kraevedcheskij slovar'-spravochnik* [Kursk: local history dictionary-reference book]; ed. by Yu. A. Bugrov. Kursk, YUMEKS Publ., 1997. 495 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Цуканова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Olga M. Tsukanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: cukanov_oleg@inbox.ru

Карпова Галина Гельевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8957-9551

Galina G. Karpova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical Education, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: karpova.gelika@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8957-9551

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470)

**Из истории восстановления здравоохранения Курской области
(1944–1950 годы)****М. В. Яценко¹** ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: masha.yatzenko@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В представленной статье рассмотрены вопросы восстановления здравоохранения в Курской области в конце Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. Накопленный в это время опыт восстановления и развития здравоохранения в условиях во многом экстремальной обстановки, потребовавшей максимальной концентрации сил и средств, имеет определённую актуальность и ценность и в настоящее время, когда страна и весь мир борются с коронавирусной эпидемией и на первый план вышли вопросы развития здравоохранения.

Цель – исследовать основные направления восстановления и развития здравоохранения Курской области в 1944–1950 годы.

Задачи: установить размеры материального ущерба, нанесённого здравоохранению Курской области в годы войны; выявить проблемы и трудности, связанные с развитием здравоохранения, принимаемые меры и основные результаты достижения этой цели.

Методология. Автор статьи при изучении данной темы опирается на принципы историзма, системности и научной объективности. Все это предполагает взвешенное, всестороннее исследование изученных архивных документов и опубликованных источников с применением проблемно-хронологического и системно-структурного методов. Кроме них применялись основополагающие аналитические методы, включающие анализ, синтез, сравнение. Это позволило объективно оценить проблемы, основные направления и результаты восстановления здравоохранения Курской области в конце Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы.

Результаты. На основе архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот, в статье раскрыты основные проблемы, с которыми столкнулось советское здравоохранение в регионах, подвергшихся оккупации и ставших местами ожесточённых сражений Великой Отечественной войны, в ходе восстановления разрушенного сразу после освобождения и в первые послевоенные годы. Установлены основные факторы, благодаря которым удалось в кратчайшие сроки добиться решения основных задач восстановления здравоохранения, и результаты этой деятельности.

Выводы/ Автор делает вывод о том, что несмотря на имеющиеся трудности и недостатки в послевоенные годы была проведена огромная работа по восстановлению и дальнейшему развитию здравоохранения Курской области.

Ключевые слова: Курская область; оккупация; материальный ущерб; здравоохранение; восстановление; лечебные учреждения.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Яценко М. В. Из истории восстановления здравоохранения Курской области (1944–1950 гг.) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 210–219.

Поступила в редакцию 16.04.2021

Принята к публикации 21.05.2021

Опубликована 25.06.2021

From the History of the Restoration of Health Care in the Kursk Region (1944–1950)

Maria V. Yatsenko¹ ✉

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: masha.yatsenko@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article deals with the restoration of health care in the Kursk region at the end of the Great Patriotic War and the first post-war years. The experience gained during this time in the restoration and development of health care in a largely extreme situation that required maximum concentration of forces and resources has a certain relevance and value at the present time, when the country and the whole world are struggling with the coronavirus epidemic and issues of health development have come to the fore.

The purpose. To study the main directions of restoration and development of health care in the Kursk region in 1944–1955.

Objectives: establish the size of the material damage caused to the health care of the Kursk region during the war; identify the problems and difficulties associated with the development of health care, the measures taken and the main results of achieving this goal.

Methodology. The author of the article in the study of this topic is based on the principles of historicism, consistency and scientific objectivity. All this involves a balanced, comprehensive study of the studied archival documents and published sources using problem-chronological and system-structural methods. In addition, fundamental analytical methods were used, including analysis, synthesis, and comparison. This made it possible to objectively assess the problems, main directions and results of the restoration of health care in the Kursk region at the end of the Great Patriotic War and the first post-war years.

Results. On the basis of archival documents, which are being introduced into scientific circulation for the first time, the article reveals the main problems faced by the Soviet health care in the regions that were occupied and became places of fierce battles of the Great Patriotic War, during the restoration of the destroyed immediately after the liberation and in the first post-war years. The main factors that made it possible to achieve the solution of the main tasks of restoring health care in the shortest possible time and the results of this activity were identified.

Conclusion. The author concludes that despite the existing difficulties and shortcomings, in the post-war years, a great deal of work was carried out to restore and further develop the health care of the Kursk region.

Keywords: Kursk region; occupation; material damage; health care; rehabilitation; medical institutions; medical services.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Yatsenko M. V. From the History of the Restoration of Health Care in the Kursk Region (1944–1950). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 210–219. (In Russ.)

Received 16.04.2021

Accepted 21.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. принесла невосполнимые потери нашему государству. Особо пострадали территории, находившиеся под оккупацией немецко-фашистских войск, а также районы наиболее ожесточённых сражений. Одним из таких регионов была Кур-

ская область. В результате оккупации и от боевых действий пострадали все отрасли народного хозяйства и социальная сфера, в том числе и здравоохранение.

Можно согласиться с мнением Т. В. Давыдовой о том, что первое десятилетие после окончания Великой Отечественной войны является мало изу-

ченным периодом государственной политики XX века в здравоохранении. Между тем, это один из сложнейших периодов новейшей истории России, когда народ, совершивший подвиг в годы Великой Отечественной войны, теперь совершал не менее выдающийся подвиг на трудовом фронте, в том числе восстанавливая и перестраивая сеть здравоохранения, развивая медицинскую науку, подготавливая медицинские кадры [1, с. 164].

Учитывая те вызовы, с которыми сталкивается наша страна в сфере здравоохранения в настоящее время, когда современная медицина проходит настоящую проверку на прочность в условиях непрекращающейся эпидемии коронавируса, обращение к недавнему опыту нашей страны в этой сфере, потребовавшему максимальной концентрации всех сил и средств для достижения поставленных целей, имеет несомненную актуальность и важность.

Методология

Автор статьи при изучении данной темы опирается на принципы историзма, системности и научной объективности. Все это предполагает взвешенное, всестороннее исследование изученных архивных документов и опубликованных источников с применением проблемно-хронологического и системно-структурного методов. Кроме них, применялись основополагающие аналитические методы, включающие анализ, синтез, сравнение. Это позволило объективно оценить проблемы, основные направления и результаты восстановления здравоохранения Курской области в конце Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы.

Результаты и их обсуждение

В акте об ущербе, причинённом немецко-фашистскими захватчиками, учреждениям здравоохранения города Курска и Курской области, от 2 ноября 1943 г. фигурирует сумма ущерба в раз-

мере более ста миллионов рублей (в довоенных ценах) [2, д. 6, л. 2–8]. В области было разрушено и уничтожено более 40 больниц, в том числе по Курску – 6 лечебных учреждений [3, с. 97]. Удручающее зрелище представлял собой Курский государственный медицинский институт, который являлся главной кузницей медицинских кадров области высшей квалификации. Гитлеровцы, уходя из Курска, превратили большую часть красивого здания института в каменную коробку с обвалившимися местами стенами, зияющими проёмами окон. Были разрушены два крыла учебного корпуса института, общежитие, все хозяйственные постройки [4, с. 73].

В числе первоочередных стояла задача восстановления и приведения в порядок всего разрушенного и разграбленного хозяйства, прежде всего необходимо было отремонтировать (в большинстве случаев капитально) здания, в которых находились медицинские учреждения, восстановить их водоснабжение, канализацию и т. д. Эти вопросы стали решаться уже на завершающем этапе войны в 1944–1945 гг., но особенно активизировалась эта работа сразу после её окончания.

В результате самоотверженного труда курян уже к 25 марта 1943 г. на освобождённой территории области работало 295 лечебных учреждений, в том числе 23 в областном центре, 47 районных и сельских больниц, 50 поликлиник в городах и амбулаторий на селе, 142 фельдшерско-акушерских пункта [3, с. 97]. Однако абсолютное большинство из них находилось в плачевном состоянии. В 1944 г. удалось довести число больничных коек в больницах до 6 028. В 1945 г. этот показатель планировалось увеличить до 6 925 коек. В ряде больниц он должен был достичь довоенного уровня [2, д. 84, л. 67].

Средства для этого были предусмотрены государственным бюджетом, но в первые послевоенные месяцы и годы в деле восстановления медицинской сети и

улучшения её работы большое значение имело использование на местах инициативы медицинского персонала и широкой общественности.

Следует отметить, что восстановление курского здравоохранения шло не просто, а с множеством проблем. Об этом свидетельствуют хотя бы следующие данные. Первоначально план лимитных капиталовложений по лечебным учреждениям Курского облздравотдела на 1946 г. был определён в сумме 4 321 тыс. рублей. Восстановительные работы по десяти объектам города Курска и города Белгорода должен был проводить трест «Курскстрой». Однако до октября 1946 г. трест, за исключением ремонта Белгородской поликлиники, к работам не приступил. В результате план капиталовложений был сокращён вначале до 2 650 тыс. рублей, а потом – до 1 650 тыс. рублей. В конце концов план по восстановлению медучреждений Курской области в 1946 г. трестом «Курскстрой» был сорван и выполнен только в размере 15,5% [2, д. 11, л. 97].

Значительно лучше обстояли дела с освоением внелимитных средств на 1946 г., выделенных из областного, городских и районных бюджетов, в сумме 2,5 млн рублей. В дальнейшем они были увеличены на 100 тыс. рублей для восстановления учреждений в сельской местности. В целом этот показатель был выполнен на 126% за счёт привлечения дополнительных бюджетных средств в размере 751,5 тыс. рублей. Благодаря этому был открыт госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны, значительно расширены областная туберкулёзная больница, областная поликлиника, онкологический диспансер, открыт ряд сельских больниц и других медицинских учреждений [2, д. 11, л. 98–99].

Работа по ремонту и восстановлению районных и городских лечебных учреждений проводилась, главным образом, хозяйственным способом. Но в результате социалистического соревнования не-

которые лечебные учреждения районов включались в ремонт зданий путём привлечения добровольческих бригад из местных медицинских работников. Деятельность добровольческих бригад была организована в Больше-Троицком, Валуйском, Велико-Михайловском, Красно-Яружском, Скороднянском, Тимском и некоторых других районах Курской области. Общее количество отработанного добровольческими бригадами времени составило 5 051 человеко-дней [2, д. 11, л. 99].

Интересный опыт по восстановлению работы лечебных учреждений был накоплен в Новооскольском районе. Так, в 1946 г. коллектив Старобезгинского сельского врачебного участка (заведующий – врач В. И. Усачёв) при помощи сельского Совета отремонтировал больницу, амбулаторию и все фельдшерско-акушерские пункты, заготовил топливо, а также осуществил ряд других мероприятий по улучшению медицинского обслуживания населения. Инициатива этого коллектива была поддержана и распространена райкомом КПСС и райисполкомом [5, с. 6–13].

Для работы лечебных учреждений недостаточно было восстановить разрушенные здания, требовалось оснащение их необходимым медицинским оборудованием и инвентарём. В первые послевоенные годы медучреждениям катастрофически не хватало рентгенодиагностической и рентгенотерапевтической аппаратуры, медицинских реактивов, зубо-протезных лабораторий и много другого оборудования. Во многих районах отсутствовали медицинские библиотеки и в целом медицинская литература. Отсутствовали даже бланки медицинской документации. Крайне слабым было хозяйственное оснащение больниц. Имел место дефицит белья, коек, матрасов, мыла, керосина, ламп и другого инвентаря. Не хватало и строительного материала для восстановления разрушенных зданий [2, д. 11, л. 77].

В справке управления снабжения облздравотдела за 1946 г. отмечалось, что чрезвычайно тяжёлое положение сложилось с обеспечением больниц койками. Вместо 3 500 коек по запросу области было выделено только 1 000 коек из бывших в употреблении за счёт расформированных госпиталей. Катастрофическая ситуация сложилась с обеспечением подушками. Так, из заявки на 4 403 подушки не было выделено ни одной. Из потребности области в более 6 000 одеял удалось получить только 1 744, причём полученные одеяла имели очень низкое качество, срок их использования составлял всего 4-5 месяцев. В ряде случаев больницы были вынуждены допускать пациентов со своими одеялами. Сохранялся крайний дефицит матрасов. Из запрашиваемых более 3 000 матрасов не удалось получить ни одного [2, д. 11, л. 68].

Фиксировались случаи отсутствия отопления сельских районных больниц. Так, Чернянская районная больница зимой 1946-1947 гг. свернула стационарное отделение на 25 коек из-за отсутствия топлива. В Томаровской и Хомутовской районных больницах в это же время запаса топлива оставалось на 1-2 дня [2, д. 11, л. 72].

В 1946 г. большие затруднения в работе испытывала и Областная клиническая больница, в которой не были завершены ремонтно-восстановительные работы. Главный хирургический корпус на 270 коек ещё находился в ведении Суворовского училища. Это не давало возможности полностью развернуть терапевтическое, урологическое, психиатрическое и ряд других отделений [2, д. 11, л. 32].

Эффективность работы медучреждений в решающей степени зависела от кадрового потенциала. Постепенно к работе возвращались старые кадры главных врачей, хирургов в Белгород, Щигры, Старый Оскол, Суджу, Валуйки, Шебекино и другие населенные пункты. В

районные центры области направлялись и молодые энергичные работники, окончившие профильные учебные заведения. Укомплектование врачебными кадрами происходило, в целом, успешно. По итогам работы за 1946 г. облздравотдел сделал вывод о том, что плановое задание по подготовке кадров перевыполнено, а область имеет обеспеченность кадрами выше довоенной [2, д. 11, л. 32–33].

В этом была большая заслуга Курского государственного медицинского института. После освобождения Курска от фашистских захватчиков началось его второе рождение. Группа профессоров, находившихся в эвакуации в г. Алма-Ате, обратились с письмами в Наркомздрав РСФСР о восстановлении мединститута. Профессора считали делом чести и долга принять активное участие в восстановлении деятельности вуза и здравоохранения Курской области. В сентябре 1943 г. по распоряжению Наркомздрава профессора А. В. Рудченко, А. Г. Бутылин, М. Г. Рудицкий, Х. Н. Левитан, Н. Д. Николаев возвратились из эвакуации для проведения подготовительных работ. В декабре 1943 г. появилось распоряжение Совета Народных Комиссаров СССР, а затем приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы и Наркомздрава РСФСР № 18/3 от 12 января 1944 г. о восстановлении деятельности Курского медицинского института [6, с. 162].

К исполнению обязанностей директора института приступила заведующая кафедрой гигиены профессор А. В. Рудченко. Из эвакуации возвратились профессора, руководившие кафедрами до начала войны.

С 24 июня 1944 г. под председательством А. В. Рудченко начала работать комиссия по приему студентов на первый курс. 20 сентября зачислили на первый курс 211 студентов и 94 восстановили из числа поступивших накануне войны. Всего на первый курс приняли около 320 человек. На второй–пятый курсы зачисле-

ние шло постепенно, всего зачислили более 300 студентов.

В октябре 1945 г. был составлен пятилетний план дальнейшего ремонта и восстановления института по четырем направлениям: подготовка профессорско-преподавательских кадров; восстановление и развитие клинической базы; расширение лабораторий теоретических кафедр; улучшение материально-бытового обслуживания. Вуз восстановил свою образовательную деятельность и продолжал подготовку медицинских кадров, необходимых для развития здравоохранения и медицинской науки [6, с. 162].

Большое внимание в первые послевоенные годы уделялось медицинскому обслуживанию сельских районов. В 1946 г. сельское население области обслуживал 321 врач, на каждого из них в среднем приходилось по 6 581 жителю. При образовании Курской области в 1934 г. на одного врача в сельской местности приходилось 17 426 жителей, а в 1940 г., т. е. накануне Великой Отечественной войны – 10 726. Таким образом, несмотря на тяжёлые условия, в которых находилось здравоохранение области в послевоенные годы, уже в 1946 г. доступность медицинской помощи на селе была выше, чем в довоенные годы [5, с. 6–13].

Особым направлением деятельности лечебных учреждений Курской области в послевоенный период стало медицинское обслуживание инвалидов Великой Отечественной войны. Согласно Постановлению СНК СССР от 29 августа 1945 г. в Курской области была развёрнута работа по точному учёту инвалидов войны, нуждающихся в долечивании травм и заболеваний, полученных на фронте. В каждом районе была организована врачебно-отборочная комиссия, в задачу которой входило выявление на местах нуждающихся в долечивании инвалидов, определения им места и характера лечения. Эти комиссии вели учёт тяжелобольных инвалидов войны и наблюдали за их состоянием путём периодических медицин-

ских обследований на квартирах, для чего в районных больницах, городских поликлиниках вводились особые штатные патронажные сёстры, которые проводили наблюдение и лечение тяжелобольных инвалидов войны на дому [7, с. 130].

В межрайонных и районных больницах инвалиды войны принимались на стационарное лечение вне очереди. За 1946 г. в межрайонных больницах на специально представленные для инвалидов койки было принято на лечение 1 718 больных. Особо следует отметить работу в данном направлении Валуйской районной больницы, принявшую 515 больных, Иванинской районной больницы – 470 больных, Белгородской городской больницы – 139 больных. В отношении инвалидов, не имевших возможность получить медпомощь в районе, осуществлялось обслуживание через областную поликлинику для инвалидов Великой Отечественной войны [2, д. 11, л. 36, 39].

За время оккупации была полностью уничтожена и сеть хорошо оснащённых родильных домов и родильных отделений Курской области. Однако к 1947 г. сеть родовспомогательных учреждений области в значительной степени была восстановлена, хотя ещё и не полностью. Состояние имеющейся сети родильных домов и родильных отделений области в санитарно-гигиеническом отношении улучшилось. Работа родовспомогательных учреждений в качественном отношении стала лучше и во многом достигла довоенных показателей. Многие родовспомогательные учреждения в это время достигли должной высокой медицинской культуры и хорошего медицинского обслуживания рожениц и новорождённых [8, с. 176].

Результативность медицинского обслуживания населения во многом зависела от снабжения больных лекарствами. Аптечная сеть Курской области после её освобождения от немецко-фашистских оккупантов находилась в разрушенном состоянии. Свыше 70% сети аптек было

частично или полностью уничтожено. К 1 января 1947 г. аптечная сеть области в основном была восстановлена, а по количеству аптек приблизилась к довоенному уровню, имея 115 аптек, в том числе городских 25, сельских 90, 140 аптечных пунктов при врачебных участках и фельдшерских пунктах, центральный склад в городе Курске, 2 межрайонные конторы со складами в Старом Осколе и Белгороде [2, д. 11, л. 61].

Одним из результатов восстановления медицинского обслуживания населения Курской области стало значительное снижение в 1946 г., по сравнению с 1945 г., ряда тяжёлых заболеваний, вызванных последствиями войны: сыпной тиф дал снижение на 60%, скарлатина – на 42,5%, дифтерия – на 25%, корь – на 70%, малярия – на 48%, коклюш – на 50%, но эти успехи не стоило переоценивать. За этот же период заболеваемость брюшным тифом выросла в 3,3 раза, дизентерией – в 4,2 раза [2, д. 11, л. 24].

Одной из главных заслуг медиков в это время является отсутствие эпидемических инфекционных заболеваний, которые могли бы унести миллионы жизней. Эпидемический «пожар» так и не начался, несмотря на наличие тесной связи между войной и инфекциями [9, с. 225].

За самоотверженный и добросовестный труд в 1946 г. большая группа медицинских работников Курской области была отмечена государственными наградами: 4 доктора получили звание Заслуженного врача РСФСР, многие сотрудники отрасли были удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», знака «Отличник здравоохранения», благодарностей министров здравоохранения РСФСР и СССР [2, д. 11, л. 32–33].

В марте 1947 г., выступая на 3-м областном съезде медицинских работников, заведующий Курским облздравотделом И. Я. Олимпиев сделал вывод о том, что областная сеть здравоохранения в основном была восстановлена, а по ряду видов

медицинской помощи даже превзошла довоенный уровень: выросло количество коек в больницах, увеличилось число консультаций, как женских, так и детских, была значительно расширена (по сравнению с 1940 г.) сеть фельдшерско-акушерских пунктов [5, с. 13].

На наш взгляд, это был слишком оптимистичный вывод. Конечно, благодаря усилиям советского народа было сделано очень многое в восстановлении страны, в том числе в сфере здравоохранения. Но последствия войны не могли быть быстро преодолены. Это будет сказываться ещё долгие годы.

Уровень оказания медицинской помощи оставался довольно невысоким на протяжении многих лет. Например, на 1 января 1948 г. только в 5 сельских районах Курской области не имелось хирургов. Остальные больницы имели достаточно квалифицированных врачей этого профиля с большим стажем работы или прошедших специализацию, но во многих из них не было условий для производства даже самых несложных операций, в девяти районных центрах больницы отсутствовали вообще, в семи из них они были разрушены фашистами [5, с. 9–10].

В то же время ставить под сомнение или умалять результаты той гигантской работы, которая была проделана в Курской области и стране в целом в послевоенные годы по восстановлению здравоохранения, было бы в корне неправильным. Это признают не только отечественные исследователи данного периода, но и многие зарубежные учёные. Один из залогов успехов они видят в грамотно выстроенной государственной политике в этой сфере. Так, К. Бартон указывает, что приоритетными областями охраны здоровья во время четвертой пятилетки были строительство больниц, санаториев и снабжение медицинскими средствами – лекарствами, инструментами и протезами. Основные задачи четвертой пятилетки в области охраны здоровья включали в себя специализированную

медицинскую помощь в сельской местности и повышение общего качества здравоохранения для всего населения. В официальных сообщениях о целях советского здравоохранения на период четвертой пятилетки перечислялись различные области медицины – всякий раз прежде недофинансируемые, которые были определены с целью их поддержки [10, с. 542, 544].

Расходы на советское здравоохранение из государственного бюджета выросли с 4,5% в 1946 г. до 5,2% в 1950 г. Это, несомненно, принесло свои плоды. Например, число больничных коек с 1940 по 1950 г. увеличилось по стране на 25%, а число докторов за этот же период – даже на 75% [10, с. 550].

Выводы

Подводя итоги данной статьи, на наш взгляд, можно говорить о том, что в целом, несмотря на тяжелейший ущерб, нанесённый здравоохранению Курской области в годы войны, к концу 1940-х гг. оно в основном было восстановлено. По многим показателям развития здравоохранения был достигнут довоенный уровень, а по некоторым даже превзойдён. Это было обеспечено следующими факторами:

1) грамотной выверенной государственной политикой в финансово-материальной сфере. Несмотря на то, что страна находилась в тяжёлом материальном положении, приоритеты в финансово-материальном снабжении восстановления страны были выстроены таким образом, что доля финансирования здравоохранения в послевоенный период не только не сократилась по сравнению с довоенным уровнем, но даже была увеличена;

2) безусловно, важнейшим фактором восстановления здравоохранения стал самоотверженный труд работников здравоохранения и всего народа; именно благодаря ему за несколько лет были достигнуты впечатляющие результаты, которых в другое время пришлось бы ждать десятилетия;

3) следует отметить также уровень организаторской работы государственных и политических структур, которые направляли энтузиазм масс в нужное русло, это также сыграло важную роль в достижении результата.

В то же время необходимо отметить, что не всё было столь благополучным. Последствия войны в материально-технической базе здравоохранения, да и многих других сферах, сказывались ещё весьма долгие годы.

Список литературы

1. Давыдова Т. В. Реформирование советского здравоохранения в послевоенные годы: исторический анализ // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 8 (148). С. 164–170.
2. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-4929. Оп. 1.
3. Родионова Е. Н. Деятельность партийно-государственных структур и населения Курской области по оказанию помощи раненым в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2010. 183 с.
4. Друговская А., Лазарев А. Курский мединститут в годы войны // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 67–74.
5. Язвин М. А. Очерки по истории здравоохранения Курской области: в 3 ч. / Курский областной отдел здравоохранения; Курский гос. мед. ин-т. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1969. Ч. 4. 326 с.
6. Кулешова В. В., Губарев В. М., Гончарова Г. И. Подготовка врачей в Курском медицинском институте в период Великой Отечественной войны // Медицина в годы Вели-

кой Отечественной войны: материалы III научно-теоретической конференции с международным участием / сост. Т. А. Суковатых; отв. ред. А. В. Данилова. Курск: Курск. гос. мед. ун-т, 2020. С. 159–162.

7. Яценко М. В. Медицинское обслуживание инвалидов Великой Отечественной войны в первые послевоенные годы в Курской области // События и люди в документах курских архивов. Вып. XIX / под ред. В. Л. Богданова. Курск: ООО «Евромастер», 2020. С. 129–133.

8. Яценко М. В. Проблемы медицинской охраны материнства и детства в первое послевоенное десятилетие (на материалах Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. №1 (11). С. 173–182.

9. Иванова В. В. Героический труд курских медиков в годы Великой Отечественной войны // Медицина в годы Великой Отечественной войны: материалы III научно-теоретической конференции с международным участием / сост. Т. А. Суковатых; отв. ред. А. В. Данилова. Курск: Курск. гос. мед. ун-т, 2020. С. 224–228.

10. Бартон К. Здравоохранение в период позднего сталинизма и дух послевоенного государства благоденствия, 1945–1953 гг. // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5, № 4. С. 541–558.

References

1. Davydova T. V. Reformirovanie sovetskogo zdravooohraneniya v poslevoennye gody: istoricheskij analiz [Reformation of Soviet healthcare in the post-war years: a historical analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2015, no. 8 (148), pp. 164–170.

2. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. R-4929, op. 1.

3. Rodionova E. N. Deyatel'nost' partijno-gosudarstvennyh struktur i naseleniya Kurskoj oblasti po okazaniyu pomoshchi ranenym v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Diss. kand. ist. nauk [The activities of the party and state structures and the population of the Kursk region to assist the wounded during the Great Patriotic War. Cand. hist. sci. diss.]. Kursk, 2010. 183 p.

4. Drugovskaya A., Lazarev A. Kurskij medinstitut v gody vojny [Kursk Medical Institute during the war]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*, 2005, no. 5, pp. 67–74.

5. Yazvin M. A. Ocherki po istorii zdravooohraneniya Kurskoj oblasti [Essays on the history of healthcare in the Kursk region]. Voronezh, Centr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1969, pt. 4. 326 p.

6. Kuleshova V. V., Gubarev V. M., Goncharova G. I. Podgotovka vrachej v Kurskom medicinskom institute v period Velikoj Otechestvennoj vojny [Training of doctors at the Kursk Medical Institute during the Great Patriotic War]. *Medicina v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Materialy III nauchno-teoreticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Medicine during the Great Patriotic War. Materials of the III scientific and theoretical conference with international participation]; ed. by A. V. Danilova. Kursk, Kursk. St. Med. Univ. Publ., 2020, pp. 159–162.

7. Yacenko M. V. Medicinskoe obsluzhivanie invalidov Velikoj Otechestvennoj vojny v pervye poslevoennye gody v Kurskoj oblasti [Medical care of disabled people of the Great Patriotic War in the first post-war years in the Kursk region]. *Sobytiya i lyudi v dokumentah kurskih arhivov. Vypusk XIX* [Events and people in the documents of the Kursk archives. Issue XIX]; ed. by V. L. Bogdanova. Kursk, ООО "Evromaster", 2020, pp. 129–133.

8. Yacenko M. V. Problemy medicinskoj ohrany materinstva i detstva v pervoe poslevoennoe desyatiletie (na materialah Kurskoj oblasti) [Problems of medical protection of

motherhood and childhood in the first post-war decade (based on the materials of the Kursk region)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, no. 1 (11), pp. 173–182.

9. Ivanova V. V. Geroicheskiy trud kurskih medikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Heroic work of Kursk doctors during the Great Patriotic War]. *Medicina v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Materialy III nauchno-teoreticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Medicine during the Great Patriotic War. Materials of the III scientific and theoretical conference with international participation]; ed. by A. V. Danilova. Kursk, Kursk. St. Med. Univ. Publ., 2020, pp. 224–228.

10. Barton K. Zdravoohranenie v period pozdnego stalinizma i duh poslevoennogo gosudarstva blagodenstviya, 1945–1953 gg. [Healthcare in the period of Late Stalinism and the spirit of the post-war welfare state, 1945–1953]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* = *Journal of Social Policy Research*, 2007, vol. 5, no. 4, pp. 541–558.

Информация об авторе / Information about the Author

Яценко Мария Владимировна, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: masha.yatzencko@yandex.ru

Maria V. Yatsenko, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: masha.yatzencko@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(57)+621.22

К вопросу о комплексном освоении водных ресурсов среднеазиатских республик СССР в послевоенные годы (1945–1991)

С. М. Шукуров¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: sino.shukurov@gmail.com

Резюме

Актуальность. Вопросы комплексного использования водных ресурсов Средней Азии традиционно рассматриваются с момента объявления республиками региона о своей независимости, однако историческая часть данной проблематики до сих пор остается малоизученной.

Цель – освещение основных причин строительства гидроэлектростанций в Средней Азии в послевоенный период, а также роль орошаемого земледелия в комплексном освоении водных ресурсов Средней Азии. Территориальные рамки охватывают современные границы стран Центральной Азии.

Задачи: рассмотреть предпосылки комплексного использования водных ресурсов Средней Азии, возрастание роли орошаемого земледелия (хлопководства) над энергетическим использованием водных ресурсов (строительством гидроэлектростанций).

Методология. Методологической основой послужили: принцип историзма, сравнительно-исторический, хронологический и логический подходы.

Результаты. Автором предпринята попытка обобщения разнообразных литературных и архивных источников, а также освещена роль орошаемого земледелия в комплексном освоении водных ресурсов как в интересах ирригации, так и в интересах энергетики.

Выводы. Несмотря на комплексное использование водных ресурсов Средней Азии правительством Советского Союза интересы гидроэнергетики ущемлялись в пользу интересов орошаемого земледелия. Практическая монополия Минводхоза СССР привела к нерациональному использованию, а также распределению водных ресурсов в регионе. В итоге это стало причиной высыхания Аральского моря и превращения стран верховья (Таджикистан и Киргизия) в резервуары для стран низовья (Узбекистан, Туркменистан и Казахстан). Гидроэлектростанции в послевоенный период в странах верховья строились не в интересах электрификации этих же республик (как было задумано Планом ГОЭЛРО), а для накопления водных ресурсов в зимнее время и орошения поливных земель стран низовья в летнее время (вегетационный период).

Ключевые слова: водные ресурсы; Средняя Азия; гидроэнергетика; ирригация; орошение.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шукуров С. М. К вопросу о комплексном освоении водных ресурсов среднеазиатских республик СССР в послевоенные годы (1945–1991) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 220–227.

Поступила в редакцию 14.04.2021

Принята к публикации 20.05.2021

Опубликована 25.06.2021

© Шукуров С. М., 2021

On the Issue of Integrated Development of Water Resources of the Central Asian Republics of the USSR in the Post-War Years (1945–1991)

Sino M. Shukurov¹ ✉

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: sino.shukurov@gmail.com

Abstract

Relevance. Issues of integrated use of water resources in Central Asia have traditionally been considered since the republics of the region declared their independence, but the historical part of this problem is still poorly explored.

The purpose of the article is to highlight the main reasons for the construction of hydroelectric power stations in Central Asia in the post-war period, as well as the role of irrigated agriculture in the integrated development of water resources in Central Asia. The territorial framework covers the modern borders of the Central Asian countries.

Objectives: to consider the prerequisites for the integrated use of water resources in Central Asia, the increasing role of irrigated agriculture (cotton growing) over the energy use of water resources (construction of hydroelectric power plants).

Methodology. The methodological basis was the principle of historicism, comparative-historical chronological and logical approaches.

Results. The author attempts to generalize a variety of literary and archival sources, and highlights the role of irrigated agriculture in the integrated development of water resources both in the interests of irrigation and in the interests of energy.

Conclusions. Despite the integrated use of water resources in Central Asia by the government of the Soviet Union, the interests of hydropower were infringed in favor of the interests of irrigated agriculture. The practical monopoly of the Ministry of Water Resources of the USSR led to the irrational use and distribution of water resources in the region. As a result, this caused the drying up of the Aral Sea, and the transformation of the upstream countries (Tajikistan and Kyrgyzstan) into reservoirs for the downstream countries (Uzbekistan, Turkmenistan and Kazakhstan). Hydroelectric power stations in the post-war period in the upstream countries were built not in the interests of electrification of the same republics (as was planned by the GOELRO Plan), but for the accumulation of water resources in the winter and irrigation of the irrigated lands of the downstream countries in the summer (vegetation period).

Keywords: water resources; Central Asia; hydropower; irrigation; irrigation.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Shukurov S. M. On the Issue of Integrated Development of Water Resources of the Central Asian Republics of the USSR in the Post-War Years (1945–1991). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 220–227. (In Russ.)

Received 14.04.2021

Accepted 20.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

В годы новой экономической политики и первых пятилетних планов развития народного хозяйства в Средней Азии (по сравнению с дореволюционным периодом) активно развивалось орошаемое земледелие и закладывался фундамент

гидроэнергетической сферы региона. План ГОЭЛРО в принципе не разделял гидроэнергетику и ирригацию и изначально рассматривал комплексное использование водных ресурсов региона в интересах как энергетики, так и орошаемого земледелия. Тем не менее в довоен-

ные годы роль гидроэнергетики значительно преобладала над ирригацией: разрабатывались схемы комплексного использования той или иной реки (например, рек Нарын, Вахш и др.) для возведения гидроэлектростанций и электрификации региона, что считалось архиважной (как говорил В. И. Ленин) задачей советского правительства. Орошаемое земледелие развивалось также и благодаря строительству гидроэлектростанций, которые могли образовать водохранилища для регулирования стока реки. Орошаемое земледелие, в свою очередь, в довоенный период не могло привести к развитию гидроэнергетического сектора региона, т. к. советским правительством была поставлена задача достижения хлопковой независимости, и все ирригационное строительство было направлено на расширение ирригационной сети и увеличение поливаемых земель под хлопчатник.

Методология

Методологической основой послужили принцип историзма, сравнительно-исторический, хронологический и логический подходы. Согласно сравнительно-историческому и хронологическому подходам автором были определены роли гидроэнергетики и орошаемого земледелия в послевоенный период для комплексного использования водных ресурсов Средней Азии.

Результаты и их обсуждение

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в освоение водных ресурсов региона и нанесла значительный ущерб экономике страны. Для стремительного восстановления экономики страны был принят Закон «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», или четвертая пятилетка. Согласно Закону, планировалось восстановить 6 гидроэлектростанций, завершить строительство 30 гидроэлектростанций, начать строительство и ввести в эксплуатацию

первую очередь 8 гидроэлектростанций, начать строительство 5 новых крупных гидроэлектростанций, а также провести их полную автоматизацию [1, с. 371–372]. Тем не менее четвертая пятилетка сделала акцент на восстановление пострадавшей от войны европейской части страны. Относительно среднеазиатского региона планировалось ввести в эксплуатацию только те гидроэлектростанции, которые должны были войти в строй в ходе Великой Отечественной войны, а также «продолжить проектно-изыскательские работы для подготовки к строительству новых гидроэлектростанций на реках Днепр и Сыр-Дарья» [1, с. 371–372]. Среди них можно выделить Фархадскую ГЭС, которая была спроектирована не только для энергетических, но и ирригационных целей. По сути, Фархадская гидроэлектростанция стала первой в регионе гидроэлектростанцией, в которой роль ирригации и гидроэнергетики имела равнозначный характер. При проектировании схемы использования водных ресурсов реки Сырдарья в 1941 г. специалистами рассматривалась постройка из 3-х вариантов орошения Голодной степи:

- Беговатским водохранилищем (Узбекская ССР);
- Фархадским водохранилищем (Узбекская ССР);
- Кайраккумским водохранилищем (Таджикская ССР).

Определившись, специалисты пришли к единому мнению, что Фархадское водохранилище в увязке с Кайраккумским гидроузлом (где впоследствии намечается постройка гидроэлектростанции) выгоднее Беговатского в энерго-ирригационном использовании водных ресурсов реки Сырдарья [2]. Остальные же гидроэлектростанции в регионе, которые достраивались и вводились в строй, имели строго энергетический характер, т. к. в довоенный и военный периоды развивающаяся промышленность республик региона постоянно сталкивалась с

энергодефицитом [3, с. 55] и требовала постоянного развития электроэнергетики. Также необходимо подчеркнуть, что некоторые из вышеуказанных недостроенных гидроэлектростанций в регионе в послевоенный период сталкивались с искусственными трудностями в виде обеспечения финансированием и строительными материалами. В качестве примера можно привести малую Варзобскую ГЭС-2, единственно строящуюся гидроэлектростанцию (и вторую по численности ГЭС) в Таджикской ССР. Как показывает история, строительство малых гидроэлектростанций в годы Великой Отечественной войны занимало от полугода до года времени, в то время как строительство Варзобской ГЭС-2 затянулось с 1943 по 1949 г. Причина искусственно затянувшихся достроек также заключалась в расставлении приоритетов в послевоенный период (восстановление европейской части страны), а для их окончательного завершения, как на примере Варзобской ГЭС-2, требовалось политическое вмешательство вышестоящего руководства республики [4, с. 309].

Освоение гидроэнергетических ресурсов и возведение новых гидроэлектростанций в послевоенный период начинают рассматриваться с позиции выгоды для орошаемого земледелия. Причина заключалась в двух аспектах:

1. В годы Великой Отечественной войны были построены множество дизельных, газотурбинных, тепловых и других электростанций, вырабатывающих электроэнергию на базе углеводородных энергоресурсов. Без учета развития орошаемого земледелия строились только те гидроэлектростанции, возведение которых не только было экономически выгодным, чем строительство новых (не гидравлических) электростанций, но и не мешало развитию орошаемого земледелия вниз по течению. Например, в 1946 г.

на заседании Верховного Совета СССР просьба таджикского депутата М. Курбанова в строительстве Ак-Газинской гидроэлектростанции на реке Кафирниган была игнорирована [1, с. 110]. Несмотря на то, что это привело бы к росту орошаемых земель на 10 тыс. га в Таджикской ССР и обеспечению электроэнергией производственных сил в городе Кургантюбе (Бохтар), забор воды негативно повлиял бы на развитие хлопководства Узбекистана и Туркменистана.

2. Орошаемое земледелие в прилегающих землях и территориях главных рек региона (Сырдарьи и Амударьи) было освоено настолько, что для дальнейшего развития хлопководства необходимо было освоить пустынные земли, значительно далекие от рек и ирригационных каналов.

Совет Министров СССР и Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза с каждой последующей пятилеткой принимают постановления «О дальнейшем развитии хлопководства» в каждой из республик региона по отдельности, согласно которым принимались дальнейшие решения по освоению и потреблению водных ресурсов. Дальнейшее развитие хлопководства требовало не только строительства сверхобъемных резервуаров и водохранилищ для регулирования (суточного, недельного, годового (или сезонного), а также многолетнего регулирования) стока рек и ирригационных каналов в период вегетации, но и расширения ирригационной сети вглубь республик путем создания каналов. К таким гидросооружениям можно отнести Кайраккумское, Токтогульское, Рогунское и другие водохранилища, а также Главный Туркменский (Каракумский с 1954 г.) и другие каналы.

Начиная с 1950-х гг. ирригационное использование водных ресурсов региона практически полностью преобладает над

энергетическим. Возведение гидроэлектростанций и освоение гидроэнергетических ресурсов региона начинают выступать в роли придатка для орошаемого земледелия и практически теряют свою независимость. В данном историческом контексте было бы правильнее уточнить, что развитие гидроэнергетического сектора именно стран верховья – Таджикской и Киргизской ССР – становится зависимым от орошаемого земледелия стран низовья – Узбекистана, Туркменистана и Казахстана.

Как нами выше было упомянуто, в довоенный период гидроэнергетика преобладала над ирригацией и способствовала развитию орошаемого земледелия. Однако ее активное развитие происходило в основном на территориях Узбекской и Казахской ССР. К 1950 г. в регионе большинство гидроэлектростанций эксплуатировались в Узбекистане и Казахстане, в то время как в Таджикистане и Киргизии действовали всего лишь несколько небольших (по меркам этого периода) гидроэлектростанций. Дальнейшее же освоение водных ресурсов в Таджикистане и Киргизии в целях электрификации сильно зависело от развития орошаемого земледелия в Узбекистане, Туркменистане и Казахстане – на территории первых проектировались и строились объемные и сверх-объемные водохранилища, а на территории последних расширялась ирригационная сеть. Чем объемнее проектировалось водохранилище, тем мощнее становилась и гидроэлектростанция на ней. Практически в этот период и произошло фактическое деление стран региона на «гидроэнергетический» и «ирригационный» блоки. Помимо гидроэнергетического сектора, электрификация и энергообеспечение Таджикской и Киргизской ССР практически полностью зависели от соседей вниз по течению. Гидроэнергетический блок или страны вер-

ховья (Таджикистан и Киргизия) в основном обеспечивались электроэнергией своими соседями по (находящейся в процессе формирования) Объединенной энергетической системе Средней Азии, а также от электростанций (негидравлического типа). Данные электростанции еще более усиливали зависимость страдающего от нехватки углеводородных энергоресурсов Гидроэнергетического блока от Ирригационного блока (Узбекистана, Казахстана и Туркменистана). Однако в этот исторический период все республики региона находились в составе одного государства, в связи с чем данная зависимость на практике особо не чувствовалась.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в Таджикистане и Киргизии начали возводить первые крупные гидроэлектростанции – Нурекскую и Токтогульскую – для регулирования стока рек Вахш и Нарын (или точнее Амударьи и Сырдарьи). Параллельно строительству этих двух гигантов (и вплоть до распада СССР) строились несколько средних по мощности гидроэлектростанций, также регулирующих сток вышеназванных рек. В 1974 г., перед вводом в эксплуатацию первого агрегата Токтогульской гидроэлектростанции, по прихоти Минводхоза СССР взрывается бетонная пробка водохранилища для обильного орошения поливных земель вниз по течению [5, с. 437–438]. Этот случай отсрочил ввод в эксплуатацию первого агрегата гидроэлектростанции и еще раз подтвердил экономическую важность ирригационного использования водных ресурсов над гидроэнергетическим перед руководством СССР.

Позже началось возведение Рогунской и Камбаратинских гидроэлектростанций, других гигантов для еще большего увеличения поливных земель под хлопчатник. Так как в СССР все республики считались единой страной, потопля-

емые земли в регионе (например, Рогунским водохранилищем) компенсировались в основном на территории Узбекистана и Туркменистана [6]. Другими словами, если водохранилище потопило какое-нибудь село или пахотные земли в Таджикистане или Киргизии, то такая же площадь «потерянной» земли осваивалась в республиках Ирригационного блока в основном под хлопчатник.

Активное расширение орошаемого земледелия и потребление воды в больших количествах не могло не отразиться на окружающей среде. Воды Шерабаддарьи, Зеравшана, Кашкадарьи, относящиеся гидрографически к бассейну реки Амударьи, а также воды Ахангаран, Сох и Исфара, входящие в бассейн реки Сырдарья, полностью разбирались на орошение, т. е. не доходили до Амударьи и Сырдарьи [7, с. 33]. В 1960 г. для ирригации всех орошаемых земель Узбекской ССР (61% из которых были засеяны хлопчатником) постепенно увеличивался объем подачи воды, что в итоге привело к безвозвратному потреблению 90% водных ресурсов Амударьи и Сырдарьи: из ежегодно доступных 120 млрд кубометров воды в этих реках, 64 млрд кубометров воды отбиралось для орошения, а к середине 1980-х гг. до Аральского моря доходило от 2 до 5 млрд кубометров воды в год [8]. Более того, Минводхозом СССР водные ресурсы региона в целях орошения использовались нерационально, что также приводило к уменьшению количества воды, которое попадает в Аральское море.

О нерациональном использовании водных ресурсов «хозяином воды» (Минводхозом СССР) в стране министр энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожний писал следующее: «В течение ряда лет в Средней Азии систематически нарушался порядок использования водных ресурсов рек Сыр-Дарьи и Аму-

Дарьи и их притоков. Постоянные перерасходы норм полива приводили к повышенному засолению почв, а это требовало потом больших расходов воды для их промывки, производимой по команде Минводхоза СССР как хозяина воды в стране. Было много случаев, когда по требованию Минводхоза сбрасывалось большое количество воды мимо работающих турбин ГЭС, что наносило большой ущерб Минэнерго и стране в целом, но не Минводхозу» [4, с. 437–438].

Энергетическое использование водных ресурсов, как предполагал План ГОЭЛРО, было искажено, а схемы энергетического использования водных ресурсов рек региона, особенно Сырдарьи [9], были пересмотрены большое количество раз, т. е. подстроены под ирригацию также «в интересах народов региона». Возможно, оно и было в интересах советского народа, т. к. страна была едина, однако игнорирование предупреждений региональных ученых и партийных деятелей о нерациональном использовании водных ресурсов и высыхании Аральского моря, которых запугивали угрозами в обвинении в антигосударственных действиях [10], заставляет задаваться вопросом: «В интересах какого именно народа пересматривались схемы комплексного использования водных ресурсов региона?».

Выводы

Комплексное освоение водных ресурсов Средней Азии советским правительством привело к значительному развитию экономики региона. Средняя Азия была превращена в мощную хлопковую базу, как о том и мечтали русский географ-климатолог А. И. Воейко (доклад 1982 г.) и министр сельского хозяйства (эксплуататорской и ненавистной большевикам) Российской империи А. В. Кривошеин (доклад 1912 г.). Идеи «эксплуа-

таторов» были заимствованы и усовершенствованы советским правительством в «интересах народов Средней Азии», за

что им пришлось заплатить Аральским морем, климатообразующим и четвертым по величине в мире морем.

Список литературы

1. Заседания Верховного Совета СССР (Первая сессия) 12–19 марта 1946 г.: стенографический отчет. М.: Изд. Верховного Совета СССР, 1946. 456 с.
2. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 4372. Оп. 41. Д. 1237. Л. 14.
3. Джунушалиева Г. Дж. Экономика Киргизской ССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2013. 333 с.
4. Заседания Верховного Совета СССР (Четвертая сессия) 30 января – 4 февраля 1948 г.: стенографический отчет. М.: Изд. Верховного Совета СССР, 1948. 364 с.
5. Непорожный П. С. Энергетика глазами министра. Дневники 1935–1985 гг. М.: Энергоатомиздат, 2000. 784 с.
6. РГАЭ. Ф. 7964. Оп. 16. Д. 4279. Л. 72.
7. Орошение земель в Средней Азии и Казахстане / А. М. Воынов, А. К. Забелин, А. К. Кияткин, М. С. Лунежева. М.: Колос, 1980. 239 с.
8. Tarr D., Trushin E. Did the Desire for Cotton Self-Sufficiency Lead to the Aral Sea Environmental Disaster? A Case Study on Trade and the Environment. Washington, D.C.: World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/433771484052748191/Did-the-desire-for-cotton-self-sufficiency-lead-to-the-Aral-sea-environmental-disaster-a-case-study-on-trade-and-the-environment> (дата обращения: 08.01.2020).
9. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 1803. Л. 114.
10. Шукуров С. М. Государственное регулирование использования водных ресурсов Амударьи и Сырдарьи руководством СССР и их последствия для Аральского моря // Общество и власть: века минувшие и день сегодняшний: материалы Четырнадцатой региональной научной конференции. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2020. С. 162–166.

References

1. Zasedaniya Verhovnogo Soveta SSSR (Pervaya sessiya) 12–19 marta 1946 g. Stenograficheskij otchet [Sessions of the Supreme Soviet of the USSR (First session) March 12–19, 1946. Verbatim report]. Moscow, Izd. Verhovnogo Soveta SSSR, 1946. 456 p.
2. RGAE (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki) [Russian State Archive of Economics], f. 4372, op. 41, d. 1237, l. 14.
3. Dzhunushaliev G. Dzh. Ekonomika Kirgizskoj SSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Diss. dokt. ist. nauk [The Economy of the Kyrgyz SSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. Dr. hist. sci. diss.]. Bishkek, 2013. 333 p.
4. Zasedaniya Verhovnogo Soveta SSSR (Chetvertaya sessiya) 30 yanvarya – 4 fevralya 1948 g. Stenograficheskij otchet [Sessions of the Supreme Soviet of the USSR (Fourth session) January 30 – February 4, 1948. Verbatim report]. Moscow, Izd. Verhovnogo Soveta SSSR, 1948. 364 p.

5. Neporozhniy P. S. Energetika glazami ministra. Dnevnik 1935–1985 gg. [Energy through the eyes of the Minister. Diaries 1935–1985]. Moscow, Energoatomizdat Publ., 2000. 784 p.
6. RGAE, f. 7964, op. 16, d. 4279, l. 72.
7. Volynov A. M., Zabelin A. K., Kiyatkin A. K., Lunezheva M. S. Oroshenie zemel' v Srednej Azii i Kazahstane [Land irrigation in Central Asia and Kazakhstan]. Moscow, Kolos Publ., 1980. 239 p.
8. Tarr D., Trushin E. Did the Desire for Cotton Self-Sufficiency Lead to the Aral Sea Environmental Disaster? A Case Study on Trade and the Environment. Washington, D. C.: World Bank Group. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/433771484052748191/Did-the-desire-for-cotton-self-sufficiency-lead-to-the-Aral-sea-environmental-disaster-a-case-study-on-trade-and-the-environment>. (accessed 08.01.2020)
9. RGAE, f. 4372, op. 38, d. 1803, l. 114.
10. Shukurov S. M. Gosudarstvennoe regulirovanie ispol'zovaniya vodnyh resursov Amudar'i i Syrdar'i rukovodstvom SSSR i ih posledstviya dlya Aral'skogo morya [State regulation of the use of water resources of the Amu Darya and Syr Darya by the leadership of the USSR and their consequences for the Aral Sea]. *Obshchestvo i vlast': veka minuvshie i den' segodnyashnij. Materialy Chetyrnadcatoy regional'noj nauchnoj konferencii* [Society and Power: the Past Centuries and the Present Day. Materials of the Fourteenth Regional Scientific Conference]. Voronezh, VGU Publ., 2020, pp. 162–166.

Информация об авторе / Information about the Author

Шукуров Сино Муртазович, аспирант кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: sino.shukurov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5416-8955
SPIN-код: 2760-7470
Researcher ID: ABN-2137-2020

Sino M. Shukurov, Post-Graduate Student of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: sino.shukurov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5416-8955
SPIN-код: 2760-7470
Researcher ID: ABN-2137-2020

Оригинальная статья / Original article

УДК 93/94 (571.53)

**Городские афиши о художественных событиях
Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX века****В. В. Ткачев¹** ✉

¹Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность статьи состоит в раскрытии значения создания городских афиш Байкальской Сибири в печатных изданиях второй половины XIX – начала XX века, которые ранее не публиковались и не анализировались в отечественных исследованиях. В работе отмечается то, что афиши являются ценными источниками для определения особенностей, трудностей в истории организации мероприятий. Исследование позволяет раскрыть содержательную сторону художественных событий в городах Байкальской Сибири.

Цель работы заключается в том, чтобы определить значение создания городских афиш при организации художественных мероприятий в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX века.

Задачами данной работы являются: на основе документов Государственного архива Иркутской области провести анализ городских афиш, объявлений, заметок и соотнести их с проведением самих мероприятий, их результатами; выделить трудности и особенности в процессе создания городских афиш.

Методология. Статья опирается на принципы историзма, системности, а также научной объективности. Используется историко-генетический и проблемно-хронологический методы.

Результаты. В исследовании по материалам Государственного архива Иркутской области определено значение создания городских афиш, которые раскрывали художественные мероприятия в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX века. Отмечено то, что городские афиши влияют на результат проведения событий, посещаемость и общественное мнение.

Выводы. В результате исследования было доказано, что создание и размещение афиш влияет на посещаемость, отзывы, результаты проведения мероприятий в городах Байкальской Сибири. Источники раскрывают особенности предстоящих мероприятий, рассказывают читателям о художниках, организаторах, времени и месте проведения. В статье проведён анализ содержательной стороны не исследуемых ранее городских афиш. Было отмечено то, что они представляют особую художественную ценность, так как над созданием их работали известные сибирские мастера второй половины XIX – начала XX века.

Ключевые слова: История Сибири; Байкальская Сибирь; городская культура; городское общество; афиши; художественная жизнь; общественное мнение.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ткачев В. В. Городские афиши о художественных событиях Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 228–236.

Поступила в редакцию 12.04.2021

Принята к публикации 18.05.2021

Опубликована 25.06.2021

© Ткачев В. В., 2021

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2021; 11(3): 228–236

City Posters About Artistic Events in Baikal Siberia in the Second Half of the 19th - early 20th Centuries

Vitaliy V. Tkachev¹ ✉

¹ Irkutsk State University

1 K. Marx str., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Abstract

The relevance of the article lies in the disclosure of the significance of creating urban posters of Baikal Siberia in printed publications of the second half of the 19th - early 20th centuries, which were not previously published or analyzed in domestic studies. The work notes that posters are valuable sources for identifying the features, difficulties in the history of organizing events. The study allows to reveal the meaningful side of artistic events in the cities of Baikal Siberia.

The purpose of the work is to determine the importance of creating city posters in organizing art events in the cities of Baikal Siberia in the second half of the 19th - early 20th centuries.

The objectives of this work are: based on the documents of the State Archives of the Irkutsk region, to analyze city posters, announcements, notes and correlate them with the events themselves, their results; highlight the difficulties and features in the process of creating city posters.

Methodology. The article is based on the principles of historicism, consistency, and scientific objectivity. Historical-genetic and problem-chronological methods are used.

Results. In a study based on the materials of the State Archives of the Irkutsk Region, the importance of creating city posters was determined, which revealed artistic events in the cities of Baikal Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. It was noted that city posters influence the outcome of events, attendance and public opinion.

Conclusions. As a result of the study, it was proved that the creation and placement of posters affects the attendance, reviews, the results of events in the cities of Baikal Siberia. Sources reveal the specifics of upcoming events, tell readers about the artists, organizers, time and place. The article analyzes the content side of previously unexplored city posters. It was noted that they are of particular artistic value, since famous Siberian masters of the second half of the 19th - early 20th centuries worked on their creation.

Keywords: History of Siberia; Baikal Siberia; urban culture; urban society; posters; artistic life; public opinion.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tkachev V. V. City Posters About Artistic Events in Baikal Siberia in the Second Half of the 19th - early 20th Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(3): 228–236. (In Russ.)

Received 12.04.2021

Accepted 18.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

В современных исследованиях по истории Сибири часто анализируются источники периодической печати, т. к. они отражают активность городского общества, раскрывают художественные мероприятия второй половины XIX – начала XX в. В данный период создаются твор-

ческие, научные объединения, музеи и частные галереи. Они организуют в разных городах Байкальской Сибири (Иркутской губернии и Забайкальской области) выставки, лекции, экскурсии, встречи и другие мероприятия, о которых можно было узнать в сибирских газетах через афиши, объявления и заметки. В большинстве случаев такая информация

размещалась на первых страницах печатных изданий. Как событие было представлено в газете, так и воспринималось городским обществом. По архивным документам можно отметить, что афиши рассказывали читателям о том, что в городах будут показаны редкие живописные полотна западных мастеров, на мероприятиях будут присутствовать художники из Франции, Италии, Англии, Петербурга, Москвы и т.д. Также такие источники имеют художественную ценность, т. к. над их созданием работали известные сибирские мастера второй половины XIX – начала XX в. Городские афиши требуют особого подхода в изучении, т. к. они показывают исследователю, как было организовано художественное событие для горожан.

Методология

Исследование основано на принципе историзма, что даёт возможность представить процесс создания городских афиш в полной степени. Использование системного подхода позволяет провести анализ обширного круга источников фондов творческих и научных организаций, входящие в состав Государственного архива Иркутской области. Историко-генетический метод направлен на раскрытие причинно-следственных связей и закономерностей в работе по созданию объявлений, заметок в газетах о городских мероприятиях. Проблемно-хронологический метод используется в качестве выделения определённых переломных моментов в процессе создания городских афиш, проведение художественных мероприятий и рассмотрение их во взаимосвязи с историческими событиями.

В данной работе используются материалы фонда Общества распространения народного образования и народных развлечений (далее – ОРНОиНР) (ГАИО. Ф. 197) и Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ВСОИРГО) (ГАИО. Ф. 293), входящие в состав Госу-

дарственного архива Иркутской области. В фондах сохранились афиши, объявления, статьи, заметки по разным мероприятиям, которые проводились в городах Байкальской Сибири: выставкам, лекциям, концертам, спектаклям.

Территориальные рамки исследования охватывают Байкальскую Сибирь (Иркутскую губернию и Забайкальскую область), т. к. в этом пространстве можно было встретить городские афиши по художественным мероприятиям творческих общественных объединений Иркутска, Верхнеудинска. Жители городов обменивались информацией и посещали такие события.

Историю освещения городских мероприятий в афишах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX в. рассматривали историки в своих статьях и монографиях. Так о проведении художественных выставок в музеях, галереях можно познакомиться в научных трудах и статьях А. Д. Фатьянова [1; 2], Л. В. Кошмана [3], П. Д. Муратова [4], Ю. П. Лыхина [5], В. Ф. Чиркова [6] и других исследователей из Иркутска, Новосибирска, Красноярска, Улан-Удэ. Также изучались исторические события и их влияние на культурную жизнь Сибири. Первые работы, которые рассматривали художественные мероприятия и деятельность творческих организаций, представлены настоящим автором в прошлых номерах настоящего журнала. Также в прошлых статьях был рассмотрен процесс приобщения жителей городов Байкальской Сибири к предметам искусства и художественной жизни [7].

Рассматривая историографию по данной проблеме, можно заметить, что вопросы влияния городских афиш на посещаемость художественных выставок, степени освещённости городских мероприятий в сибирских газетах в полной степени не раскрывались. Объявления и афиши остаются для исследователей иллюстративным материалом, который подтверждает только то, что событие

произошло в это время. Данная работа показывает то, что данные заметки в общедоступных местах, печатных изданиях дают возможность говорить об истории организации выставок, их результативности и значимости для городского общества.

Результаты и их обсуждение

Одним из важных условий в проведении любого художественного события (выставки или лекции) является донесение до предполагаемых посетителей актуальной информации. Необходимо заинтересовать читателя, рассказать ему самое важное, что представляется ценным для общества, через статьи, афиши и объявления в сибирских газетах. Только таким образом возможно поднять интерес к искусству. Как было замечено в предыдущих исследованиях данного автора статьи, главным условием для поддержания деятельности любого творческого объединения является создание благоприятного пространства, где возможен культурный обмен, приобщение к искусству и понимание художественных школ [8; 9]. В процессе создания такого пространства и организации художественных мероприятий возникают проблемы: отсутствуют денежные средства, возникают противоречия в отношении власти и общества и т. д. В городах Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в. складываются благоприятные условия для проведения художественных мероприятий: выставок, лекций, экскурсий в залах общественных собраний, музеев, галерей, учебных заведений. В таких местах количество посетителей увеличивалось с каждым годом [10; 11].

Из рассуждений немецкого учёного Якова Штерна в издании «Влияние общественных условий во все отрасли культурной жизни» (1905), которое читали многие жители городов Байкальской Сибири, можно говорить о степени доступности художественных событий для горожан. Так автор отмечал в своих раз-

делах, что «цель культуры – поощрение и поднятие всеобщего благосостояния посредством человеческой деятельности. Но культурное движение только тогда может приблизиться к этой цели, если оно вступит на верную дорогу, а это случится только тогда, если люди знают пути, которые ведут к этой цели – знание, и если они желают пойти по ним – мораль. Но к знанию и желанию присоединяется ещё возможность, которая обуславливается общественным строем, условиями существования» [12, д. 2, л. 10].

Я. Штерн много писал о том, что жителям необходимо больше рассказывать об искусстве и привлекать их к культурным событиям. Он понимал, если люди невежественны или находятся в заблуждении, то их действия неправильны и вредят развитию общественного благосостояния, вместо того, чтобы его повысить. Если их нравы испорчены, и одни разрушают счастье других ради собственной выгоды; если господствует ложь, лицемерие, рабский дух, беспринципность и бесхарактерность, насилие и несправедливость, то от этого неминуемо должны страдать все отрасли культуры. Если общественные условия таковы, что нужда и забота тяжело угнетают людей, что эффективно действует экономическая борьба всех против всех, а законодательство оберегает скорые интересы отдельных классов, чем интересы общие, то культурный организм должен страдать вследствие этого всеми своими членами. Общественные условия сильно влияют на всю культурную жизнь. Вся культурная жизнь коренится в общественных условиях и в значительной степени обуславливается ими [12, д. 3, л. 4].

Если организатор художественного события хотел получить хороший результат, улучшить положение, повысить знания и культуру посетителей, то особенно было важно указывать цель любого мероприятия при составлении программ. Так при организации фотографической выставки в 1909 г. в Иркутске была по-

ставлена цель – ознакомление с фотографическими снимками, характеризующими природу Азиатской России и соседних с ней стран, а также облик и жизнь обитателей их и с литературой, инструментами и материалами, употребляемыми в современной фотографии. Выставка вызвала большой интерес у городского общества. Работы мастеров долго обсуждали и публиковали свои предложения в газетах. Продолжительное обсуждение и положительные отзывы о выставке говорят нам о том, что мероприятие прошло успешно. Можно продолжить приводить примеры по данному явлению и по другим событиям, т. к. во второй половине XIX – начале XX в. общественные объединения составляли планы, программы своих мероприятий для получения разрешения о проведении их и для отчетности перед городской и губернской властями. Как отмечал в своих работах Я. Штерн о том, как влияет организация любого мероприятия на посещаемость, то можно заметить, что «Важнейшими органами культурного организма можно назвать: знание, мораль и общественный строй или социальные условия. Они как бы соответствуют мозгу, сердцу и желудку в человеческом организме» [12, д. 4, л. 6]. Как будет подготовлено пространство и представлены благоприятные условия, так и будет виден результат культурного обмена, общения с предметами искусства для жителей городов Байкальской Сибири.

Также нужно отметить, что для эффективного проведения мероприятия большое значение имели следующие факторы: информированность, желание и возможность участвовать жителей городов. Все данные элементы необходимы при организации выставок, лекций, экскурсий. Информативность даёт возможность узнать о любом мероприятии. В текстах объявлений, городских афиш должна быть краткая, понятная и интересная информация, которая позволит читателю заинтересоваться. Интерес влияет на количество посещаемости, выбор

нужных посетителей, которые в дальнейшем продолжают читать новости творческих объединений, музеев, галерей и других организаций. В этом случае особый интерес имеет изучение истории создания городских афиш и объявлений.

Также в процессе привлечения горожан на мероприятия важны возможности. Известно, что большинство выставок, концертов, спектаклей во второй половине XIX в. были платными и недоступными для определённых категорий горожан, что негативно влияло на культурный обмен. Анализ афиш второй половины XIX в. позволяет утверждать то, что они размещались в газетах достаточно редко, информированность населения была слабой, поэтому можно наблюдать низкую посещаемость мероприятий. Только с появлением большого количества творческих общественных организаций изменилась в лучшую сторону ситуация и взаимодействие городского общества с искусством. В начале XX в. появляются общества, которые поддерживали и проводили общедоступные мероприятия для всех жителей Байкальской Сибири, рассказывали другим о своей деятельности в газетах через афиши.

Последнее, что влияет на посещаемость, является желание людей приходить в культурные места. Чтобы хорошо провести мероприятие и достичь желаемого результата, необходимо правильно составить программу, выделить цели и задачи, разработать смету и донести до жителей информацию об уникальном событии. Этим и занимались творческие общественные организации, документы которых сохранились в сибирских архивах.

Многие организаторы событий во время построения своих планов, составления смет обсуждали варианты осуществления многих творческих идей. Одним из способов донесения информации о мероприятиях были городские афиши, которые размещались не только на улицах, но и в региональных газетах.

В Государственном архиве Иркутской области сохранились записи о выпуске пригласительных билетов, создании объявлений и афиш [12, д. 5, л. 12]. Над многими такими заметками работали известные художники в типографиях и мастерских.

Во второй половине XIX в. проводились выставки, лекции, экскурсии в музее ВСОИРГО, частных галереях, залах общественного собрания, учебных заведений. Сохранились афиши по мероприятию 1874 г., когда проходила выставка картин олеографических, масляных оригиналов древних и новых художников и акварелей. Было представлено 240 предметов. Среди них можно было увидеть несколько вещей из коллекции В. П. Сукачева. В 1890 г. газетные афиши рассказывали читателям, что открывается экспозиция, на которой были показаны картины из частных коллекций: В. П. Сукачева, золотопромышленника С. Ф. Соловьёва, И. Поджарова, Д. Яковлева и др. [12, д. 7, л. 28] Во второй половине XIX в. выставки, концерты, лекции проводились нечасто, информированность населения была низкая, газеты слабо освещали события и не размещали объявления, что обосновывает низкую посещаемость.

Об организации и проведении своих мероприятий сообщало Общество сибирских передвижных выставок. Цель данного объединения заключалась в том, чтобы устраивать общедоступные передвижные выставки с надлежащего разрешения. Организация взаимодействовала с многочисленными мастерами, представителями купеческих сословий, мещанами и чиновниками. Художники создавали живописные полотна на разные темы: пейзажи, портреты, натюрморты. Также на выставках можно было увидеть и копии известных западных мастеров. На мероприятиях посетители знакомились с направлениями в искусстве, живописными школами, лучшие работы можно было приобрести и включить себе в коллекцию.

Сохранились афиши по разным выставкам-продажам, которые проводились в начале XX в. на территории Байкальской Сибири. Особенность их состоит в том, что они рассказывали читателям о темах, которые поднимали художники; местах проведения и времени работы выставок. Многие материалы содержали информацию об участниках, мастерах, которые представляли свои живописные полотна.

Анализируя архивные источники, можно заметить, что разные выставки, спектакли, вечера проводило ОРНОиНР. Сохранились афиши о следующих мероприятиях: «9 февраля 1901 г. состоится общедоступный для народа спектакль «Зачем пойдёшь, то и найдёшь (женитьба Бальзаминова). Сочинения А. Н. Островского», «Дочь русского актёра» водевиль в 1 действии с пением»; «10 февраля 1901 г. состоится общедоступный для народа литературно-драматический вечер с танцами «Рассказ Мармеладова» (сцена из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»); «Ночной водевиль» из 1 действия соч. Стаховича. В заключение вечера – танцы»; «14 ноября 1901 г. в зале Иркутской городской думы состоится общедоступное музыкальное утро»; «21 декабря 1901 г. состоится спектакль «Светить, да не греть» драма в 5-ти действиях Н. Я. Соловьёва» и др. [13, д. 282, л. 20] Афиши и объявления содержат сжатую информацию о событиях, участниках, организаторах, что является важным условием для донесения актуальных сведений посетителям. Если подробно изучить отчёты по представленным мероприятиям, то можно отметить, что происходило увеличение числа посещаемости и написания положительных отзывов. Это говорит нам о том, что создание подобных объявлений являлось эффективным для проведения самих художественных событий: выставок, концертов, спектаклей с демонстрацией художественных полотен сибирских и западных мастеров.

Также в газете «Сибирь» от 1915 г. сообщается, что в Иркутске проводится художественная выставка: «7-я художественная выставка картин, этюдов, скульптур и других предметов искусства сибирских художников, с участием известного скульптора Сибири И. Н. Жукова и отделом фотографических работ покойного Р. А. Иванова, установленная в музее Географического общества. Закрывается 29 марта в 7 часов вечера. Плата 30 коп. Учащиеся и нижние чины – половина». Далее афиша рассказывает читателям то, что в данный день время работы выставки изменяется: «Выставка картин. Большая улица, Д. Тышковского. Сегодня открыта только до 4-х часов вечера» [13, д. 602, л. 2].

В дальнейшем афиши в сибирских газетах сообщали о выставках творческих объединений. Так объявления рассказывали читателям о важных событиях Иркутского общества художников: «Иркутским обществом художников с 24 сентября 1916 г. в помещении 1 общественного собрания открыта выставка картин известного художника И. Л. Калмыкова. Выставка открыта ежедневно с 11 ч. утра до 5 ч. вечера плата за вход со включением временного налога 45 к., с учащихся и нижних 9 к.» [13, д. 603, л. 4]. Размещение афиш в каждом номере газет, информирование горожан, позволило привлечь как можно больше посетителей. Также сохранились положительные отзывы по данным мероприятиям, что подтверждает повышенный интерес городского общества к искусству.

Таким образом, сохранилось большое количество городских афиш, с помощью которых возможно восстановить процесс организации художественных мероприятий в городах Байкальской Сибири, выделить особенности, трудности, результаты проведения событий.

Выводы

Таким образом, городские афиши являются ценными источниками в изучении истории художественных мероприятий в городах Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Они размещались в общедоступных местах, печатных изданиях, газетах. Использование особого подхода в изучении городских афиш позволило определить их значимость и понять то, как данные источники влияли на результат, посещаемость события. Подробный анализ афиш, объявлений, заметок и статей в фондах Государственного архива Иркутской области позволяет сделать выводы о том, что во второй половине XIX в. такую информацию можно было встретить редко. Выставки, концерты, спектакли проводились для узкого круга людей. Они были закрыты для остальной части общества. Только в начале XX в. ситуация изменяется, т. к. появляется большое количество творческих общественных организаций, музеев, галерей, которые стремились пригласить большое количество гостей на мероприятия. Увеличивается и число посещений в общедоступные городские пространства. Изучение содержательной стороны афиш и их частое размещение в номерах газет подтверждает тот факт, что посещаемость художественных мероприятий увеличивается. Во второй половине XIX – начале XX в. городское общество активно обсуждает выставки, работы мастеров, посетители приобретают лучшие произведения искусства в свои коллекции. Культурный обмен между городами Байкальской Сибири усиливается, т. к. проводились передвижные выставки-продажи местных и западных мастеров. Для художников появляется возможность реализовать свои творческие способности, знакомиться с художественными направлениями, коллекциями редких предметов искусства.

Список литературы

1. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1967. С. 12–13.
2. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. С. 19–20.
3. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. С. 348–349.
4. Муратов П. Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х годов. Л.: Художник РСФСР, 1974. С. 14–16.
5. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. С. 36–37.
6. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель: в 2-х т. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. С. 81–82.
7. Ткачев В. В. Приобщение жителей Иркутской губернии к искусству Обществом распространения народного образования и народных развлечений (1900–1908) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 175–182.
8. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. С. 112–114.
9. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1994. С. 12–15.
10. Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год): библ. словарь. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2000. С. 122–126.
11. Шахеров В. П. Социально-демографические характеристики городского населения Иркутской губернии // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков : коллективная монография. Иркутск: Оттиск, 2019. С. 132–181.
12. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 197. Оп. 1.
13. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 282. Л. 20.

References

1. Fat'yanov A. D. Sud'ba sokrovishch [The fate of treasures]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1967, pp. 12–13.
2. Fat'yanov A. D. Hudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo Publ., 1995, pp. 19–20.
3. Koshman L. V. Gorod i gorodskaya zhizn' XIX stoletiya: social'nye i kul'turnye aspekty [City and urban life of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 348–349.
4. Muratov P. D. Hudozhestvennaya zhizn' Sibiri 1920-h godov [Artistic life in Siberia in the 1920s]. Leningrad, Hudozhnik RSFSR Publ., 1974, pp. 14–16.
5. Lyhin Yu. P. Hudozhestvennaya zhizn' Irkutska (pervaya chetvert' XX veka) [Artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XX century)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2002, pp. 36–37.

6. Chirkov V. F. *Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII – nachala XXI vv.* [Fine arts of Siberia of the XVII – early XXI centuries]. Tobol'sk, Obshchestvennyj blagotvoritel'nyj fond "Vozrozhdenie Tobol'ska", 2014, pp. 81–82.

7. Tkachev V. V. *Priobshchenie zhitelej Irkutskoj gubernii k iskusstvu Obshchestvom rasprostraneniya narodnogo obrazovaniya i narodnyh razvlechenij (1900–1908)* [The introduction of the inhabitants of the Irkutsk province to art by the Society for the dissemination of public education and folk entertainment (1900–1908)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 175–182.

8. Romanov N. S. *Letopis' goroda Irkutsk za 1881–1901 gg* [Chronicle of the city of Irkutsk for 1881–1901]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskie kn. izd-vo, 1993, pp. 112–114.

9. Romanov N. S. *Letopis' goroda Irkutsk za 1902–1924 gg* [Chronicle of the city of Irkutsk for 1902–1924]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskie kn. izd-vo, 1994, pp. 12–15.

10. Lyhin Yu. P., Kryuchkova T. A. *Ikonopiscy, мастера i hudozhniki Irkutsk (XVII vek – 1917 god)* [Icon painters, masters and artists of Irkutsk (XVII century–1917)]. Irkutsk, AEM "Tal'cy", 2000, pp. 122–126.

11. Shaherov V. P. *Social'no-demograficheskie harakteristiki gorodskogo naseleniya Irkutskoj gubernii* [Socio-demographic characteristics of the urban population of the Irkutsk province]. *Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialah gorodov Irkutskoj gubernii XIX – nachala XX vekov* [State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX – early XX centuries]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019, pp. 132–181.

12. GAIO (Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti) [State Archives of the Irkutsk Region], f. 197, op. 1.

13. GAIO, f. 293, op. 1, d. 282, l. 20.

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Виталий Викторович, аспирант кафедры истории России, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Tkachev V. Vitaliy, Post-Graduate Student of the Department of Russian History, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation,
e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1057-3270

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.8

Деятельность отдела пропаганды и агитации Курского обкома ВКП(б) по работе с районными газетами в начальный период Великой Отечественной войны**А. Р. Бормотова¹** ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: bormotova_a@mail.ru

Резюме

Актуальность. В предлагаемой статье рассматривается специфика деятельности отдела пропаганды и агитации Курского обкома ВКП(б) по контролю над печатными средствами массовой информации региона в начальный период Великой Отечественной войны (1941 г.). В условиях начавшейся войны особо важным было не допустить разглашения через районные газеты сведений, представлявших военную или государственную тайну. Функция надзора за этим вопросом была возложена на партийные властные структуры.

Цели: рассмотреть сущность деятельности отдела пропаганды и агитации Курского обкома ВКП(б) в начальный период Великой Отечественной войны; выявить механизмы работы властных партийных структур с редакциями районных газет Курской области в условиях военного времени.

Задачи: раскрыть на примере деятельности отдела пропаганды и агитации Курского обкома ВКП(б) специфику перестройки работы газет с учётом реалий военного времени; определить круг сведений и фактов, которые подвергались цензуре с целью сохранения военной и государственной тайны в начальный период Великой Отечественной войны; рассмотреть специфику взаимодействия партийных органов Курской области с редакторами и редакциями районных газет.

Методология. В рамках проведения исследования были использованы хронологический, проблемно-аналитический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. На основе архивных данных представлен анализ направлений деятельности партийных властных структур по работе с районными газетами Курской области в начальный период Великой Отечественной войны.

Вывод. Автор делает вывод об усилении контроля со стороны партийных органов за работой районных газет в начале Великой Отечественной войны в связи с требованиями военного времени.

Ключевые слова: пропаганда; агитация; районные газеты; цензура; периодическая печать; отдел пропаганды и агитации.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Бормотова А. Р. Деятельность отдела пропаганды и агитации Курского обкома ВКП(б) по работе с районными газетами в начальный период Великой Отечественной войны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 237–245.

Поступила в редакцию 16.04.2021

Принята к публикации 20.05.2021

Опубликована 25.06.2021

Activities of the Department of Propaganda and Agitation of the Kursk Regional Committee of the CPSU (b) to Work with District Newspapers in the Early Period of the Great Patriotic War

Alexandra R. Bormotova¹ ✉

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: bormotova_a@mail.ru

Abstract

Relevance. The article deals with the specifics of the activities of the propaganda and agitation Department of the Kursk Regional Committee of the CPSU (b) to control the printed mass media of the region in the initial period of the Great Patriotic War (1941). It was especially important to prevent the disclosure of information that was a military or state secret through the district newspapers. The function of supervising this issue was assigned to the party power structures.

Purposes: to understand how the Kursk department of propaganda and agitation of the regional committee of the CPSU(b) worked when the Great Patriotic War began; - to identify the system of activity and work of the party with local district newspapers of the Kursk region in wartime conditions.

Objectives. to reveal on the example of the activities of the propaganda and agitation department of the Kursk Regional Committee of the CPSU(b) the specifics of the restructuring of the work of newspapers, taking into account the realities of wartime; to determine the range of information and facts that were censored in order to preserve military and state secrets in the initial period of the Great Patriotic War; to consider the specifics of the interaction of the party bodies of the Kursk region with the editors and editorial offices of regional newspapers.

Methodology. Within the framework of the study, chronological, problem-analytical and comparative-historical methods were used.

Results. On the basis of archival data, the analysis of the activities of the party authorities in working with the district newspapers of the Kursk region in the initial period of the Great Patriotic War is presented.

Conclusion. The author draws a conclusion about the strengthening of control by the party bodies over the work of district newspapers at the beginning of the Great Patriotic War in connection with the requirements of wartime.

Keywords: propaganda; agitation; district newspapers; censorship; periodical press; propaganda and agitation department; Kursk Regional Committee of the CPSU (b); Kursk region; Great Patriotic War.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Bormotova A. R. Activities of the Department of Propaganda and Agitation of the Kursk Regional Committee of the CPSU (b) to Work with District Newspapers in the Early Period of the Great Patriotic War. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 237–245. (In Russ.)

Received 16.04.2021

Accepted 20.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

Текущий 2021 год объявлен годом науки и технологий. Историческая наука не стоит на месте, исследования постоянно дополняются и уточняются благодаря тому, что рассекречиваются новые ар-

хивные документы, учёным становятся доступны более полные данные об истории Великой Отечественной войны. В этой связи очень важно изучить те вопросы и аспекты истории, которые не получили ранее подробной разработки.

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 г., начальный период которой характеризовался большими потерями советских войск, отступлениями по всем фронтам. Помимо отпора врагу перед страной стояла задача выстроить работу всех органов власти, средств массовой информации с учётом требований военного времени. Поначалу, особенно в регионах, которые подверглись прямому нападению фашистов позднее, переход на военное положение происходил достаточно медленно, хотя новое время требовало новых методов работы. Это отразилось и на работе районных газет, в которых зачастую попадали в печать данные и сведения, которые в условиях военного времени представляли военную тайну и не должны были придаваться широкой огласке на страницах СМИ.

Методология

В рамках исследования были использованы хронологический, проблемно-аналитический и сравнительно-исторический методы, изучены механизмы работы отдела пропаганды и агитации Курского обкома ВКП(б).

Результаты и их обсуждение

В настоящее время имеют место попытки пересмотра итогов Второй Мировой войны, существуют мнения, которые уравнивают Сталина и Гитлера как одинаково виновных в начале войны. Советский Союз уравнивают с Третьим Рейхом [1, с. 14], именно поэтому особенно важно установить историческую правду путем изучения достоверных фактов и архивных документов о войне.

Незадолго до нападения на Советский Союз германское командование разработало целую систему пропаганды с целью обработки и воздействия на население захваченных территорий. Были

подготовлены листовки, разработаны тексты воззваний и листовок к местному населению.

В Советском Союзе существовали агитационные органы, занимавшиеся пропагандой марксистско-ленинского учения. В частности, вопросами пропаганды занималось Главное управление литературы и издательств. Оно осуществляло контроль над публикуемыми материалами, предварительную цензуру книг, газетных публикаций. С началом Великой Отечественной войны работа этих партийных органов была переориентирована на военные рельсы. Теперь потребовалось отслеживать информацию, которая могла бы стать условным сигналом к врагу. Например, запрещалось публиковать объявления, подробные прогнозы погоды на длительный промежуток вперед.

Вопросами печатной и устной пропаганды ведало Управление пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б), которое было образовано постановлением XVIII съезда коммунистической партии. Начальником Управления в период Великой Отечественной войны был секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков, который руководил им до 10 мая 1945 г.

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) состояло из ряда отделов, например:

- а) отдел марксистско-ленинской подготовки и переподготовки кадров;
- б) отдел печати;
- в) отдел партийной пропаганды.

Отдел печати имел ряд специальных подразделений, которые отвечали за деятельность центральных газет и ТАСС; за областные, краевые и республиканские газеты, за районную печать, издательства, журналы. Имелся также отдельный сектор полиграфии и бумаги, художественной литературы.

К печатным средствам массовой информации относятся и журнальная периодика. Работа таких изданий также подверглась серьёзным изменениям в начальный период Великой Отечественной войны. Так как журналы по сравнению с газетами не являлись источником оперативной информации, редакции многих из них были закрыты: «Молодая гвардия», «Красная новь», «На рубеже», ежемесячник «30 дней» и др. Было прекращено издание всех областных, краевых и республиканских журналов [2].

В связи с началом войны был уменьшен тираж центральных журналов, таких как «Знамя», «Октябрь», «Новый мир». Кроме того, был сокращен общий объём и периодичность выхода журналов в свет, стали объединять номера вместе.

Основу функционирования военной прессы составляли определенные распоряжения и нормативные документы: директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., директивы Главного управления политпропаганды РККА о работе фронтовой и окружной печати [3, с. 182].

Немецкие пропагандисты готовились к войне заранее, уже в первые месяцы было изготовлено и распространено 200 млн листовок [4, с. 10]. Листовки сбрасывали с самолетов, перебрасывали в тыл фронта, распространяли среди местного населения. В этой ситуации советским партийным органам было крайне важно нейтрализовать воздействие фашистской пропаганды на местное население.

Требовалось вовремя и оперативно перестроить работу всей советской пропаганды на военный лад.

До начала Великой Отечественной войны в 1941 г. в Курской области издавались три областные газеты:

1) «Курская правда» (тираж 65000 экз.);

2) «Молодая гвардия» (тираж 20000 экз.);

3) «Пионер» (тираж 25000 экз.) [5].

Помимо областных газет, издавались 66 районных, 6 низовых (многотиражки), также в области имелась книжная редакция и областная типография [5].

С началом Великой Отечественной войны Курское управление издательств и полиграфии и отдел пропаганды и агитации Курского обкома ВКП(б) проводили активную работу с редакциями районных газет Курской области по перестройке их деятельности на военный лад.

Политорганы издавали брошюры, листовки и плакаты для прибывающих на фронт молодых солдат. Очень распространены были листовки «Сражайся как они!». Эти листовки содержали обращения к молодым бойцам [6, с. 264].

Война повлияла и на содержание газет. На первых полосах размещались сводки Советского информбюро со сведениями о боевых действиях на фронтах. Первый раз такие данные были опубликованы под заголовком «Сводка Главного Командования Красной Армии о положении дел на фронте» [7]. С 25 июня 1941 г. такие публикации стали выходить под заголовком «Сообщения Советского информбюро» [8].

Также в начале войны было издано специальное постановление ЦК ВКП(б) «О работе районных газет в военное время» [9]. В нём содержались дополнительные указания крайкомам и ЦК компартий союзных республик, райкомам, обкомам, а также редакторам районных газет перестроить работу в соответствии с военными условиями. В постановлении содержалось указание о том, какие категории материалов обязательно должны были

содержать в себе все районные газеты страны.

В передовой статье необходимо было отражать факты и примеры из местной действительности (не более 70–80 строк). В газетах на регулярной основе требовалось размещать сведения о помощи фронту, где должны были печатать статьи, заметки, письма стахановцев, руководителей предприятий и колхозов района о перестройке работы на военный лад. Всё это должно было повлиять на боевой дух военных и мирного населения, мобилизовать на борьбу с врагом.

Каждая районная газета, безусловно, должна была содержать сообщения с фронтов Великой Отечественной войны. В вышеназванном постановлении ЦК ВКП(б) отмечалось, что, кроме очередного сообщения Советского Информбюро, один раз в неделю в газете должен был публиковаться обзор военных действий на фронтах. Эти данные отправлялись в редакции газет телеграфным агентством Советского Союза (ТАСС), общим объемом 80–100 строк.

Обязательным элементом каждой районной газеты с момента выхода постановления должна была стать заметка с описанием борьбы Красной армии против врага (40–50 строк). Особо подчеркивалось, что в районных газетах требуется публиковать сведения о подвигах жителей района.

Наряду с этим в каждой районной газете требовалось печатать 3–4 небольших сообщения о важнейших событиях в стране.

Районная печать была также обязана регулярно информировать своих читателей о наиболее важных международных событиях. Для этого требовалось один раз в неделю печатать международный обзор, рассылавшийся ТАСС. Размер по-

добных сообщений не должен был превышать 80–100 строк.

В первые дни Великой Отечественной войны во многих редакциях газет Курской области происходили кадровые перестановки в связи с тем, что ряд сотрудников уходили на фронт в ряды РККА. В частности, редактор Грайворонской районной газеты «Знамя коммунизма» Т. И. Красюк был призван на фронт 27 июня 1941 г., на его место была назначена П. А. Курзанова, ранее исполнявшая обязанности заведующей парткабинетом [10, л. 175]. Однако перестановки были и в дальнейшем, в связи с отъездом из Грайворонского района П. А. Курзановой в октябре 1941 г. место редактора данной газеты занял Г. В. Галушко, ранее занимавший должность пропагандиста РК ВКП(б) [10, л. 250].

В Курск поступали докладные записки о материальном состоянии редакций газет, о кадровом составе, о публикации тех или иных материалов.

Отдельно необходимо сказать о работе районных газет. Их специфика заключалась в том, что они отражали материал местного характера, были меньше по объёму, по количеству полос. Зачастую и качество печати у них было ниже, но они являлись тем источником информации, через который местное население районов Курской области могло получать сведения о положении дел в районе.

Районная газета «Ленинец» Верхне-Любавского района в августе 1941 г. находилась в крайне затруднительном положении, как сообщал её ответственный редактор Борисов. Из-за начала войны редакция газеты во втором полугодии 1941 г. не получила дотацию из районного бюджета, а также наблюдались перебои с поставкой бумаги для печати газеты. Это отразилось на издании газеты. Редакция в докладной записке настоя-

тельно просила отдел пропаганды и агитации Курского обкома ВКП(б) выделить в плановом порядке необходимое количество бумаги, а также полагающуюся дотацию за второе полугодие 1941 г. [11, л. 41] В ответ на докладную записку Верхне-Любавскому районному издательству был направлен ответ от управления издательств и полиграфии, где в целях укрепления финансового положения редакции и издательства предлагалось прекратить строительство дополнительного корпуса издательства, а также принять следующие меры:

1) сократить излишние расходы, как по редакции, так и по типографии;

2) сократить часть рабочих и оставить такое количество, которое необходимо для работ.

По вопросу выделения дотации и бумаги управление издательств и полиграфии ответило отказом [12].

Очевидно, что такая ситуация сложилась именно в связи с началом боевых действий, т. к. значительная часть бюджетных средств направлялась на нужды фронта, а мирные отрасли промышленности финансировались по остаточному принципу. В тех условиях это была вынужденная и необходимая мера.

Секретарю Курского обкома ВКП(б) поступали докладные записки о состоянии агитмассовой работы в Дмитровском районе и работе редакции газеты. Летом 1941 г. в Дмитровском районе имелось 56 агитколлективов и 20 агитгрупп, но с началом войны эти группы не использовались парторганизациями для усиления агитационно-массовой работы [13].

В номере Дмитровской районной газеты «На колхозной стройке» с речью В. М. Молотова, произнесённой по радио 22 июня 1941 г. о вероломном нападении фашистов на СССР, выпущенном только 25 июня 1941 г., был обнаружен брак. 74

экземпляра тиража были изъяты на почте, остальные 100 экземпляров ушли читателям.

Также сообщалось, что письма рабселькоров, сеть которых активно развивалась партийными органами в довоенное время, публиковались недостаточно часто, многие из них не регистрировались, ответы рабселькорам на их письма не отправлялись. В военном, 1941-м году совещаний рабселькоров не проводилось. Суммарно за 6 месяцев редакция получила 562 письма от рабселькоров, часть из них была от красноармейцев. Также отмечалось, что здание типографии редакции не охранялось, т. к. в штате не было сторожа. Районный комитет ВКП(б) снял с работы редактора газеты В. И. Астафина, вывел его из состава членов бюро РК ВКП(б). Кроме того, по вопросам работы редакции было проведено совещание с сотрудниками издания, отдельное внимание было уделено работе с письмами [14].

По стране прошли митинги на предприятиях и в организациях в связи с началом войны, это нашло отражение на страницах «Курской правды» [11, л. 42]. В областной газете уже в первые дни войны публиковались приказы по Курскому гарнизону, доводились до населения сведения и информация, связанные с введением военного положения в городе и области [11, л. 101–102]. В «Курской правде» была введена рубрика «В последний час», там размещались свежие сообщения ТАСС о положении дел на фронтах Великой Отечественной войны, а также на фронтах Второй мировой войны в целом. В частности, в «Курской правде» от 28 августа сообщалось о действиях советских войск в Иране [11, л. 104].

В августе 1941 г. также проводились производственные совещания работников районных газет о публикации материалов на передовых страницах. К примеру, по

поручению секретаря Иванинского райкома ВКП(б) И. П. Анисимова было проведено совещание сотрудников редакции и типографии районной газеты «Ленинский призыв». Поднимались вопросы о редактировании газеты. В частности, в номере от 16 августа 1941 г. [15] в редакционной статье «Собрать урожай до единого зерна» в цитате текста англо-американской декларации были допущены ошибки и искажения. Было подчеркнуто, что корректору и литработникам надо тщательнее выверять материалы. Отмечалось, что ряд работников редакции её не перестроились на работу в условиях военного времени. Кроме того, имели место публикации с употреблением слов местного диалекта [11, л. 98].

Таким образом, в начальный период Великой Отечественной войны большинство областных и краевых газет стали выходить на двух полосах не чаще, чем 5 раз в неделю. Районные газеты были переведены на еженедельный выпуск на двух полосах. Число центральных газет было уменьшено вдвое: из 39 осталось 18. В 1942 г. в стране выходила 4561 газета, в то время как в предвоенный 1940 г. издавалось 8806 газет. Разовый тираж газет уменьшился с 38 млн до 18 млн экземпляров [22, с. 87]. Все эти меры стали необходимым ответом на жесткие требования военного времени.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в условиях начального этапа Великой Отечественной войны печатные средства массовой информации были зачастую единственным источником сведений о положении дел в стране. Фашисты в рамках пропаганды часто использовали изоляцию районов Курской области в период оккупации с целью дезориентации местного населения. Такая дезинформация вела к замешательству. Несмотря на все усилия, немецкая пропаганда не достигла своих целей, и не добилась повсеместной поддержки населения временно оккупированных территорий. Партизанское движение ширилось и росло и помогало частям Красной армии давать отпор врагу.

Выводы

На основе архивных данных представлен перечень направлений деятельности районных газет в начальный период Великой Отечественной войны, изучены механизмы работы литработников, корректоров и сотрудников типографий. Специфика военного времени требовала сохранять в тайне секретные сведения и не допускать публикации отдельной информации на страницах печатных средств массовой информации, что отражено в архивных докладных записках редакций газет в адрес Курского обкома ВКП(б).

Список литературы

1. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. Второе издание. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 704 с.
2. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1041. Л. 33.
3. Идеологическая работа КПСС в действующей армии 1941–1945 гг. / под ред. Г. В. Средина. М.: Воениздат, 1985. 270 с.
4. Окроков А. В. Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Великой Отечественной войны. М.: Русский путь, 2007. 288 с.

5. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-3272. Оп. 1. Д. 185. Л. 2.
6. Юденков А. Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированных советских территорий (1941–1944 гг.). М.: Мысль, 1971. 358 с.
7. Курская правда. 1941. 24 июня.
8. Курская правда. 1941. 25 июня.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 60. Л. 97–100.
10. ЦДНИБО (Центр документации новейшей истории Белгородской области). Ф. 14. Оп. 1. Д. 187.
11. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П–1. Оп. 1. Д. 2682.
12. Курская правда. 1941. 23 июня.
13. Курская правда. 1941. 24 июня.
14. Курская правда. 1941. 28 августа.
15. Ленинский призыв. 1941. 16 августа.
16. Кузнецов И. В., Фингерит Е. М. Газетный мир Советского Союза 1917–1970 гг. Т. 2: Республиканские, краевые, областные и окружные газеты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 310 с.

References

1. Medinskij V. R. *Vojna. Mify SSSR. 1939–1945* [War. Myths of the USSR. 1939–1945]. Second ed. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2015. 704 p.
2. RGASPI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii) [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 17, op. 3, d. 1041, l. 33.
3. *Ideologicheskaya rabota KPSS v dejstvuyushchej armii 1941–1945 gg.* [Ideological work of the CPSU in the active army 1941–1945]; ed. by G. V. Sredina. Moscow, Voenizdat Publ., 1985. 270 p.
4. Okorokov A. V. *Osobyj front: Nemeckaya propaganda na Vostochnom fronte v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Special Front: German propaganda on the Eastern Front during the Great Patriotic War]. Moscow, Russkij put' Publ., 2007. 288p.
5. ГАКО (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti), f. R-3272, op. 1, d. 185, l. 2.
6. Yudenkov A. F. *Politicheskaya rabota partii sredi naseleniya okkupirovannyh sovetskikh territorij (1941–1944 gg.)* [Political work of the party among the population of the occupied Soviet territories (1941–1944)]. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 358 p.
7. *Kurskaya Pravda* [Kurskaya Pravda], 1941, June 24.
8. *Kurskaya Pravda* [Kurskaya Pravda], 1941, June 25.
9. RGASPI, f. 17, op. 125, d. 60, l. 97–100.
10. CDNIBO (Centr dokumentacii novejshej istorii Belgorodskoj oblasti) [Center for documentation of the latest history of the Belgorod region], f. 14, op. 1, d. 187.
11. ГАОПИКО (Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoj istorii Kurskoj oblasti) [State Archive of Socio-Political History of the Kursk Region], f. P–1, op. 1, d. 2682.
12. *Kurskaya Pravda* [Kurskaya Pravda], 1941, June 23.
13. *Kurskaya Pravda* [Kurskaya Pravda], 1941, June 24.
14. *Kurskaya Pravda* [Kurskaya Pravda], 1941, August 28.

15. *Leninskij prizyv* [Lenin's Call], 1941, August 16.

16. Kuznecov I. V., Fingerit E. M. *Gazetnyj mir Sovetskogo Soyuza 1917–1970 gg. Vol. 2. Respublikanskije, kraevye, oblastnye i okruzhnye gazety* [The Newspaper World of the Soviet Union 1917-1970. Vol. 2: Republican, regional, regional and district newspapers]. Moscow, Mosk. Univ. Publ., 1976. 310 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Бормотова Александра Руменовна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: bormotova_a@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7836-4037

Alexandra R. Bormotova, Candidate of Historical Sciences, Lecturer of the Department of History and Socio-Cultural Services, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: bormotova_a@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7836-4037

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. Публикация бесплатная.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>